

РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. М. МИНАСЯН

КАТЕГОРИИ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1962

А. М. МИНАСЯН

КАТЕГОРИИ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой работе проблема категорий содержания и формы исследуется под углом зрения тождества диалектики, логики и теории познания. Мы стремились преодолеть тот распространенный недостаток, который состоит в сведении диалектики этих категорий к «сумме примеров», и раскрыть в неразрывном единстве онтологическое, методологическое, гносеологическое и логическое значения этих категорий; разработать проблему в целом, всесторонне, а не ту или иную ее сторону; обобщить успехи бурно развивающихся науки и практики и в свете этого проанализировать ряд теоретических положений, все еще толкуемых по-разному.

В процессе выполнения своей задачи мы опирались на основополагающие принципы марксизма-ленинизма, в особенности на логику «Капитала» Маркса, а также использовали все позитивное в мыслях Гегеля по проблеме, содержащихся в его «Науке логики». Вместе с тем мы считали своим долгом строго соблюдать преемственность в исследовании, учитывать достижения в решении проблемы в многочисленных работах марксистских авторов.

Разумеется, в силу необходимости пришлось вторгаться в различные специальные области естественных и общественных наук: в одни по возможности более глубоко, в другие — менее; изучать и использовать труды выдающихся отечественных и зарубежных ученых по физике, математике, химии, биологии, политэкономии, эстетике, языкознанию, логике.

Мы выражаем свою искреннюю признательность товарищам, своими критическими замечаниями и советами оказавшим нам ценную помощь в выполнении поставленной задачи. В какой степени справились с ней — об этом лучше всего скажет читатель.

ВВЕДЕНИЕ

1. Совпадение истории возникновения и развития категорий содержания и формы с законами мышления

Содержание и форма — соотносительные категории материалистической диалектики. Они, как и всякое явление, имеют свою историю и логику развития. Объективная история — это вся история, вся совокупность взаимосвязанных сторон, моментов, отношений и условий развития явления со всеми случайностями, зигзагами, отступлениями, попятными движениями и т. д. Объективная логика есть сущность, закон развития явления. Она свободна от случайностей, зигзагов и т. д., свойственных истории. В ней история выражается в чистом, концентрированном виде. Точнее, она есть та же история, но очищенная от случайностей. Обе противоположности взаимно обуславливают и невозможны друг без друга. Они составляют диалектическое единство, в котором выражается **полный**, всесторонний процесс развития.

Сообразно с историей и логикой развития явления существуют два метода его исследования — исторический и логический. Первый воспроизводит историю, а второй — логику развития. В науке в зависимости от природы предмета исследования применяются оба метода. Первый метод применяется, как правило, в исторических науках, где необходим учет всяких зигзагов, случайностей и т. д., второй — преимущественно в теоретических, где необходимо главным образом изучение закономерностей развития предмета.

Оба метода одновременно тождественны и различны. Их тождество, совпадение состоит в том, что нет абсолютно чистого исторического или логического метода, они взаимопроникают, взаимно обуславливают друг друга. Исторический метод не сводится к хаотическому перечислению эмпирических фактов без анализа закономерностей развития познания. Он всегда заключает в себе свою противоположность. С другой стороны, логический метод заключает в себе историю развития и не существует без нее. Оба метода применяются при исследовании генетического развития предмета, поэтому не могут не совпадать. «В логике, — писал В. И. Ленин, — история мысли **должна**, в общем и целом, совпадать с законами мышления»¹. Энгельс историческое и логическое образно сравнивает с палеонтологией и эмбриологией. «Развитие какого-нибудь понятия или отношения понятий, — пишет он, — ... в истории мыш-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 314.

ления так относится к развитию его в голове отдельного диалектика, как развитие какого-нибудь организма в палеонтологии — к развитию его в эмбриологии (или, лучше сказать, в истории и в отдельном зародыше)»¹. Онтогенез познания в сокращенном виде воспроизводит его филогенез.

Закон совпадения истории развития мышления и логики движения мысли в голове отдельного диалектика открыл Гегель. Правда, он мистифицировал этот закон, поскольку историю мышления рассматривает как развитие абсолютной идеи, но именно он впервые доказал, что история философии совпадает с логикой развития мышления, что основные философские понятия и категории, возникшие в процессе исторического развития философии и очищенные от всяких случайностей, совпадают с логическими ступенями познания².

Познание в своем историческом развитии прошло те же основные этапы, что и логический процесс мысли в голове современного диалектика. Оно началось с целого, нерасчлененного. Древние философы стремились познать мир в целом, без анализа его отдельных сторон, без раскрытия сущности конкретных связей. Этот первый период в истории познания совпадает с началом, с первым этапом индивидуального познания — живым созерцанием. В живом созерцании предмет исследования также выступает как единое целое, как чувственно-конкретное, нерасчлененное, без анализа, без выявления его сущности.

Но познание не остановилось на этой общей картине мира, не останавливается оно и на его эмпирической ступени. Второй период в истории познания, начавшийся с XV в., характеризуется аналитическим расчленением целого и изучением его отдельных частей, свойств и связей. От философии, охватывавшей все области знания, одна за другой отпочковывались частные, специальные науки, которые изучали отдельные части, стороны целого, изолированно друг от друга. То же происходит и в индивидуальном познании. Оно восходит от чувственно-конкретного, нерасчлененного целого к абстрактному мышлению, роль которого состоит в том, чтобы разложить целое на части, стороны, изучить их отдельно и открыть сущность, закон, единую основу развития явлений.

Далее, как известно, в истории развития познания, начиная с XIX в., наступил третий период. Для него характерно синтетическое обобщение и познание общих законов развития действительности, воспроизведение единства мира в его многообразии.

Законы и категории диалектики, обобщая достижения всех областей знания, в своем единстве воспроизводят целокупную картину мира. Здесь мы имеем дело с возвратом к начальному периоду истории познания. Но это не абстрактная картина мира, созданная древними мыслителями, а конкретная, воспроизводящая единство мира в его многообразии, раскрывающая перед нами многочисленные его внутренние связи, свойства, отношения.

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1948, стр. 178.

² См.: Гегель. Соч., т. IX, стр. 11—34.

Таков же диалектический путь индивидуального познания. Мышление восходит от абстрактного к конкретному, синтетически развивает конкретное из абстрактного, усваивает конкретное как единую систему расчлененных и взаимосвязанных сторон, связей и отношений. Это конкретное также есть возврат к исходному этапу, но на новой основе, поскольку единое, целое воспроизводится не как нерасчлененное, а в своем расчленении, в своем многообразии, раскрывшее перед нами свои многочисленные внутренние определения и отношения.

Принцип совпадения исторического и логического позволяет нам обнаружить объективную логику и основную тенденцию истории развития познания, его относительную самостоятельность и неразрывное единство с исторической практикой, раскрывает природу, сущность современной научной теории познания и логики.

Однако совпадение исторического и логического не есть абсолютное тождество. Поскольку история познания не есть прямая линия, а сложный, многосторонний, зигзагообразный процесс, а логика есть лишь сущность, закон его развития в чистом, свободном от зигзагов виде, то историческое и логическое совпадают *в общем и целом*, в итоге, в *тенденции* и не совпадают в деталях, подробностях, второстепенных, случайных моментах, чертах.

Тождество и различие исторического и логического можно охарактеризовать следующими двумя основными особенностями: *во-первых, логическое есть сокращенное, сжатое воспроизведение исторического; во-вторых, логическое сокращает, критически перерабатывает и воспроизводит историческое с точки зрения достигнутого, более зрелого, уровня познания и практики.*

Рассмотрим, в чем тождество и в чем различие истории возникновения, развития категорий содержания и формы законов логического мышления; как понимать критику прошлых теорий этих категорий с точки зрения более зрелого уровня познания и практики.

Возникновение, становление и развитие этих категорий в истории философии представляют собой сложный, противоречивый процесс. Первые сведения об этих категориях мы находим у философов рабовладельческого общества, т. е. на первом этапе истории философии.

Каковы же были взгляды древних философов на эти категории?

Энгельс указывал, что в древнегреческой философии диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте. «У греков — именно потому, что они еще не дошли до расчленения, до анализа природы — природа еще рассматривается в общем, как одно целое. Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания»¹. Представления о содержании или о форме также были результатом непосредственного созерцания и были тесно связаны с решением основного вопроса философии, с «линией Демокрита и Платона».

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 26.

Материалисты считали само собою разумеющимся, что единство мира заключается в бесконечном многообразии явлений природы, и видели его в чем-то определенно-телесном, в чем-то особенном: Фалес—в воде, Анаксимандр—в апейроне, Анаксимен—в воздухе, Гераклит—в огне и т. д. Высшим достижением древнегреческого материализма была атомистика Левкиппа и Демокрита, развитая позже Эпикуром и Каром. Демокрит исходил из того, что мир материален, состоит из вечно движущихся атомов, существующих объективно, независимо от сознания. Атомы, по его мнению, являются бытием, а пустота—небытием. Он считал, что атомы различаются по форме, порядку и положению, а по качеству одинаковы. Под «формой» он понимал количественную характеристику атомов. Это, разумеется, наивное представление о форме. Но дело, конечно, не в том, что у великого мыслителя древности имеется лишь момент, элемент наивного, стихийного представления о форме. Его представление о форме, его атомистская теория в целом, его теория познания, учение о причинности и закономерности, наконец, его индуктивная логика были направлены против телеологии и идеализма, против «линии Платона» в философии. И в этом его бессмертная заслуга.

Платон боролся против материализма Демокрита. Он проповедовал объективно-идеалистический, телеологический взгляд на природу. Чувственные вещи, в противоположность Демокриту, он считал бледными отпечатками, «теньями» вечных и неизменных сверхчувственных духовных сущностей—идей. Материя—пассивный «восприимчивый» идей; она неистинна, есть небытие, а мир идей—истинный мир. В своей теории познания он проповедовал мистическую теорию «анамнезиса», отрешение от всего телесного, чувственного и познание сводил к воспоминанию, основанному на признании бессмертия души. Логические формы он рассматривал как самостоятельные сущности, оторванные от реального мира. «Идеи» Платона есть оторванные от реального объективного содержания, мертвые, раз навсегда данные, неподвижные формы, которые им превращаются в «отдельные существа».

Таким образом, если Демокрит и другие древние материалисты не допускали существования формы изолированно от содержания, духовного от материальных чувственных вещей, Платон простую абстракцию (идею) отрывал от живой действительности, от объективного содержания и возвел в абсолюте, из которого выводил чувственные вещи. По свидетельству Аристотеля, Платон считал тело могилой души, в то время как Левкипп и Демокрит «напротив, в своем изучении Вселенной следовали наилучшему методу: исходить лишь из того, что имеется налицо в самой природе (такой), как она есть (в действительности)»¹.

Против идеализма Платона выступил Аристотель, заслуга которого состоит прежде всего в том, что он впервые подробно разработал законы и категории мышления как отражение реальных

¹ «Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности». Соцэкгиз, 1935, стр. 163.

объективных отношений вещей. Тем не менее и у Аристотеля еще нет прямой постановки проблемы содержания и формы. Он полагал, что существует ограниченное количество общих черт действительности, следовательно, и ограниченное количество выражающих их категорий (сущность, качество, количество, отношение, место, время, положение, обладание, действие и страдание). Этим отчасти объясняется тот факт, что в числе названных им категорий нет таких, как содержание и форма. Но это не значит, что он последних вовсе не исследовал. Считая, что сущность есть главное в предмете, его основа, которой принадлежат основные его черты и свойства, Аристотель тем самым (правда, лишь этой стороной) ставил вопрос и о категории формы, так как, в его понимании, форма есть сущность вещей. Исследуя соотношение категорий материи и формы, он охватывает в известной степени проблему содержания и формы. «В известной степени» потому, что у Аристотеля понятие материи не тождественно современному понятию содержания.

Для того чтобы выяснить, в какой степени, с какой стороны Аристотель исследовал категории содержания и формы, рассмотрим подробнее решение им вопроса о соотношении материи и формы. Этот вопрос в философии Аристотеля занимает центральное место. Именно здесь он дает свое дуалистическое решение основного вопроса философии, проявляя свои колебания между материализмом и идеализмом, диалектикой и метафизикой.

Вскрыв несостоятельность мистического учения Платона о мире «идей», он доказывает объективное существование материального мира. По Аристотелю, идеи не существуют отдельно, изолированно от действительности, а имеют «плоть и кровь». Вещи не есть «тени» идей. Понятие ни в коем случае не является причиной существования вещи, но вещь представляется некоторым образом причиной истинности (соответственного) понятия...»¹. Природа есть совокупность вещей, сущность которых находится в них самих. Вещи имеют материальный субстрат. «Я называю материей, — пишет он, — первый субстрат каждой вещи, из которого возникает какая-нибудь вещь»². Вещи находятся в вечном движении, изменении и причинно обусловлены. По его мнению, существуют четыре вида причин: материальная причина, или материя; формальная причина, или форма; производящая причина; конечная причина, или цель. Любая вещь состоит из *материи и формы*, она есть оформленная материя.

Однако Аристотель не был последователен. Запутавшись в диалектике общего и отдельного, признав в конечном итоге самостоятельное существование общего независимо от отдельного, он пришел к идеалистическому решению вопроса о материи и форме. По его мнению, материя не есть действительность, а лишь возможность. Она пассивна, не способна к изменению и т. д. Что же необходимо для того, чтобы материя стала вещью, возможность — действительностью? Для этого, по мнению Аристотеля, нужно при-

¹ Аристотель. Категории, Соцэкгиз, 1939, стр. 45.

² Аристотель. Физика. Соцэкгиз, 1936, стр. 21.

соединение формы к материи. Только под воздействием формы материя становится действительностью. Только форма создает конкретные вещи. Она активна, действительна, является сущностью вещей и их движущим началом. «И человеком является этот вот материал, — пишет Аристотель, — или это тело, имеющее в себе вот эту (определенность) (или — форму). Таким образом, отыскивается причина для материи, и это — форма, в силу которой материя есть нечто определенное; а форма — это сущность»¹.

Элементами диалектики у Аристотеля являются его высказывания о взаимосвязи формы и материи. Аристотель утверждал, что противоположение формы материи, материи форме не вечно, а преходяще, условно, ибо материя и форма находятся во взаимопереходах. Не только материя превращается в форму, но и форма становится материей. Так, например, кирпич по отношению к глине есть форма, а глина — материя. Но в другой связи кирпич по отношению к дому — материя, а дом — форма. Земля по отношению к дереву есть материя, а дерево — форма, но дерево по отношению к столу есть материя, а стол — форма и т. д. То, что в данном отношении выступает как форма, в другом выступает как материя. Этим Аристотель подчеркивает ту мысль, что бытие при помощи формы превращается из одного состояния в другое. Движение же он понимает как деятельность формы, как процесс превращения материи в форму, возможности — в действительность. Медь, писал он, не есть движение, но и вылитая из меди статуя также не есть движение. Только процесс превращения меди в статую есть движение. Движением надо считать осуществление в действительности возможного.

Положительным в этом рассуждении Аристотеля является то, что он приближался к пониманию формы как организации и устойчивой стороны вещи. Однако Аристотель резко отходит от принципа взаимосвязи формы и материи, утверждая, что «форма стоит впереди материи и есть нечто в большей мере существующее», что «она на том же основании будет стоять и впереди того, что слагается из них двоих»². «Поставив» форму впереди материи, лишив материю активности и жизнедеятельности, он с логической неизбежностью пришел к утверждению о существовании первоначальной, нематериальной, «чистой», свободной от всякой материи формы. Эта форма вечна, неподвижна, господствует, «простирается» над всей вселенной. Она есть «форма форм», или разум, бог. По мнению философа, этот неподвижный бог есть «первый двигатель вселенной», производящая материю конечная причина и цель всеобщего развития.

Эти дуалистические колебания в философии Аристотеля сказывались и в его учении о категориях. С одной стороны, он утверждал, что категории черпают свое содержание из предметного мира и без воздействия внешних предметов они не возникают; с другой — он доказывал, что общие понятия возникают в резуль-

¹ Аристотель. Метафизика. Соцэкгиз, 1934, стр. 139.

² Там же, стр. 115.

тате действия самой души. Заключенные в душе понятия, по Аристотелю, есть еще возможность, но последняя превращается в действительность в результате взаимодействия души с предметным миром. Далее, с одной стороны, он говорил об объективном содержании логических категорий, с другой — все возможные формы бытия сводил к ограниченному числу категорий. С одной стороны, в своем учении об опыте и индукции он приближался к материализму, с другой стороны, разработав учение о дедукции и оторвав ее от опыта, приближался к идеализму.

Запутанность диалектики общего и отдельного у Аристотеля является теоретико-познавательными корнями его дуалистических колебаний и непоследовательности в решении проблемы материи и формы. У Аристотеля определения материи и формы наивны, отношения между ними перевернуты, а моменты диалектического подхода к их взаимоотношениям носят стихийный характер. В философии Аристотеля форма, в ее понятийном значении, скорее является содержанием, чем формой, так как во взаимоотношении материи и формы решающую, определяющую роль он отводит форме, а содержание низводится им до уровня неглавного, несущественного, второстепенного, мертвого материала, из которого форма «лепит» вещи. Но, несмотря на это, учение Аристотеля является крупным шагом вперед в исследовании этих категорий.

Таким образом, в первый период истории возникновения и развития категорий содержания и формы имеют место лишь отдельные общие моменты, зерна их становления, являющиеся результатом непосредственного созерцания, что в общем и целом совпадает с первой ступенью индивидуального познания.

После античной философии в истории категорий содержания и формы, а также всей философской мысли, наступает период «зигзага», отступления от общей тенденции. Это — период средневековья, безраздельного господства схоластики. Схоласты «очищают» учение античных философов, в особенности Аристотеля, от всего разумного, положительного и абсолютизируют слабые, ненаучные моменты, используя их в богословских целях. «Поповщина, — писал В. И. Ленин, — убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое»¹. В частности схоласты очистили аристотелевское понимание формы от рациональных моментов и использовали для доказательства догматов церкви.

Поскольку философия была служанкой богословия, то схоластами приводились чисто формальные, спекулятивные логические аргументы для оправдания догматов церкви, для доказательства потустороннего мира, бога, бессмертия души, загробной жизни и т. д. Во всех схоластических спекуляциях главную роль играл отрыв формы (идей) от объективного содержания, от реального мира, понимание формы как мертвой, раз навсегда данной, абсолютно чистой и свободной от материи сверхъестественной силы. Само собою разумеется, что в условиях господства схоластики и

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 365.

мракобесия не могло быть и речи о дальнейшем научном исследовании указанных категорий. Это, конечно, не значит, что вообще в этот период полностью отсутствовала позитивная мысль. Она так или иначе, в той или иной степени даже в рамках схоластики проявляла себя (номинализм). Но в целом этот период по сравнению с античной философией был шагом назад, отступлением.

Только в новое время в связи с возрождением материалистических учений материалисты XVII и XVIII вв. продолжают и развивают лучшие традиции античных мыслителей в исследовании этих категорий. Обосновывая свой материалистический взгляд на природу в борьбе против схоластики и идеализма, они на первый план выдвигают вопросы о первичности материи и вторичности сознания, доказывают единство материи и ее свойств, материи и формы, содержания и формы и т. д.

С этой точки зрения характерной является постановка вопроса о материи и форме в философии Френсиса Бэкона. Он довольно подробно разработал свой индуктивный метод и, рассматривая его, в противоположность извращенному схоластикой «органону» Аристотеля, как орудие («Новый органон») познания, применил к исследованию взаимоотношения материи и формы.

Бэкон считал, что предметом науки может быть только материя (природа) и ее свойства. Ответы на вопросы, выдвигаемые наукой, нужно искать «не в кельях человеческого ума», а в самой природе. Материя первична, существует объективно, вечно. В отличие от Аристотеля он не лишает материю внутренней активности, а рассматривает ее как активное, деятельное начало, порождающее многообразие своих объективных форм, сил. «Какова бы ни была первоначальная материя, — пишет он, — она необходимо должна быть облечена в известную форму, одарена известными определенными свойствами и устроена так, чтобы всякий вид силы, качества, содержания, действия и естественного движения мог быть ее последствием и ее произведением»¹.

Бэкон считал, что материи изначально объективно свойственны неотъемлемые от материи первичные «формы», которые являются источником «природ» или «натур», т. е. физических свойств тел. У Бэкона, писал Маркс, первичные формы материи суть живые, индивидуализирующие, внутренне присущие ей, создающие специфические различия *сущностные* силы.

Для того, чтобы познать материю и ее свойства, Бэкон советует не отвлекать мысленно природу, а «рассекать ее, по примеру Демокрита и учеников его; эта школа лучше прочих умела проникать в природу, исследовать ее. Главный предмет, который следует постоянно иметь в виду, это сама материя, а также и различное ее устройство и превращения»².

По мнению Бэкона, нельзя познать природу без знания причин явлений. Поэтому он считал, что задача науки состоит в том, чтобы путем индуктивного метода отыскать причины явлений. В основе

¹ Бэкон. Соч., т. II, изд. Бибикова. СПб., 1874, стр. 29.

² Там же.

всякого истинного познания лежит нахождение причины. Познание причины и есть истина. Но для этого нужно познать форму. Под познанием причин Бэкон понимает познание «простых форм».

Что такое форма, по Бэкону? Неотъемлемое свойство материи, постоянно пребывающее в природе и присущее только ей, иначе форма не была бы формой. В его понимании форма есть природная сила, закон действия. Понятие формы у него совпадает с понятием закона. «... Когда мы говорим о формах, — пишет он, — то мы понимаем под этим не что иное, как те законы и определения чистого действия, которые создают какую-либо простую природу, как, например, теплоту, свет, вес во всевозможных материях и восприимчивых их предметах. Итак, одно и то же есть форма Тепла или форма Света и Закон Тепла или Закон Света»¹.

Каждая вещь, по Бэкону, есть сложная комбинация неразложимых «простых форм». Зная эти «простые формы» и научившись их вводить в любое тело, можно получить новую вещь, т. е. можно получить то, чего природа не дает в готовом виде.

Заслуга Бэкона в истории разработки проблемы содержания и формы состоит в том, что он сделал важный шаг вперед по сравнению с Аристотелем. Если Аристотель лишил материю активности, то Бэкон, напротив, доказывал ее активность, жизнедеятельность. Если Аристотель оторвал форму от материи, то Бэкон, напротив, рассматривает ее как внутреннее состояние материи, изначально присущее ей. Он форму ищет в самой материи, а не вне ее, доказывая их неразрывное единство. Он вместе с тем учит, что нельзя отрывать формы от различных видов движения материи. Утверждение Бэкона о том, что многообразие форм является результатом постоянного изменения материи, приближает его к научному пониманию материи.

Положительным моментом в философии Бэкона является и то, что он движение понимает как внутреннюю способность материи, как ее первое и самое важное приращенное свойство. Он пытается доказать, что, кроме механического, существуют и другие виды движения, которых он насчитывает 19. Он пытается не сводить все проявления материи к одним механическим отношениям, как это делают поздние материалисты — механисты, а видит в материи способности к всестороннему развитию. «У Бэкона, как первого своего творца, материализм, — писал К. Маркс, — таит еще в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития. Материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку»².

Итак, очевидна прогрессивная роль учения Бэкона о материи и форме в борьбе против идеализма, за дальнейшее научное решение проблемы содержания и формы, за развитие философской мысли в целом.

Однако перенесенный Бэконом из естествознания в философию метафизический способ мышления не мог не наложить своего отпе-

¹ Бэкон. Новый органон. Соцэкгиз, 1938, стр. 131—132.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 142—143.

чатка на истолкование им понятий материи и формы. В философии Бэкона элементы диалектики остались в зародыше, в то же время получил свое закономерное развитие метафизический способ рассмотрения вопросов, в том числе и вопроса о материи и форме. Бэкон развил материализм, но материализм метафизический в своей основе.

При рассмотрении соотношения материи и формы Бэкон исходит из того, что существует ограниченное количество форм, которые, по мнению философа, непреходящи, вечны, неизменны. Их возможно познать именно потому, что они вечны и неизменны. Иными словами, для того чтобы познать формы, Бэкон требует обязательного условия — формы должны быть вечными и неизменными. Вместе с тем, по Бэкону, формы соединяются, образуя многообразие предметов, не закономерно, а случайно.

Говоря об исторической ограниченности взглядов Бэкона на эти категории, необходимо сделать следующее замечание: как Бэкон, так и все домарксистские материалисты вообще недостаточно исследовали философские категории, в частности содержание и форму. Это объясняется отчасти метафизичностью их материализма, отчасти характером и формами борьбы этого материализма против идеализма. Если идеализм непомерно раздувал активность мышления, абсолютизировал, отрывал его от «чувственности», то для метафизического материализма характерна другая крайность — он не видел активной роли мышления в процессе познания и преобразования действительности.

Разумеется, это не значит, что метафизические материалисты совсем отрицали роль и значение мышления. Но они, во-первых, отрицали диалектический противоречивый характер мышления. Это выражалось в том, что они, с одной стороны, считали мышление простым продолжением ощущений, не видели в процессе познания скачка, решающего поворота от ощущений к мышлению, нередко считая разум шестым чувством (Дидро). С другой стороны, они познание рассматривали вне движения и развития, догматически, каждое установление в науке выдавали за абсолютную истину. Во-вторых, они отрицали решающую роль общественно-производственной практики в познании. Понимая практику идеалистически, они критерием правильности познания считали либо ощущения (сенсуалисты), либо разум (рационалисты), либо и ощущения и разум вместе, но только не практику в диалектико-материалистическом ее понимании. Основой мышления метафизические материалисты считали природу, как таковую, не видели того, что природа сама по себе оставляет открытым вопрос об источнике мышления, что не природа, а *изменение* природы человеком, т. е. опять-таки общественно-производственная практика, является основой возникновения и развития мышления.

Таким образом, отрицая диалектический характер мышления и решающую роль практики в познании, метафизические материалисты не поняли преобразующей роли мышления, которое активно воздействует через практику на мир. Поэтому и случилось так,

что вопрос об активной роли мышления, о его формах — логических категориях и понятиях более подробно разрабатывали идеалисты, но, разумеется, абстрактно, в мистифицированном виде. Такова, в частности, логика Канта и Гегеля.

В отличие от других философов Кант на первый план выдвигает вторую сторону основного вопроса философии. Исходным тезисом в его гносеологии является метафизический отрыв формы от содержания, единичного от общего, явления от сущности. Он считает, что познание начинается с ощущений, являющихся результатом воздействия «вещей в себе», что ощущения непосредственно имеют дело с чувственным и не отражают всеобщих существенных связей. Но при этом он отрывает единичное от общего, явление от сущности, так как не допускает выхода познания за пределы ощущений для отражения сущности с помощью категорий, отрицает роль категорий как орудий познания. По его мнению, категории не связаны с «вещами в себе», не отражают их, вообще лишены всякого реального объективного содержания, являясь лишь пустыми формами рассудка.

По Канту, поскольку восприятия не обнаруживают никаких следов всеобщности, в действительном мире нет объективных всеобщих связей: необходимости, причинности, закономерности и т. д. Последние присущи только субъекту, человеческому рассудку. Категории же, считает Кант, не могут быть орудиями познания, а «суть только логические функции и, как таковые, не дают ни малейшего понятия об объекте самом по себе»¹. Они не имеют никакого эмпирического содержания, а являются продуктом деятельности рассудка.

Отрывая категории от реального мира, Кант полностью их переносит в мышление субъекта, которое занято тем, что погружается в самое себя, изучает свои границы, возможности, формы. Иными словами, предметом познания является само мышление, а не предметный мир.

Так, например, Кант утверждает, что достоверность математики зависит от пространства и времени. Но в его понимании пространство и время не объективные формы бытия материи, а априорные формы сознания. Следовательно, по Канту, математика как форма сознания изучает не объективные формы бытия, а априорные формы сознания, т. е. сама себя. Этот субъективизм Канта четко выражен в следующем его тезисе: «... тела и движения существуют не как нечто, находящееся вне нас, а только как представления в нас, и потому движения материи не производят в нас представлений, а сами суть... только представления»².

Логика Канта, таким образом, является формалистической. Логика без материального содержания — вот лейтмотив философии Канта.

Но какую же роль выполняют в таком случае категории логики?

¹ И. Кант. Прологомены. Соцэкгиз, 1937, стр. 84.

² И. Кант. Критика чистого разума. Петроград, 1915, стр. 244.

Оказывается, они вносят порядок, закономерность в природу. Или, как говорит Кант, «категории суть понятия, а *prìogì* предписывающие законы явлениям, т. е. природе, как совокупности всех явлений»¹. Так как, по Канту, в мире нет объективной закономерности, причинности, порядка и т. д. и в нем царит один хаос, то порядок может внести только рассудок.

Отрывая в логике форму от содержания, Кант приходит к агностицизму. «У Канта познание разгораживает (разделяет) природу и человека; на деле оно соединяет их»². По Канту, люди имеют дело с явлениями, но не с сущностями; кроме того, что нам сообщают о «вещах в себе» формы чувственности, мы о них больше знать ничего не можем. Поэтому Кант утверждал, что не только отдельные вещи, но и весь мир принципиально непознаваем. В качестве доказательства этого он выдвигает антиномии «чистого разума». При всякой попытке мыслить мир, рассуждает Кант, наш ум дает противоречивые ответы о нем: мир конечен и бесконечен; в мире все просто, неделимо и все сложно, делимо; существует и необходимость и свобода³, мир имеет первопричину и не имеет. Однако антиномии «чистого разума» вовсе не доказывают невозможности познания мира, а указывают лишь на объективную противоречивость внешнего мира, — следовательно, и на противоречивость его отражения в нашем мышлении. «На деле *каждое* понятие, каждая категория *так же* антиномична»⁴.

Следует указать, что Кант пытается далее с помощью антиномий доказать неизбежность веры в бога. По его мнению, поскольку понятие бога априорно и никакая наука не может ни доказать, ни опровергнуть существование бога, то остается одно — верить в него. «Кант принимает знание, — писал В. И. Ленин, — чтобы очистить место вере»⁵.

Хотя Кант исследовал категории с позиций субъективизма и формализма, тем не менее постановкой ряда вопросов он сыграл важную роль в историческом подготавливании научной разработки проблемы категорий содержания и формы. В частности, он пытался дать субординацию категорий, создать систему категорий, в которой одна категория присоединяется к другой и подчиняется ей, пытался деление категорий по принципу трихотомии подчинить диалектике, отличить трансцендентальную логику от общей, или формальной и т. д. Но, оторвав форму от содержания, он не смог понять объективного значения категорий.

Субъективизм и формализм кантовской логики подверг критике Гегель. Он последовательно подчеркивал, что логические категории не пустые оболочки, а содержательные формы самого бытия. «Утверждать о категориях, что они сами по себе пусты, — возра-

¹ И. Кант. Критика чистого разума, стр. 113.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 79.

³ Кант под «свободой» понимает «абсолютные, первоначальные источники действия», т. е. недетерминированную, потустороннюю божественную волю.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 104.

⁵ Там же, стр. 161.

жает Канту Гегель, — будет неосновательно, поскольку они имеют содержание уже потому, что они *определены*»¹.

Доказывая содержательность категорий, Гегель обосновывает познаваемость мира, объявляет войну агностицизму Канта. «... Непонятно истинное познание, — пишет он, — не познающее предмета, как он есть в себе»², а «вещи в себе» Канта есть «не что иное, как не имеющие истинности, пустые абстракции»³. Кантовская философия исходит из ложной позиции, будто «разум не способен познать никакого истинного содержания и в отношении абсолютной истины следует отсылать к вере», она «служит... подушкой для лени мысли, успокаивающейся на том, что все уже доказано и порешено»⁴. Гегель особенно резко возражает против утверждения Канта о непознаваемости бога. Это «ничтожное учение», «мнимое познание даже дерзнуло присвоить себе название философии»⁵, — возмущается он.

Однако Гегель критикует Канта справа. Весь огонь своей критики он направляет с позиций объективного идеализма. Критика Гегелем Канта есть критика последовательным идеалистом непоследовательного идеалиста, допускающего элементы материализма. Идеализм Гегеля не знает дуалистических отклонений, он есть «философия чистых мыслей», свободных от материи. Предметом философии Гегель считает чистую мысль или абсолютную идею, т. е. бога.

Абстрактное движение оторванных от мира сего абстрактных логических категорий — в этом видел Гегель суть философии, в этом его и «абсолютный метод». Маркс указывал, что так называемый «абсолютный метод» Гегеля есть не что иное, как движение чистого разума, который стремится познать самого себя. «В чем состоит движение чистого разума? В том, что он полагает себя, противопоставляет себя самому себе и сочетается с самим собой, в том, что он формулирует себя как тезис, антитезис и синтез, или еще в том, что он себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание.

Каким образом разум делает так, что он себя утверждает или полагает в виде той или другой определенной категории? Это уже дело самого разума и его апологетов»⁶.

Но Маркс в этом самом мистицизме Гегеля увидел и здоровое ядро философии Гегеля, а именно его диалектику. Поэтому при рассмотрении логики Гегеля следует исходить из противоречия между его догматической системой и революционной диалектикой. С одной стороны, логика Гегеля содержала в себе идею диалектического развития, с другой — непомерно разросшаяся консервативная система стремилась положить конец этому развитию, «задушить» его.

¹ Гегель. Соч., т. 1, стр. 90.

² Там же, т. V, стр. 24.

³ Там же, стр. 116.

⁴ Там же, стр. 43.

⁵ Там же, т. I, стр. 15.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 131.

Неоценимая заслуга Гегеля состоит в том, что он искусно применял диалектику к исследованию законов и форм мышления. Категории, понятия у Гегеля взаимосвязаны, взаимообусловлены, гибки, подвижны, находятся в диалектическом движении, переходят друг в друга и т. д. Он по-своему решает вопрос о субординации категорий, выводит их друг из друга, рассматривает их на основе тождества и различия, единства и борьбы противоположностей.

Проблему формы и содержания Гегель исследует также диалектически. Он особенно детально анализирует деятельность формы в трех аспектах: форма и сущность; форма и материя; форма и содержание. Рассмотрим это в том порядке, в каком излагает сам Гегель.

Сущность, по Гегелю, есть истинное бытие. Таким истинным бытием является только абсолютная идея. Сущность обладает некоторой формой и есть субстрат. Она, по существу, имеет в себе форму, а к форме принадлежит вообще все определенное. Определенность есть определение формы.

Сущность как простое единство основания и обоснованного, как простая основа есть устойчивое наличие формы, определена, тем самым есть момент соотношения основания и формы. Она как основа вместе с тем отличает себя от формы¹.

Форма соотносена с некоторым другим (т. е. с сущностью — **А. М.**), которое само не есть форма, но на котором она находится. Форма есть та самая абсолютная отрицательность, в силу которой сущность есть не бытие, а сущность. Форма имеет в своем собственном тождестве сущность, равно как сущность имеет в своей отрицательной природе абсолютную форму. «Нельзя, стало быть, задавать вопрос, *каким образом форма привходит к сущности*, ибо она есть лишь свечение последней в себя самое, ее собственная, имманентная ей рефлексия»².

Комментируя эти положения Гегеля о взаимосвязи формы и сущности, В. И. Ленин пишет: «Форма существенна. Сущность сформирована. Так или иначе в зависимости и от сущности...»³.

Далее, Гегель рассматривает соотношение формы и материи. Сущность как бесформенное тождество становится материей. Материя есть простое, лишенное различий тождество, она есть другая формы. «Если, — пишет Гегель, — абстрагироваться от всех определений, от всякой формы какого-нибудь нечто, то в результате остается неопределенная материя. Материя есть некое безоговорочно **абстрактное**. (Материю нельзя ни видеть, ни ощупывать и т. д., — то, что мы видим или ощупываем, есть некоторая *определенная материя*, т. е. некоторое единство материи и формы.)»⁴

По Гегелю, ни материя, ни форма не «самобытны», т. е. не вечны. Материя есть нечто безразличное к форме. Форма предпола-

¹ См.: Гегель. Соч., т. V, стр. 531—532.

² Там же, стр. 532—533.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 133.

⁴ Гегель. Соч., т. V, стр. 534

гает материю и в свою очередь предполагается материей. Форма и материя определены не быть положенными друг другом, не быть основанием друг друга. Материя не есть *основание* формы, а есть единство основания и обоснованного.

Форма и материя взаимопроникают, переходят друг в друга, тождественны, но в то же время отличаются друг от друга. Материя заключает в себе форму в скрытом виде и абсолютно обладает ею внутри себя, она поэтому и должна иметь форму, а форма должна материализоваться, сообщить себе в материи тождество с собой, т. е. устойчивое наличие.

Таким образом, форма и материя взаимно предполагают друг друга. «Единство сущности и формы, противоположающихся друг другу как форма и материя, есть *абсолютное основание*, которое *определяет себя*»¹. Они сами по себе, изолированно друг от друга, не имеют истины, истина — в их единстве.

Однако, подчеркивая единство формы и материи, Гегель вместе с тем в этом единстве, подобно Аристотелю, считает форму активной, а материю пассивной. «Материя, как то, что определено быть безразличным, — пишет он, — есть *пассивное*, в противоположность форме как *деятельному*»².

Далее, Гегель рассматривает переход материи в содержание и соотношение формы и содержания. Единство формы и материи есть определенная основа, есть оформленная материя, которая безразлична к форме и материи, как к снятым и несущественным. Оно есть *содержание*³. Иными словами, содержание есть единство некоторой материи и некоторой формы. Явления определены, имеют форму внутри себя. Содержание небесформенно, а форма одновременно и содержится в самом содержании и представляет нечто внешнее по отношению к нему.

Итак, форма сначала противостоит мистифицированной сущности и есть «вообще соотношение основания, и ее определениями служат основание и обоснованное»⁴. Затем она противостоит мистифицированной материи; «таким образом, она есть определяющая рефлексия, и ее определениями служат само рефлексивное определение и его устойчивое наличие»⁵. Наконец, она противостоит столь же мистифицированному содержанию; «таким образом, ее определениями служат опять-таки она сама и материя»⁶.

По Гегелю, основание, устойчивое наличие и материя вступают под власть формы, и это есть снова одно из определений формы. Под действием формы сущность переходит в материю, а материя — в содержание.

Утверждения Гегеля об активности формы и пассивности материи, об одинаковой существенности формы и содержания (т. е.

¹ Гегель. Соч., т. V, стр. 536.

² Там же, стр. 535.

³ Там же, стр. 539.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

игнорирование решающей роли содержания), об определениях формы и т. д. показывают, что мистицизм Гегеля мешал ему научно решить проблему содержания и формы.

Тем не менее, анализируя категории формы и сущности, формы и материи, формы и содержания, а также и другие категории логики, Гегель в мистической форме, в сфере мыслей дал гениальную разработку диалектики. По выражению В. И. Ленина, он «гениально *угадал* диалектику вещей (явлений, мира, *природы*) в диалектике понятий. Именно *угадал*, не больше». ¹

Но, угадав диалектику вещей в диалектике понятий, Гегель тем самым внес неоценимый вклад в философскую мысль, неизмеримо обогатив ее новыми глубокими выводами.

До Гегеля философы изучали лишь те или иные стороны, моменты формы или содержания или элементы обеих категорий одновременно и нередко отрывали их друг от друга. Гегель впервые дает анализ этих категорий в их единстве, т. е. рассматривает проблему как диалектически расчлененное единое целое, но в то же время мистифицирует их. Тем не менее гегелевское исследование проблемы категорий формы и сущности, формы и материи, формы и содержания явилось прямой теоретической предпосылкой диалектико-материалистического решения этой проблемы, точно так же как и вся его логика была непосредственной теоретической предпосылкой возникновения диалектического материализма.

Таким образом, второй период в истории развития категорий содержания и формы характеризуется, с одной стороны, расчленением целого на части, выделением всеобщих абстрактных определений этих категорий, что совпадает в общем и целом со второй ступенью индивидуального познания (материализм XVII—XIX вв.) и, с другой стороны, абсолютизацией, мистификацией этих категорий, их отрывом от действительности (идеализм).

Третий период в истории развития категорий содержания и формы начинается с развития марксизма.

Задача состояла в том, чтобы диалектику Гегеля очистить от мистики идей, поставить ее с головы на ноги и выработать до конца последовательный научный метод и научную теорию. Эта задача была нелегкой. Она могла быть выполнена и была выполнена только с позиций интересов пролетариата классиками марксизма. «Мой метод исследования,—писал К. Маркс,—не тот что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь *после* очищения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает мой метод» ².

Классики марксизма показали, что мышление есть отражение объективного мира и свое содержание черпает из него, перерабатывая его в идеальные, мыслительные формы, что последние есть не что иное, как формы отражения и воспроизведения объективных

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 188.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1947, стр. 199.

связей и отношений. Поэтому учение о познании может быть научно обоснованным при условии исследования процесса познания в неразрывной связи с объективной логикой самого мира. «Логическое мышление, — писал К. Маркс, — это — действительный человек, и логически осознанный мир как таковой — действительный мир»¹. Только классики марксизма впервые выработали последовательно-научный, диалектико-материалистический взгляд на категории содержания и формы. **Только в диалектическом материализме находит свое завершение синтетическое развитие этих категорий, раскрывших свое единство в многообразии, свои многочисленные внутренние связи, отношения и определения.** Только в диалектико-материализме эти категории приобрели свое истинное — онтологическое, методологическое, гносеологическое и логическое — значение в единстве, став орудиями познания и преобразования действительности.

Таким образом, как видим, основные этапы истории возникновения и развития категорий содержания и формы совпадают с законами логического мышления.

Однако это совпадение не абсолютное тождество, не мертвое копирование. Логическое обобщение истории этих категорий преследует цель обнаружить основную тенденцию их логического развития, рассматривать эту тенденцию в очищенном от зигзагов виде. Поэтому оно не может учитывать отступления, попятные движения, шаги назад. Таким шагом назад в истории развития этих категорий была, например, средневековая схоластика. Конечно, продолжительное господство последней было не случайным, а обуславливалось действием различных законов развития феодального общества. Средневековая схоластика была продуктом «своей эпохи», но она представляла собой движение вспять.

Таким шагом назад от общей тенденции развития, безусловно, является и современная буржуазная философия, причем не только по сравнению с достигнутой высшей формой философского мышления — диалектическим материализмом, но даже по сравнению с домарксистской философией. Это и понятно. Если домарксистская философия в общем и целом искренне стремилась к научной истине, хотя и нередко сбивалась с пути, если она исторически подготовила научное решение философских проблем, в частности проблемы категорий содержания и формы, то современная буржуазная философия вовсе не стремится к истине, а тащит философскую мысль назад. Разумеется, это тоже обусловлено в конечном итоге законами развития капитализма — его последней, империалистической стадии и является выражением глубокого кризиса всей империалистической системы.

Но если в логическом обобщении истории категорий содержания и формы стали бы учитывать эти зигзаги, этот философский «декаданс», то мы не смогли бы установить общую тенденцию, основную нить логического восхождения познания, поскольку законы логики

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1951, стр. 214.

выражают не отступления, не шаги назад, а поступательное развитие познания в чистом виде.

Второй особенностью тождества и различия истории категорий содержания и формы и законов мышления, как уже говорилось, является воспроизведение логическим исторического с точки зрения более зрелого, современного состояния познания и практики. Рассмотрим эту особенность.

Историческое развитие этих категорий, философии в целом, разумеется, обусловлено в конечном итоге потребностями развития материальной жизни общества, зависит от характера классовой борьбы, уровня науки, влияния других форм общественного сознания и т. д. Но вместе с тем эти категории, а не только философия в целом, имеют свою специфику, свою внутреннюю логику развития, обладают относительной самостоятельностью. Раз возникнув, они следуют своим путем, развиваются со всей совокупностью существующих представлений, взглядов, воззрений на эти категории, созданных и накопленных предшественниками. И как бы ни был гениален новый философ, он так или иначе, но непременно исходит из этого «готового материала», использует его, опирается на него. С появлением новых взглядов прошлое полностью не отбрасывается, а в той или иной степени подвергается переработке в зависимости от того, интересы какой социальной группы выражает, какие взгляды отстаивает тот или иной философ. В развитии этих категорий объективно соблюдалась непрерывная научная *преемственность*.

В этом отношении характерным является создание диалектического материализма. Разумеется, для возникновения диалектико-материалистического взгляда на категории логики большое значение имела их разработка домарковскими философами, в частности Аристотелем и Гегелем. Домарковские философы наряду с другими категориями исследовали также содержание и форму. Взгляды на категории менялись от века к веку, от философа к философу в зависимости от условий развития философского мышления, отражая многовековую борьбу материализма с идеализмом, диалектики с метафизикой, а порою и попытку примирить эти непримиримые противоположности и подготавливая возникновение их диалектико-материалистического понимания.

Марксизм творчески преодолел ограниченность прошлых взглядов на категории содержания и формы не путем сопоставления этих взглядов с реальными фактами, на основе которых они возникали и развивались, а с фактами, современными ему, с фактами середины XIX в. с точки зрения более зрелой, более развитой степени практики и познания.

Преимущество этого логического метода критики прошлых взглядов на категории содержания и формы и метода исследования действительности состоит в том, что с высоты достигнутого уровня познания отчетливее, «рельефнее» видны исторические ограниченности прошлых теорий и взглядов.

Этот метод позволяет установить: то, что по исстари установившемуся обычаю считалось предшествующими философами само-

стоятельной формой, «абсолютной истиной», выдавалось за целое, завершенное, теперь в результате достижения нового уровня познания оказывается лишь моментом, стороной, звеном в общей цепи логического развития этих категорий, познания вообще. Вместе с тем рациональные моменты исследования категорий содержания и формы в прошлой философии, являясь лишь «намёками» на высшее достижение в их исследовании, можно понять, когда известно само это высшее. Достигнутая высшая ступень познания позволяет правильно понять закономерности развития истории самого познания. Как говорил Маркс, «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно»¹.

Итак, история развития взглядов на категории содержания и формы подготовила возникновение диалектико-материалистической теории этих категорий. В свою очередь последняя, как высшее достижение научной мысли, переплывала, удержала рациональные моменты прошлых взглядов и учений в снятом виде, являясь, таким образом, итогом, выводом из всей истории мысли.

В отличие от прошлых философских систем, выдававшихся за абсолютную завершенность, диалектический материализм, как творческая наука, непрерывно развивается и будет развиваться на основе достижений науки и практики. Он совершенствуется, обогащается новыми выводами, становясь более содержательным, более конкретным. Следовательно, его отдельные законы и категории также совершенствуются, развиваются и обогащаются.

2. Восхождение от абстрактного к конкретному и исходный пункт в исследовании проблемы

С законом совпадения исторического и логического неразрывно связан другой закон познания — восхождение от абстрактного к конкретному.

Поскольку метод восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному в познании означает не что иное, как образование, формирование общих понятий и категорий, то он по своему характеру не может дать знания *конкретного* в его полноте, а лишь является предпосылкой познания конкретного. Общее, указывал В. И. Ленин, есть только «*ступень* к познанию *конкретного*, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. **Бесконечная** сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте»². Следовательно, познание не может ограничиваться формированием категорий. Восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному должно заключать в себе свою противоположность — восхождение от абстрактного к конкретному.

Коротко путь познания можно выразить так: переход чувствен-

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 219.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 275.

но-конкретного в абстрактное, а затем переход абстрактного в мысленно-конкретное. Познание начинается с чувственно-конкретного. На этой стадии конкретное выступает как нерасчлененное целое, данное в ощущениях и созерцании. Оно еще не познано. Его сущность еще скрыта от нас. Для того, чтобы открыть сущность конкретного, его внутренние связи, оно «просвечивается» абстракцией, познание восходит к абстрактному мышлению, которое характеризуется образованием научных абстракций. Но полученные научные абстракции служат базисом, основой дальнейшего, возвратного движения мысли к якобы исходному началу — к конкретному. Однако это конкретное уже мысленно-конкретное. Круг как бы замыкается, результатом чего является знание конкретного в его полноте. Теперь чувственно-конкретное пересажено в человеческую голову и преобразовано в ней.

Таким образом, конкретное в мышлении отражается как бы дважды. В основе познания лежит действие закона отрицания отрицания: отход от чувственно-конкретного к абстрактному и возврат от абстрактного к конкретному на новой основе. «Движение познания к объекту, — пишет В. И. Ленин, — всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть — *reculer pour mieux Sauter (Savoir?)*. Линии сходящиеся и расходящиеся: круги, касающиеся один другого»¹. Мы здесь имеем три внутренних взаимосвязанных звена цикла процесса познания, выражающихся в двух отрицаниях: в отрицании конкретного абстрактным и — абстрактного конкретным.

Второе отрицание отличается от первого рядом особенностей. При первом отрицании движение мысли имеет одно направление, а при втором — другое, противоположное, обратное. Изменение направления есть не внешний момент, а выражение внутреннего содержания процесса познания, есть его *углубление*. При первом отрицании мысль отвлекается от множества сторон, моментов объекта исследования и путем анализа вычленяет сущность, беря ее в чистом виде. Но поскольку познание имеет цель воспроизвести в мысли объект как конкретное, как некую систему всех его необходимых взаимосвязанных сторон, как многообразие в единстве, то при втором отрицании мысль уплотняется, обогащается, вбирает в себя, синтезирует и усваивает ранее выпущенные стороны, моменты единого целого.

Второе отрицание неизмеримо богаче первого содержанием. Абстрактное, как часть целого, изолированная от других сторон и связей целого, есть одностороннее, тощее, бедное, однобокое отражение в сознании², а конкретное, как единство многообразного,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 275.

² Вот как Гегель в своей статье «Кто мыслит абстрактно?» вскрывает недостаточность, односторонность абстрактного понятия. «Легче всего, — пишет он, — мыслить абстрактно, чем конкретно, ибо абстрактность есть одна сторона целого и не учитывает связи всех сторон. Так, например, ведут убийцу на казнь. Толпа видит в нем только убийцу, не принимая во внимание всю совокупность условий, поставивших его на путь преступления».

Или вот еще пример абстрактного мышления: «Эй, старая, ты торгуешь

как целостность есть богатое, всестороннее, глубокое отражение. «Конкретное потому конкретно, — пишет К. Маркс, — что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного. В мышлении оно поэтому представляется как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собою исходный пункт в действительности и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения; при втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления»¹.

Второе отрицание есть синтетическое объединение в единое целое добытых определений и понятий, точнее, — генетическое развитие из исходной абстракции всего конкретного многообразия сторон единого. Поэтому если первое отрицание характеризуется *анализом*, то второе — *синтезом*, выведением единичного из общего. Если при первом отрицании мысль анализирует единое целое и выделяет исходную абстракцию, то при втором отрицании мысль воспроизводит единое целое синтетически, или многообразное в единстве; при этом абстрактное полностью не отбрасывается, а «снимается», переходит в конкретное, удерживаясь в нем.

Взаимопереход абстрактного и конкретного — важная особенность метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Поскольку познание в целом есть поступательный процесс углубления, то абстрактное и конкретное меняются местами: то, что в данной связи и в данных условиях является конкретным, в другой связи и в других условиях является абстрактным. Поэтому исходной абстракцией (началом исследования) является достигнутый уровень знания в данной области науки. Начало содержит в себе результат, а результат — начало. Каждый новый шаг в исследовании начинается с достигнутого уровня, являющегося абстрактным по отношению к результату исследования, являющемуся более конкретным, содержательным, поскольку он содержит в себе, кроме нового знания, и свое начало. Каждая ступень снимает предыдущую, вбирает ее в себя в снятом виде, сгущая, уплотняя, конденсируя результаты предшествующего исследования. При этом исследование не начинается всякий раз с чувственного созерцания. Оно, как правило, чем дальше, тем в большей степени начи-

тухлыми яйцами» — сказала покупательница торговке. «Что? — вспылила та, — мои яйца тухлые? Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты? у которой отца вши заели, а мамаша якшалась с французами? Ты, у которой бабка померла в богадельне? Ишь, целую простыню на свой платок извела! Известно, небось, откуда у тебя все эти шляпки да тряпки! Если бы не офицеры, такие, как ты, не щеголяли бы в нарядах! Порядочные-то женщины больше за домом смотрят, а таким, как ты, самое место в каталажке! Заштопай лучше дырки-то на чулках!» Короче, она не может допустить в покупательнице ни зернышка хорошего.

Она и мыслит абстрактно — подытоживает в покупательнице все, начиная с шляпок, кончая простынями, с головы до пят, вкупе с папашей и всей остальной родней, — исключительно в свете того преступления, что та нашла ее яйца тухлыми. Все оказывается окрашенным в цвет этих тухлых яиц...» («Вопросы философии», 1956, № 6, стр. 140).

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 213.

нается с уже выработанных прошлым исследованием понятий, категорий, представлений и т. д. Если бы всякий раз исследование начиналось с живого созерцания, то оно не достигало бы цели, так как при этом отрицалось бы важное условие развития познания — *преemptивность* в исследовании.

Впервые обнаружил закон восхождения от абстрактного к конкретному Гегель. Но он мистифицировал этот закон. В его понимании восхождение от абстрактного к конкретному не есть форма деятельности мышления, логической переработки данных созерцания и представления, а есть возникновение, становление самого объективного, конкретного, самой объективной действительности. Но если отбросить гегелевскую мистику идей, то следует сказать, что он верно схватил и выразил сущность этого закона.

«... Познание катится вперед от содержания к содержанию, — писал он. — Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что последующие определенности становятся все *богаче и конкретнее*. Ибо результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение этого начала обогатило его (начало) новой определенностью. *Всеобщее* составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть понимаемо как *течение* от некоторого *другого* к некоторому *другому*. В абсолютном методе понятие *сохраняется* в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»¹. Ксментирова эти положения Гегеля, В. И. Ленин писал: «Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика»².

Велико значение закона восхождения от абстрактного к конкретному для развития всех наук. Верное, диалектическое его понимание и применение к исследованию в любой области науки приобретают огромную силу, способствующую углублению знания, достижению новых истин. С каждым новым открытием в науке, с каждой новой истиной знание становится богаче, конкретнее, содержательнее. При этом старые теории не отвергаются полностью, а отрицаются диалектически: с одной стороны, неверные, неистинные, ненаучные их стороны, моменты, не соответствующие объективной действительности, практике, не имеющие значения объективной истины, отбрасываются, а с другой, — все положительные, жизнеспособные, верные моменты сохраняются, удерживаются в новых теориях в снятом виде.

Эту диалектику отрицания старой теории новой в развитии физико-математических наук А. Эйнштейн образно выразил так:

¹ Г. В. Гегель. Соч., т. VI. Соцэгиз, 1939, стр. 315.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 223—224.

«Создание новой теории не похоже на разрушение старого амбара и возведение на его месте небоскреба. Оно скорее похоже на восхождение на гору, которое открывает новые и широкие виды, показывающие неожиданные связи между нашей отправной точкой и ее богатым окружением. Но точка, от которой мы отправились, еще существует и может быть видна, хотя она кажется меньше и составляет крохотную часть окрывшегося нашему взору обширного ландшафта»¹.

Образцом искусного применения способа восхождения к конкретному в научном исследовании является «Капитал» Маркса. После того, указывал Маркс, как путем восхождения от конкретного к абстрактному выведены определенные понятия и категории, единственно правильным методом научного познания является *восхождение от абстрактного к конкретному*. Этот метод является правильным в научном отношении потому, что только он *воспроизводит в мышлении конкретное путем синтеза абстрактных определений конкретного*.

Экономисты XVII в. свое исследование всегда начинали с живого целого, конкретного, с населения, нации, государства и т. д., т. е. их метод был методом восхождения от конкретного к абстрактному. Они путем анализа выделяли некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д., но не давали научной картины целого, живого, конкретного. Конечно, тогда иначе и не могло быть. При своем возникновении политэкономия могла идти только таким путем. Прежде чем оперировать понятиями и категориями, она должна была сначала их добывать путем абстракции. Она не могла без абстрактных всеобщих отношений, без знаний отдельных моментов совершить «прыжок» от абстрактного к конкретному. Но «как только эти отдельные моменты были более или менее абстрагированы и зафиксированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость, к государству, международному обмену и мировому рынку»², т. е. которые восходят от абстрактного к конкретному. Так поступал, например, Рикардо. Его метод есть восхождение от абстрактного к конкретному. Он исходит из стоимости и пытается из этой исходной абстракции объяснить все другие категории товарно-капиталистического производства.

Однако Рикардо в силу метафизической ограниченности своего метода не смог из верной исходной абстракции — стоимости развить более конкретные категории, он не смог правильно решить диалектику абстрактного и конкретного, у него абстракция стоимости не развивается, не переходит в конкретное, а механически «наклеивается» на конкретное, как некая схема. Он игнорирует тот факт, что восхождение от абстрактного к конкретному есть диалектическое развитие, генетическое выведение конкретного из абстрактно-

¹ А. Эйнштейн, Л. Инфельд. Эволюция физики. М., 1956, стр. 156.

² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 213.

го, что, следовательно, каждая новая категория должна быть выведена из внутреннего развития своей предыдущей и связана с ней не внешним образом, а закономерно и должна содержать в себе предыдущую в снятом виде. «В том-то и состоит как раз ошибка Рикардо, — писал Маркс, — что он в своей первой главе о стоимости предполагает *данными* все возможные категории, которые еще должны быть выведены, чтобы доказать их адекватность закону стоимости»¹.

Рикардо не развивает дальше верную научную абстракцию стоимости, главное внимание сосредоточивает на анализе величины стоимости, смешивает стоимость с формами ее проявления. Он «совсем не исследует стоимость со стороны формы, — той определенной формы, которую принимает труд как субстанция стоимости, а исследует только величины стоимости, т. е. те или иные количества этого абстрактно-всеобщего и в этой форме, общественно-го труда, которые обуславливают различие в величинах стоимости товаров»².

Эта ограниченность метода Рикардо послужила вульгарным экономистам (Бейли и др.) поводом для отрицания самого факта существования стоимости. Они вовсе не стремились преодолеть ограниченность Рикардо и развить его учение, развить из стоимости более конкретные категории, а, напротив, сделали все для того, чтобы выхолостить его учение, очистить его от верных, положительных рациональных моментов и превратить политэкономия в простое орудие апологетики.

Говоря об ошибках Рикардо, стремившегося свою предпосылку о тождественности нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли провести при помощи насильственных абстракций, К. Маркс писал: «Вульгарные экономисты сделали отсюда тот вывод, что теоретические истины представляют собой абстракции, противоречащие действительному положению вещей. Вместо этого они, наоборот, должны были бы увидеть, что Рикардо не достаточно далеко идет по пути правильной абстракции и что это и приводит его к абстракции ошибочной»³.

Только Марксу удалось преодолеть ограниченность английской буржуазной политической экономии Адама Смита и Давида Рикардо. При этом Маркс вовсе не отбросил их учение, а продолжил, творчески развил, преодолел его ограниченность. Иными словами, Маркс исходил из достигнутого до него уровня экономического исследования, в частности из теории трудовой стоимости.

Но если Рикардо пытался непосредственно подогнать под абстракцию стоимости все конкретные формы ее проявления, то Маркс исследовал развитие каждой категории из предшествующей ей. Он генетически развивает прибавочную стоимость из стоимости,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 209.

² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. II. Госполитиздат, 1957, стр. 166.

³ Там же, стр. 439—440.

прибыль из прибавочной стоимости, среднюю прибыль из прибыли и т. д. Более того, поскольку восхождение означает постепенное, логически последовательное введение все новых и новых сторон, обогащающих исходную абстракцию, Маркс анализирует промежуточные между исследуемыми категориями звенья. Так, например, он прибавочную стоимость выводит из стоимости не непосредственно, а путем анализа развития форм стоимости, точно так же он выводит прибыль, анализируя ее формы — промышленную прибыль, торговую прибыль, ренту и т. д.

Таким образом, Маркс, исходя из стоимости, как из самой общей и простой абстракции, все внимание обращает на ее *самодвижение*, развитие, усложнение, синтетически выводит одну категорию из другой, постепенно восходя от абстрактного к конкретному, и, наконец, приходит к буржуазному обществу как к единому целому организму, как к единству во многообразии, раскрывшему все свои многочисленные внутренние определения, связи и отношения. «...Если бы я начал с населения, — пишет К. Маркс о своем методе, — то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подошел бы к все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, к все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями»¹.

Метод Маркса указывает на такую чрезвычайно важную сторону восхождения от абстрактного к конкретному, как искусство оперирования категориями в научном исследовании. Поскольку познание не ограничивается формированием категорий и открытием законов, сущности, а требует и объяснения посредством законов и категорий многообразия явлений, то во весь рост встает вопрос об искусстве оперировать категориями. Имея в виду экономическую науку, Маркс писал: «Задача науки состоит именно в том, чтобы объяснить, *как* проявляется закон стоимости; следовательно, если бы захотели сразу «объяснить» все кажущиеся противоречащими закону явления, то пришлось бы дать науку *раньше* науки»².

Чтобы категории вообще, и в частности категории содержания и формы, служили подлинными орудиями познания и практического преобразования мира, требуется *искусство, умение правильно оперировать* ими в исследуемой области. На первый взгляд покажется, что так как категории содержания и формы являются универсальными, применимыми к любому явлению и процессу, то «искусство» оперировать ими состоит в том, чтобы подводить конкретное многообразие явлений под эти категории или, что то же

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 213.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 209.

самое, наклеивать их на действительность. Но это — глубокое заблуждение.

Прежде всего следует указать, что «искусство оперировать понятиями не есть что-либо врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления, которое тоже имеет за собой долгую эмпирическую историю, столь же длительную, как и история эмпирического естествознания»¹.

Вместе с тем искусство оперирования категориями содержания и формы преследует цель открытия сущности в единичном. Поэтому, чтобы знать явление, надо изучать не только общие положения, но и его специфику, особую природу, всю систему взаимосвязанных условий его развития. Ограничиваться общими положениями — значит ничего не знать о действительных процессах, ибо, охватывая самые разнообразные явления тем или иным общим понятием, мы еще ничего не знаем об особенностях каждого отдельного явления. Остановиться на общем понятии, писал Энгельс, — значит утверждать такую бессмыслицу, что процесс жизни ячменного колоса есть интергальное исчисление, или, если хотите, социализм².

Только всестороннее изучение каждого конкретного явления, процесса дает возможность охватить его общими понятиями — категориями содержания и формы. Только в неразрывном единстве общего и единичного возможно истинное познание.

Объективное общее в явлениях воспроизводится мышлением в форме категорий, понятий и познается только через единичное. Познавая единичные чувственно воспринимаемые вещи, мы познаем тем самым и общее.

Стоит только метафизически оторвать общее от единичного, как научное познание делается невозможным и открывается дорога в идеализм. Именно в метафизическом отрыве общего и единичного друг от друга заключаются гносеологические корни как объективного, так и субъективного идеализма. Энгельс в свое время подверг резкой критике тех эмпириков-идеалистов, которые отрывали общее от единичного и, не понимая значения общего для познания, прямехонько угождали в болото идеализма. Эмпирики, писал Энгельс, сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать их чувственно. Эмпирик до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя все еще находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда он оперирует абстракциями³.

Идеалисты отрицают ту истину, что в объективной действительности общее существует лишь в единичном, а единичное существует лишь в той связи, которая ведет к общему. Они либо общее отрывают от единичного и возводят в абсолют (объективный идеализм), либо единичное отрывают от общего и возводят тоже в абсолют (субъективный идеализм).

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр. 14.

² См.: Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 133.

³ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 189.

Неразрывное единство, конечно, не есть метафизическое тождество. Оно раздваивается на противоположности, заключает в себе различие, противоречие. Единичное противостоит общему, ибо оно неполно входит в общее, общее лишь приблизительно охватывает отдельные единичные явления. Общее существует, «преломляется» в единичном специфически, особо, так как оно не составляет «автономии» в нем, а является его сущностью, выражается в специфических особенностях, условиях развития единичного. Поэтому общие положения, принципы нужно уметь применять, приложить к конкретным явлениям так, чтобы, с одной стороны, учесть специфику единичного, а с другой — не заслонять главного, общего, закономерного, а подчеркивать его.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному, таким образом, заключает в себе искусство оперировать категориями и является противоречивым процессом. Противоречие между абстрактным и конкретным, общим и единичным, сущностью и формами ее проявления, как и любое диалектическое противоречие, разрешается путем взаимоперехода этих соотносительных категорий, т. е. путем развития познания, путем его углубления в живое многообразие конкретного. Но для этого необходимо неукоснительное выполнение следующих основных требований диалектической логики, сформулированных В. И. Лениным: изучать предмет со всех сторон, во всех его связях и «опосредствованиях»; брать предмет в его развитии, самодвижении, изменении; всю человеческую практику включать в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку; исходить из принципа конкретности истины¹.

Познать конкретное всесторонне — это значит *вскрыть прежде всего его сущность, отразить его внутреннюю противоречивость и жизненность, тенденцию его развития*. Конкретное не есть механическая сумма сторон, а есть строгая организация, система взаимосвязи, где всегда имеются решающие и нерешающие, существенные и несущественные, главные и неглавные связи. Практика человека должна помочь определить, какая именно связь на данном этапе развития является главной, решающей, определяющей, с тем, чтобы в мышлении схватить, подчеркнуть, выделить ее из множества неглавных и несущественных связей. Поэтому всесторонность познания предмета, вещи, нельзя понимать метафизически, нельзя эклектически «валить» в одну кучу «все» стороны и связи предмета, не вскрывая, не подчеркивая решающей связи.

Итак, метод восхождения от абстрактного к конкретному является единственно верным в научном отношении методом исследования. Мы руководствуемся им. Но с чего начать наше исследование, какова исходная абстракция восхождения?

Этот вопрос на первый взгляд покажется простым, к тому же излишним, не имеющим непосредственного отношения к делу. Но это лишь на первый взгляд. В действительности же он далеко не

¹ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 72.

из легких. И не только потому, что всякое начало трудно, но и потому, что предмет нашего исследования не та или иная область природы или общества, а две соотносительные категории диалектической логики. Вместе с тем установление начала восхождения имеет прямое, непосредственное отношение к исследованию, так как оно предопределяет, обуславливает направление, последовательность и характер всего процесса восхождения.

Общим для всякого научного исследования способом восхождения является установление исходной абстракции. Однако она в каждой конкретной области исследования имеет свою специфику, свои особенности, определяемые самим предметом науки или проблемой исследования. Одно дело, исходная абстракция в физике, другое — в химии; одно дело в биологии, другое — в политэкономии и т. д. Более того, каждый раздел науки или каждая отдельная проблема должны иметь свою специфическую исходную абстракцию. Трудность установления исходной абстракции в исследовании содержания и формы состоит в том, что они предельно общие категории. Но эту трудность можно преодолеть, если исходить из достигнутого уровня познания и опираться на логику отдельных наук, в частности на логику «Капитала» Маркса.

В ботанике, например, как это убедительно показал К. А. Тимирязев, исходной абстракцией восхождения к конкретному является клетка. Рассмотрим вкратце взгляды великого ученого, разработавшего логику познания в исследовании жизни растений и исходившего именно из клетки, а не из какой-нибудь другой абстракции.

«Для того, чтобы понять жизнь растения... — писал К. А. Тимирязев, — необходимо прежде всего ознакомиться с его формой; для того, чтобы понять действие машины, нужно знать ее устройство. Бросим же прежде всего беглый взгляд на те внешние, формальные проявления растительной жизни, для наблюдения которых не нужно никакой подготовки, никаких технических приемов исследования»¹. Но ознакомление с внешними, «формальными» проявлениями растительной жизни не дает знания об их внутренних существенных связях, а задача исследования состоит в том, чтобы познать эти связи. Казалось бы, что эту задачу можно было бы выполнить исходя из семени, поскольку простая рассудочная абстракция или представление указывает на его связь с началом жизни растения. Вправе ли мы видеть в семени действительное начало, действительную исходную точку растительной жизни? — спрашивает К. А. Тимирязев и отвечает: нет, не вправе, ибо семя не простая и не предельная абстракция, а сложное тело, которое можно дальше анализировать. Поэтому оно не может быть началом. Начало же должно быть простой и предельной абстракцией. Таким началом является клетка. «В клеточке, — писал он, — мы должны видеть простейшее исходное начало всякого организма; ее мы уже не в состоянии разделить на части, способные к самостоятельному су-

¹ К. А. Тимирязев. Жизнь растений. М.—Л., 1936, стр. 74.

ществованию; это — действительный предел, далее которого не идет наш морфологический анализ, это — органическая единица»¹.

Вычленив путем восхождения от конкретного к абстрактному клеточку, отыскав это начало, эту предельную абстракцию, К. А. Тимирязев затем исследует восхождение от этого «кирпичика» к конкретному, выводит «здание растения». «Подобно тому, — продолжает он, — как в химии мы начинаем изучение веществ с простых тел, элементов, и затем переходим к их соединениям, так и в настоящем случае изучение растительных органов должно начинаться с их **элементарного органа** — «клеточки» и постепенным синтетическим путем должно выводить конкретное знание о растительной жизни»².

Таким образом, подробно рассмотрев научный метод исследования растительного мира, К. А. Тимирязев приходит к весьма ценным выводам и совершенно четко формулирует логический закон познания — восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. «Поставив себе целью ознакомиться с жизнью растения, мы в первой лекции старались разложить это сложное явление на его элементы, показав, что растение состоит из органов, что эти органы состоят из простейших органов — из клеточек, которые в свою очередь представляют агрегат известных химических тел. Согласно с этим результатом анализа, мы затем в обратном, восходящем, синтетическом порядке ознакомились со свойствами этих веществ, с жизнью клеточки, с жизнью органов, с жизнью целого растения и, наконец ... с жизнью всего растительного мира»³.

Классическим образцом для научного исследования в любой области знания является логика «Капитала» Маркса. Как известно, свой гениальный анализ буржуазного общества Маркс начинает с товара. Рассматривая капиталистический способ производства как единый конкретный организм, а отдельные его категории — товар, деньги, прибыль и т. д. как его отдельные абстрактные моменты, Маркс устанавливает, что исходной абстракцией, исходным пунктом восхождения всего процесса является товар.

Анализ Марксом буржуазных отношений показывает, почему именно абстракция товара и стоимости, воплощенной в нем, а не какая-нибудь другая абстракция, является исходной. Товар является самым простым, непосредственным и массовидным. «Начало, — пишет В. И. Ленин, — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное «бытие»: отдельный товар («Sein» в политической экономии). Анализ его, как отношения социального. Анализ *двойкий*, дедуктивный и индуктивный, — логический и исторический (формы стоимости)»⁴; товар является всеобщим началом, пронизывающим все буржуазные отношения. В буржуазном обществе «все делается предметом купли-продажи»⁵; товар — всеобщая основа, из которой

¹ К. А. Тимирязев. Жизнь растений, стр. 82—85.

² Там же, стр. 86—88.

³ Там же, стр. 300.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 316.

⁵ К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1953, стр. 138.

развиваются все остальные категории; товар в зародышевом виде выражает все противоречия буржуазного общества, т. е. целого, конкретного; товар является предельной абстракцией, «клеточкой» буржуазного общества.

Исходя из логики восхождения к конкретному, развитой Марксом в «Капитале», можно заключить, что исходная абстракция должна обладать следующими основными особенностями: 1) она должна выражать сущность предмета (стоимость товара в «Капитале»), основу, из которой развиваются все остальные категории; 2) она должна быть предельной и непосредственной абстракцией «клеточкой»; 3) она должна быть простой и массовидной; 4) она должна быть всеобщей, пронизывающей все стороны предмета исследования; 5) она должна выражать специфику предмета исследования; 6) наконец, она должна содержать в себе в неразвитом, зародышевом виде все противоречия предмета.

Таковыми особенностями должна обладать исходная абстракция восхождения к конкретному в исследовании категорий содержания и формы. Поскольку в нашем предмете исследования имеется множество абстракций, то задача состоит в том, чтобы отыскать ту из них, которая обладала бы вышеприведенными особенностями. Но для этого мы должны учитывать определения, сформулированные другими исследователями и получившие широкое распространение в современной марксистской литературе. Таковы определения категорий содержания как выражения совокупности элементов, процессов, образующих предмет, явление и определение категории формы как выражение внутренней организации, структуры содержания¹. Можно считать, что оба эти определения отражают, как в зеркале, достигнутый уровень понимания этих категорий, который никем еще не превзойден.

Говоря об определении вообще, необходимо сделать следующее замечание. В интересах точности, нужно разграничивать, не смешивать различные аспекты понятия «определение». В одном случае под «определением» мы понимаем дефиницию (более или менее точное логическое краткое определение, выражающее наиболее общие и характерные признаки предмета); в другом — более всестороннее, полное исследование предмета, всего процесса его возникновения, развития, всех его существенных сторон и связей, в-третьем — одну какую-либо сторону или особенность того или иного понятия. Эти аспекты понятия «определение» имеют свою специфику и играют разную роль в процессе познания.

Второй и третий аспекты «определения» будут рассмотрены в соответствующей связи в ходе дальнейшего изложения. Здесь же остановимся только на первом аспекте — дефиниции.

Что же такое дефиниция, каково ее значение для познания?

У каждого явления имеется бесконечное множество изменяю-

¹ См.: «Категории материалистической диалектики». Госполитиздат, 1956; «Диалектический материализм». М., АОН и ВПШ, 1960; Ф. И. Георгиев. Категории материалистической диалектики. «Высшая школа», 1960.

щихся сторон, черт, свойств, связей. Выразить это бесконечное множество в одном кратком определении невозможно. Поэтому всякая дефиниция, какой бы она ни была точной и совершенной, всегда оказывается недостаточной. В еще большей мере недостаточной является дефиниция логических категорий, так как последние — предельно общие понятия и их невозможно подвести под более широкие понятия, поскольку их не существует (а дать определение—это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое). Все это, безусловно, создает серьезные затруднения для определения философских категорий. Верно и то, что научное познание, естественно, не может ограничиваться дефинициями.

Однако дефиниции очень необходимы для научного исследования, и недооценка их значения, кроме вреда познанию, ничего не даст. «Поэтому, не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии»¹, следует дать такое определение, которое включало бы его наиболее общие и в то же время наиболее характерные отличительные признаки.

Но дать такое определение парных категорий логики, в том числе содержания и формы, по нашему глубокому убеждению, возможно только через их *соотношение*, потому что они *предельно общие категории* и их невозможно формально-логическим путем «подводить» под другие. Это показал В. И. Ленин в борьбе с махизмом. «Когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие «осел» под более широкое понятие. Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это — предельно-широкие, самые широкие понятия...»².

Вместе с тем В. И. Ленин показал, что категории логики нужно определять через их соотношение со своей противоположностью и нельзя — вне этого. Например, категорию «материя» нельзя определять вне ее соотношения с категорией «сознание», и другого определения, кроме указания на то, что первично и что вторично, дать нельзя. Как известно, В. И. Ленин разоблачил до конца ухищрения махистов, которые определение материи как объективной реальности, существующей независимо от сознания, «опровергали» тем, что объявляли его «неконкретным», «простым повторением», указывающим лишь на то, что первично, что вторично и т. д. Но сами же они, определяя материю как комплексы или связь ощущений, не замечали того, что своим этим определением тоже отвечают на вопрос: что первично, что вторично, и иного определения, кроме этого, кроме указания направления их философской линии, не дают и дать не могут. Требование махистов дать «более конкретное» определение материи, чем указание на первичность материи и вторичность сознания, В. И. Ленин справедливо назвал «шарлатанством»³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 253.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 133.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 131—134.

Ленинские определения категорий: «материя», «сознание», «время», «пространство», «движение» и т. д. — имеют руководящее значение для определения и таких предельно общих категорий, как содержание и форма, а значит, для установления исходной абстракции в их исследовании, потому что невозможно отыскать исходную абстракцию восхождения к конкретному в исследовании пары категорий логики без их определения и без вычленения основного, существенного признака, обуславливающего собою другие признаки и являющегося, таким образом, исходной абстракцией.

Приведенные выше определения содержания и формы недостаточны, но не потому, что «всякая дефиниция недостаточна», а потому, что они выражают лишь одну, хотя и существенную, сторону этих категорий, в то время как последние имеют и другие свои аспекты, стороны, которые не охватываются этими определениями.

Тем не менее эти дефиниции достаточны для того, чтобы установить исходный пункт восхождения. Это верно как в историческом, так и в логическом отношении. В историческом — в том смысле, что мы исходим из них как из достигнутого современного уровня познания этих категорий, в логическом — в том смысле, что эти дефиниции выражают сущность, внутреннюю основу этих категорий.

Но в этих дефинициях мы имеем две абстракции: содержание и форму. Обе абстракции существенны, поскольку речь идет о *внутренних* аспектах категорий содержания и формы. Эти внутренние аспекты взаимосвязаны, взаимодействуют и в своем единстве составляют сущность, «внутреннее беспокойство» явления, предмета.

Казалось бы, на этом основании можно было бы считать исходной абстракцией единство внутренних аспектов содержания и формы. Но является ли это единство предельной, простой, непосредственной абстракцией и т. д.? Короче, отвечает ли оно требованиям исходной абстракции? Выясняется, что нет. И вот почему. Хотя ни содержание, ни форма друг без друга в реальной действительности невозможны, хотя они составляют существенные стороны явления, «массовидны», всеобщи, ибо всякое явление — материальное или духовное — имеет свое содержание, свою форму и т. д., — тем не менее это единство не предельная абстракция, так как оно делимо дальше — на содержание и форму. Следовательно, оно не может быть исходной абстракцией. Нам остается теперь выяснить, какая из этих двух абстракций является исходной.

Анализ показывает, что абстракция содержания является исходной: содержание является предельной, непосредственной и по сравнению с формой более существенной абстракцией; в единстве с формой изменения содержания выступают как основа, причина изменений формы; содержание пронизывает все стороны предмета исследования; содержание обуславливает форму и ее модификации; изменение формы, ее роль, характер ее влияния на развитие содержания и т. д. невозможно понять, объяснить, из самой формы и, напротив, возможно объяснить из содержания, поскольку во взаимодействии с формой содержание играет ведущую, определяющую

роль. Содержание является той существенной абстракцией, которая определяет специфику предмета, содержит в себе в зародыше все противоречия и развитие которой порождает, обуславливает различные стороны, аспекты — внутренние и внешние — содержания и формы, а также порождает новые формы. Форма исторически, и логически является продолжением и проявлением содержания.

Часть первая

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНУТРЕННИХ АСПЕКТОВ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

Глава I

СОДЕРЖАНИЕ. ЕГО ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ФОРМОЙ

1. Ведущая роль содержания в развитии явлений природы

Установление исходного пункта не самоцель, как бы ни было важно его значение для исследования. Отыскав исходный пункт восхождения, мы должны осуществлять самый процесс восхождения. Началом этого процесса должен быть *анализ* исходного пункта. «клеточки». Здесь уместно заметить, что в литературе нередко пытаются все аспекты, связи и отношения содержания и формы объяснить из этой «клеточки» *непосредственно*. Так, например, сначала содержание определяют как «совокупность элементов, процессов, образующих предмет», а форму как «внутреннюю его организацию», а затем распространяют эти положения на категории: «материя» и «пространство — время», на «общественное бытие» и «общественное сознание» и т. д. Но такое стремление все сложные аспекты, связи и отношения содержания и формы непосредственно вывести из этой «клеточки», как две капли воды, похоже на попытку Рикардо в политэкономии непосредственно подогнать все явления капиталистического способа производства под один принцип — закон стоимости. Однако такой подход ничего общего не имеет с логическим законом восхождения.

Более подробно об этом речь будет идти ниже, сейчас же рассмотрим, что значит анализ «клеточки».

Как известно, Маркс в «Капитале», начав анализ с всестороннего изучения стоимости, прослеживает последовательное ее развитие, возникновение все новых и новых явлений, синтетически и генетически выводит одни категории из других. Причем источником восхождения, т. е. возникновения новых категорий, является движение, развитие противоречий, заключенных, первоначально в зародышевом виде, в самом товаре. Именно внутреннее противоречивое развитие капиталистических отношений характеризует всю логику

«Капитала». Синтетическое и генетическое выведение, развитие категорий, адекватно воспроизводящих диалектически расчлененное целое, конкретное на основе движения, развития самих объективных внутренних противоречий товарно-капиталистических отношений, — главное содержание логики восхождения в «Капитале».

Эта логика «Капитала» имеет всеобщее значение. Анализ исходного пункта восхождения в исследовании содержания и формы также должен начинаться с изучения различных сторон, сущности, специфических признаков исходного пункта, его взаимодействия с формой, внутренней противоречивости их единства и т. д. Поскольку восхождение должно воспроизвести предмет исследования как сложную расчлененную систему, как результат диалектического движения мысли, то источником восхождения может быть только *противоречие*.

Здесь возникает вопрос о самом этом противоречии. Нам необходимо раньше всего договориться о направлении, общей тенденции развития того противоречия, которое должно обеспечить восхождение к конкретному. Разумеется, если рассматривать содержание само по себе, мы обнаружим противоречия между его отдельными сторонами, элементами и т. д. Точно так же, если проанализировать форму само по себе, мы также обнаружим противоречия между ее отдельными сторонами, моментами и т. д. Но, идя по этому пути, мы в лучшем случае переходили бы от одной абстракции к другой и в итоге пришли бы к абстрактному представлению о содержании или форме, изолированных друг от друга, вырванных из своих многочисленных сложных связей, отношений, и мы не достигли бы своей цели. Иными словами, на этом пути было бы невозможно само восхождение от абстрактного к конкретному.

Предметом нашего исследования являются не абстрактные содержание или форма, изолированные друг от друга, а их конкретное единство. Все этапы, логические средства, приемы восхождения должны в итоге воспроизвести их диалектически расчлененное единство, что возможно на пути движения, развития противоречия между внутренними аспектами содержания и формы.

Нам могут возразить: ведь существуют науки, которые изучают содержание и форму как бы изолированно друг от друга. Например, грамматика изучает строй, форму языка (морфологию и синтаксис), а семасиология — содержание (смысловую сторону языка). Но, во-первых, нашим предметом исследования является не содержание или форма, а их единство; во-вторых, когда одна из этих категорий применяется в конкретной области, то другая предполагается, берется как данное.

Маркс в «Капитале» исследует производственные отношения капитализма, но специально не исследует производительных сил, справедливо не смешивает технологию и политэкономию. Но значит ли это, что он их рассматривает в отрыве от производительных сил, вне связи с ними? Отнюдь нет! Производительные силы он берет не только как данные, как факт, как развивающиеся незави-

симо от конкретно-исторической формы, но он анализирует диалектику этих двух сторон капиталистического способа производства, прослеживает те изменения внутри производственных отношений, которые вызываются развитием производительных сил. Более того, именно потому, что в политической экономии развитие производительных сил само по себе не рассматривается, воздействие этого развития на систему экономических форм, его взаимодействие с последней постигается конкретно-исторически¹. Иными словами, Маркс достигает поставленной цели — открывает законы возникновения, развития и гибели капитализма путем анализа капиталистических производственных отношений, поскольку последние во всех своих сторонах и проявлениях выражают диалектику этого способа производства.

Рассмотрев содержание специально, в чистом виде, мы получаем полную и конкретную абстракцию, основную категорию предмета исследования. Но вычленение исходной абстракции и ее рассмотрение в чистом виде не исключают противоречия. Эта абстракция не мертвое раз навсегда данное состояние или безжизненная догма. В том-то и дело, что она жизненна и ее жизненность — это ее противоречивость. Ни восхождение, ни теоретический синтез категорий невозможны без противоречия, без этого источника развития объекта и его отражения.

Сказанное непосредственно вытекает из логики «Капитала». Вычленив стоимость, заключенную в товаре, всесторонне рассмотрев ее в чистом виде, Маркс в противоречии, присущем ей, находит тот ключ, который дает ему возможность переходить в строгой последовательности от анализа стоимости к анализу различных ее форм, от анализа денег к анализу капитала и т. д. У Маркса противоречивость объективного бытия буржуазных производственных отношений отражается в противоречивости самого мышления, в противоречивом движении, развитии самих категорий. Историческое и логическое в общем и целом совпадают.

После того как мы установили исходную абстракцию и выяснили ее основные характерные признаки, нам следует теперь в первую очередь остановиться на общих чертах ее диалектического взаимодействия со своей противоположностью — формой, чтобы затем из их общей диалектики генетически развить все категории восхождения.

При этом мы исходим из достигнутого уровня разработки этой диалектики, суть которой выражена в тезисе В. И. Ленина: «Борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания»². В процессе развития любого явления изменения формы отстают от изменений содержания. В борьбе с отстающей, не соответствующей ей формой содержание побеждает, преодолевает, сбрасывает ее, порождая соответствующую своему состоянию новую, высшую форму. Развитие идет от содержания к

¹ См.: Э. В. Ильенков, Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 96.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 215.

содержанию через переделку содержания путем сбрасывания отжившей формы и создания новой.

Эта диалектика объективно обусловлена ведущей решающей ролью содержания и потребностями его развития. Содержание и форма составляют тождество. Они взаимопроникают, взаимопереходят, взаимно влияют друг на друга и друг без друга немыслимы. Но их тождество, взаимопроникновение есть одна сторона их единства. Другой стороной является их взаимоисключение. Это тождество, как и всякое тождество, включает в себе различие. Содержание и форма одновременно тождественны и нетождественны, отличаются друг от друга. Тождественная сторона включает в себе нетождественную, и наоборот. Если изолировать эти стороны друг от друга, то в одном случае мы будем иметь равнодушное к самому себе, лишенное всякого различия и жизненности мертвое тождество, что, разумеется, возможно лишь в абстракции, но невозможно в действительных явлениях. В другом случае будем иметь только борьбу оторванных друг от друга, внутренне не взаимосвязанных двух абсолютно самостоятельных факторов, что также возможно лишь в абстракции, но невозможно в действительных явлениях. Обе эти крайности характерны для метафизического метода мышления и в одинаковой степени извращают познание.

В действительности развитие явления осуществляется как взаимодействие тождества и различия содержания и формы. Последние предполагают друг друга, имеют относительный характер, одновременно взаимопроникают и взаимоисключают. Их взаимоисключение состоит в том, что они в своем единстве имеют разную специфику, занимают разное положение и место, играют разную роль в развитии явления.

Содержание в соотношении со своей формой играет ведущую роль. В чем состоит эта его роль?

Прежде всего в том, что содержание — самая подвижная, непрестанно изменяющаяся сторона явления, а форма — более устойчивая и менее подвижная его сторона. Отношение между непрестанно изменяющимся содержанием и устойчивой формой есть глубокое диалектическое противоречие, которое обнаруживает себя в том, что все явления, предметы, вещи одновременно тождественны с самими собой и нетождественны, чем-то отличаются от самих себя благодаря изменению содержания. В непрерывных изменениях содержания находит свое проявление абсолютность движения, а в устойчивости формы — относительность покоя.

Так как форма есть внутренняя организация предмета и выступает в качестве «границы» его изменений, то она по своей объективной природе должна «аккумулировать», «конденсировать», воплощать изменения содержания в данном устойчивом существовании, должна «оформлять» содержание и его непрерывные изменения в некую качественно устойчивую определенность и выражать ее. Без этой своей организующей, «оформляющей» и выражающей роли форма не была бы формой. Это значит, что какую бы роль

ни сыграла форма в жизни явления, одно безусловно: она должна быть устойчивой.

С другой стороны, явления подвержены непрерывным внутренним и внешним изменениям, без чего они были бы невозможны. И какую бы роль ни сыграло содержание в жизни явления, одно безусловно: оно должно быть непрерывно изменяющейся стороной явления. Если мы на мгновение допустили бы явление без изменений, то уничтожили бы его. Явление немисливо как без своей устойчивой стороны, так и без своей непрерывно изменяющейся стороны.

Из сказанного следует, что изменения содержания всегда предшествуют изменениям формы — это указывает на ведущую роль содержания и подчиненную роль формы. Если бы форма в своих изменениях не отставала от изменений содержания и изменялась бы равномерно с содержанием, то не было бы никаких устойчивых качественных определенностей; и, наоборот, если бы содержание было бы так же устойчиво, как и форма, мы имели бы раз навсегда данное одно содержание и столь же неподвижную, раз навсегда данную форму, тогда бы не было никакого взаимодействия между ними, никакого многообразия явлений, отсутствовало бы развитие.

Поскольку изменения формы объективно отстают от изменений содержания и это отставание тем сильнее, чем дальше развивается явление, то на определенном этапе содержанием сбрасывается уже отжившая форма и создается новая. Содержание является причиной, а форма — следствием. В данном случае речь идет не о причине развития содержания и формы — такой причиной является их взаимодействие, — а о причине сбрасывания старой и возникновения новой формы. Если причиной развития содержания и формы является их взаимодействие, их внутренняя диалектика, то непосредственной причиной изменения формы, т. е. возникновения новой и исчезновения старой формы, являются развитие содержания и потребности этого развития.

Как и всякая причина, содержание включает в себе свое действие, следствие. Причина предшествует своему следствию, конечно, лишь в процессе, в развитии. Если рассматривать причину и следствие в состоянии покоя, то положение: причина предшествует следствию — становится неверным, ибо при этом допускается, что в какое-то время причина существует без следствия. А причина без следствия, как известно, не есть причина.

Далее, содержание является ведущим, главным, потому что предопределяет направление, тенденцию развития явления и т. д. Изменение формы, как следствие изменений содержания, есть коренное качественное изменение явления. Непрерывные, медленные, незаметные количественные изменения явления рано или поздно на определенном этапе и в определенных условиях непременно сменяются коренным качественным изменением. Действие закона перехода количества в качество имеет место и в отношениях между содержанием и формой. В данной связи мы имеем тождество,

совпадение количественных изменений с изменениями содержания и совпадение перехода от старого качества к новому со сменой старой формы новой. Это совпадение облегчает задачу научной аргументации ведущей роли содержания, изменения формы в результате изменений содержания.

Поскольку положение о ведущей роли содержания имеет чрезвычайно важное онтологическое, методологическое, гносеологическое и логическое значение, мы должны надлежащим образом шаг за шагом *доказывать* его, опираясь на данные науки и практики. Поскольку целью восхождения является воспроизведение расчлененной целой системы, то части целого не могут быть сразу воспроизведены, а должны быть генетически и синтетически выведены, развиты одна из другой, постепенно, последовательно. Только последовательное развитие сторон целого одной из другой характеризует процесс восхождения. При этом более сложная, более конкретная абстракция должна быть выведена из менее сложной и конкретной, более конкретная абстракция должна заключать в себе в снятом виде менее конкретную, предыдущую абстракцию.

Вместе с тем восхождение к конкретному предполагает раскрытие вытекающего из тождества диалектики, логики и теории познания, онтологического, методологического, гносеологического и логического значения категорий содержания и формы. С этой целью необходим конкретный анализ этих категорий в различных сферах действительности — природе, материальной и духовной жизни общества, особенно в логике, — а также необходим анализ противоречий, являющихся источником восхождения к конкретному.

Восхождение к конкретному есть движение мысли от простого к сложному. Следовательно, задача состоит в том, чтобы исследование содержания начинать с *простого*, прослеживая его дальнейшее диалектическое усложнение. При этом логическое движение мысли должно в общем и целом совпадать как с историей развития действительности, так и познания, воспроизводить общую тенденцию развития науки, пробивающей себе путь через преодоление идеалистических и метафизических отклонений.

Понятие «простое» весьма относительно. Во-первых, в каждой области знания оно имеет свою специфику; во-вторых, представления о нем по мере развития естествознания и общественной практики изменялись и будут непрерывно изменяться. Следовательно, представления о содержании и форме «простого» также изменялись. Доказательством этому является история развития учения об атомах, считавшихся ранее «простыми» и «мельчайшими».

Возникнув еще в древности, атомистика прошла ряд фаз своего развития. Натурфилософская атомистика древних мыслителей была догадкой о внешних количественных признаках и внешней форме атомов (Левкипп и Демокрит основным свойством атомов считали величину и форму, а Эпикур, кроме того, и тяжесть).

В дальнейшем атомистика развивалась вместе с развитием естествознания, прогресс в изучении атома зависел главным образом от успехов химии и физики. В XVII—XVIII вв. из всех наук

наибольших успехов достигла механика. В соответствии с этим атомистика принимает механическую форму. Атомистика XVII—XVIII вв. сравнительно с натурфилософской была шагом вперед, поскольку она из догадки превратилась в гипотезу, опирающуюся на законы механики. Механическая атомистика (Галилей, Гассенди, Декарт, Бойль, Ньютон и др.) наделяла атомы чисто механическими свойствами. Она считала, что атомы обладают внешней формой, величиной, механическим движением, т. е. количественной характеристикой, но лишены качественных признаков.

В XIX в. значительных успехов достигает химия. На смену механической атомистике приходит химическая атомистика. Она совершает переход от абстрактного представления об атомах к конкретному экспериментальному выяснению химического *состава*, а начиная со второй половины XIX в. — *строения* различных веществ. Однако химическая атомистика ничего не говорила и не могла сказать о внутренней структуре и внутренних процессах атома. Атом представлялся как однородный шарик, но крайне малых размеров.

Ряд крупных открытий в физике на рубеже XIX—XX вв. обусловил переход от химической атомистики к физической. Открытие радиоактивности, свидетельствующей о распаде и превращаемости атомов, открытие электрона, свидетельствующего о единстве всех атомов и их сложности, вызвали коренную ломку старых метафизических представлений об атомах. Было отброшено учение о неделимости и неизменности атомов. В 1911 г. Резерфорд открывает атомное ядро и создает планетарную модель атома, в 1913 г. Бор создает квантовую теорию строения атома. Все это знаменовало собой наступление новой высшей фазы в развитии атомистики, положившей начало глубокому исследованию сначала электронной оболочки атома, а затем и его ядра и сложных внутриатомных процессов.

Современный естественнонаучный взгляд на атом состоит в том, что он — качественно определенный микрообъект, являющийся материальным носителем индивидуальности, свойств химического элемента. Атом не является раз навсегда данным, неподвижным, мертвым комочком, как думали метафизики. Он есть сложная система взаимосвязанных простых «элементарных» частиц (электронов, протонов и нейтронов), имеет свое собственное внутреннее строение, структуру, есть единство специфических и общих черт, свойственных атомам других химических элементов, обладает вполне определенными химическими и физическими свойствами и т. д.

В научном исследовании атома огромную роль сыграл великий русский ученый Д. И. Менделеев, который впервые установил внутреннюю закономерную связь всех химических элементов, открыл периодический закон, тем самым, по выражению Энгельса, совершил научный подвиг. Сам Д. И. Менделеев сформулировал этот закон так: «Если все элементы расположить в порядке по величине их атомного веса, то получится периодическое повторение свойств.

Это выражается законом периодичности: свойства простых тел, также формы и свойства соединения элементов, находятся в периодической зависимости (или, выражаясь алгебраически, образуют периодическую функцию) от величины атомных весов элементов»¹.

Опираясь на менделеевский закон и другие открытия, ученые получили возможность углубляться в атом, изучать его внутреннюю структуру и свойства. Ныне установлено, что атом есть единство своих, внутренне взаимосвязанных сторон: электронных слоев (K, L, M, N, O, P, Q) и ядра. Открыв сложное строение атома, наука должна была сначала изучить электронный слой, который проявляет себя в обычных химических процессах, а затем перейти к исследованию ядра. Это соответствует логическому закону восхождения от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д.

Каждый электронный слой есть единство определенного числа электронов, находящихся в неразрывной связи с ядром. Степень этой связи неодинакова у различных групп электронов. Одни группы электронов обладают большей энергией связи, следовательно, связь с ядром является более «прочной», другие — меньшей, следовательно, связь с ядром является менее «прочной». Подтверждением этому могут служить значения потенциалов ионизации.

Так, например, у лития имеется три электрона, которые разбиваются на две группы — одна (2 электрона) является внутренней (расположенной ближе к ядру), другая (1 электрон) внешней (расположенной дальше от ядра). Соответственно с этим связи трех электронов с ядром имеют различную степень «прочности»: 5,36; 75,26 и 121,84 электроновольт. Эти три значения потенциалов ионизации указывают на то, что внешняя группа электронов у атомов всех химических элементов, как правило, слабее связана с ядром, чем внутренняя.

Анализ далее показывает, что физико-химические свойства атома зависят, конечно, от многих факторов, но главным образом от числа электронных слоев, от количества электронов в каждом слое, от их расположения, характера их взаимосвязей как друг с другом, так и с ядром.

Более сложную картину представляет собой другая составная часть атома — его ядро. Оно есть неразрывное единство своих «элементарных» частиц — протонов и нейтронов. Число протонов определяет электрический заряд ядра. Общее число протонов и нейтронов равняется целочисленному, округленному значению атомного веса. Протоны и нейтроны не занимают всего объема ядра, а примерно лишь пятидесятую долю его. В остальной части пространства действуют электрические, гравитационные и ядерные поля. Протоны и нейтроны связываются в ядре в прочное целое особыми ядерными силами. Эти силы обменного характера.

Важной областью научного исследования является внутренняя жизнь ядра, взаимопревращаемость его «элементарных» частиц. В

¹ Д. И. Менделеев. Основы химии, изд. 13, т. 2, 1947, стр. 80—81.

некоторых ядрах внутриядерные превращения происходят спонтанно, самопроизвольно, например в ядрах урана, радия. Внутриядерные превращения могут происходить и в результате воздействия на ядро со стороны человека. Однако и в том и в другом случае они непременно включают в себя два взаимосвязанных и взаимопроницающих процесса: *распад* ядра вследствие выбрасывания его отдельной частицы или частиц и *образование* из данного ядра другого. Образование нового ядра может происходить также без распада, путем синтеза — присоединения новой частицы.

Протоны и нейтроны непрерывно обмениваются особыми частицами — пи-мезонами, которые возникают в процессе взаимопревращения протонов и нейтронов. Временное «расщепление» протона на нейтрон и положительный пи-мезон и нейтрона на протон и отрицательный пи-мезон получило название виртуального процесса. Виртуально возникающие частицы существуют в радиусе порядка $7 \cdot 10^{-14}$ см и в промежутке времени 10^{-23} сек. Необычайная малость этих величин пока не позволяет непосредственно наблюдать данные «расщепления» в опыте. Однако это не значит, что идея виртуальных превращений является теоретическим домыслом. Реальность данных процессов косвенно доказывается опытами по определению структуры протонов и нейтронов.

В результате этих опытов было установлено, что как протон, так и нейтрон представляют собой весьма сложное образование, в центре которого имеется очень плотное «ядро», или «кern». Kern нейтрона занимает третья часть его объема, но в нем сосредоточено более $\frac{3}{4}$ всей его массы. Остальное вещество образует относительно рыхлую мезонную оболочку, которую физики называют мезонной шубой. Плотность мезонной оболочки неоднородна, к периферии она понижается.

Нейтрон электрически нейтрален только в среднем. Внутренние части его, как полагают, заряжены отрицательно, наружные — положительно. Керны двух нуклонов взаимодействуют, они очень сильно отталкиваются. Природа этих сил отталкивания, не связанная с действием обменных мезонных сил, пока неясна и интенсивно изучается физиками.

В процессе внутриядерных превращений поглощается или выделяется энергии несравненно больше, чем при химических превращениях. Ядро атома является источником колоссальной энергии, которую человек нашего века уже научился использовать.

Однако дело этим не ограничилось. Установив, что ни атом, ни его ядро не являются «абсолютно» простыми и неизменными, а имеют сложную структуру, физика занялась изучением «элементарных» частиц материи, число которых непрерывно возрастает и ныне (1962 г.) составляет более трех десятков. Это красноречивое подтверждение гениального предсказания В. И. Ленина о том, что «электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна...»¹. Современная наука шаг за шагом открывает все но-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 249.

вые и новые свойства «элементарных» частиц, давшие возможность установить такие новые физические закономерности, как тесно связанные с общими свойствами пространства и времени законы сохранения импульса, энергии, момента, количества движения и др.

Основными характеристиками «элементарных» частиц являются заряд, масса, спин, время жизни и др. Важнейшим их свойством является *взаимопревращаемость*. Нет ни единой частицы, которая при соответствующих условиях не превратилась бы в другие частицы. Вместе с тем «элементарным» частицам нельзя приписывать какие-то строгие, постоянные, геометрические размеры, прежде всего потому, что частица неразрывно связана с полем, которое она порождает, а поле простирается значительно дальше того объема, который занимает частица. Кроме того, каждой частице соответствует определенной длины волна. Но так как частицы все время находятся в движении и изменении, то изменяется и длина соответствующей волны, поэтому изменяется и область возможной пространственной локализации частицы. Современная наука открыла и откроет и другие свойства «элементарных» частиц. Разумеется, достигнутые результаты не являются исчерпывающими, поскольку неисчерпаем процесс познания материи вглубь.

Хотя «элементарные» частицы и не состоят из других, известных, более мелких частиц, как атом — из электронов, протонов и нейтронов, тем не менее они могут порождать их в процессе распада. Так, например, нейтрон распадается на протон, электрон и антинейтрино. Однако нейтрон не состоит из этих трех частиц, последние рождаются лишь в момент распада.

С другой стороны, неразложимость «элементарных» частиц на более мелкие частицы не должна породить иллюзию относительно того, будто эти частицы не имеют содержания и формы и являются бесформенными, аморфными неопределенностями. Из неисчерпаемости материи следует логический вывод о неисчерпаемости содержаний и форм. Во-первых, любая «элементарная» частица, как бы ни была мала, определена. А определенность нечего есть его оформленность, его форма, выражающая свое содержание. Поэтому с полным основанием мы можем сказать, что любая частица имеет свое содержание и свою форму. Во-вторых, эти частицы обладают многообразием свойств, которые особым образом взаимосвязаны.

К содержанию «элементарных» частиц можно отнести, на наш взгляд, их свойства и характеристики, в особенности заряд, массу, спин, взаимодействие и т. д. Поскольку свойства и характеристики частиц взаимосвязаны, то характер взаимосвязи элементов содержания и будет их формой. Относительно некоторых частиц, например протона и нейтрона, мы можем уже теперь сказать, что поскольку эти частицы, как показано, имеют известную структуру, следовательно, можно определенно назвать элементы их содержания и формы. Но еще более определенно можно решить вопрос о содержании и форме ядра атома. Его содержанием, на

наш взгляд, являются совокупность протонов и нейтронов, их взаимопревращаемость, внутриядерные превращения и процессы, в единстве составляющие ядро атома. Под формой ядра мы понимаем порядок расположения и характер взаимосвязи элементов содержания.

Из анализа электронной оболочки и ядра атома следует, что содержание атома не есть простая сумма «элементарных» частиц, как иногда считают. Оно многосторонне и имеет ряд определенным образом взаимосвязанных компонентов. Компонентами содержания атома, на наш взгляд, являются «элементарные» частицы, из которых состоит атом; физико-химические свойства атома (масса, валентность, спектр излучения, его способность соединяться в молекулу в определенных количественных соотношениях); число, свойства, движение электронов; их связи друг с другом и ядром; количество протонов, нейтронов в ядре; материальные поля; внутриядерные превращения.

Точно так же и форма атома многостороння и имеет ряд взаимосвязанных компонентов. К последним мы относим: закон взаимосвязи, порядок расположения всех «элементарных» частиц, из которых состоит атом; способ взаимосвязи всех его физических и химических свойств; способ взаимосвязи протонов и нейтронов; характер связей внутриядерных превращений, наконец, характер взаимосвязи всех этих сторон в одно целое, в неразрывное единство.

Итак, атом есть особым образом внутренне организованное единое целое, стороны которого находятся в определенном соотношении, взаимосвязи и взаимодействии.

В этой связи нам хочется задержаться на двух имеющих важное гносеологическое значение положениях. Во-первых, хотя объективное бытие «элементарных» частиц является простым по отношению к более сложному объекту — атому, тем не менее современные естественнонаучные знания о них не являются результатом простой, рассудочной абстракции, а, напротив, являются результатом научной абстракции, к тому же более развитой, результатом длительного развития теоретического мышления и общественной практики. Во-вторых, свойства сложного объекта не тождественны со свойствами его частиц.

Возведение единичного во всеобщее, образование категорий, законов и т. д., а также исследования внутриатомных процессов, говоря в общем, связаны с теоретической абстракцией. Простые абстракции как умственные отвлечения, обнаруживающие общее сходство вещей, или сведение чувственно-конкретных образов вещей к абстрактно-одностороннему представлению не выводят познания за пределы эмпирической его ступени. Они являются, скорее, предпосылками для образования теоретических абстракций. Последние, напротив, выражают сущность вещей, отражают не абстрактно-всеобщее, а конкретно-всеобщее, т. е. единство общего и единичного. Приведа слова Гегеля о том, что всеобщее охватывает собой также и богатство особенного, В. И. Ленин пишет:

«Прекрасная формула: «Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного» (все богатство особого и отдельного!)!! Tres bien!»¹.

Разграничение научных, теоретических абстракций и простых, рассудочных имеет важное значение для правильного понимания вопроса об истории развития, углубления самого познания. Энгельс указывал, что нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, абстрагирование, анализ, синтез и т. д. По типу все эти методы — стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответственного метода) они различны. Диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий — возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки)². Первобытный человек хотя и обладал простыми, рассудочными абстракциями, но не обладал теоретическими абстракциями, в силу чего он не выделял себя из сложной сети объективных явлений природы. Образование же понятий, категорий, законов стало возможным на сравнительно более высоком этапе развития практики и познания. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Перед человеком *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познать ее и овладевать ею»³.

Абстракции теоретического мышления связаны с практикой хотя не столь непосредственно, как простые абстракции, тем не менее отражают действительность гораздо шире и глубже, чем простые абстракции. Последние, выражая абстрактно-всеобщие признаки, не проникают в сущность предметного мира и, как правило, имеют дело с видимостью и кажимостью — с внешним сходством явлений. Поэтому они гораздо более «удалены» от предметного мира, чем научные абстракции. И, напротив, категории и понятия, как фиксация результатов научных обобщений, гораздо «ближе» связаны с объективным миром, поскольку схватывают, выражают глубинные, внутренние, существенные связи и отношения вещей.

Чем более «удаляется» научная абстракция от чувственного мира, тем ближе она подходит к нему; чем глубже она проникает в сущность вещей, тем она более отходит от него по внешним признакам, но тем **ближе** подходит к нему по своему содержанию. Вот почему В. И. Ленин писал, что «мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное*... — от истины,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 87.

² См.: Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 178

³ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 81.

а подходит к ней. Абстракция *материи, закона природы, абстракция стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»¹.

Это ленинское указание имеет чрезвычайно важное значение в особенности для развития современного естествознания. Как известно, по мере роста общественной практики и науки происходит неуклонный рост абстрагирующей роли мышления, научных абстракций. В этом факте некоторые зарубежные естествоиспытатели под влиянием идеалистической и метафизической философии видят «исчезновение» материи, уничтожение различия между объектом и субъектом и т. д.

Так, например, В. Гейзенберг, с одной стороны, правильно указывает, что рост научных абстракций придает естествознанию новую силу, способствующую вскрытию внутренних связей явлений, а с другой стороны, утверждает: «В наше время оказалось, что такая картина с увеличением точности становится все более и более удаленной от живой природы. Наука имеет дело уже не с миром непосредственного опыта, а лишь со скрытыми основами этого мира, обнаруженными нашими экспериментами. Но это вместе с тем означает, что объективный мир в известной мере выступает как результат наших активных действий и совершенной техники наблюдения. Следовательно, здесь мы также вплотную наталкиваемся на непреодолимые границы человеческого познания»².

В действительности же рост научных абстракций, развитие науки, с каждым новым своим шагом открывая все новые и новые глубокие связи и стороны объективного мира, все ближе и ближе **подходит** к нему, отражает его глубже, полнее. Это признают многие выдающиеся представители зарубежной науки. Так, например, М. Планк писал: «Прогрессирующий отход физической картины мира от чувственного мира означает не что иное, как прогрессирующее сближение с реальным миром»³.

Научные абстракции, а следовательно наши знания об «элементарных» частицах, имеют объективный источник, носят объективный характер и как бы ни были «удалены» от чувственного мира, являются его аналогом. Поскольку научные абстракции, категории и понятия отражают и выражают всеобщие существенные связи действительности, лишены чувственности, они непосредственно не доступны органам чувств. Однако из того факта, что они не являются чем-то чувственным, вовсе не следует, что они пустые оболочки или вечные, неизменные априорные формы рассудка, как утверждает Кант. Они извлечены из опыта, практики, из действительности, апостериорны и являются итогом, результатом многовекового развития общественно-исторической практики и познания.

Этим, разумеется, не отрицается факт относительной самостоя-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 161.

² В. Гейзенберг. Философские проблемы атомной физики, стр. 63—65.

³ М. Planck. Das Weltbild der neuen Physik. Leipzig, 1953, S. 14—15.

тельности научных абстракций и категорий. Возникнув из реальной почвы, из общественной практики, из потребностей развития материальной жизни общества, они приобретают известную самостоятельность по отношению к своему объективному источнику и активно влияют на его развитие. Однако эта их самостоятельность не абсолютна, а относительна, поскольку они являются отражением своего материального источника и, в конечном итоге, определяются им.

Марксизм видит ограниченность гегелевского понимания абстракций и категорий не в том, что Гегель признает их роль в познании, а в том, что он мистифицирует их, отрывает их от материального источника, рассматривая их как абсолютно самостоятельные «сущности», как абсолютно «чистую» мысль, творящую самое действительность.

С другой стороны, объективное содержание категорий и понятий не означает того, что они не имеют субъективной стороны. Они субъективны как формы человеческого мышления, как ступеньки познания, но объективны в итоге, процессе, источнике. Они, стало быть, суть неразрывное единство объективного и субъективного. Только в этом единстве возможно познать сущность категорий и только в этом единстве они сами выступают как орудия научного познания.

Что же касается второго положения, то по этому поводу следует сказать, что когда ряд частиц объединяется в некоторое целое — молекулу, атом, ядро, то это целое приобретает такие свойства, которых не было у его компонентов, составляющих его частей. Например, свойства «элементарных» частиц, выражающиеся в понятиях «изотопический спин», «четность», «странность», «ядерный заряд», «нейтринный заряд», «спиральность», не сводимы ни к каким ранее известным свойствам материи.

Свойства «элементарных» частиц, составляющих атом, отличаются от свойств атома; свойства атомов, составляющих молекулу, отличаются от свойств молекулы; свойства молекул, составляющих макротело, — от свойств последнего и т. д.

На качественное отличие свойств простого и сложного указывал Энгельс еще в 70-х годах прошлого века. Он писал: «Молекула распадается на свои отдельные атомы, у которых совершенно иные свойства, чем у нее. Если мы имеем дело с молекулами, состоящими из различных химических элементов, то вместо сложной молекулы появляются атомы или молекулы самих этих элементов; если же дело идет о молекулах элементов, то появляются свободные атомы, обнаруживающие совершенно отличные по качеству действия: свободные атомы образующегося кислорода играючи производят то, чего никогда не сделают связанные в молекулы атомы атмосферного кислорода.

Но уже и молекула качественно отлична от той массы физического тела, к которой она принадлежит. Она может совершать движения независимо от этой массы...»¹.

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 42.

Методологическое значение этого высказывания Энгельса для развития естествознания очевидно. Но оно долгое время оставалось неизвестным естествоиспытателям, что, конечно, не могло не сказаться в известной степени отрицательно на развитии науки. Так или иначе, непонимание или игнорирование факта несводимости содержания сложного к содержанию простого, равно как и их отрыв друг от друга, нередко приводили ученых к «физическому» идеализму.

В. И. Ленин в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм», вскрывая причины и корни «физического» идеализма, показал, что незнание диалектики привело к тому, что важнейшие открытия науки на рубеже XIX и XX вв. поставили извещающую часть естествоиспытателей в затруднительное положение.

Идеалистическая, в особенности неопозитивистская философия, которая, паразитирует на затруднениях естествознания, не преминула использовать эти затруднения для «обоснования» своих выводов. Метафизически мыслящие же естествоиспытатели, не сумевшие в эпоху «новейшей» революции в естествознании и ломки старых принципов совершить переход от метафизического материализма к диалектическому, стали отрицать объективную реальность электрона, атома.

Хотя естествознание с каждым шагом своего развития все более и более убедительно доказывает верность выводов диалектического материализма, тем не менее есть еще естествоиспытатели, плетущиеся за идеализмом. Причем к идеализму в физике и в ее разделе—квантовой механике приводит как абсолютизация свойств макроявлений, их полный отрыв от свойств микроявлений, так и метафизическое отождествление свойств макро- и микроявлений.

Диалектический материализм требует не смешивать основной вопрос философии с нашими представлениями о простом и сложном, о микро- и макроявлениях, о физических, химических и других свойствах, связях и отношениях материи вообще. Наши знания о материи непрерывно совершенствуются, изменяются, но от этого она не исчезает. Из каких «элементарных» частиц состоит атом, каковы их свойства, знаем мы или нет все причины, вызывающие внутриатомные процессы, каковы наши знания о свойствах, строении микрочастиц и т. д. — все эти и другие вопросы ни в коей степени не затрагивают философского понятия материи.

А теперь после этих кратких замечаний проследим дальнейшее усложнение атомов. Взаимодействие частиц атома, его содержания и формы не безрезультатно. Оно обуславливает переход в более сложное единство. Внутреннее противоречие между содержанием и формой атома является источником его соединения с другими атомами в молекулу и находит свое разрешение в этом новом, высшем единстве. Переход атома в молекулу осуществляется как диалектическое отрицание; свойства атома в молекуле изменяются на основе «ломки» старой формы, коренного изменения характера взаимосвязи элементов, компонентов содержания атома, а с другой стороны, атом сохраняется в молекуле в снятом виде. Говоря

об изменениях свойств химических элементов при переходе в соединения, Д. И. Менделеев писал: «А между тем, всякий из нас понимает, что при всей перемене в свойствах простых тел, в свободном их состоянии, нечто остается постоянным, и при переходе элемента в соединения это нечто — материальное и составляет характеристику соединений, заключающих данный элемент. В этом отношении поныне известно только одно числовое данное, это именно атомный вес, свойственный элементу. Величина атомного веса, по самому существу предмета, есть данное, относящееся не к самому состоянию отдельного простого тела, а к той материальной части, которая обща и свободному простому телу, и всем его соединениям»¹.

Молекула выступает как единство одинаковых или различных, особым образом взаимосвязанных атомов и является дальнейшим усложнением вещества.

Но, во-первых, по свидетельству Ю. А. Жданова, не всякое единство атомов есть молекула. Молекула представляет собой такое единство атомов, которое способно к индивидуальному существованию, к физической независимости, между тем как существуют и такие структурные единицы, которые не способны к самостоятельному существованию. «Если рассматривать агрегацию атомов с точки зрения действующих между ними сил и форм электронной связи, то становится очевидным, что нельзя говорить о возникновении молекул, когда связь между атомами носит чисто ионный или чисто металлический характер. Только наличие электронных орбит со строго определенным числом центров (от двух и более) создает возможность образования замкнутых группировок атомов, способных к независимому существованию, кинетически вполне самостоятельных, т. е. молекул»².

Во-вторых, тот факт, что молекула состоит из атомов, никоим образом не дает никакого основания думать, что свойства молекулы тождественны свойствам составляющих ее атомов. Молекула есть отличная от атомов качественная определенность. Атомы в молекуле расположены не беспорядочно, а связаны друг с другом в определенной последовательности, в определенном пространственном расположении, в определенном порядке, — что относится к определениям формы.

Химические связи атомов в молекуле бывают различными, обуславливающими различие типа химических соединений. Иными словами: различная последовательность связей атомов в молекуле обуславливает возникновение различных качественных определенностей. Красноречивым подтверждением этого может служить такое химическое явление, как изомерия. Разные химические соединения (качественные определенности), обладающие совершенно различными, порою противоположными физико-химическими свой-

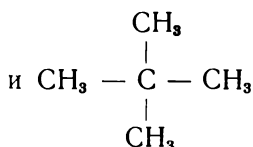
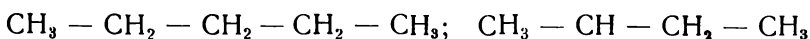
¹ Д. И. Менделеев. Избранные сочинения, т. II. М., 1934, стр. 8.

² Ю. А. Жданов. Очерки методологии органической химии. «Высшая школа», 1960, стр. 115—116.

ствами, имеют одинаковый химический состав и одинаковый молекулярный вес. Но их различие обусловлено характером, способом взаимосвязей атомов в молекуле или различным строением молекул веществ.

Это обстоятельство проливает свет на другую закономерность развития материи: чем сложнее форма ее движения, тем сложнее связи, т. е. развитие материи объективно есть ее усложнение. Чтобы убедиться в этом, приведем пример изомерии скелета, которая зависит от различия порядка связи углеродных атомов, образующих скелет молекулы одинакового химического состава и одинакового молекулярного веса. Так, в случае предельных углеводов C_nH_{2n+2} , начиная с бутана C_4H_{10} , возможны два изомера: $CH_3-CH_2-CH_2-CH_3$ и $CH_3-\overset{\overset{|}{CH_3}}{CH}-CH_3$.

Для пентана C_5H_{12} — три изомера.

Для каждого последующего углеводорода возможно все большее и большее число изомеров. Например, для углеводорода $C_{13}H_{28}$ — 802, для $C_{20}H_{42}$ — 366 319, для $C_{40}H_{82}$ — 62 491 178 805 831¹.

Можно было бы привести примеры и других видов изомерии: изомерии положения, таутомерии, стереоизомерии. Но и приведенный пример изомерии скелета достаточно убедительно показывает место и роль изучения характера, способа взаимосвязей атомов внутри молекулы в развитии химии.

Открытие изомерии поставило перед химической наукой вопрос о строении, структуре молекулы, без решения которого было бы невозможно дальнейшее развитие химии. В решении этого вопроса выдающуюся роль сыграл великий русский ученый А. М. Бутлеров. Он создал теорию химического строения веществ, которая прочно вошла в сокровищницу науки и легла в основу современной теории строения органических соединений. Сущность своей теории А. М. Бутлеров выразил так: «Химическая натура сложной частицы определяется натурой элементарных составных частей, количеством их и химическим строением»².

Следует указать, что А. М. Бутлеров химическую структуру не сводил к «расположению» атомов. «Расположение» он рассматри-

¹ См.: А. М. Бутлеров. Избранные работы по органической химии. М.—Л., 1951; В. В. Марковников. Об изомерии органических соединений. Рассуждения. Казань, 1865; А. В. Чичибачин. Основные начала органической химии. Изд. 4, вып. 1—2. М.—Л., 1932.

² А. М. Бутлеров. Избранные работы по органической химии, стр. 72.

вал как элемент химического строения. Он писал: «...при взаимодействии различных паев, радикалов и остатков необходимо приходится рассматривать порядок химического взаимодействия различных элементарных паев, результатом которого будет существование определенной частицы. Этот порядок взаимодействия можно назвать **химическим строением** частицы»¹.

Важное значение для развития химии имел и вывод Бутлерова о том, что молекула не есть мертвое состояние, а подвижная, изменяющаяся сложная структура, что она «одарена постоянным движением, заключенным в ее мельчайших частях». О взаимном влиянии атомов внутри молекулы он писал: «Химические отношения каждого элементарного пая, находящегося в сложном теле, определяются, с одной стороны, его натурой и способом химического помещения в частице, с другой — натурой, количеством и химическим расположением остальных паев, заключенных в той же частице»².

Исследование Бутлеровым строения молекулы имело большое значение и для дальнейшего изучения природы химической связи. В последующем развитии науки было установлено, что химическая связь есть не что иное, как взаимодействие электрических зарядов, носителями которых являются электроны и ядра атомов. Полностью подтвердилось предвидение В. И. Ленина, что «с каждым днем становится вероятнее, что химическое средство сводится к электрическим процессам»³.

Изучение природы химической связи подтвердило и тот вывод материалистической диалектики, что любое явление есть единство противоположностей. Атом, молекула, химическое соединение и т. д. возможны как единство противоположностей. В этом нас убеждает **гомеоплярная** связь. Последняя осуществляется в простейшем случае двумя валентными электронами двух взаимодействующих атомов. Например, H_2 . Если спины электронов двух атомов антипараллельны, т. е. противоположны, тогда при их приближении образуется новое единство — молекула H_2 . Если же спины электронов параллельны, т. е. непротивоположны, то молекула H_2 не образуется, так как не возникает притяжения атомов.

Как уже говорили, молекула есть более сложная структура, следовательно, содержание и форма молекулы сложнее содержания и формы атома. Под *содержанием* молекулы мы понимаем *совокупность* взаимосвязанных одинаковых или различных атомов, внутримолекулярных процессов, физико-химических свойств, связей, отношений, которая в единстве с внутренней формой способна к индивидуальному, физически независимому существованию. Под *формой* молекулы мы понимаем *способ, закон взаимосвязи* всех сторон содержания, внутреннюю организацию внутримолекуляр-

¹ А. Бутлеров. Введение к полному изучению органической химии. Казань, 1864, стр. 46.

² Там же, стр. 672.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 238.

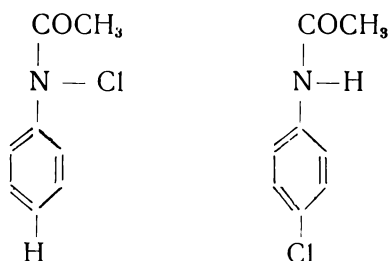
ных процессов, свойств, отношений, т. е. организацию атомов в одно единое целое, в молекулу (сюда входят и такие понятия, как расположение, порядок атомов в молекуле).

Содержание и форма молекулы также находятся в диалектических взаимоотношениях, составляют противоречивое единство, в котором главную роль играет содержание. Любая химическая реакция, приводящая к возникновению нового качества, т. е. сбрасыванию старой формы и утверждению новой, происходит в результате изменения содержания.

Именно так обстоит дело в изомерах. Последние, обладая, как уже говорилось, одинаковым составом и молекулярным весом, в то же время имеют разные физико-химические свойства. Это обстоятельство может создать иллюзию изомеризации без изменений содержания молекулы.

Однако и здесь все происходит в результате изменений содержания. Изомеризация, как особенно убедительно доказала органическая химия, невозможна без строго определенного количества энергии, необходимого для изменения формы (внутренней структуры строения) органического соединения.

Для ясности приведем пример превращения неустойчивого изомера **ацетохлоранилида** в устойчивый изомер **p-хлорацетанилид**:

Как видим, оба изомера имеют одинаковый состав и при превращении первого изомера во второй не происходит никакого изменения количества состава и молекулярного веса. Однако это превращение происходит в результате выделения (убавления) энергии из первого изомера, — без чего было бы невозможно само это превращение. Изменение количества энергии (содержания) первого изомера приводит к внутримолекулярному превращению, т. е. к изменению внутреннего строения (формы) органического соединения, что означает возникновение нового качественного состояния ¹.

Внутреннее противоречивое взаимодействие содержания и формы молекулы является источником перехода молекулы в макротело, источником развития вещества. Причем развитие вещества имеет свою историю усложнения и соединяется двумя путями.

¹ См.: А. В. Раковский. Введение в физическую химию. Отдел восьмой, химическая кинетика и катализ. М., ГОНТИ, 1938.

Путем возникновения индивидуальных частиц различной степени сложности, которые не могут быть разделены, расчленены без полного разрушения и потери своего основного качественного своеобразия. Эти ступени усложнения можно представить следующим образом:

- а) атомы элементов;
- б) простейшие молекулы, образованные одинаковыми атомами, и простейшие структурно-химические единицы, образованные одинаковыми атомами;
- в) молекулы, образованные различными атомами, способные к кинетически независимому существованию, и аналогичные им структурно-химические единицы;
- г) надмолекулярные системы, построенные из двух или более молекул;
- д) мицеллы — представляющие собой сложную систему многих молекул.

Путем бесконечного повторения индивидуальных структурных единиц. Этим способом из всех указанных выше индивидуумов можно образовать макротело¹.

Мы здесь имеем дело со схемой, в общем и целом отражающей историю усложнения и развития вещества и возникновения макротела. Последнее выступает как совокупность особым способом взаимосвязанных молекул и представляет более сложную, более конкретную форму движущейся материи. Каждое макротело имеет не только общие с другими макротелами черты и свойства, но и свои специфические особенности, является качественной определенностью. Вместе с тем его свойства, как уже говорили, не сводимы к свойствам его составляющих отдельных молекул. Понимание этого качественного различия целого и части очень важно для развития науки вообще, физики и химии в частности.

Макротело состоит из молекул. Следовательно, его *содержанием является совокупность молекул, внутренних процессов, его внутренняя жизнь. Его формой является особый способ взаимосвязи всех сторон содержания, составляющих в единстве тело*

Известный интерес представлял бы специальный анализ содержания и формы макротела, например, можно было бы этот вопрос анализировать, опираясь на достижения современной науки о кристаллах, полимерах и т. д. Но в этом случае мы слишком уходили бы в сторону. Вместе с тем, касаясь современных достижений физики и химии, мы сознательно отвлекаемся от исторического пути возникновения этих достижений и берем их как результат, как итог длительного и противоречивого развития этих наук. В данном случае нас интересует вопрос о том, как в объективной действительности, а также в ее познании шел процесс усложнения материи, как развитие шло от абстрактного к конкретному, как противоречие между содержанием и формой, развиваясь внутри данного объекта, а следовательно, и выражающих его категорий,

¹ См.: Ю. А. Жданов. Очерки методологии органической химии, стр. 115.

обуславливает его переход в высшее единство и разрешается в последнем с тем, чтобы то же повторялось в нем.

Противоречие между содержанием и формой в мертвых телах и процессах также прошло длительный (кто знает сколько миллионов лет) путь своего развития, пока, наконец, не породило более высшую и сложную ступень в развитии материи, обусловив переход мертвой материи в живую.

Мы можем сказать, что разрешение противоречия между содержанием и формой есть возникновение нового высшего этапа в развитии. Но говоря это, мы логически обобщаем, сокращаем весь путь исторического развития явлений и выражаем его в основных этапах, характеризующихся такими величайшими скачками в развитии материи, как возникновение жизни на Земле. Между тем очевидно, что непосредственно выводить жизнь из мертвой материи невозможно. Мертвая материя должна была длительное время развиваться сама, «в себе», пока противоречие между содержанием и формой мертвых тел и их физико-химические процессы не достигли той ступени «зрелости», на которой в определенных условиях стало возможным возникновение жизни. Следовательно, между жизнью и мертвой материей существует множество так называемых промежуточных звеньев усложнения и развития самой мертвой материи. Логика должна учитывать эти промежуточные звенья при восхождении от абстрактного к конкретному, ибо конкретное есть такое знание, которое уплотняет, вбирает в себя опущенные ранее по мере восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному промежуточные звенья.

Поэтому, прежде чем говорить о содержании и форме живого тела, необходимо остановиться, хотя бы вкратце, на достижениях современной науки о происхождении жизни на Земле.

Жизнь не обычное усложнение неживой природы, а решающий поворот, величайший скачок в истории развития материи. Она особая, более сложная, чем механическая, физическая и химическая, форма движения материи и возникла химическим путем в определенных условиях. Ее специфика состоит в том, что она *«есть способ существования белковых тел, и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел»*¹.

Носителем жизни является белок. Повсюду, где есть жизнь, она связана с белком. Существенной функцией белка является обмен веществ с окружающей его внешней средой, или ассимиляционно-диссимиляционные процессы. Правда, обмен веществ и энергии имеет место как в живой, так и неживой природе. Но коренное качественное отличие здесь состоит в том, что в живом теле обмен веществ обуславливает его существование, развитие, в то время как в неживом теле обмен веществ обуславливает его гибель. Живое тело существует и развивается благодаря тому,

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 77.

что извлекает из внешней среды нужные вещества, ассимилирует их и одновременно выделяет из себя продукты своей жизнедеятельности. Мертвое же тело, изменяясь, разлагается, перестает быть тем, чем было раньше. «То, что в мертвых телах является причиной разрушения, у белка становится *основным условием существования*»¹.

Из обмена веществ и свойственной белку пластичности «вытекают все прочие простейшие факторы жизни: раздражимость, которая заключается уже во взаимодействии между белком и его пищей; сокращаемость, обнаруживающаяся уже на очень низкой ступени при поглощении пищи; способность к росту, которая на самой низшей ступени включает размножение путем деления; внутреннее движение, без которого невозможно ни поглощение, ни ассимилирование пищи»².

В белке ассимиляционно-диссимиляционные процессы непрерывны, и как только прекращаются эти процессы, прекращается жизнедеятельность белка. Это значит, что «жизнь есть также существующее в самих вещах и процессах, беспрестанно само себя порождающее и разрешающее себя противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть»³.

Вокруг вопроса о сущности и возникновении жизни, поскольку он неразрывно связан с основным вопросом философии, на протяжении всей истории естествознания и философии идет непримиримая борьба материализма против идеализма. И какие бы оттенки в разных условиях и в разные эпохи не имела эта борьба, она была, так или иначе, проявлением борьбы двух философских направлений.

Многочисленные разновидности идеализма в биологии — креационизм, преформизм, витализм, неовитализм и т. д., несмотря на пестроту оттенков, в сущности не отличаются друг от друга, ибо, в конечном итоге, рассматривают жизнь как проявление нематериального начала — бога, «сверхъестественной силы», «особой жизненной силы» и т. д.

Так, например, биологи-креационисты К. Линней, Ж. Кювье, Ж. Агассис и другие доказывали, будто все виды растений и животных созданы путем сверхъестественных «актов творения». К. Линней утверждал, что видов столько, сколько различных форм произвел в начале мира бог. По мнению Ж. Кювье, Земля претерпела ряд катастроф, и после каждой катастрофы путем особых «актов творения» создавались новые живые существа.

Идеалистический взгляд креационистов на жизнь находит свое дальнейшее развитие в теории преформизма, согласно которой будущий организм со всеми своими органами, сторонами в виде готового зародыша имеется в половой клетке. В своей дальнейшей эволюции эта теория дошла до логического конца, вылившись в

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 77.

² Там же, стр. 78.

³ Там же, стр. 114.

крайне абсурдную теорию *вложения*. Сторонники последней Галлер, Бонне и другие утверждали, будто каждый зародыш в своих половых органах заключает зародышей следующего поколения, а эти — более миниатюрных зародышей третьего поколения и т. д. Галлер даже «вычислил», что в яичниках Евы было заложено 200 млрд зародышей — готовых человеческих организмов.

Витализм объясняет сущность жизни наличием в организмах особой сверхъестественной, мистической «жизненной силы». К этому же приходят его различные современные разновидности, которые считают принципиально невозможным наследование приобретенных признаков, мистифицируют наследственность, рассматривая ее как некое потустороннее, раз навсегда данное начало.

Все эти идеалистические теории о сущности жизни в принципе ничем не отличаются от поповской догмы о сотворении всего сущего богом.

Против идеализма в биологии вели непримиримую борьбу как естественноисторический материализм, так и философский материализм всех времен. Как биологи-материалисты, так и философы-материалисты доказывали материальность жизни, отвергали вмешательство бога и других выдуманных сверхъестественных сил в земные дела. В частности, большую роль в борьбе с мистикой в биологии XVIII в. сыграл трансформизм, идеи которого защищали французские материалисты XVIII в. на Западе, а в России — М. В. Ломоносов, К. Ф. Вольф, А. Н. Радищев и др. Трансформизм был формой борьбы материализма против идеализма в биологии.

Однако хотя трансформизм и играл важную роль в исторической подготовке возникновения научной теории жизни, тем не менее он был исторически ограничен и в силу этого не мог преодолеть идеализм в биологии. Домарксистский материализм был метафизическим, и этот недостаток проявлялся также в трансформизме. В частности, говоря об объективном характере и изменчивости видов, сторонники трансформизма в то же время утверждали, что изменять виды можно в любом направлении, т. е. отрицали наследственную преемственность в развитии видов.

Ярким примером этого может служить следующее рассуждение Д. Дидро: «Некогда было одно животное, прототип всех животных, часть органов которого природа удлинила, укоротила, трансформировала, умножила, срастила — и только»¹. По мнению Дидро, превращение одних видов в другие сводится к видоизменениям в рамках прототипа или к различию организации. «Различие между человеком и животным сводится... только к различию организации, — пишет Д. Дидро. — Так, например, удлините у человека лицо, вообразите, что нос, глаза, зубы, уши у него, как у собаки, снабдите его шерстью, поставьте его на четыре лапы, — после такого превращения человек этот, хоть будь он доктором Сорбонны, станет выполнять все функции собаки: он будет лаять,

¹ Д. Дидро. Избранные атеистические произведения. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 112.

вместо того, чтобы аргументировать; он будет грызть кости, вместо того, чтобы заниматься разрешением софизмов; вся его деятельность сосредоточится в обонянии; почти вся душа его будет заключаться в носу: и он будет гоняться по следу за кроликом или зайцем, вместо того, чтобы выслеживать атеистов или еретиков. С другой стороны, возьмите собаку, поставьте ее на задние ноги, округлите ей голову, укоротите морду, отнимите у нее шерсть и хвост, — и вы сделаете из нее ученого доктора, занимающегося глубокими размышлениями о тайнах предопределения и благодати»¹.

В этом остроумном, саркастическом, по существу, атеистическом высказывании мы видим, что, с одной стороны, Дидро отстаивает идею изменяемости видов, с другой — отрицает историческую преемственность в их развитии, последовательность, связь видов, т. е. развитие понимает не диалектически, а метафизически.

Если к этому добавить и то, что многие домарксистские материалисты проводили идеи гилозоизма (это безусловно ослабляло их позицию в борьбе против идеализма), то становится понятным, почему, несмотря на удары, нанесенные домарксистскими материалистами и передовыми биологами по идеализму (в частности по креационизму и преформизму) последний продолжали господствовать в биологии вплоть до возникновения дарвинизма и диалектического материализма.

Научную теорию развития жизни создал Дарвин. Он впервые «положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними»².

Именно Дарвин подготовил связное доказательство того, что «все окружающие нас теперь организмы, не исключая и человека, возникли в результате длительного процесса развития из немногих первоначально одноклеточных зародышей, а эти зародыши, в свою очередь, образовались из возникшей химическим путем протоплазмы, или белка»³.

Научная теория Дарвина получила свое дальнейшее развитие в трудах ученых различных стран (Гексли, Геккель, Гукер и др.), но главным образом нашей страны. Такие выдающиеся представители отечественной биологической науки, как О. А. и В. О. Ковалевские, И. И. Мечников, И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев, И. П. Павлов, И. В. Мичурин и другие отстаивали в борьбе с идеализмом учение Дарвина, обогащали его новыми положениями. Особенно большая заслуга в развитии дарвинизма принадлежит И. В. Мичурину, который своими открытиями заложил основы науки управления растениями, создал теорию селекции, по-новому поставил ряд других проблем по преобразованию природы.

¹ Д. Дидро. Избранные сочинения. т. II. М.—Л., 1935, стр. 6.

² В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 124.

³ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Госполитиздат, 1951, стр. 38—39

Творческий дарвинизм отвергает всякую мистику, неопровержимо доказывает неразрывное единство органической и неорганической природы, материальность жизни, ее возникновение из неживой природы и диалектический характер ее развития.

Руководствуясь принципами диалектического материализма, советские биологи внесли ценный вклад в решение проблемы возникновения и сущности жизни. Согласно современному естественнонаучному взгляду на возникновение жизни, развитому советскими учеными, в частности акад. А. И. Опариным¹, жизнь возникла в определенных геологических условиях развития Земли из неживой природы естественным путем в результате длительных физико-химических изменений и преобразований.

Этот вывод нашел свое яркое подтверждение и в работе Международного симпозиума², посвященного происхождению жизни на Земле, который состоялся в Москве в 1957 г. Участники симпозиума, опираясь на новые факты, обогатили учение об эволюционном пути возникновения жизни, обосновали возможность абиогенного возникновения свойственной протоплазме асимметрии органических веществ, абиогенного образования аминокислот порфиринов, белковоподобных полимеров и других высокомолекулярных органических соединений, внесли много ценного в изучение вопроса о нуклеиновых кислотах, вирусах, привели убедительные факты, показывающие пути образования и усложнения многомолекулярных органических систем, могущих служить основой возникновения первичных живых существ и т. д.

Однако не только возникновение жизни было длительным эволюционным процессом химических преобразований в неживой природе, но и сама возникшая жизнь имеет свою историю, прошла различные этапы своего внутреннего усложнения — от доклеточных, простейших форм живого вещества до человека.

Говоря о простейших формах жизни — белковых телах, которые химии удастся в будущем создать искусственным путем, Энгельс писал: «Подобные тела должны в *лучшем случае* обладать формой самых грубых молекул — вероятно даже еще гораздо более низкими формами — и, конечно, не формой организмов, которые успели уже дифференцироваться благодаря тысячелетнему развитию, обособили оболочку от внутреннего содержимого и приняли определенную, передающуюся по наследству структуру»³.

Однако, когда бы ни была решена эта проблема, каковы бы ни были детали решения вопроса о возникновении жизни — вопроса, требующего, разумеется, дальнейшего еще более глубокого своего исследования, является доказанным как естественноисторическое происхождение жизни из неживой природы, так и ее объективная, материальная сущность.

¹ См.: А. И. Опарин. Возникновение жизни на Земле. Изд. 2. М., 1941; Изд. 3. М., 1957.

² См.: «Возникновение жизни на Земле». Тр. Междунар. симпозиума, 19—24 августа 1957 г. М., Изд-во АН СССР, 1959.

³ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 246.

Так как живое тело есть дальнейшее усложнение в развитии материи, то определение его содержания и формы, на наш взгляд, должно охватить следующие его особенности.

1. Живое тело существует в неразрывной связи с неорганической природой. Оно есть единство разнообразных, особым образом взаимосвязанных химических соединений, составляющих как бы его «субстанцию» и принимающих разное участие в обмене веществ. Так, в живых организмах, по данным современной науки, обнаружено более 60 элементов. В среднем на долю кислорода приходится около 70 процентов общего веса, на долю углерода — 18, водорода — 10,5 процента и т. д. В живом теле имеют место механическая, физическая и химическая формы движения. «...Органическая жизнь, — писал Энгельс, — невозможна без механического, молекулярного, химического, термического, электрического и т. д. изменения»¹.

2. Наличие побочных форм движения в живом теле не исчерпывает его существа. Они являются внутренними условиями существования главной, биологической формы движения. Живое тело невозможно без этих побочных форм. Но вместе с тем нельзя свести биологическую форму к ним. В единстве всех этих форм движения в живом теле биологическая форма является господствующей и для своего существования подчиняет себе все низшие формы движения, которые не составляют «автономии» в живом теле, а слиты воедино с биологической формой, наличествуют в ней в снятом виде.

3. Сущность биологической формы движения состоит в обмене веществ. Живое тело возможно только при том условии, если в нем непрерывно происходят ассимиляционно-диссимиляционные процессы. Живое тело и условия его жизни составляют неразрывное единство. Ассимилируя из внешней среды нужные себе вещества, живое тело превращает их в собственное живое вещество, т. е. самообновляется, самовоспроизводится. Его самовоспроизведение осуществляется благодаря его саморазрушению — диссимиляции. Самовоспроизведение и саморазрушение одновременно обуславливают друг друга, немыслимы друг без друга и только в этом своем единстве обуславливают характерные особенности жизни: раздражимость, подвижность, рост, размножение, изменчивость, наследственность, эволюцию и т. д.

4. Живое тело есть неразрывное единство наследственности и приспособления. Так как условия жизни живого тела непрерывно изменяются, заставляя его приспосабливаться к ним, то соответственно с этим изменяется и наследственность. Следовательно, наследственность включает в себя свою собственную изменчивость и немыслима без нее. Это подтверждается, кроме всего прочего, и биогенетическим законом, указывающим на неразрывное единство онтогенеза и филогенеза.

5. Наконец, вытекающий из противоречивого единства наслед-

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 199.

ственности и приспособления естественный и искусственный отбор — выживание и размножение наиболее приспособленных к условиям внешней среды особей, разновидностей и видов.

Из сказанного следует, что как содержание, так и форма живого тела многосторонни и сложны, и было бы неверно игнорировать принцип всестороннего подхода к определению его содержания и формы. Конечно, ассимиляционно-диссимиляционные процессы в организме составляют самую элементарную сторону его содержания, его основу. Но эволюция создает другие, более сложные его стороны, например физиологические функции, нервную деятельность (у животных). С другой стороны, все эти жизненные процессы не мыслимы без механической, физической и химической форм движения, а также — без химических соединений, химических составных частей и т. д., следовательно, эти последние также органически входят в содержание живого тела.

Стало быть, как в содержании, так и в форме организма имеются главная и неглавная стороны, причем разные значения сторон содержания и формы определяются тем, какую роль эти стороны играют в жизни организма. Так как биологическая форма движения — господствующая, ведущая по отношению к механической, физической и химической формам движения в организме, также являющимся компонентами или сторонами его содержания в снятом виде, то она является главной стороной, а эти побочные формы — неглавной стороной содержания организма.

Это же положение можно выразить и так: содержание организма в широком смысле и содержание организма в узком смысле, имея в виду различные аспекты и отношения содержания. Это относится и к форме.

Такая постановка вопроса не только указывает на сложность предмета исследования, но и предостерегает нас от односторонности и ошибок, мобилизует внимание на исследование сложных биологических процессов не только специалистов-биологов, но и химиков, физиков и специалистов других отраслей знания. Очевидно, что усилиями одних биологов или одних химиков невозможно успешно осуществлять это исследование. Успех может быть обеспечен только на основе коллективных усилий биологов, химиков, физиков и т. д., на основе применения новейших физико-химических методов в исследовании биологических процессов.

Попытаемся теперь дать определение содержания и формы живого тела. Это тем более необходимо, что в литературе существуют различные их определения.

Некоторые наши биологи под содержанием живого тела понимают внешние условия, а под формой — само живое тело¹. Согласиться с таким определением невозможно. Не может быть, конечно, сомнения в том, что живое тело немыслимо без внешних усло-

¹ См., например: «Изв. АН СССР», серия биол., 1953, № 5, стр. 16.

вий. Более того, ни единой проблемы биологической науки нельзя решить, если игнорировать роль внешних условий в жизни организма или отрицать связь живого тела с этими условиями. Вот почему постоянной заботой биологии является изучение этой связи и т. д. Однако как бы ни была велика роль внешних условий в жизни организма, они оставляют вопрос о его содержании и форме открытым. Нетрудно убедиться в этом, если обратиться к самой жизни. В одних и тех же условиях как одновременно, так и в разное время, могут расти и ячмень, и рожь, и пшеница — сотни и тысячи разновидностей и видов растений. Для всех них в определенное время внешние условия одни и те же (в биологическом значении этого слова), между тем все они будут иметь разные содержания и формы. Во всяком случае, пшеница и чертополох, которые растут бок о бок в поле, в одних и тех же внешних условиях не тождественны ни по содержанию, ни по форме.

Далее, если содержанием живого тела являются его внешние условия, то выходит, что само живое тело в себе не имеет своего собственного внутреннего содержания и вынуждено находить его вне себя — во внешних условиях; выходит, что содержание живого тела есть нечто внешнее по отношению к нему, что живое тело есть пустая, бессодержательная форма в самом прямом и полном смысле этого слова. С другой стороны, если внешние условия — содержание, а само тело — форма, то отсюда следует, что сами условия бесформенны, не имеют формы и находят ее вне себя. Между тем внешние условия живого тела есть совокупность определенных явлений природы, каждое из которых имеет свое содержание и форму.

В биологической науке широко принято под формой понимать конкретное живое тело, особь. Но форма здесь употребляется не в смысле внутренней организации самого содержания, а в смысле единичного, индивида, особи, имеющей свое содержание и свою форму. И в такой форме не видеть ее собственного содержания — значит отрицать его. Более того, это определение свидетельствует о том, что его авторы рассматривают живое тело не как процесс, а как мертвое состояние: с одной стороны, берется живое тело, а с другой — внешние условия. Между тем живое тело есть противоречивый процесс, «беспрестанно само себя порождающее и разрешающее себя противоречие». Жизнь — самосовершающийся процесс, сущность которого состоит в постоянном самообновлении химических составных частей белковых тел — носителей жизни, в превращении внешнего во внутреннее, внутреннего во внешнее (ассимиляция и диссимиляция).

Следовательно, для того чтобы дать научное определение содержания и формы живого тела, надо прежде всего рассматривать его таким, каково оно есть в действительности, т. е. как процесс. Рассматривая его таким образом, мы находим, что внешние условия сами по себе не являются ни содержанием, ни формой живого тела. Они превращаются во внутренние составные части

организма. Но внешнее, превращенное во внутреннее, не есть уже внешнее.

Мы не хотим, конечно, сказать, что сами сторонники рассматриваемого определения в своей специальной области отрывают живое тело от внешних условий. Как раз, напротив, в исследовании они исходят из единства организма и внешних условий, подчеркивают их связь, думают и действуют, исходя из этой связи. Но теоретическое выражение этого единства извращается, данное им определение переносит содержание организма во вне, вследствие чего организм лишается своего содержания, превращается в мертвую, пустую абстракцию и таким образом отрицается его связь с внешними условиями. Поэтому сказать, что содержанием живого тела являются его внешние условия, — значит равным счетом ничего не сказать о его содержании и закрыть себе дорогу к познанию его действительного содержания.

Гносеологической основой указанного определения, на наш взгляд, является, с одной стороны, отождествление разных аспектов формы: формы как структуры с формой как единичным, а с другой — стремление втискивать в «прокрустово ложе» категорий содержания и формы все и всякие связи, отношения безгранично богатой действительности. Но ни одна категория логики не есть «универсальная отмычка», с помощью которой можно было бы открыть все и вся. Каждая категория имеет пределы применимости, и нарушение этих пределов превращает ее в абсурд.

В нашей литературе существует и другое определение жизни, данное А. Фурманом. Приведем это определение полностью: «Содержание организма, — пишет он, — составляют:

а) его определенный состав, совокупность белковых тел, из которых состоит организм, непрерывно видоизменяющиеся вещества организма;

б) процессы обмена веществ, т. е. те физиологические и биохимические процессы, посредством которых захватываемые и усваиваемые организмом вещества и энергия превращаются из одного состояния в другое, определенная совокупность функций органов.

Форму организма составляют:

а) определенная форма белковых тел, их структура, организация, морфологическое строение;

б) определенная слаженность процесса обмена веществ, исторически сложившаяся связь функций, последовательность физиологических превращений, образ жизнедеятельности организма, его самообновления, воспроизведения и размножения»¹.

Это определение по сравнению с предыдущим имеет то преимущество, что в нем содержание и форма живого тела рассматриваются как его внутренние взаимосвязанные стороны. Однако это определение, во-первых, страдает рыхлостью, нечеткостью, а во-вторых, в нем верные мысли смешиваются с неверными и, та-

¹ А. Фурман. Мичуринское учение о закономерностях развития органического мира. Госполитиздат, 1957, стр 45—46.

ким образом, вносится известная «неопределенность». Так, например, почему «определенный состав белковых тел» есть только элемент содержания, а не элемент формы? Ведь ясно, что любой состав чего-нибудь есть единство содержания и формы. Или что значит такая формулировка: элементом формы является «определенная форма белковых тел»? Ведь это то же самое, если бы мы сказали, что элементом формы является форма. К тому же, говоря о содержании и форме живого тела, неверно было бы определять их как состав или сумму частей. Прав Гегель, когда говорит, что «части у тупа». В организме мы имеем дело с процессом — процессом специфическим, особым, и эту специфику должно выражать определение его содержания и формы.

Более верное, на наш взгляд, определение содержания и формы организма дает А. С. Мамзин в статье «Категории «содержание» и «форма» в биологии»¹. Под содержанием организма он понимает жизнедеятельность, обмен веществ, осуществляющийся в сложных организмах в виде огромного многообразия физиологических функций, связанных с определенными органическими структурами, а под формой — определенную взаимозависимость и взаимосогласованность физиологических и биохимических процессов, организацию обмена веществ.

Принимая это определение содержания и формы организма, мы хотели бы высказать некоторые соображения. В приведенном определении содержания имеется указание на его главную и главную стороны. Содержание любого явления, а тем более жизни, многосторонне: в нем имеются более существенная и менее существенная, более главная и менее главная стороны и т. д. Обмен веществ, жизнедеятельность является содержанием любого живого тела, начиная с самых низших простейших форм жизни и кончая высшими организмами. Но в сложных, высших организмах главным в их содержании являются сложные физиологические функции. Именно это имел в виду Энгельс, когда определял содержание организма как функцию, а форму — как морфологию². А. С. Мамзин в своем определении содержания организма исходит из этого указания Энгельса и учитывает последние достижения науки.

Мы обратили внимание на эту сторону вопроса потому, что всякое научное определение должно включать в себя указание на его основной, главный признак. В этом отношении образцом служат ленинские определения класса, империализма и т. д. Например, когда В. И. Ленин определяет понятие «класс», то он четко выделяет из всех признаков самый существенный, основной признак — отношение к средствам производства; из всех признаков империализма он выделяет «монополию». Этот принцип должен лечь в основу определения содержания и формы жизни.

Содержание и форма организма составляют неразрывное про-

¹ «Вопросы философии», 1960, № 7.

² См.: Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 249.

тиворечивое единство, где содержание в единоборстве со своей формой играет ведущую, главную роль. Противоречие между содержанием и формой является главным источником как онтогенетического, так и филогенетического развития живых тел. Борьба содержания с формой, сбрасывание старой формы и переделка содержания, развитие как восхождение от абстрактного содержания к конкретному и т. д. — вот что подтверждает данные современной биологической науки и практики.

Прежде всего следует указать на эволюцию живой материи. Для науки является абсолютно доказанным, что жизнь при своем возникновении не имела форм, характерных для современного мира, что она прошла сложный, противоречивый длительный путь совершенствования, развития, усложнения, путь восхождения от простого к сложному, от менее совершенного к более совершенному, от низшего к высшему.

Противоречивость этого пути состоит прежде всего в том, что восхождение, усложнение, начиная от первых простейших доклеточных форм и кончая современными высшими организмами, достигалось как итог, результат процветания одних форм и вымирания других, возникновения, утверждения новых форм и гибели старых. Общий прогресс сопровождался вытеснением менее приспособленных и утверждением лучше приспособленных к внешним условиям существования форм.

На вопрос, что обусловило филогенетические изменения организмов, их усложнение, в чем сущность эволюционного процесса, можно ответить коротко: в противоречии между содержанием и формой организмов. Изменения внешних условий и объективная необходимость приспособления организмов к ним вызывают изменение типа, характера обмена веществ, функции (содержания), а это изменение вызывает в свою очередь изменение морфологической структуры, строения организмов.

Свойству организмов приспосабливаться к внешним условиям, свойству их изменчивости противостоит другое их свойство, также существующее объективно — наследственность. Эти два свойства составляют неразрывное единство, единый противоречивый процесс. Но так как приспособление является более подвижной, изменчивой стороной этого процесса, а наследственность — более устойчивой, то противоречие между ними разрешается и возникает, возникает и разрешается в результате того, что более изменчивая сторона берет верх над более устойчивой.

Дарвинизм неоспоримо доказал революционизирующую роль условий существования в изменении анатомо-морфологической структуры (формы) организмов. «Если бы органические существа, — писал Ч. Дарвин, — и были вполне приспособлены к окружающим условиям в одно какое-нибудь время, они не могут остаться таковыми после того, как эти условия изменились, если сами они не изменятся соответствующим образом; и никто, конечно, не станет оспаривать того, что физические условия каждой

страны, равно как и количество, и характер ее обитателей, претерпели много перемен»¹.

Дарвин на огромном фактическом материале подробно анализирует вопрос изменчивости. Упражнение, неупотребление, привычка, акклиматизация, остановка в развитии, соотносительная изменчивость, сцепление гомологических частей, изменчивость множественных частей, компенсация роста, положение почек по отношению оси у растений и, наконец, аналогичная вариация² — вот процессы, которые управляют изменчивостью организмов.

В подтверждение этих своих выводов ученый приводит множество самых разнообразных, простых, но убедительных фактов. Вот некоторые из них.

Если работа повторяется часто, размеры сосудов увеличиваются и данная часть лучше питается; раскачивание ствола у дерева заметным образом усиливает рост древесинной ткани в тех частях, которые напрягаются; кожа на руках становится толще от черной работы; упражнение укрепляет мышцы; когда какая-нибудь часть тела не употребляется, мышцы атрофируются; при разрушении глаза зрительный нерв атрофируется; если заставить протей жить в глубокой воде, то жабры развиваются до размеров втрое превышающих обычные, а легкие отчасти атрофируются, и, наоборот, если заставить его жить в мелкой воде, легкие становятся больше и богаче сосудами, тогда как жабры в большей или меньшей степени исчезают; наши домашние куры, утки и гуси почти утратили способность летать; на островах Полинезии и в Китае собаку кормят исключительно растительной пищей; в некоторых частях света овец в широких размерах кормят рыбой; европейские собаки плохо себя чувствуют в Индии³ и т. д. и т. п.

Все эти факты указывают не только на отсутствие абсолютно резких разграничительных линий в природе, но и на то, что структурные изменения являются следствием изменений функции, а последняя (в конечном итоге), — измененных условий. «Мы видели, — пишет Дарвин, заключая изложение законов изменчивости, — что перемена условий... определенным образом влияет на организацию, так что все, или почти все, особи, подвергающиеся перемене, изменяются одинаково»⁴. Творчески развивая учение Дарвина⁵, К. А. Тимирязев определенно подчеркивает решающую роль физиологических функций, жизнедеятельности организма в его структурном изменении. Изменчивость, писал он, «доставляет материал для образования новых особенностей строения и отправления организмов», а «наследственность» закрепляет и накапливает

¹ Ч. Дарвин. Происхождение видов. М.—Л., Биомедгиз, 1937, стр. 302.

² См.: Его же. Изменение животных и растений в домашнем состоянии. М., 1941, стр. 480.

³ См.: Там же, гл. XXIII, XXIV, XXV и XXVI.

⁴ Там же, стр. 517.

⁵ Мы сознательно не затрагиваем частных ошибок Дарвина (переоценка роли борьбы за существование и недооценка роли внешних условий и др.), чтобы не уходить слишком в сторону.

их»¹. Указывая на то, что живое тело есть неразрывное единство его физиологических и морфологических сторон, он вместе с тем подчеркивал зависимость изменений морфологии от физиологии. «Физиология, — писал он, — уже начинает разоблачать тайну образования растительных форм, она понемногу научается сама руководить образованием этих форм»².

Исследования и практический опыт И. В. Мичурина, составившие новый, высший этап в развитии дарвинизма, являются красноречивым подтверждением ведущей роли содержания организма по отношению к его форме. И. В. Мичурин на обширном экспериментальном материале с научной неопровержимостью доказал, что изменение внешних условий вызывает изменение типа, характера обмена веществ. В процессе изменения характера обмена веществ противоречие между физиологической функцией и структурой обостряется и доходит до такой точки, когда старая отжившая структура (строение) сбрасывается и возникает новая структура, соответствующая измененному типу обмена веществ — живое тело изменяет, дифференцирует себя тем, что ассимилирует внешние условия. «Всякое растение. — писал И. В. Мичурин, — имеет способность изменяться в своем строении, приспособляясь к условиям новой среды...»³.

И. В. Мичурин резко критиковал тех, кто отрывал наследственность и внешнюю среду друг от друга. «Только совместным действием, — писал он, — наследственной передачи свойств предков и влияния факторов внешней среды создались и создаются в дальнейшем все формы живых организмов»⁴. И далее: «Я считаю полнейшим абсурдом утверждение, что изменение структуры видов и родов растительного царства (произошло) от одной наследственной передачи свойств родителей без равносильного участия влияния внешних факторов окружающей среды»⁵.

Вместе с тем, развивая диалектико-материалистический взгляд на жизнь, ученый доказывал временный, исторически преходящий характер видов и родов. «Все виды живых организмов и их различные формы... имеют определенный и ограниченный известным периодом времени свой цикл развития». Причем продолжительность «периода существования каждой формы всех живых организмов зависит как от строения самой формы организации, так в равной степени и от условий среды и развития, а так как последние, хотя и медленно, постепенно, но безостановочно изменяются, становятся не совсем подходящими для жизни, то зынуют каждую отдельную форму для продолжения своего существования приспособляться, изменять свое строение»⁶.

Именно благодаря взаимодействию содержания и формы жи-

¹ К. А. Тимирязев. Соч., т. VI, М., Сельхозгиз, 1949, стр. 154.

² К. А. Тимирязев. Соч., т. V, стр. 136.

³ И. В. Мичурин. Соч., т. II, стр. 179.

⁴ Там же, т. IV, стр. 321.

⁵ Там же, стр. 320—321.

⁶ Там же, Соч., т. I, стр. 468.

вых организмов и решающей роли содержания в этом взаимодействии из примитивных, простейших доклеточных организмов образовались одноклеточные, давшие начало первым растениям и животным. А из первых животных путем дальнейшего дифференцирования развились бесчисленные классы, отряды, семейства, роды и виды животных и, наконец, та форма, в которой достигает своего наиболее полного развития нервная система, — именно позвоночные. Среди последних рождается, формируется, наконец, то позвоночное, в котором природа приходит к осознанию самой себя, — человек¹

Сделаем некоторые выводы из анализа истории развития природы и ее познания.

1. В своем историческом развитии природа прошла различные, последовательные ступени усложнения. Она переходила от абстрактной сферы к конкретной, от менее конкретной сферы к более конкретной. Переход от механической формы движения к физической, от физической — к химической и от последней — к биологической есть не что иное, как взаимопереход абстрактного и конкретного. Физическая форма движения является конкретной по отношению к механической, но абстрактной по отношению к химической, точно так же химическая форма конкретна по отношению к физической и абстрактна по отношению к биологической. Каждая высшая форма движения содержит в себе каждую предыдущую в снятом виде.

2. Этот взаимопереход объективно абстрактного и конкретного имеет место не только между формами движения, но и внутри каждой из них. Именно потому, что внутри каждой формы движения саморазвитие происходит от низшего к высшему, проходит ряд последовательных ступеней, возможен переход от данной формы к высшей форме. Следовательно, высшая форма возникает не из любого состояния низшей, а из ее высшей ступени, из ее самого зрелого и конкретного состояния. Иными словами, только саморазвитие до полной зрелости низшей формы обуславливает ее превращение в высшую форму.

3. Каждая следующая ступень в развитии природы содержит в себе предыдущую в снятом виде. Высшие формы движения несводимы к низшим, низшие формы всегда наличествуют в высших как подчиненные, побочные формы их развития. Конкретное содержит в себе абстрактное в снятом виде в процессе развития как всех форм движения, так и внутри каждой из них. При этом высший этап в развитии вырастает, возникает непосредственно из своего низшего. Белок возник, независимо от биологических процессов, как продукт химизма. Из этого следует конкретность историзма, состоящая в том, что, во-первых, история предмета начинается с момента его возникновения, а не с предпосылок его возникновения; во-вторых, развитие категорий, отражающих высший

¹ См.: Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 15.

этап развития предмета, позволяя правильно понимать историю его возникновения и становления.

4. Источником перехода низшей формы движения в высшую, а также перехода низшей ступени в высшую внутри каждой из них является противоречие между содержанием и формой, борьба содержания с формой, результатом которой является сбрасывание старой формы и переделка содержания, переход от абстрактного содержания к конкретному. При этом сам переход объясняется тем, что противоречие между содержанием и формой данного состояния не разрешается внутри этого состояния, а его разрешение есть переход в новое высшее состояние.

5. Эта объективная логика истории развития природы в общем и целом совпадает с логикой развития истории познания и с законами логического мышления. Так, например, сначала выдвигаются на первое место науки, которые изучают низшую форму движения материи (механика), затем — науки, изучающие более сложные формы движения (физика, химия и биология). Иными словами, история развития познания выступает как аналог истории развития объективной природы и подчиняется тем же диалектическим законам, что и развитие природы.

2. Ведущая роль содержания в развитии материальной жизни общества

Более конкретной сферой действительности и сложной, высшей формой движения материи является человеческое общество. И здесь мы имеем дело с совпадением объективной логики развития действительности с логикой истории познания. Это видно из того, что подлинная наука об обществе — исторический материализм возникает позже наук, изучающих низшие формы движения. Вместе с тем и история социологии в общем и целом совпадает с законами логики: от отдельных, абстрактных моментов, элементов знания об обществе до всесторонней, конкретной марксистской науки об обществе — таков путь истории социологии.

Исторический материализм исходит из того, что сущность общества состоит в производстве материальных благ, в том, что люди создают потребительные стоимости, приспособливают вещество природы к человеческим потребностям. Если животные приспособляются к господствующим над ними внешним условиям их существования, то люди благодаря производству приспособливают, преобразуют и подчиняют своей власти внешние (естественные) условия своего существования, господствуют над ними. Вся история общества есть история развития господства человека над силами природы. Наконец, если животные изменяют природу бессознательно, пассивно, в силу своего присутствия в ней, с помощью своих органов, то люди, обладая сознанием, волей, изменяют природу целенаправленно, активно, в процессе своей целесообразной, производственной деятельности, с помощью *изготавливаемых ими же орудий труда*. История производства — это история активного

преобразования, изменения природы людьми, вместе с тем она есть история изменения как орудий труда, так и самих людей.

Сложность общественного производства состоит в том, что люди, ведя постоянную борьбу с силами природы, одновременно находятся в определенных отношениях между собой. Они не могут ни производить, ни существовать вне этих отношений. Не только отношения людей продукт их деятельности, но и сами люди — продукт этих отношений. Иными словами, сложность производства состоит в том, что оно есть единство двоякого рода отношений, единство двух взаимосвязанных сторон. Одна сторона — это отношение людей к силам природы, другая — отношение людей друг к другу в процессе производства. «В производстве, — писал К. Маркс, — люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»¹.

Отношение общества к силам природы есть функция, действительность производительных сил, являющихся *содержанием* всей производственной деятельности людей.

Из каких же внутренне взаимосвязанных сторон, элементов состоит это содержание?

В нашей философской и экономической литературе существуют различные, по крайней мере две, точки зрения по этому вопросу. Согласно одной из них, в понятие производительных сил входят, кроме людей, только орудия труда, а все прочие средства производства исключаются. Сторонники этой точки зрения такое сужение понятия производительных сил аргументируют тем, будто включение других средств производства в производительные силы «смешивает» социальные и природные явления, принижает роль орудий труда. Но эта аргументация не выдерживает научной критики.

Прежде всего нужно отметить, что авторы, выступающие против «смешения» социальных и природных явлений, сами, незаметно для себя, допускают такое «смешение», когда известное положение Маркса: «Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда»² — интерпретируют так: «Всякий процесс труда, процесс производства *включает в себя* (курсив наш. — А. М.) следующие три момента...»³, и далее, как у Маркса. В данном случае Маркс не говорит «**включает**» он или нет все три момента в процесс труда. Он лишь указывает, что труд возможен при наличии этих трех моментов. Между тем сторонники критикуемой точки зрения, «чутьочку» поправляя Маркса, включая предмет труда и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 441.

² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 185.

³ «Исторический материализм». Госполитиздат, 1954, стр. 56.

все средства труда в процесс труда, в то же время исключают их из понятия производительных сил¹. При этом они делают вид, что «возражают» против смешения «общественных и природных явлений».

Но надо быть последовательным: или труд, производство включает в себя предмет труда и все средства труда, тогда включает их и содержание производства — производительные силы, или производство не включает их в себя, тогда и производительные силы не включают их в себя. Третьего, как говорится, не дано.

Что же касается того, что включение предмета труда и других средств производства в производительные силы будто бы «затушевывает», «принижает» решающую роль орудий труда по отношению к другим средствам производства, то этот аргумент, на наш взгляд, также не выдерживает научной критики. В любом определении всегда есть одновременно и главный решающий признак, и неглавные, подчиненные признаки. Но разве наличие неглавного признака затушевывает главный признак? Разве мыслимо явление без главного или неглавного признака? Напротив, главный признак явления мыслим лишь при наличии неглавного. Явление не может состоять только из одной противоположности — главной или неглавной стороны. Оно есть их единство. Включение понятия неглавного признака в определение предмета не принижает роли главного его признака, а, напротив, подчеркивает его. Это вытекает из диалектической природы самого явления, что и должно находить свое отражение в познании.

Положение, что из всех средств производства решающую, главную роль играют орудия труда, совершенно верно и против этой марксистской истины возражать нельзя. Но такой вывод возможен лишь при учете соотношения орудий труда и других (неглавных) средств производства. Без этих «других» средств производства беспредметно говорить о решающей, главной роли орудий труда.

Сторонники другой точки зрения включают в понятие производительных сил кроме людей и средств производства естественные производительные силы или внешние природные условия, природные ресурсы, как таковые: полезные ископаемые в земных недрах, естественные леса, луга, и т. д., взятые сами по себе, как элементы природы. Они рассуждают просто, но неверно: раз производство материальных благ немыслимо без этих внешних факторов, то последние должны входить в производительные силы. Но, рассуждая таким образом, они действительно смешивают общественные и природные явления и тем самым затрудняют научное познание.

Итак, даже при беглом знакомстве с приведенными определениями производительных сил, становится очевидной их несостоятельность.

¹ См.: «Исторический материализм». Госполитиздат, 1954, стр. 59. (Книга «Основы марксистской философии» (Госполитиздат, 1959) делает шаг вперед, включая в производительные силы, кроме людей и орудий труда, средства труда, но все же не идет до конца).

Не претендуя на исчерпывающее определение, мы считаем, что под общественными производительными силами следует понимать *совокупность всех внутренних, взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, в единстве составляющих процесс производства материальных благ.*

Каковы же эти элементы?

Важнейшим элементом производительных сил являются люди, трудящиеся. Маркс указывал, что «наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс»¹. «Первая производительная сила всего человечества, — писал В. И. Ленин, — есть рабочий, трудящийся»². Именно потому, что трудящиеся массы являются главной производительной силой, они являются творцами истории, решающей силой исторического развития.

Но сущность людей состоит в том, что они делают, производят орудия и средства труда, являющиеся другим элементом производительных сил. Решающая роль людей в процессе производства, в истории невозможна без средств производства и прежде всего без средств труда. «Средства труда, — пишет Маркс, — есть вещь или комплекс вещей, которые рабочий помещает между собою и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их действовать в качестве орудия его власти... Таким путем предмет, данный самой природой, становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлинняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего»³.

Из всех средств труда главными для производства являются орудия труда — «механические средства труда» или «костная и мускульная система» производства. Орудия труда являются как мерилom развития человеческой рабочей силы, так и показателем состояния данных общественных отношений. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»⁴.

Решающая роль орудий труда возможна лишь в процессе, в действии, т. е. в соединении, единстве с людьми. Техника без людей мертва. «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того, она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости»⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 184.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 334.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 186.

⁴ Там же, стр. 187.

⁵ Там же, стр. 190.

Ни люди без орудий труда, ни последние без людей не являются производительными силами. Они являются таковыми лишь во взаимодействии.

Но исчерпывают ли собой люди и орудия труда всю совокупность производительных сил? Нет, конечно! Как известно, Маркс в понятие средств труда¹, кроме орудий труда, включает и все те материальные вещи, условия, которые являются или продуктом человеческого труда («сосудистая система производства — бочки, трубы, различные сосуды, здания, сооружения, дороги и т. д.), или «профильтрованы» процессом труда (пахотная земля, водохранилища и т. д.), но которые необходимы для процесса производства.

Мы считаем, что все эти средства труда также являются элементом производительных сил общества. Это наше мнение основывается на следующем: не только орудия труда, но все другие средства труда являются специфически экономическими категориями; не только в орудиях труда, но и в них воплощен, материализован человеческий общественно необходимый труд; не только орудия труда употребляются, участвуют в процессе труда, но и они; не только орудия труда, но и они являются внутренними моментами, элементами процесса производства, без которых немисл в своей непосредственности сам этот процесс.

Чтобы убедиться в этом, приведем такой простой пример. Орудия труда являются «костной и мускульной системой производства», это верно! Но мыслима ли эта система без транспорта? Возможен ли процесс современного производства без транспорта? Каждый скажет, что нет! Является ли транспорт внешним по отношению к производственному процессу людей, по отношению к обществу? Каждый знает, что нет! На каком же основании тогда мы должны исключить транспорт из понятия производительных сил? Нет такого основания.

Могут возразить: без природы тоже не может быть общественного производства. Верно! Но природа не есть транспорт. Природа существовала и существует без общества и независимо от него. Транспорт же не существует вне общества, вне производства. Он является продуктом материального производства и в то же время средством этого производства — вместе с другими средствами труда он, правда опосредованно, направлен на предмет труда. Конечно, можно и должно говорить о различной роли тех или иных элементов производительных сил в процессе производства, об их непосредственном и опосредованном участии внутри самого этого процесса. Но исключить из единого организма производительных сил те или другие их стороны на том основании, что эти последние принимают участие в добывании материальных благ не непосредственно, а опосредованно — такой же абсурд, как если бы

¹ Некоторые авторы отождествляют понятие «орудия труда» и «средства труда». Например, в книге «Основы марксистской философии» (стр. 386). Между тем, эти понятия не тождественны. Между ними есть разница. Всякое орудие труда есть средство труда, но не всякое средство труда есть орудие труда. Понятие «средства труда» шире.

мы исключили транспортников из понятия производительных сил, или, более того — из категории людей вообще, ибо люди отличаются от животных тем, что производят материальные блага, а транспортники не производят.

Нам остается разрешить еще одно затруднение: входит ли предмет труда в понятие производительных сил? Этот вопрос не из легких, и для его решения нужно знать, что мы понимаем под предметом труда. Предмет труда Маркс включает в понятие средства производства. «Если рассматривать весь процесс, — пишет он, — с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства...»¹. Под предметом труда марксизм понимает все то, на что направлен труд. В этом смысле предмет труда предстает перед нами как нечто внешнее по отношению к процессу труда. И на первый взгляд казалось бы, что коль скоро это так, то предмет труда неправильно было бы включать в понятие производительных сил. Однако это лишь на первый взгляд. В действительности дело обстоит не так просто.

Предметы труда по своему составу и характеру неоднородны.

Во-первых, предметами труда являются *сырые материалы*, т. е. продукты человеческого труда, или элементы природы, подвергшиеся «фильтрации» процессом труда: выплавленный металл, добытая из недр нефть, пряжа, стройматериалы и т. д. Такие предметы труда в целом не противостоят производственному процессу как нечто внешнее. Они являются внешними по отношению к отдельным элементам производительных сил, но внутренними по отношению к ним в целом. Поэтому, по нашему мнению, понятие производительных сил должно включать в себя эти сырые материалы как составной элемент, компонент.

Во-вторых, предметами труда являются *природные ресурсы* (предметы труда добывающей промышленности), не являющиеся сырыми материалами. Природные ресурсы сами по себе, как таковые, не являются элементом производительных сил или являются таковыми лишь в возможности. Естественные средства производства, или «естественные производительные силы»²: нефть, уголь, железная руда и т. д. — в недрах существуют сами по себе, независимо от общества. И если мы все это включим в понятие производительные силы, то действительно смешаем общественные и природные явления. Но важно иметь в виду и другое: эти внешние природные ресурсы не остаются нетронутыми. И если они равнодушны, безразличны к обществу, то общество далеко не безразлично к ним. Коль скоро существует производство материальных благ, то предмет труда мыслится только в процессе, во взаимодействии с людьми и средствами труда. Только тогда, когда на природные ресурсы направляется труд, вовлекая их в процесс труда, они становятся предметом труда. Труд же есть процесс, «в

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 188.

² В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 288—289.

котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»¹. Сущность обмена веществ в данном случае состоит в том, что внешнее превращается во внутреннее: внешние природные ресурсы в процессе труда, становясь предметом труда, «ассимилируются», «поглощаются» этим процессом и превращаются в продукты личного и производственного потребления, подобно тому *как живое тело, ассимилируя внешние условия, превращает их во внутренние стороны своей жизнедеятельности*. Внешние чуждые силы, противостоящие обществу, превращаются в процессе производства во внутриобщественные силы и средства. И так как производство есть непрерывный процесс, то непрерывным процессом является и превращение внешних природных ресурсов в сырые материалы, а следовательно, во внутренние элементы производительных сил. Именно процесс производства есть та самая грань, которая отделяет ресурсы природы как таковые от сырых материалов, т. е. от ресурсов природы, вступивших в процесс производства и превратившихся в элементы производительных сил.

В этой связи следует особенно подчеркнуть возрастающую роль сырых материалов в дальнейшем мощном развитии материального производства. По мере научно-технического прогресса предметы труда — сырые материалы как в качественном, так и в количественном отношении будут все более и более *превалировать* над предметами труда — природными ресурсами. Так, например, материально-техническая база коммунизма предполагает создание и использование химических продуктов, новых высокоэффективных материалов, новых предметов труда, функционирующих в условиях сверхвысоких давлений, температур и скоростей, превосходящих по прочности, надежности и другим технико-экономическим показателям все известные природные ресурсы. Иными словами, все большее значение будут приобретать предметы труда, являющиеся продуктами труда, и не включать их в понятие производительных сил — значит обеднять это понятие и, сверх того, игнорировать роль практики как критерия истины.

Итак, непосредственными элементами, сторонами общественных производительных сил или содержания способа производства, соотношенного с его формой — производственными отношениями являются в единстве люди и все те средства производства, которые являются продуктами труда или подверглись «фильтрации» предшествующим процессом труда. Особый тип, характер этой взаимосвязи людей и средств производства — есть *производственные отношения*, в совокупности составляющие внутреннюю структуру, форму способа производства, экономический строй общества на данном этапе его развития. «Каковы бы ни были общественные формы производства, — пишет Маркс, — рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одних от других, и те и другие являются его

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 184.

факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи общественного строя»¹.

Соединение людей и средств производства в действительности не может не быть взаимопроникновением производительных сил и производственных отношений. Это взаимопроникновение есть противоречивый процесс: люди, соединяясь со средствами производства для обмена веществ между собой и природой, вступают в то же время в отношение друг к другу, которое выражается через их отношение к средствам производства.

Производственные отношения являются сложной системой складывающихся в процессе экономической жизни людей многих численных, переплетающихся отношений и связей, в рамках которых существуют и развиваются производительные силы. Для научного познания всей этой сложной системы отношений в высшей степени важно выделить из нее главное, основное, решающее отношение. Таким отношением является отношение к средствам производства, или формы собственности. Во все исторические эпохи формы собственности, соответствующие уровню производительных сил, в конечном итоге определяли собою все остальные стороны или элементы производственных отношений.

Подчеркивая главную роль собственности на средства производства по сравнению с другими элементами производственных отношений, отношений обмена, купли-продажи и т. д., Маркс писал: «... прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) — что представляет собою дальнейшее определение того же отношения — распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидуумов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено внутри самого процесса производства и которое определяет строение производства»².

Марксистское определение производственных отношений довольно широко освещено в нашей литературе, и нет надобности здесь подробно останавливаться на нем. Поэтому целесообразно перейти к анализу взаимодействия содержания и формы материальной жизни общества и ведущей роли содержания в этом взаимодействии.

Способ производства материальных благ, так же как и явления природы, развивается на основе диалектического взаимодействия содержания и формы. И здесь развитие идет от содержания

¹ К. Маркс. Капитал, т. II, 1951, стр. 32. Мы здесь хотим отметить, что «особый характер и способ» соединения людей и средств производства есть особый характер отношения людей к средствам производства, что, в свою очередь, означает отношения между людьми по поводу средств производства. Поэтому, в сущности, оба предложения — «отношение людей к средствам производства» и «отношения между людьми по поводу средств производства» — одно и то же.

² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 208.

к содержанию через переделку содержания путем сбрасывания отжившей формы.

Открыв в способе производства главную причину изменений всех сторон общественной жизни, классики марксизма вместе с тем исследовали внутреннюю диалектику его содержания и формы. Они неопровержимо доказали решающую, ведущую роль производительных сил и подчиненную роль производственных отношений, открыли ту научную истину, что смена одного способа производства другим есть закономерный процесс, вызываемый потребностями развития производительных сил, их ведущей, решающей ролью, а не есть плод субъективного желания людей.

В чем же состоит эта роль производительных сил? Прежде всего, в их непрерывной, постоянной *изменчивости*. Люди не могут существовать без непрерывного производства и воспроизводства своей материальной жизни. Каковы бы ни были в разных исторических условиях и в разных странах причины, факторы, характер, темпы, масштабы, глубина и т. д. изменений материального производства, — одно является безусловным: его изменения должны быть *постоянными, непрерывными*. Общество не может перестать потреблять и не может перестать производить.

Изменение, развитие всех сторон общественной жизни людей в конечном итоге вызываются изменениями способа производства; изменения способа производства вызываются изменениями производительных сил, а в производительных силах изменяются прежде всего орудия труда. «Приобретая новые производительные силы, — писал Маркс, — люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»¹.

Усовершенствование, развитие орудий труда в конечном итоге всегда приводило к глубоким изменениям общественной жизни. Так, например, переход от первобытного общества к рабовладельческому был обусловлен переходом от каменных орудий к металлическим. Только на основе развития орудий труда в недрах первобытного строя производительность труда могла достигнуть уровня, который позволяет получать излишек продуктов, а вместе с этим возникает возможность отчуждения от работника части производимого продукта — возможность одним людям жить за счет труда других. В определенных условиях общественного разделения труда эта возможность превращается в действительность. Возникают новые отношения между людьми — отношения частной собственности на средства производства.

Смена прежних отношений людей, основанных на общественной собственности, новыми, рабовладельческими отношениями, основанными на частной собственности, означала возникновение и утверждение отношений имущественного неравенства, эксплуатации

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 133.

человека человеком, господства и подчинения, вражды и антагонизма, «войны всех против всех».

Дальнейшее усовершенствование орудий труда и рост производительности труда в рамках рабовладельческого строя приводят к тому, что существующие рабовладельческие общественные отношения начинают тормозить развитие производительных сил. На этом этапе возникает объективная возможность прикрепления рабов к земле, осуществление чего означало переход общества из рабовладельческого состояния в феодальное.

Дальнейшее усовершенствование орудий труда в рамках феодализма, переход от ремесла и ручного труда к мануфактурному, затем — машинному производству, появление механического ткацкого станка, прядильной машины, паровой машины, вместе с тем дальнейший рост общественного разделения труда, в частности технического разделения труда внутри предприятия, появление нового типа работника и т. д.—все это вызвало промышленный переворот и поставило вопрос об упразднении феодальных производственных отношений. Последние под тяжестью разросшихся производительных сил стали терпеть крушение и вытесняться новыми, капиталистическими общественными отношениями. Этот процесс означал переход общества от феодализма к капитализму.

Но в дальнейшем то же самое происходит с капитализмом. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями»¹.

В эпоху империализма неизмеримо обострился конфликт между современными могущественными производительными силами и отжившими капиталистическими производственными отношениями, превратившимися в преграду для общественного прогресса. Но какова бы ни была эта преграда на пути производительных сил, последние пробивают себе дорогу с исторической неизбежностью и необходимостью. Крушение капиталистических производственных отношений под тяжестью разросшихся производительных сил более не является вопросом только одной теории. Ныне на глазах нашего поколения осуществляется грандиозный, невиданный в истории по своим масштабам, глубине и размаху процесс *практического* перехода человечества от капитализма к социализму. Этот переход является самой главной, существенной чертой современной эпохи человечества.

Таким образом, изменения производственных отношений — переход от одного способа производства к другому, от одного обще-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1950, стр. 38.

ства к другому — происходили в результате изменений производительных сил, и вызывались потребностями их развития.

Можно анализировать какое угодно количество явлений и какое угодно явление, вывод будет непременно один и тот же: содержание во взаимодействии со своей формой играет ведущую, главную роль. В этом нас убеждает и анализ взаимодействия содержания и формы явлений общественного сознания, духовной жизни общества.

3. Ведущая роль содержания в развитии духовной жизни общества

Прежде чем приступить к анализу взаимодействия содержания и формы явлений духовной жизни, необходимо сделать следующее замечание.

Общественное бытие, способ производства в единстве своего содержания и формы является, как увидим позже, содержанием общественного сознания во внешнем своем аспекте или, что то же самое, является внешним содержанием духовного. Это содержание есть источник, основа духовного и в конечном итоге определяет его. Однако оно не является внутренним содержанием духовного, и из него непосредственно выводить внутренние аспекты содержания и формы идеологических явлений невозможно. Одним из важнейших требований логического закона восхождения к конкретному, синтетического выведения, развития конкретного из абстрактного является то, что каждая новая ступень восхождения должна быть выведена непосредственно из своей предыдущей ступени и содержать ее в себе в снятом виде, должна быть связана с ней непосредственно. Поэтому «прыжки» через опосредствующие связи или звенья, кроме путаницы, ничего не дают познанию. Вообще говоря, познание истины невозможно, если игнорировать это требование. Мы уже видели, что недостаточность метода Рикардо главным образом состояла в том, что он пытался непосредственно подогнать под стоимость все другие конкретные категории, игнорируя анализ опосредствующих звеньев. Выводить все сложнейшие явления общественного сознания, а следовательно, внутреннее единство их содержания и формы, непосредственно из общественного бытия — значит поступать так, как поступал Рикардо в своем экономическом учении, т. е. к познанию и логике применять не диалектику, а метафизику.

Почему нельзя непосредственно выводить явления сознания из экономической жизни общества? Потому, что общественное сознание в своем развитии обладает относительной самостоятельностью, объясняющей возникновение промежуточных связей, опосредствующих звеньев как между экономическим источником и современным состоянием сознания в целом, так и между исходным пунктом и современным состоянием той или иной формы сознания. Эти опосредствующие связи легко понять, если исходить из специфики развития форм общественного сознания, из закона *преимущественности* в их развитии.

Все формы общественного сознания — политические и правовые

взгляды, нравственность, искусство, литература, наука, религия, философия, национальный характер людей, их психический склад и т. д. — отражают общественное бытие и в конечном итоге определяются последним. Вместе с тем на основе определяющей, решающей роли общественной практики все они имеют свою внутреннюю логику, развиваются по своим собственным законам, обладают *относительной самостоятельностью* в своем развитии.

Марксизм вскрывает антинаучный характер утверждений как идеалистов, в разной форме отрицающих материальный источник сознания людей, так и вульгарных материалистов, одни из которых объявляют сознание материальным, особым видом материи, а другие хотя и признают духовную природу сознания, но отрицают его относительную самостоятельность, выводят те или иные формы общественного сознания *непосредственно* из уровня производительных сил, из уровня техники. Между тем общественное сознание определяется уровнем производительных сил, отражает их изменения, их состояние не непосредственно, не прямо, а опосредованно, через промежуточные звенья — через производственные отношения, через социально-политические отношения, через противоречия общественной жизни, классовую борьбу и влияние всех форм сознания друг на друга, особенно через влияние политики, являющейся концентрированным выражением экономики.

Далее. В развитии идеологических форм объективно соблюдается преемственность, делающая их относительно самостоятельными по отношению к своему экономическому источнику. «Раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке»¹. С каждым «уходящим» поколением идейное содержание сознания не «уходит», не исчезает, а новое поколение, вступая в жизнь, не начинает «сначала», не возвращается к исходному состоянию человеческого сознания и не проходит те же этапы развития, которые прошли предшествующие поколения. Иначе не было бы никакого развития общества.

Все представления, знания людей в своей совокупности сохраняются, увеличиваются, накапливаются, развиваются, передаваясь от поколения к поколению, подвергаясь «дальнейшей переработке». Благодаря этому каждое новое поколение, вступая в жизнь, всегда застаёт в ней готовый духовный материал, на котором воспитывается, из которого исходит, который продолжает, развивает. Конечно, оно может внести и вносит в него разные изменения, берет из него то, что соответствует его социальным, классовым интересам, отбрасывая то, что не соответствует им, или то, что изжило себя; вносит нечто новое, обогащая его новыми положениями и т. д. Но, так или иначе, все позитивное в содержании сознания людей как бы «конденсируется», «интегрируется», воплощается «в плоть и кровь» духовной жизни каждого нового поколения. Поэтому сегодняшняя искусственная планета является итогом, ре-

зультатом, сгустком, воплотившим в себе достижения всего предшествующего человечества.

Но раз та или иная форма общественного сознания развивается на основе всей совокупности накопленных в этой области представлений, то она в известной степени обособляется, удаляется от своего материального источника. С каждым новым поколением возникают все новые промежуточные связи, звенья между данными представлениями и их материальным источником. И чем больше этих связей, чем больше развивается та или иная идеологическая форма, чем больше она усложняется, становится более конкретной, многосторонней, тем больше «запутывается», «теряется» ее связь с материальными условиями ее существования, тем в большей степени она «удаляется» от своего материального источника, следовательно, тем более усиливается ее относительная самостоятельность.

Относительной самостоятельностью форм сознания объясняется, в частности, тот факт, что периоды расцвета некоторых из них или упадка не совпадают с состоянием производительных сил общества. Таковы, например, искусство, художественная литература. В современных США уровень производительных сил неизмеримо выше уровня производительных сил самых передовых стран Европы эпохи Возрождения. Однако искусство, в особенности живопись, эпохи Возрождения по своему прекрасному содержанию и столь же прекрасной форме неизмеримо выше выродившегося формалистического искусства США.

Следует учесть, что формы общественного сознания имеют, кроме общих, и специфические черты. Одни из этих форм, например, возникают вместе с возникновением общества (нравственность, психический склад) и сохраняются на протяжении всей истории общества, претерпевая непрерывные изменения; другие возникают на одном этапе его развития и ликвидируются на другом (религия, политика, право); третьи возникают на более развитом этапе общества и продолжают существовать, развиваться на всем его протяжении (наука, искусство). Формы сознания отличаются друг от друга и тем, какую сторону общественного бытия они отражают, как близки они к экономике, какую роль играют в ее развитии и т. д.

Нет надобности в данной работе подробно останавливаться на всех формах общественного сознания. В противном случае мы просто подменяли бы собою отдельные науки, изучающие их. К тому же для того, чтобы показать специфические особенности содержания и его ведущую роль во взаимодействии с формой в общественном сознании, вовсе не обязательно детальное рассмотрение всех форм сознания. Ограничимся рассмотрением этого вопроса в художественной литературе, поскольку и до сих пор не прекращаются горячие споры о содержании и форме литературного произведения.

В последнее время в нашей печати чаще обсуждаются вопросы о путях развития художественной литературы, о ее успехах и недостатках, о причинах творческих срывов, о критерии художествен-

ности и т. д. и т. п. Разумеется, все эти вопросы нельзя успешно решать без правильного, марксистского анализа проблемы содержания и формы в произведениях литературы. Более того, без такого анализа нельзя верно оценить литературные произведения, вести успешную борьбу против проявлений формализма и всяких отклонений от метода социалистического реализма.

При определении содержания и формы в литературе нужно исходить из ее специфики, заключающейся в особой природе отображения действительности. Если научное познание проникает в сущность явлений и процессов, отвлекаясь от всего чувственного их многообразия, то литература вскрывает сущность явлений, не отвлекаясь от этого многообразия, а отображает его, воссоздавая целостную живую картину отображаемого. Так, например, каждая из общественных наук, изучая закономерности развития человеческого общества, не интересуется бытом, характером людей, их переживаниями, а изучает человека с какой-либо одной существенной, социальной стороны (это и понятно, ибо наука должна отвлечься от всего этого, чтобы открыть закон). Литература же, изучая человека, образно раскрывает его индивидуальный характер и интимные переживания, глубоко проникает в его «душу». Но такое отражение человеческих отношений немыслимо в логических категориях и законах, а требует специфического способа отражения, отличного от научного. Таким способом и является *художественный образ*.

Художественный образ одновременно сочетает в себе обобщенное и чувственное, эмоциональное; абстрактное и конкретное; общее и единичное. Без любой из этих сторон двуединого начала не может быть художественного образа, т. е. художественного отображения действительности.

Особенность художественного образа, в отличие от научных понятий, состоит в том, что он выражает существенное, типическое в явлениях в сугубо определенном индивидуальном, единичном. Писатель, создавая типические образы, писал Н. А. Добролюбов, обобщает в душе своей частные явления, создает одно стройное целое из разрозненных черт, находит живую связь и последовательность в бессвязных, по-видимому, явлениях, сливает и перерабатывает *в общности своего мировоззрения* разнообразные и противоречивые стороны действительности¹.

Типизация — непрерывное условие создания реалистического произведения литературы и искусства. Обобщая факты, события, писатель-реалист схватывает существенное, общее в них и воплощает его в определенном типе, в сугубо индивидуальном лице. «Надобно, чтобы лицо, — писал Белинский, — будучи выражением целого особого мира лиц, было в то же время и одно лицо, целое индивидуальное. Только при этом условии... и может оно быть типическим лицом...»². В подлинно реалистической литературе тип

¹ Н. А. Добролюбов. Избранные сочинения. Госполитиздат, 1948, стр. 328.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений в 13 томах, т. IV, стр. 73.

всегда является определенным, неповторимым, живым лицом. Создание образа определенного типа людей — это создание человеческих характеров, «аккумулировавших», воплотивших в себе все существенные черты данной социальной группы людей.

Если литератор, указывая А. М. Горький, опишет одного знакомого ему лавочника, чиновника, рабочего, то может получиться более или менее удачная фотография именно одного человека, но это будет лишь фотография, лишенная социально-воспитательного значения, и она почти ничего не даст для расширения, углубления нашего знания о человеке, о жизни. Но если писатель сумеет отвлечь от каждого из двадцати, пятидесяти, из сотни лавочников, чиновников, рабочих наиболее характерные классовые черты, привычки, вкусы, жесты, верования, ход речи и т. д., — отвлечь и объединить в одном лавочнике, чиновнике, рабочем, этим приемом писатель создаст «тип», это будет искусство¹.

Тип не есть та или иная абстрактная черта человеческого характера. Можно о человеке говорить, что он скуп. Но такая абстрактная черта характера — скупость не есть тип скупца в литературе и поэтому не может иметь той силы эстетического воздействия, какую имеет, скажем, образ Плюшкина. Когда вместо скупца говорим — Плюшкин, то мы представляем определенное лицо, у которого «... никакими средствами и стараниями нельзя было докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идет на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук».

Но это был не нищий, а помещик, у которого были тысяча с лишним душ, огромные богатства и которому всего этого казалось мало. Не довольствуясь этим, он ходил еще каждый день по улицам своей деревни, заглядывал под мостики, под перекладыны, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, — все тащил к себе и складывал в кучу. Все это выражало опустошенность души этого человека. — Человеческие чувства, которые и без того не были в нем глубоки, мелели ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось в этой изношенной развалине. В литературе скупец — это Плюшкин Гоголя или Гобсек Бальзака; подлец по убеждению, благонамеренный ханжа — это Фамусов Грибоедова; вероломная мерзость уходящего мира — это Иудушка Головлев Салтыкова-Щедрина, пролетарский революционер, самоотверженно борющийся против старого мира, за счастье народа — это Павел Власов Горького и т. д.

Создавая типические характеры в типических обстоятельствах, писатель-реалист тем самым отображает в единстве как сущность,

¹ См.: А. М. Горький. Избранные литературно-критические статьи. М., Гослитиздат, 1951, стр. 223.

так и чувственную сторону явлений жизни. Человек утверждается в предметном мире, как говорил Маркс, не только через посредство мышления, а и через посредство всех чувств.

Специфика художественного отображения действительности указывает на сложность и многосторонность литературных явлений, и в частности их содержания и формы.

Утверждение, что непосредственным содержанием данного литературного произведения является объективная действительность, общественное бытие, по меньшей мере, оставляет открытым вопрос о его непосредственном содержании. Мы имеем теперь возможность убедиться в этом на том простом факте, что разные писатели, отражая одно и то же общественное явление, создают разные, подчас прямо противоположные по содержанию произведения.

Так, например, отображая революцию 1905—1907 гг., Горький в своем романе «Мать» на ярких художественных образах пролетарских революционеров показывал борьбу народа против царизма и капитализма за социализм, утверждал неизбежную гибель эксплуататорского строя и победу социализма. Но, отображая то же явление (революцию 1905—1907 гг.), один из представителей буржуазного искусства Л. Андреев искажал суть народной революции, изображая ее как анархистский бунт, как слепую, разрушающую стихию, сеял неверие и пессимизм. («Царь-Голод», «Савва», «К звездам», «Так было», «Тьма» и др.). Мы видим, что произведения Горького и Андреева, отражающие первую русскую революцию, имеют разное содержание.

Из этого следует, что содержание каждого конкретного произведения отражает свой предмет, но *не сводится* к нему, отличается от него. Это отличие состоит в самом *художественном отображении* общественных явлений данным литературным произведением.

С другой стороны, нельзя согласиться и с теми авторами, которые под содержанием в искусстве понимают «определенные общественные идеи — политические, нравственные и т. д.»¹. «Политические и т. п. идеи» так же, как и общественное бытие, оставляют вопрос о содержании данного произведения открытым, ибо одна и та же политическая идея, как и общественное бытие, может быть воплощена в бесконечном множестве произведений. Вместе с тем, если содержанием в искусстве является политическая идея, то не значит ли это, что искусство утратило свою специфику и стало излишним? Не ясно ли, что эта точка зрения приближается, мягко выражаясь, к вульгарной социологии, сводящей содержание в искусстве, литературе к классовым, политическим идеям художника.

Отход от истины нередко прикрывают «заботой» о материализме. Говорят так: определение содержания в искусстве как духовного ведет к идеализму. Напрасная забота! Для идеалистической эстетики идеи, мысли, чувства являются самостоятельными сущ-

¹ См.: М. А. Леон о в. Очерк диалектического материализма. Госполитиздат, 1948, стр. 308.

ностями, не имеют материального источника и не зависят от своей материальной основы. Когда, например, Гегель утверждает, что «содержанием искусства является идея, а ее формой — чувственное образное оформление», то он имеет в виду не человеческую идею, отражающую независимо от нее объективно существующие материальные вещи, а идею мистическую, якобы существующую вечно, независимо от мира сего и являющуюся якобы творцом всей действительности.

Марксистская эстетика исходит из того, что эстетические идеи, воплощенные в художественных образах, есть идеи общественно-исторического человека, а не какая-то неведомая абсолютная идея, что источником идейного содержания произведения литературы является объективная действительность, объективные отношения людей друг к другу, а также их отношения к природе. С другой стороны, она исходит из того, что содержание произведения не есть совокупность оторванных от чувств голых идей, а включает в себя идеи в чувственно-образной форме. Содержание есть совокупность идей и чувств, точнее, *идей в чувствах*. Оно является таким отображением общественной жизни, при котором определенные идеи заключают в себе эмоционально-эстетическое отношение людей к действительности, т. е. выражает это отношение языком художественного произведения. Идейное содержание, воплощенное в литературном произведении, отображает общественные отношения под углом зрения эстетических потребностей людей.

Этим объясняется тот факт, что подлинно художественное произведение, с одной стороны, обладает огромной познавательной силой, а с другой — удовлетворяет наши эстетические потребности, доставляет нам наслаждение, радость и тем самым играет большую воспитательную роль. Маркс и Энгельс высоко ценили творчество Бальзака, так как его произведения вскрывают сущность буржуазных экономических отношений, т. е. имеют огромное познавательное значение, и вместе с тем удовлетворяют наши эстетические потребности. Идейное содержание реалистического произведения литературы отличается своей страстностью, эмоциональным пафосом. Например, роман М. Шолохова «Поднятая целина» не только знакомит нас с тем, как проходила коллективизация сельского хозяйства в нашей стране, но и одновременно удовлетворяет наши эстетические потребности. Его идейное содержание отличается глубиной, богатством мыслей, чувств, своей эмоциональной насыщенностью. Поэтому оно с такой силой воздействует на мысли, чувства читателя и играет важную роль в его идейно-эстетическом воспитании.

Писатель-реалист не объясняет уже признанное, а дает почувствовать — в богатстве чувств воплощает богатство мыслей. Когда говорят, что то или иное произведение художественной литературы бессодержательно, то этим отнюдь не хотят сказать, что оно лишено всякого содержания и не отражает действительности. Его бессодержательность есть не что иное, как отсутствие в нем достаточной эмоциональной насыщенности, отсутствие нужного богат-

ства мыслей, идей, чувств, глубоко и верно отражающих жизнь, т. е. бедно его идейное содержание.

Идейное содержание литературного произведения многосторонне. Оно как единая, внутренне организованная система многочисленных своих сторон обусловлено многосторонностью самой отражаемой действительности и природой художественного мышления. Оно отображает чувства, мысли людей определенной эпохи, определенного класса, их эстетическое отношение к действительности, в неразрывной связи с их политическими, философскими, нравственными и т. д. идеями и взглядами. Так как книгу пишет писатель, в которой он воспроизводит действительность, то содержание книги включает в себя его *отношение* к отображаемой действительности, его позицию. Вообще никакое литературное творчество немислимо без позиции писателя. Позиция писателя может быть последовательной или непоследовательной, принципиальной или беспринципной, верной или ложной и т. д., но, так или иначе, она должна быть, без нее не может быть и речи о литературном творчестве.

Более того, отображенная в произведении действительность оценивается писателем. Он не пассивно отображает, не беспристрастно фотографирует, регистрирует действительность, он активно вторгается в душевный мир людей, в жизнь, *выделяет существенные*, с точки зрения своей и своего класса, ее стороны и выносит свой приговор отображаемому. Какие связи и отношения общественной жизни писатель отображает, к каким выводам он подводит читателя, какие чувства он воспитывает у читателя и т. д. — *все это зависит от писателя*. «Когда писатель берется изображать человека, все дело в том, как он будет смотреть на человека»¹.

Не следует думать, что здесь мы имеем дело с чистым произволом писателя. Все это обусловлено множеством факторов, по крайней мере, общественным положением писателя; его принадлежностью к той или иной социальной группе; его мировоззрением, творческим методом; влиянием прошлой и современной ему литературы; влиянием на него других форм общественного сознания, в особенности политических идей, воспитания; обычаями, традицией; преемственностью в литературе и т. д. и т. п. «На деле, — писал В. И. Ленин, — цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его, как данное, наличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы»².

Писатель — это живой человек. Он имеет свой идеал, свое определенное отношение к изображаемым явлениям, и его идеал, отношение к отображаемым им явлениям, его чувства, мысли, идеи, его цель, его оценка этих явлений, обусловленные в конечном итоге объективными факторами, воплощаются в идейном содержании произведения.

¹ Н. С. Хрущев. Речь на III съезде писателей. «Правда», 1959, 24 мая.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 180.

Произведение без идеала не есть выражение страстной устремленности к прекрасному. «...Мертво художественное произведение, — писал В. Г. Белинский, — если оно изображает жизнь для того только, чтобы изображать жизнь без всякого могучего субъективного побуждения, имеющего свое начало в преобладающей думе эпохи, если оно не есть вопль страдания или дифирамб восторга, если оно не есть вопрос или ответ на вопрос»¹.

В этой связи необходимо выяснить роль *мировоззрения* писателя в создании произведения. Решительно отвергая вульгаризаторское отождествление мировоззрения с художественным методом, необходимо вместе с тем подчеркивать их неразрывное единство и важную роль мировоззрения в художественном творчестве. Писатель не может, создавая художественное произведение, не выразить в нем свое собственное отношение к действительности и свое мировоззрение. В широком смысле слова мировоззрение, как указывал А. М. Горький, «есть нечто необходимо свойственное человеку, потому что оно есть личное представление человека о мире и о своей роли в нем»². Можно спорить о том или ином характере, о той или иной степени совершенства мировоззрения, но что оно обязательно для формирования позиции писателя, следовательно, для создания произведения, — в этом не может быть никакого сомнения. И как бы писатель ни делал вид, что «свободен» от всякого мировоззрения, он имеет его, он немыслим без него так же, как и без своей собственной головы. Вопрос может стоять только так, как писатель видит, какую оценку дает виденному, а это зависит от характера его мировоззрения.

Следовательно, мировоззрение писателя не есть нечто внешнее, чуждое его литературному творчеству, его мастерству, таланту, а есть органически составная часть единого целого — сложного процесса творчества и составляет его внутреннюю пружину. Если от таланта, мастерства писателя зависит художественная сила произведения, то его идейное направление всецело зависит от его мировоззрения.

Само собой разумеется, что если в основу произведения кладется ложная, не прогрессивная идея, то произведение не может быть высокохудожественным, оно не может не терять своего эстетического достоинства. И тут никакой талант не поможет, ибо никакой талант не превратит, как писал Г. В. Плеханов, в истину того, что составляет ее прямую противоположность.

Не выдерживает никакой критики мнение т. Бурсова о том, будто соединение реализма с социалистической идейностью лишает метод нашего искусства эстетической ценности³. Спрашивается, какова может быть эстетическая ценность советского искусства без социалистической идейности? Не вернее ли сказать, что, как раз наоборот, не может быть эстетической ценности у произ-

¹ В. Г. Белинский. Собр. соч. в 3 томах. М., ОГИЗ, 1948, стр. 348.

² А. М. Горький. Соч., т. 23, стр. 319.

³ См.: «Литературная газета», 1957, 11 апреля.

ведения советского искусства, лишенного социалистической идеи.

В прошлом нередко у отдельных даже великих писателей общественно-политические взгляды не совпадали с характером их творчества. Великий реалист Бальзак был монархистом, великий мастер художественного слова Гоголь имел мистико-религиозные взгляды на жизнь, великий реалист Л. Н. Толстой был «юрродствующим во Христе» проповедником «непротивления злу» и т. д.

Но если в прошлом отсутствие последовательности в единстве творческой практики и политических взглядов писателей объяснялось и в известном смысле оправдывалось отсутствием научного мировоззрения и определенными историческими условиями, то непоследовательность в единстве творчества и общественных взглядов писателя не может быть оправдана в стране победившего социализма, где господствует, владеет умами миллионов научное мировоззрение. Вместе с тем не следует забывать, что никогда в истории перед писателем не стояли и не могли стоять такие задачи, какие стоят перед советским писателем, и никогда мировоззрение не играло такой роли в творчестве писателя, какую ныне играет марксистско-ленинское мировоззрение в творчестве советского писателя — строителя коммунизма.

Литература является одной из важнейших областей духовной деятельности людей, где всегда происходила борьба идей, а в современных условиях единоборства двух мировых систем эта борьба обостряется. Без марксистского мировоззрения этой битвы нашим писателям не выиграть! В. И. Ленин писал об ученых-естествоиспытателях, что без марксистского мировоззрения никакие естественные науки не могут выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и буржуазного мирозерцания. «Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествоиспытатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом»¹. Слова В. И. Ленина с полным основанием можно отнести и к советским писателям.

Об этих общеизвестных истинах приходится говорить, так как имеются факты прямых или косвенных выступлений против руководящей роли Коммунистической партии в литературе, против марксистско-ленинского мировоззрения и социалистического реализма.

Некоторые заблудшие писатели и литературоведы несколько лет назад свой фактический отход от социалистического реализма софистически прикрывали рассуждениями о том, что будто идейная направленность произведения литературы никакой роли в его художественной ценности не играет. Нашлись и такие, которые считали партийность литературы «помехой» в творчестве

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 207.

писателя, требовали свободы от партийного руководства и влияния марксистско-ленинской идеологии. В этом отношении характерным является польский литературный «теоретик» Антони Слонимский, который неоднократно выступал на страницах журнала «Польша» и ратовал за свободу литературы от руководства, от стремления «учить, организовывать, клеймить, наследовать, мобилизовывать, активизировать, восхвалять, порицать».

К сожалению, одно время подобного рода высказывания появились на страницах и некоторых наших журналов и сборника «Литературная Москва». Но, что значит партийность в литературе, быть партийным в художественном творчестве? Коротко говоря, это значит «посвятить себя, свои силы, свой талант великому делу борьбы за коммунизм, за претворение в жизнь политики Коммунистической партии, а следовательно, делу народа. В этом суть вопроса, а не в том, носит ли человек партийный билет или его не имеет»¹.

Попыткой уйти от коммунистической идейности и партийности литературы является и анархическое требование некоторых литераторов свободы вообще, не понимая того, что в природе не существует свободы вообще, демократии вообще. Вопрос можно ставить только конкретно: свобода какого класса от ига какого класса, свобода какой нации от ига какой нации, свобода кого и чего, от кого и чего? Но если нет абстрактной свободы, то абстрактная постановка вопроса прикрывает конкретные цели. «Свобода — великое слово, — писал В. И. Ленин, — но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда — грабили трудящихся»². Современный империализм во всех своих бандитских действиях всегда выступает от имени свободы. За фактами не надо далеко ходить. В 1961 г. империализм США организовал вооруженное нападение на Республику Кубы во имя «свободы» ее народа.

Свобода творчества советского писателя обусловлена социалистическим строем и коммунистической идейностью. В пределах этого советский писатель творит вполне свободно, и для него в нашей стране созданы все благоприятные условия. Но вне пределов этого начинается другая «свобода», «свобода буржуазная»³. Свобода от коммунистической идеологии есть свобода для буржуазной идеологии. Отвечая Г. Мясникову, требовавшему «свободы печати» для разоблачения безобразий, В. И. Ленин писал: «Свобода печати поможет **силе** мировой буржуазии. Это факт. *Не очистке коммунистической партии* в России от ряда ее слабостей, ошибок, бед, болезней... послужит «свобода печати», ибо этого *не*

¹ Н. С. Хрущев. К новым успехам литературы и искусства, «Коммунист», 1961, № 7, стр. 9.

² В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 328.

³ Подтверждением этого может служить произведение Б. Пастернака «Доктор Живаго».

хочет мировая буржуазия, — а свобода печати станет оружием в руках *этой мировой буржуазии...*¹. Это указание В. И. Ленина имеет огромное значение и теперь.

КПСС всегда исходила из того, что художественное мышление осуществляется индивидуально и что свобода творчества советского писателя выражается в специфических особенностях его стиля. приемов, таланта, опыта, мастерства, подлинно свободного проявления и расцвета его индивидуальности на основе коммунистической идейности. А это значит, что советские писатели идеи партии воспринимают как свои собственные идеи. Всем своим творчеством не по приказу, а по своему убеждению они защищают марксистско-ленинские идеи, борются за их осуществление. В этом они видят свое истинное призвание и ничем не ограниченное проявление свободы творчества, они создают высокохудожественные произведения, проникнутые духом социалистического реализма. Свобода творчества в ленинском понимании состоит в том, чтобы идти вместе с народом, создавать духовные богатства для народа, в интересах народа².

Партия учит, что свобода творчества советского писателя заключается не в воображаемой независимости от общественных отношений, общественной жизни и законов ее развития, а в познании этих законов. Свобода творчества состоит не в философской, политической, «социальной» слепоте писателя, а в его способности создавать произведения со знанием дела, со знанием правды жизни. А это знание дает марксистско-ленинское мировоззрение. И чем глубже, шире знает жизнь писатель, чем теснее он связан с народом, тем свободнее он творит.

Если писатель творит неуверенно, без знания дела, если он лишен передового мировоззрения, не связан с народом, то он доказывает лишь свою несвободу, свою рабскую подчиненность предмету своего произведения.

Выступление против руководства партии литературой, требовавшее «свободы творчества» вообще, охаивание достижений нашей литературы означает выступление против коммунистической идейности и партийности нашей литературы, против марксистско-ленинского мировоззрения. А выступать против передовых идей своей эпохи — значит воспевать отсталость, косность, выдавать умышленную нищету за добродетель.

Что же дает марксистско-ленинское мировоззрение советскому писателю? Прежде всего четкость, твердость его позиции, *правильное понимание правды жизни*, без чего невозможно создать высокохудожественное произведение.

Писать правду — вот основное требование реализма, в особенности его высшей формы — социалистического реализма. С этим

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 481.

² Н. С. Хрущев. К новым успехам литературы и искусства, «Коммунист», 1961, № 7, стр. 9—10.

согласны, конечно, все наши писатели. Но не все, видимо, правильно понимают, что такое правда жизни. Неправильное понимание правды жизни, как результат отхода от своей передовой идейности, является часто камнем преткновения в творчестве отдельных наших писателей, причиной их творческих неудач, а также причиной неправильных выступлений отдельных наших критиков. Именно непониманием отдельными критиками правды жизни объясняется то, что одному и тому же произведению часто выносятся разные, взаимно исключаящие друг друга оценки. Неправильным пониманием правды жизни объясняется и тот факт, что за последние годы некоторые наши писатели опубликовали антихудожественные, фальшивые произведения.

Чем же объяснить появление этих мелкотравчатых произведений? Неустойчивостью позиции их авторов! Тем, что некоторые литераторы борьбу партии за преодоление последствий культа личности поняли по-обывательски, подпали под влияние вражеской пропаганды. Крутые повороты в общественной жизни не бывают без шатаний неустойчивых элементов. «Каждый своеобразный поворот истории, — писал В. И. Ленин, — вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата»¹. Твердость убеждений, четкость позиции писателя дает мировоззрение. Человеку твердых убеждений и передового мировоззрения не страшна вражеская пропаганда и никакие враждебные силы никогда и ни при каких обстоятельствах не собьют его с избранного им пути борьбы за светлое будущее человечества, за счастье людей на земле. Жертвой вражеской пропаганды, как правило, становятся люди беспринципные, не имеющие твердости позиций и характера, люди, не закаленные в идеологической битве. Нужно ли доказывать, что вопрос о партийности идейных позиций советского писателя — это не праздный вопрос, а вопрос о жизни и смерти советской литературы.

В своих «Литературных заметках» К. Симонов утверждал, будто наша послевоенная литература писала «полуправду», «неправду», «ложь». «Падение мастерства в послевоенной литературе, — писал он, — заметно во многих книгах и объясняется оно... прежде всего тем, что когда талант обручается с неправдой, он беднеет». Далее К. Симонов жалуется: «Слишком легко многие из нас соглашались на облегченное изображение послевоенной жизни», «слишком необдуманно многие из нас попадали в плен к теориям «благодетельного» приподнимания литературы над жизнью», «слишком непринципиально многие из нас соглашались скользить по верхам жизни, причем как будто бы и не писали лжи, но обходили стороной настоящую суровую правду» и т. д. и т. п.².

Прежде всего нельзя согласиться с такой обобщающей оцен-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 1.

² «Новый мир», 1956, № 12, стр. 242.

кой. Конечно, были, как сказано выше, произведения нашей литературы, которые извращали правду жизни. Но неверно, что вся наша послевоенная литература извращала правду жизни, писала ложь. Кроме того, кто же просил вас писать ложь? Разве партия, народ от своих писателей требовали когда-либо кривить душой, лицемерить, писать неправду? Чем же объяснить, что «слишком» оказались «непринципиальными», «слишком» легко соглашались, «слишком» и т. д., не тем ли, что «слишком» плохо знали правду жизни?

Все это показывает, что давно назрела необходимость всесторонней теоретической разработки проблемы *правды* жизни. Мы здесь не ставим такой задачи. Но в то же время коль скоро эта проблема неразрывно связана с определением содержания в литературе, мы не можем оставлять ее без внимания.

Одним из основных требований социалистического реализма является всестороннее рассмотрение фактов, событий, процессов общественной жизни в их естественной, объективной связи; решительная борьба против произвольного, субъективистского выхватывания отдельных фактов или событий, против их метафизической изоляции от их объективной связи.

Так как источником движения, развития является борьба противоположностей — нового и старого, прогрессивного и реакционного, выражаемых соответственно в категориях прекрасного и безобразного, то в жизни всегда есть факты «за» и «против». Так как любая вещь, как говорил Гегель, имеет множество определений содержания, отношений и высказываемых по поводу нее соображений, то можно приводить доводы в любом числе за и против¹. Поэтому не стоит особого труда подобрать определенные положительные и отрицательные факты, но они извращают правду жизни, если их изолировать от их естественной связи. «В области явлений общественных, — писал В. И. Ленин, — нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторически конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»².

Следовательно, тот или иной факт, взятый изолированно, еще не есть правда жизни. Диалектика требует «брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной

¹ См.: Гегель. Соч., т. V, стр. 554—555.

² В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 266.

связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела»¹.

Совершенно очевидно, что для изображения правды жизни писатель, руководствующийся методом социалистического реализма, должен не произвольно выбирать факты, а рассматривать объективную связь, всю совокупность фактов, относящихся к данному вопросу, типизировать их, отображать их *сущность* в художественном образе. Нельзя забывать, что художественный образ одновременно сочетает в своем единстве обобщенное, существенно-общее и чувственное. Возьмем такой пример: в нашей жизни все еще встречаются бюрократы, перерожденцы, лицемеры, моральные уроды и т. д., и их надо разоблачать. Но не моральные уроды, перерожденцы определяют характер нашей советской действительности. Подавать так подобные факты — значит исказить правду жизни, подходить к действительности абстрактно, однобоко.

В нашей жизни непрерывно происходит борьба нового и старого, прекрасного и безобразного. Верно. Но ни однобокое изображение этой борьбы, ни сама эта борьба, как таковая, не есть еще правда жизни. Кроме борьбы, бывает победа или поражение. Иными словами, борьба не безрезультатна, она приводит к победе и поражению борющихся сторон. Наше продвижение вперед обеспечивается тем, что в этой борьбе побеждает новое, прекрасное, преодолевая старое, безобразное. Между тем можно исказить правду жизни, если игнорировать этот объективный закон развития нашего общества, если, изображая борьбу, не показывать победу нового, прекрасного или вносить неопределенность, двусмысленность в победу нового, или вместо борьбы и победы определенных сторон жизни преподнести читателю нечто вроде похлебки.

Правда жизни в литературе извращается и тогда, когда богатая содержанием, многосторонняя действительность изображается серо, бледно, без страсти, без лафоса, когда в художественном произведении нет необходимого богатства мыслей, чувств, эмоциональной насыщенности, отражающих в единстве действительность.

Наконец, правда жизни извращается и в том случае, когда писатель хотя и признает борьбу нового и старого, прекрасного и безобразного, но диалектику подменяет эклектикой и софистикой. Так как в объективной действительности имеется всегда и положительное и отрицательное, то из этого факта делаются не верные выводы, по меньшей мере, затрудняющие художественное познание действительности.

В этом отношении характерно стихотворение М. Алигер «Самое главное»². Автор этого небольшого произведения под видом

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 266—267

² «Октябрь» 1956, № 12.

«всестороннего» отражения действительности подменяет диалектику софистикой. Создавая собирательный образ советского человека нашей эпохи вообще путем метафизического абстрактного обобщения, М. Алигер утверждает, что советский человек (т. е. весь советский народ) с одной стороны, «красивый сильный человек», «благородный», «великий», «прекрасный», «герой» и т. д., а с другой стороны, он «ничтожный», «жалкий», «он человечеству не нужный», «негодяй» и «подлец». Но поэт предвещает:

Он сам когда-нибудь откроет
простой химический состав,
который, действуя навеки
чудесной силой кислоты,
в красивом сильном человеке
убьет случайные черты,
неотвратимо попадая
в живые души и сердца,
убьет в герое негодяя
и в великане — подлца.

Итак, поэт обобщил в одном образе такие кричащие, взаимно исключающие друг друга противоположности, как великана и подлца, героя и негодяя. Подобный «художественный образ» исключает возможность познания и героя и негодяя, точно так же, как обобщение в одном образе пролетария и капиталиста, исключало бы возможность познания того и другого.

Законом искусства является то, что обобщать, типизировать нужно и должно существенные черты явлений. Предметом искусства является общественная жизнь, человек. Однако сущность человека не есть абстракт. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений. Следовательно, сущность обобщенного советского человека есть совокупность социалистических общественных отношений. Уж если противопоставить эту сущность, то не самой себе, а сущности несоветского человека, т. е. несоциалистическим отношениям.

Вопрос может быть поставлен только конкретно. Недопустимо обобщение всех людей с противоположными сущностями, качествами в один образ. Люди бывают разные, с разными чертами, качествами, характерами и т. д. Более того, одни и те же люди как в разное время и в разных условиях, так и в разном отношении имеют разные черты, свойства и т. д. Обобщать можно только те черты, свойства, качества у людей, которые являются существенно общими для них в данное время, в данных условиях.

Искусство, которое ставит себе целью смешение противоположных качеств, само лишает себя права на существование, ибо в результате сами эти качества исчезают. В самом деле, если человек, с одной стороны, герой, а с другой — негодяй, то кто же этот человек в конце концов: благородный герой или негодяй? Если он и то и другое, значит, он никто, следовательно, неизвестно, кто он. М. Алигер не понимает, что в этом «образе» не только «герой убивает негодяя», но и негодяй убивает героя.

Далее. Если человек, с одной стороны, благородный герой, а

с другой... и т. д., то как же можно бороться за лучшие качества человека? Не значит ли это, что подобная борьба беспредметна, ибо все равно человек, с одной стороны, герой, а с другой — негодяй. И тут делу не поможет «простой химический состав». Наконец, не подумал ли поэт о том, что его единоутробный образ героя и негодяя морально оправдывает преступников, исключает возможность отличить действительного благородного героя от действительного негодяя и т. д. Вот как эклектика ведет к абсурду.

Эклектик боится определенности, как природа пустоты. Он «валит в одну кучу» разнородные, взаимоисключающие, несовместимые явления и начинает рассуждать: «с одной стороны», «с другой стороны».

Но дело в данной связи не в самом значении этой ошибки. Нам нужно попытаться выяснить, как случилось, что один из наших хороших поэтов в этом произведении изменил методу социалистического реализма, в чем гносеологические корни этого отступления? Скажем коротко: в незнании или в слабом знании диалектической логики. Создавая свое произведение, поэт руководствовался не диалектической, а элементарной логикой.

Одним из важнейших требований диалектической логики является, как мы сказали, необходимость учета всех фактов, всех моментов взаимодействия явлений. Только выполнение этого требования может дать конкретность знания. Но вместе с тем конкретность понятия, художественного образа нужно понимать диалектически. Эклектик отрицает конкретность понятия тем, что стремится охватить «всесторонне» все детали, все и всякие признаки. Вместо того чтобы восходить от абстрактного к конкретному, он движется от одной абстракции к другой, не выбираясь из лабиринта абстрактных определений. Сумму этих абстрактных определений он выдает за конкретность и всесторонность, не замечая того, что такая «всесторонность» есть абстрактность, а не конкретность. Почему? Потому, что игнорируется, заглушается, смазывается главное — *сущность*. В диалектической логике *конкретность* понятия, в данном случае художественного образа, означает не эмпирическую, чувственно воспринимаемую сумму многочисленных признаков, а логическую конкретность, которая отражает единство во многообразии, или — такую всесторонность, такое многообразие, которое образует **единство** и выражает *сущность*.

Для наглядности приведем пример. Возьмем такое явление, как война. Она может быть связана через миллиарды опосредствующих звеньев с чем угодно, а в конечном итоге — со всем миром: и с «едкостью в желчи фанатика», и с «дурным пищеварением монарха», и с «капризами женщины» и с «интригами какого-нибудь министра» и т. д., — как говорили Гольбах, — или с «насморком Наполеона», — как говорили французские историки типа Тьера, объясняя причины поражения французской армии в Бородинском сражении, и т. д. Можно перечислить бесконечное множество фактов и событий, так или иначе связанных с данной

войной, но все же не знать, что же она собой представляет, какими причинами вызывается. Такой «всесторонний» охват оставляет в тени сущность войны, ее истинные причины, т. е. исключает ее познание.

Возьмем пример из истории нашей партии. Во время профсоюзной дискуссии Бухарин пытался на примере стакана софистически доказывать свою позицию, состоявшую в примирении ленинской формулы «профсоюзы — школа коммунизма» с троцкистской формулой «профсоюзы — административно-технический аппарат управления». «Стакан есть и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья», «профсоюзы и то и другое», «с одной стороны, школа, с другой — аппарат управления», — рассуждал он. «Я не вижу никаких логических оснований, которые бы доказывали, что верно не первое и не второе: верны оба эти положения и соединение этих обоих понятий», — говорил он. В. И. Ленин разоблачил до конца эту логическую путаницу Бухарина: «Бухарин говорит о «логических» основаниях. Все его рассуждение показывает, что он — может быть, бессознательно — стоит здесь на точке зрения логики формальной или схоластической, а не логики диалектической или марксистской»¹.

В. И. Ленин на том же примере стакана показал принципиальное отличие диалектического понимания «всесторонности» от эклектического, схоластического. Эклектик выхватывает случайные, несущественные различные признаки предмета и, ставя их в случайную связь, начинает рассуждать: «с одной стороны», «с другой стороны». Диалектик же, всесторонне изучая предмет, открывает сущность предмета, выделяет, подчеркивает ее. «Стакан есть, — говорил В. И. Ленин, — бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества, или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром... Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан и т. п.»². Если стакан — инструмент для питья, то не с одной стороны инструмент для питья, а с другой — нечто другое, а *со всех сторон инструмент* для питья — в этом его сущность. Профсоюзы — школа коммунизма не с одной стороны, но с другой что-то другое, а *со всех сторон школа коммунизма* — в этом их сущность. Троцкий желал иметь инструмент для питья «без дна», профсоюзы без школы коммунизма. Рассуждение Бухарина В. И. Ленин назвал «мертвым и бессодержательным эклектицизмом».

Если учитывать все бесконечные связи стакана или любого другого явления, предмета со всем остальным миром, то, кроме голый, мертвой абстракции или пустой фантазии, ничего другого

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 71.

² Там же, стр. 71—72.

получить нельзя. Такой «всесторонний» охват предмета и ведет к агностицизму, исключает возможность познания. «И как характерна эта, столь модная в настоящее время, quasi-реалистическая, а на самом деле эклектическая погоня за полным перечнем всех отдельных признаков и отдельных — «факторов», — писал В. И. Ленин. — В результате, конечно, эта бессмысленная попытка внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений, или, наоборот, «избегнуть столкновения с крайним разнообразием явлений», — (попытка, свидетельствующая просто об элементарном непонимании того, что такое наука) приводит «теоретика» к тому, что за деревьями он не видит леса»¹.

Из этого видна огромная роль диалектической логики в художественном творчестве. Художник-реалист, создавая образ, отбрасывает все случайные, ненужные детали, чтобы схватить сущность, типичное, характерное, внутреннее содержание; не фотографирует предмет, а раскрывает сущность, создает образ, воплощающий в себе сущность.

В этой связи возникает законный вопрос: должен ли художник «наделять» своего положительного героя отрицательными чертами или не должен? На этот вопрос нужно дать ответ, тем более, что нередко слова Д. Фурманова о том, что Чапаева он показал «со всей требухой», понимают догматически.

Здесь шаблона или рецепта, на наш взгляд, не может и не должно быть. В каждом конкретном случае нужно иметь конкретный подход. В одном случае нужно, в другом — нет. У Татьяны Лариной, например, мы не видим «отрицательных» черт. Софист может возразить: ага, значит есть человек без недостатков? По нашему мнению, в искусстве художник может «наделять» положительного героя отрицательными, а отрицательного героя — положительными чертами только в одном случае: если эти черты способствуют более глубокому раскрытию сущности, если они обогащают образ. Элементы анархичности Чапаева, его детская наивность в вопросах теории, обрисованные столь мастерски Фурмановым, вовсе не заслоняют, не уничтожают образа героя гражданской войны, а, напротив, подчеркивают, обогащают этот образ, помогают глубже раскрыть его, усиливая его эстетическое воздействие. Несомненно, образ Чапаева без его «отрицательных» черт был бы беднее.

Социалистический реализм требует правдивого, исторически конкретного, живого изображения действительности. Но правдиво отображать действительность можно только в том случае, если действительность понимать правильно — рассматривая ее как процесс, в ее революционном развитии и тенденции, если отображать ее «не мертво», не «абстрактно», *не без движения, не без противоречий*, а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 130.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 186.

Отображать жизненную правду, быть верным ей — это значит глубоко познать противоречивые стороны жизни, их борьбу и решительно встать на ту сторону, которая представляет будущее, победа которой обеспечивает поступательное, прогрессивное развитие общества. Правда жизни состоит, следовательно, не только и не столько в признании того, что происходит единоборство между новым и старым, прекрасным и безобразным, а в том, что *новое, прекрасное неодолимо, и в конце концов преодолевает, побеждает старое, безобразное. Отображать правду жизни, быть верным ей — значит способствовать победе нового над старым, прекрасного над безобразным.* Ростки нового, как правило, бывают слабее старого, нуждаются в помощи, в уходе за ними. Поэтому «дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные»¹. Подлинные реалистические произведения литературы отличаются той особенностью, что утверждают победу нового над старым, прекрасного над безобразным. Это тем более относится к произведениям социалистического реализма.

Так как в жизни объективно прекрасное борется с безобразным и побеждает его, то отображение прекрасного и его победы в художественном произведении не есть субъективный произвол художника. Нельзя произведение считать реалистическим, если оно противоречит законам красоты, если оно не отражает борьбы и победы прекрасного над безобразным.

С другой стороны, прекрасное может победить только в столкновении, в борьбе с безобразным. Для того чтобы познать прекрасное и воспитывать в духе прекрасного, нужно противопоставить его безобразному. Раздвоение единого на противоречивые части и их познание — вот в чем суть диалектики, следовательно, и суть художественного мышления. Произведение не может быть реалистическим, если оно обходит противоречивость жизни (а конфликт в литературе и есть выражение этой противоречивости), если не показывает борьбы нового и старого и если не утверждает победы нового над старым. Более того, без противопоставления прекрасного безобразному исчезает возможность эстетического восприятия самого прекрасного. Дело не в том, что художник изображает одно только прекрасное или одно только безобразное, или и прекрасное и безобразное. Художник социалистического реализма изображает безобразное во имя утверждения прекрасного. Он всеми силами души сам восстает против низменного, безобразного и силой эмоций подымает на борьбу с безобразным своих читателей.

Типизируя явления безобразного, давая ему эстетическую оценку, вынося ему свой «смертный» приговор, он тем самым утверждает прекрасное, положительное. Типизируя же явления прекрасного, давая эстетическую оценку ему, он тем самым пробуждает чувство отвращения, презрения к безобразному.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 392—393.

Неправы те, кто говорит, что отрицательному персонажу у нас не дают «аргументировать свое мерзкое поведение». Но дело в том, во имя чего и с каких позиций аргументировать, к какому выводу подвести читателя, какой идеал утверждать, а какой отвергать.

Следовательно, никто не отрицает необходимости критики наших недостатков, как раз этого и требует партия, народ от литературы. Важно, чтобы критика велась с принципиальных, партийных позиций, чтобы она не извращала правду жизни, чтобы она утверждала прекрасное, помогала нам преодолевать, ликвидировать недостатки и двигаться вперед.

В советской литературе положительный герой должен торжествовать над отрицательным не из «конъюнктурных» соображений, а как закон развития нашей литературы, ибо в нашей жизни в единоразовом с отрицательным, безобразным, пережитками прошлого и их носителями объективно побеждает новое, прогрессивное, прекрасное. В этом состоит правда нашей жизни. «Главная линия в развитии литературы и искусства — укрепление связи с жизнью народа, правдивое и высокохудожественное отображение богатства и многообразия социалистической действительности, вдохновенное и яркое воспроизведение нового, подлинно коммунистического, и обличение всего того, что противодействует движению общества вперед»¹.

Твердость, четкость позиции писателя обуславливают и такие моменты содержания, как страстность, пафос изображения, тенденциозность и т. д. Ф. Энгельс в письме к писательнице М. Каутской, писал: «Я ни в коем случае не противник тенденциозной поэзии как таковой. Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами, точно так же и Данте и Сервантес, а главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера состоит в том, что это — первая немецкая политически-тенденциозная драма. Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все сплошь тенденциозны»². Но тенденция, как указывает Энгельс, должна сама по себе вытекать из положения и действия, без того, чтобы ее особо подчеркивали, и поэтому писатель не обязан подносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов.

Тенденциозность включает в себя страстность. Прав Гегель, когда говорит, что без страсти великое не рождается. Без гнева, говорил В. И. Ленин, писать нельзя о вредном. «В основе своей, — писал А. М. Горький, — искусство есть борьба за или *против*, равнодушного искусства — нет и не может быть, ибо человек не фотографический аппарат, он не «фиксирует» действительность, а или утверждает, или изменяет ее, разрушает»³.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. «Материалы XXII съезда КПСС». Госполитиздат, 1961, стр. 420.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 395.

³ А. М. Горький. О литературе. М., «Советский писатель», 1955, стр. 789.

Партия неоднократно указывала, что советский писатель, как воспитатель советских людей, не может быть аполитичным, безыдейным. Он должен создавать произведения, в которых ясно выражена, осознана коммунистическая идейность, тенденциозность. В эпоху ожесточенной борьбы двух идеологий нет и не может быть неклассовой, нетенденциозной литературы, и мы гордимся этим, потому что наша тенденция заключается в том, чтобы утверждать прекрасное в жизни, обеспечивать победу возвышенного, передового над низменным, подлым, безобразным. Одно из основных требований социалистического реализма состоит в том, что правдивость художественного произведения должна включать в себя задачу коммунистического воспитания читателей. А это невозможно без тенденциозности, без коммунистической идейной направленности.

Мировоззрением, позицией писателя обусловлен и характер преувеличения. Подлинное искусство имеет право на преувеличение. Но при этом не следует, конечно, преувеличение абсолютизировать и рассматривать его как некий обязательный, универсальный способ создания произведения. Используя прием преувеличения, писатель должен не исказить сущности изображаемых явлений, а подчеркивать ее; не переходить грани, которые очень относительны, подвижны; не шарахаться из одной крайности в другую, а оставаться верным правде жизни. Догматически понятое преувеличение привело отдельных советских писателей к тому, что одни из них «лакировали» нашу действительность, твердили одно время о «бесконфликтности» нашей жизни, не видели в ней никаких противоречий и никаких трудностей, а другие — отрицательные явления нашей жизни абсолютизировали, изображали в гипертрофированном виде. И те и другие отходили от правды жизни, и в результате создавали слабые в художественном отношении произведения.

Содержание произведения должно отражать глубинные процессы жизни — столкновения, борьбу противостоящих друг другу, противоречивых характеров: идей, мыслей, чувств героев произведения. Оно в значительной мере зависит от соотношения, соразмерности, качества, степени художественности сталкивающихся образов героев, от мастерства и твердости позиций писателя, от его умения последовательно, через борьбу мыслей и чувств, довести до конца *главную идею* произведения, подчинив этой идее развитие всех характеров и образов.

Творческая индивидуальность писателя, его мастерство, опыт, талант и т. д. приобретают первостепенное значение для создания как содержания, так и формы произведения. Поэтому неправы те, кто утверждает, что талант и мастерство писателя сказываются только на форме произведения. Вместе с тем ни творческий метод, ни талант писателя сами по себе еще не обеспечивают создания высокохудожественных произведений. Они есть орудие в руках писателя, и в какой степени и как умело он будет пользоваться

этим орудием, зависит от его труда, упорства, подготовки и от условий.

Таким образом, содержание реалистического произведения есть духовное, а не материальное. Оно включает в себя *понимание правды жизни, оценку писателем отображенных явлений, эмоциональность, пафос и т. д., воплощенных в художественно-образной форме*. Оно есть *сложная совокупность противоречивых мыслей, чувств и создается на основе таких факторов, как позиция, мировоззрение писателя, влияние других форм общественного сознания, традиции, преемственность в литературе, посредством таких приемов и условий, как тенденциозность, преувеличение, индивидуальность писателя, — в их единстве*. Родоначальник русской литературы А. С. Пушкин считал, что мысль в произведениях литературы составляет «истинную жизнь» созданий художественного слова. Рассматривая совокупность идей, мыслей, чувств как содержание произведений, он писал: «Не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится»¹.

Но содержание немислимо без своей формы. Другой, соотнесенной с содержанием, стороной произведения художественной литературы является форма. У советских литературоведов и философов нет единого мнения в вопросе о том, что понимать под художественной формой. Одни утверждают, что формой произведения литературы является художественный образ. «Форма — это образы»²; другие считают формой образ и язык³; третьи вообще не дают ответа на поставленный вопрос, обходят его или, в лучшем случае, приводят слова Н. Г. Чернышевского о «формах жизни»⁴, не раскрывая, что же надо понимать под «формами жизни». Однако согласиться с такими «определениями» художественной формы литературного произведения нельзя, так как авторы их допускают смешение разных аспектов категории формы, о чем подробно мы скажем ниже.

Утверждение о том, что художественный образ является формой — внутренней структурой литературного произведения, по меньшей мере, оставляет вопрос открытым. Сам образ есть художественное отображение действительности, а всякое конкретное художественное отображение действительности имеет свое содержание и свою форму. Следовательно, художественный образ является единством содержания и формы. Он немислим без одной из этих сторон. Это единство содержания и формы выступает как способ (художественный) отображения действительности. Но это уже другой аспект формы. Недостаточность такого определения состоит в том, что сначала говорят об одном аспекте формы (структура), а затем переходят к другому ее аспекту (способу

¹ А. С. Пушкин. Соч. в трех томах, т. I. М., 1955, стр. 9.

² Л. И. Тимофеев. Теория литературы, 1948, стр. 119.

³ «Основы марксистской философии». Госполитиздат, 1959, стр. 270.

⁴ Г. А. Абрамович. Введение в литературоведение, 1953, стр. 19.

выражения). Это смешение разных аспектов исключает возможность познания содержания и формы литературного произведения.

Формой, соотносенной с содержанием литературного произведения, не может быть признан также язык. Сфера действия языка почти безгранична. Являясь действительностью мышления, язык связан со всеми областями человеческой деятельности, а не только с литературным творчеством. Тот, кто язык объявляет формой (внутренней структурой) литературного произведения, должен признать, что все произведения, написанные, скажем, со времени Пушкина на русском языке, имеют одну форму или по форме не отличаются друг от друга. Однако литературное произведение немислимо без своей собственной, индивидуальной, неповторимой, специфической формы, выражающей конкретное содержание.

Литературный язык является тем необходимым, обязательным выразительным средством, в котором проявляется реальность художественного образа, т. е. реальность содержания и формы произведения. Только при помощи слова писатель создает художественные образы, живые картины, в которых отражается объективная действительность. Художественное слово обладает огромной выразительной силой. «Литератор не только пишет пером, — указывает А. М. Горький, — но рисует словами, и рисует не как мастер живописи, изображающий человека неподвижным, а пытается изобразить людей в непрерывном движении, в действии, в бесконечных столкновениях между собою, в борьбе классов, групп, единиц»¹.

Для того чтобы создать художественный образ, писатель должен не только овладеть богатством языка, но и уметь искусно оперировать словом, быть мастером слова. В. В. Маяковский в числе других условий поэтической деятельности указывал на важность языка — материала. Поэт подчеркивал что, кроме социального заказа, целевой установки и других условий, необходим «материал: Слова. Постоянное пополнение хранилищ, сараев вашего черепа, нужными, выразительными, редкими, изобретательными, обновленными, произведенными и всякими другими словами»². Создание каждого конкретного художественного образа требует особого использования языкового материала. Например, в поэзии, как пишет Маяковский, необходимы бесконечно индивидуальные навыки, приемы обработки слов: рифмы, размеры, аллитерации, образы, снижение стиля, пафос, концовка, заглавие, начертание и т. д. и т. п.³. Обработка слов — органически составная часть творчества писателя и представляет единый процесс одновременного создания и художественной формы, и содержания произведения.

Как уже говорилось, художественный образ, являясь чувственно-конкретным, вместе с тем заключает в себе сущность предмета

¹ А. М. Горький. О литературе, 1937, стр. 344.

² В. В. Маяковский. Как делать стихи? М., 1952, стр. 9.

³ Там же.

и отношение писателя к нему. Поэтому художественная форма создается с помощью таких слов, которые в их внутренней взаимосвязи и единстве вызывают одновременно чувственно-конкретное представление и выражают идейно-эмоциональное содержание произведения.

Для того чтобы литературное произведение стало фактом, т. е. оформилось, писатель должен с помощью специально отобранных изобразительно-выразительных слов чувства, мысли своего героя воплотить в образ, привести их в движение, то есть ввести их в определенные отношения и связи друг с другом. Мысли, чувства, воплощенные в образе, всегда находятся в определенном сочетании, соотношении, в органической внутренней взаимосвязи и взаимозависимости. Этот способ соотношения, взаимосвязи и взаимозависимости мыслей, чувств в образах является одним из элементов формы. С другой стороны, писатель должен привести в соотношение взаимосвязь, объединить в единое целое *все образы* произведения. Тот или иной образ всегда предполагает свою противоположность. В данном случае безразлично, в какой степени активна и совершенна эта противоположность, и говорит ли о ней писатель или нет, но она есть, она всегда предполагается. Следовательно, так как художественное познание сущности явлений возможно только в столкновении, в противопоставлении образов, то последние находятся в определенных отношениях и взаимосвязи друг с другом. *Способ взаимосвязи, взаимозависимости художественных образов, в своем внутреннем единстве составляющих цельное произведение, является другим компонентом формы произведения.*

В произведении художественной литературы элементами художественной формы являются композиция, жанровая структура, ритм, интонация и т. д. Следует подчеркнуть, что сами эти элементы формы изолированно друг от друга не выражают содержания произведения, следовательно, они только в своем неразрывном единстве являются формой, организуют как мысли, чувства в данный конкретный образ, так и все образы данного произведения в одну единую систему, в одно цельное произведение.

Из анализа содержания и формы произведения литературы вытекают как их качественное различие, так и единство. Форма и содержание так тесно взаимопроникают, что они друг без друга не существуют. Форму можно «отщепить» от содержания и содержание от формы лишь только в абстракции, ибо в действительности где форма — там и ее содержание, где содержание — там и его форма. Это и понятно. Не бывает неоформленного содержания, точно так же — как не бывает бессодержательной формы. Отделить одно от другого, значит уничтожить оба.

Это диалектическое положение В. Г. Белинский выразил так: «Когда форма есть выражение содержания, она связана с ним так тесно, что отделить ее от содержания — значит уничтожить

самое содержание, и наоборот: отделить содержание от формы — значит уничтожить форму»¹.

Говоря о единстве формы и содержания в произведениях литературы, мы вместе с тем подчеркиваем ведущую, решающую роль содержания в этом единстве. Передовое, прогрессивное содержание требует соответствующей себе художественной формы и определяет ее особенности. «Художественность, — писал Н. Г. Чернышевский, — состоит в соответствии формы с идеей; потому, чтобы рассмотреть, каковы художественные достоинства произведения, надобно как можно строже исследовать, истинна ли идея, лежащая в основании произведения. Если идея фальшива, о художественности не может быть и речи, потому что форма будет также фальшива и исполнена несообразностей. Только произведение, в котором воплощена истинная идея, бывает художественно, если форма совершенно соответствует идее. Для решения последнего вопроса надобно просмотреть, действительно ли все части и подробности произведения проистекают из основной его идеи. Как бы замысловата или красива ни была сама по себе известная подробность — сцена, характер, эпизод, — но если она не служит и полнейшему выражению основной идеи произведения, она вредит его художественности»².

Подлинная художественность литературного произведения достигается *соответствием* развитой, прекрасной формы передовому, высокому идейному содержанию.

Рассмотрим это на примере стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино».

Навряд ли найдется в мировой поэзии еще такое стихотворение, которое бы так кратко, но глубоко и правдиво рассказало бы о таком сложном общественном явлении, как война, которое имело бы такое возвышенное идейно-эмоциональное содержание и соответствующую ему прекрасную форму. В содержании «Бородино» отражена прежде всего история Отечественной войны 1812 г., и в частности Бородинского сражения. Рассказывая от лица солдата о первом этапе войны, поэт глубоко, выразительно передает чувство обиды и досады народа, вызванное отступлением русских войск:

Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

Народ любит свою Родину и готов на подвиг, на самопожертвование во имя ее независимости. Глубокое чувство патриотизма, любви к родине Лермонтов выразил в следующих ярких стихах:

¹ В. Г. Белинский. Избранные произведения в трех томах, т. III. М., ОГИЗ, 1948, стр. 138.

² Н. Г. Чернышевский. Об искусстве. М., 1950, стр. 230.

Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

И дальше:

«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

О героизме, храбрости русских воинов, об ожесточенности Бородинского сражения поэт устами солдата рассказывает:

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как теги,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..

Возвышенные благородные мысли и чувства, воплощенные поэтом в «Бородино», в известном смысле, стали гимном верности родине, храбрости, героизма, неукротимой воли нашего народа к победе над своими многочисленными врагами. Кому не известно, что в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, в особенности в битве за Москву в 1941 г. патриотические строки «Бородино» звучали как клятва верности советских воинов своей Родине. Они вдохновляли на бессмертные подвиги миллионы советских людей в тылу и на фронте.

Таковы некоторые стороны содержания «Бородино» и значенные силы эмоционального воздействия стихотворения. Но содержание его гораздо глубже. Великий русский критик В. Г. Белинский в статье о стихотворениях Лермонтова (1840) писал, что основная идея произведения выражена во втором куплете, которым начинается ответ старого солдата:

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

Эта мысль, писал Белинский, — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошлому, столь полному славы и великих дел.

Хотя замысел «Бородино» относится к 1830—1831 гг. («После Бородино»), но поэт создал его в 1837 г. В этом году исполнялось 25 лет Бородинского сражения. Отечественная война 1812 г. всколыхнула русский народ, вызвала подъем его национального самосознания. После войны возникло тайное общество лучших людей из дворян — декабристов, мечтавших путем военного переворота уничтожить царское самодержавие и крепостной строй. После по-

ражения декабристов усилился деспотизм царя, свирепствовала реакция, в то же время все «дремало в бездействии». В этой обстановке поэт, страстно желавший величия и славы своей Родине, «тосковавший по жизни», создает ряд произведений, полных энергии и благородного негодования. В «Бородино» он негодует, он жалуется на бездействие «нынешнего племени», но вместе с тем он призывает его пробудиться, зовет к освободительной борьбе, к великим делам. Таким образом, обращаясь к истории Отечественной войны, поэт ставит животрепещущие вопросы современности.

Все это показывает сложность и многосторонность содержания произведения Лермонтова. Однако глубокие мысли и чувства, воплощенные в содержании «Бородино», не обладали бы такой эмоциональной силой, если бы поэт не выразил их в прекрасной художественной форме.

Все стороны, все детали и формы в их единстве наилучшим образом раскрывают высокое идейное содержание стихотворения. Соответствующие жанровые особенности, композиция, лексика, стилистика, ритм, рифмовая структура и т. д. в единстве составляя прекрасную, совершенную, развитую форму стихотворения, образно воплощают в себе глубокое идейное содержание «Бородино», делая его бессмертным творением мировой литературы.

Итак, на примере стихотворения «Бородино» мы видим, что высокая художественность достигается тем, что прекрасному, возвышенному содержанию соответствует прекрасная форма. Форма подчинена содержанию, выражает его. Но, с другой стороны, форма в свою очередь влияет на содержание, и чем совершеннее форма, тем она полнее, глубже выражает содержание. Совершенствование формы не есть формализм, а является органически составной, причем важной частью творчества писателя. «Каждое слово, — писал Белинский, — в поэтическом произведении должно до того исчерпывать все значение требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его»¹.

Великие реалисты воплощали передовое, возвышенное идейное содержание в совершенной форме. С величайшей любовью и энергией они шлифовали, оттачивали, совершенствовали форму, конечно, не превращая ее в самоцель, для развития и глубокого выражения содержания.

Писатель, оттачивая, совершенствуя форму, тем самым совершенствует, обогащает содержание. Несовершенство формы ведет к неполноценности содержания. Поэтому чем совершеннее художественная форма, тем активнее эстетическое воздействие передового содержания произведения на людей, тем произведение глубже и вернее отражает жизнь. Когда говорят, а говорят часто, что форма оторвана от содержания или содержание — от формы, то под этим нельзя понимать существование формы без содержания или содержания без формы. И когда говорят, что форма произве-

¹ В. Г. Б е л и н с к и й. Избранные произведения в трех томах, т. I. М., ОГИЗ, 1948, стр. 694.

дения хороша, а содержание плохо, или содержание хорошо, а форма плоха, то под этим нужно понимать, что и то и другое плохо. Прав Гегель, когда говорит, что «для художника, как такового, служит плохим оправданием, если говорят, что по своему содержанию его произведения хороши (или даже превосходны), но им недостает надлежащей формы»¹.

Верно, что в подлинном реалистическом произведении форма и содержание находятся в неразрывном единстве и форма соответствует содержанию. Но нельзя думать, что формалистическое антихудожественное произведение не имеет содержания. Антихудожественная, уродливая форма выражает лживое, идейно опустошенное содержание, а идейно опустошенное содержание воплощается в антихудожественной форме.

Под формализмом обычно понимают отрыв формы от содержания, отрицание содержания, абсолютизацию формы и т. д. Это, конечно, верно! Но отрыв формы от какого содержания? Разумеется, не от своего духовного содержания, а от материального источника! Непосредственное духовное содержание и форма в единстве отрываются от их материального источника — содержания, чем и извращается сам этот источник. Скажем, религиозная догма есть явление формализма, но не потому, что в ней нет содержания. Фантастическая идея, выраженная в своей столь же фантастической форме, есть содержание догмы, которая, будучи оторванной от жизни, извращает ее. Утверждение о том, что в формалистическом произведении нет никакого содержания, на деле означает оправдание формализма. Если формалистическое произведение не имеет никакого содержания, то не значит ли это, что существует форма без содержания, не значит ли это, что формализм никому и ничему никакого вреда не наносит и является «безобидным», «невинным» занятием, а поэтому нет надобности бороться с ним? В формалистическом произведении, безусловно, есть содержание, содержание низменное, безобразное, но нет надлежащего прогрессивного содержания, верно отражающего действительность. Отсюда — и необходимость решительной борьбы с формализмом.

В формалистическом произведении антихудожественным, низменным является как содержание, так и форма. Это и понятно. «Совершенная» форма, воплощая идейно опустошенное, низменное содержание, сама становится таковой и вместе со своим содержанием составляет декадентское произведение, искажающее правду жизни.

Формализм в литературе означает как подрыв и вырождение передовой формы, так и передового содержания. Формалисты, конечно, своим ложным формотворчеством пытаются абсолютизировать форму, исходя из реакционного тезиса «искусство для искусства». Но «самодовлеющую форму нельзя рассматривать без содержания, она всегда выражает свое содержание. Следова-

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук, ч. I. М., Госиздат, 1930, стр. 225.

но, главное не в том, что формализм делает вид, что занят формо-творчеством или совершенствованием формы, а в том, что он как форму, так и содержание произведения отрывает от жизни. Абсолютизируя форму, он уходит от решения насущных задач общественного развития, выражает интересы антинародных реакционных сил общества. Различные разновидности формализма в современном буржуазном искусстве и литературе — сюрреализм, кубизм, символизм и т. д. — яркое подтверждение этому.

Действительным критерием художественности произведения следует признать единство *прогрессивного, возвышенного, благородного, прекрасного, идейного содержания и соответствующей ему развитой, прекрасной художественной формы, в неразрывной взаимосвязи верно отображающих правду жизни.*

Говоря о взаимодействии содержания и формы данного отдельного литературного произведения, мы должны сделать следующую оговорку. Это взаимодействие имеет место в процессе создания художником своего произведения и остается таким, каким оно создано (если, конечно, в последующих изданиях не вносятся изменения).

Вне саморазвития, вне процесса нечего говорить о взаимодействии содержания и формы. Во всех материальных телах, вещах, предметах, явлениях, если рассматривать их в естественной связи, содержание и форма взаимодействуют, следовательно, имеет место взаимопереход.

Иначе обстоит дело с любым завершенным актом отражения, находящимся вне процесса и являющимся раз навсегда данным. Материальные явления, хотим мы того или нет, представляют собой процесс, объективно находятся в непрерывном изменении. Диалектическим процессом является и *их отражение*. Когда мы имеем дело с той или иной формой общественного сознания или со всем этим сознанием, представляющим собой процесс, то с *развитием, изменением содержания форма изживает себя и сменяется новой, соответствующей содержанию формой*. Но этого нельзя сказать о содержании и форме единичного, отдельного, завершенного акта отражения, который не является процессом. Он имеет значение абсолютной завершенности, является «вечной истиной», ибо, как завершенное отражение, как результат, находится вне процесса, вне самодвижения. В этом случае взаимодействие содержания и формы остается вечно таким, каким оно отражено, создано в этом акте. Оно имело место до тех пор, пока шел процесс возникновения и завершения этого акта, но как только этот последний завершен, завершено и взаимодействие.

Например, искусство есть процесс. Со времени своего возникновения оно находится в непрерывном изменении. Диалектика его развития состоит в том, что с ростом содержания форма отстаёт, перестает соответствовать ему и на определенном этапе сбрасывается, заменяется новой. Этим именно объясняется смена различных форм в развитии искусства. Меняются общественные условия

жизни людей, меняются их мысли, идеи, эстетические чувства, меняется и искусство.

Но этого мы не можем сказать об единичном произведении искусства. Оно как законченное остается неизменным. «Сикстинская мадонна» Рафаэля, несмотря на то, что прошли сотни лет со времени создания этого шедевра мирового искусства, не изменилась ни по содержанию, ни по форме, не изменилось также взаимодействие ее содержания и формы. Оно продолжает оставаться таким, каким его создал великий художник. И это объясняется природой отражения, ибо «мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, углубив, не разделив, не омертвив живого»¹. Поэтому при рассмотрении вопроса о взаимодействии содержания и формы нужно учесть это обстоятельство.

Разумеется, из того факта, что внутреннее взаимодействие содержания и формы отдельного законченного произведения искусства остается таким, каким оно создано, вовсе не следует вывода, будто оно абсолютно изолированно и не влияет на общий процесс художественного отражения. Являясь моментом общего процесса искусства, «Сикстинская мадонна», например, оказывала и оказывает огромное влияние на весь последующий ход развития искусства, обусловила возникновение и развитие новых явлений в нем, стала важным звеном преемственности в его развитии, доставляла и продолжает доставлять людям до сих пор огромную радость и эстетическое удовлетворение. Но все это — внешние связи «Сикстинской мадонны», а не ее «саморазвитие».

Таковы основные принципы анализа взаимодействия содержания и формы идеологических явлений.

Общий вывод состоит в том, что любое идеологическое, духовное явление — будь это литература или искусство, наука или религия, мораль или политические идеи — имеет свое непосредственное духовное содержание и духовную форму, что содержание во внутреннем единстве и взаимодействии со своей формой играет ведущую роль.

В этом нас убеждает и анализ содержания и формы в явлениях самой диалектической логики.

4. Ведущая роль содержания в диалектической логике

На первый взгляд покажется, что поскольку логика относится к сфере духовной жизни, а последнюю мы рассматриваем на примере литературы, то нет особой надобности выделять ее и подвергать специальному анализу. Однако такой анализ вызывается не только и не столько тем, что нужно последовательно проводить идею взаимодействия внутренних аспектов содержания и формы, сколько тем, что в логике должна находить дальнейшее свое рас-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 255.

крытие и обоснование идея тождества диалектики, логики и теории познания.

Рассмотрев взаимодействие содержания и формы в различных сферах действительности — в мертвой и живой природе, в материальной и духовной жизни общества, — мы вскрыли всеобщий характер этого взаимодействия. Законы объективной диалектики являются одновременно законами познания и логического мышления. В этом суть тождества диалектики, логики и теории познания в марксистской философии.

В противоположность идеалистической диалектике Гегеля, марксистская диалектика рассматривает диалектику понятий как отражение диалектики объективного мира. «Диалектика, — писал Энгельс, — сводилась этим к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, что человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе — до сих пор большей частью и в человеческой истории — они пролагают себе дорогу бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей. Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира»¹.

Из сознательного применения законов диалектики к теории познания и логики непреложно напрашивается вывод о диалектическом характере тождества диалектики, логики и теории познания. Это тождество не абсолютное, не абстрактное, а конкретное тождество, которое включает в себе различие, противоречие. Последнее выступает как противоречие между объектом и субъектом и находит свое разрешение в бесконечном процессе познания и практической деятельности людей. Это противоречие, его непрерывность — возникновение и разрешение, разрешение и возникновение — есть сущность процесса познания, самый глубокий, непосредственный, внутренний источник, импульс развития науки.

Противоречивый характер процесса познания объясняется тем, что в основе познания лежит действие общих законов развития объективного мира — единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество, отрицания отрицания. Эти законы объективного мира одновременно являются и законами познания и логического мышления. Общим содержанием всей диалектической логики является действие этих законов. Однако их действие в познании выражается в таких специфических законах, которые имманентны только познанию, являются законами познания, мышления, а не объективного мира.

Так, например, общие законы диалектики проявляются в таких специфических законах и категориях познания, как восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному и от абстрактного к мысленно-конкретному, диалектическое совпадение исторического

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II. Госполитиздат, 1955, стр. 367.

и логического, взаимосвязь анализа и синтеза, индукции и дедукции, развитие познания от явления к сущности, объективная, абсолютная и относительная истина и т. д. Точно так же законы диалектики специфически проявляют себя и в формах логического мышления, в том числе в понятии, суждении и умозаключении. Конечно, в объективном мире нет «восхождения от чувственного к абстрактному» и т. д., но ближайшее рассмотрение показывает, что специфические законы познания суть проявления законов диалектики.

Диалектическое, а не метафизическое понимание тождества диалектики, логики и теории познания имеет чрезвычайно важное значение для правильного понимания природы содержания и формы законов, категорий и форм логического мышления.

Мы уже подчеркивали, что непосредственное содержание и форму духовного явления следует искать в нем самом, а не вне его, не в объективном мире, ибо объективный мир есть внешнее по отношению к духовному. Поскольку мы исследуем пока внутренние аспекты этих категорий и об их внешних аспектах пока ничего не знаем, наша задача состоит в том, чтобы подвергнуть анализу взаимодействие внутренних аспектов содержания и формы в такой сфере духовной жизни общества, как диалектическая логика¹. При этом анализ указанных форм мышления проводится

¹ Мы оставляем в стороне элементарную логику, поскольку она не является предметом нашего исследования. Ограничимся лишь следующим общим замечанием: она берет предмет со стороны его устойчивости, сознательно отвлекаясь от его изменчивой стороны. Сообразно с этим она изучает понятие, суждение, умозаключение — все формы и средства мышления в плане таких логических законов, которые не допускают противоречий в мышлении. Суть законов тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания и т. д. — одна и та же: познать предмет, выразить его в мысли, логических законах и категориях не как он есть «в себе», т. е. не как процесс, а как он дан в устойчивом состоянии, в неизменности. Это не значит, разумеется, что элементарная логика игнорирует или отрицает изменчивую сторону предмета. Она сознательно берет одну сторону — устойчивость, и это соответствует ее задачам. Поэтому она верна, истинна в своих определенных рамках, но неверна, неистинна вне этих пределов. В этой связи хотелось бы высказать несколько соображений. С одной стороны, нельзя согласиться с утверждением, будто элементарная логика есть единственная логика, т. е. единственное учение о законах и формах мышления, что другой логики не существует и т. д. М. М. Розенталь, М. Н. Алексеев и другие авторы справедливы в своей критике такой ошибочной точки зрения. Это все равно, как если бы стали доказывать, что единственная математика — арифметика. С другой стороны, нам непонятно, почему эту элементарную логику называют «формальной»? Например, говорят «формальная» потому, что она имеет дело с формами мышления. Но разве диалектическая логика не имеет дела с этими формами? Или: «формальная» потому, что имеет дело с внешними формами предметов. Но разве диалектическая логика не имеет дела с внешними формами? Или еще: «формальная» потому, что отражает предмет и понятие со стороны устойчивости. Но разве диалектическая логика отрицает устойчивость предмета или понятия? Можно было бы согласиться с таким ее названием, если допустить, что она, как логика Канта, оторвана от реального мира. Но все признают, что она не оторвана от мира, а отражает его. Так почему эту элементарную логику называют формальной? Ведь никто не называет арифметику формальной математикой, а высшую математику содержательной. Нам кажется, здесь играет роль сила традиции, привычки. Эта сила действительно «консервативна», но и ее можно преодолеть. На наш взгляд, было бы верно назвать эту логику элементарной, а не формальной.

под углом зрения раскрытия действия и проявления законов диалектики в этих формах, а потому, во избежание повторения, мы не будем заниматься специальным анализом этих законов.

Итак, каковы содержание и форма понятия, суждения и умозаключения?

Как уже говорилось, понятия (и категории) возникают в процессе восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному, вырабатываются теоретическим мышлением на основе практики и достигнутого уровня познания, являясь итогом, результатом обобщения, узловыми пунктами познания. В понятиях фиксируются результаты абстрагирующей деятельности мышления, достигнутые новые знания. Но понятие не только результат движения познания, но и его исходный пункт.

Из этого следует, что содержание понятия должно быть, во-первых, духовным слепком с объективного мира; во-вторых, изменчивым, текучим, подвижным а не мертвым состоянием.

Элементарная логика, поскольку ее предметом является отражение устойчивости вещей, под содержанием понятия понимает покоящуюся, мертвую сумму признаков. При этом она, как правило, не подчеркивает различие существенных и несущественных признаков, а если и подчеркивает, то не указывает на их движение, взаимопереход и т. д. Такое понимание содержания понятия вытекает из специфики элементарной логики, отвечает ее задачам, правомерно в ее пределах, но неистинно, неправомерно в диалектической логике.

Как же обстоит дело с этим вопросом в диалектической логике? М. М. Розенталь совершенно справедливо критикует эту ограниченность элементарной логики. Более того, он глубоко, всесторонне и убедительно проводит различие между элементарной логикой и высшей, диалектической при рассмотрении почти всех вопросов науки логики. Поэтому мы не будем останавливаться на этих вопросах, тем более, что аналогичную большую работу проделали Э. В. Ильенков, М. Н. Алексеев и другие авторы в своих последних трудах.

Однако нам хотелось бы несколько задержаться на широко распространенных в литературе определениях содержания и формы понятия, потому что мы не можем с ними согласиться. Вот одно из определений содержания понятия, данное проф. М. М. Розенталем. Под содержанием понятия, пишет он, «нужно подразумевать сущность, закономерные связи и отношения вещей, отражаемые и схватываемые понятием»¹.

Если мы правильно поняли это определение, то оно включает в себя два момента: во-первых, утверждение, что содержание понятия — это сущность, закономерные связи объективных вещей; во-вторых, положение о познаваемости мира, поскольку эти связи «схватываются», «отражаются» понятием. Напомним в этой свя-

¹ М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 227.

зи, что сам проф. Розенталь до этого совершенно справедливо указывал, что «понятия есть итог, результат обобщения», «кристаллы, откладывающиеся в процессе развития человеческих знаний и т. д.»¹.

Однако эти два определения не идентичны: в первом определении речь идет о том, что содержанием понятия является внешний мир, а во втором—что понятие есть итог познания; в первом—содержание понятия материальное, во втором —духовное. Иными словами, вернулись к тому же «традиционному» определению, согласно которому содержанием духовного считается материальное и фактически отрицается духовное содержание духовного явления. Но понятие как «результат обобщения» не есть материальное, существующее вне головы в действительности, а материальное, пересаживаемое, преобразованное в голове, т. е. духовное, идеальное, идеализованное, а это не одно и то же. Содержание понятия должно быть духовным, и его следует «искать» в самом понятии, а не во внешних его связях.

Характерно, что в другом месте М. М. Розенталь пишет иначе: «Когда мы говорим о *формах* мышления, то уже заранее предполагаем, что они связаны с содержанием, т. е. с мыслью, и без нее невозможны»². Как видим, здесь уже под содержанием форм мышления он понимает мысль. Это характерно в том смысле, что, к сожалению, понимание содержания форм мышления и как материальное, и как духовное, смешение внутренних и внешних аспектов этой категории вовсе не исключение, оно широко распространено. Но отсутствие четкости в понимании содержания, смешение его разных аспектов вносят путаницу в познание. Вот почему необходимо строго отграничить внутренний и внешний аспекты содержания понятия, исходить из той истины, что понятие о вещи и ее действительность движутся вместе, подобно асимптоте и кривой, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. «Это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой действительности»³. Поэтому при определении содержания понятия нужно исходить из того принципа, что содержанием духовного явления должно быть духовное, отражающее внешний материальный мир.

Под содержанием понятия мы подразумеваем *совокупность отраженных, преобразованных в голове человека и изменяющихся существенных определений предметов*.

Элементарная логика исходит из объема понятия, из количества и соотношения родовых и видовых признаков. Она образует более широкие понятия путем исключения признаков, присущих данным группам предметов. Поэтому рост объема при обобщении

¹ М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики, стр. 205.

² Там же, стр. 285.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 482.

вызывает обеднение содержания, — чем более общее понятие, тем оно беднее содержанием. Хотя такое понимание понятия в определенных узких пределах правомерно, но оно недостаточно, так как оно не интересуется качественной стороной дела, не интересуется глубиной отражения, сущностью. Конечно, всякое понятие фиксирует общее. Но элементарная логика изолирует общее и единичное друг от друга. Согласно ей, единичные признаки — это признаки данного предмета, а общие признаки — это признаки, одинаковые для многих предметов. Поскольку же в понятие она включает лишь общие признаки и не включает богатства особенных и единичных «признаков», то не рассматривает общее и единичное как тождество противоположностей, игнорирует их диалектику. Такое понятие абстрактно, точнее, абстрактно-общее, ибо не выступает как тождество противоположностей.

В диалектической логике понятие также есть фиксация «общего». Но оно не сумма тождественных «признаков», не такое общее, которое сводится к этой сумме, а есть единство общего и единичного. Оно фиксирует не просто тождественные «признаки», а *существенные* определения, сущность единичных предметов; фиксирует такое общее, которое *«воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного»*. При этом общее и единичное понятием схватываются как диалектическое единство тождества и различия.

Отсюда ясно, что понятие, отражающее сущность большего количества единичных предметов, является более содержательным, конкретным, чем понятие, отражающее сущность меньшего количества предметов. Поэтому самыми богатыми, содержательными и конкретными понятиями являются законы и категории диалектики, поскольку они предельно общи, выражают существенные связи и черты всех без исключения явлений материальной и духовной сфер. Именно это имел в виду Энгельс, когда писал: «Общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный «конкретный» пример этого»¹.

Проиллюстрируем сказанное на понятии «содержание». Оно есть предельно общее понятие, т. е. есть обобщение всех без исключения содержаний всех без исключения явлений. Бесконечное множество единичных содержаний обобщается и выражается общим понятием «содержание». Следовательно, это общее содержит в себе богатство каждого единичного содержания. Бесконечные единичные содержания и их общее выражение в понятии «содержание» составляют диалектическое единство тождества и различия. Общее и единичное тождественны и одновременно различны.

Отношение между тождеством и различием всегда есть противоречие. Последнее обнаруживает себя в том простом факте, что понятие «содержание» не может быть однозначным выражением единичного содержания, поскольку оно абстрагировано от множества подобных единичных содержаний, имеющих свои специфиче-

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 178.

ские особенности. Оно, следовательно, отражает противоречивую связь общего и единичного. В познании нужно исходить из единства тождества и различия общего и единичного, из конкретизации общего в единичном. С другой стороны, очень важно рассматривать это противоречие в развитии, в движении, без чего невозможно познание истины.

Однако изменение, движение этого противоречия должно проявлять себя в противоречии между содержанием и формой понятия. Но мы еще не знаем, что такое форма понятия. А без этого невозможно двигаться вперед.

Итак, что такое форма понятия?

Вопрос этот может показаться несколько неожиданным. Во всяком случае в литературе формой понятия принято считать... само понятие. И это до такой степени общеизвестно и до такой степени прочно укоренилось в сознании, считается непоколебимым, что такая постановка вопроса может действительно вызвать удивление.

Поскольку мы говорим, что формами мышления являются понятие, суждение и умозаключение, то каждое из них и есть форма. Но коль скоро это так, форма заранее дана, то остается брать ее как данную и изучать ее содержание. Поэтому случилось так, что содержание этой формы изучать-то изучали, но даже не ставили вопроса о внутренней форме содержания понятия.

Однако ближайшее рассмотрение показывает следующее: во-первых, «формы мышления» здесь выступают как единичное, выражающее общее, или, лучше сказать, как часть целого, подобно тому, как данный предмет выступает как форма движущейся материи, т. е. речь здесь идет о другом аспекте категории формы, к которому мы еще вернемся; во-вторых, эта «форма» — единичное, если она имеет внутри себя содержание, должна иметь в себе и форму — внутреннюю организацию содержания; в-третьих, сама эта «форма» невозможна, немыслима без внутренней формы, точно так же, как любая вещь немыслима без ее внутренней формы. Поэтому отрицать внутреннюю форму такой «формы» как, скажем, понятие, — значит отрицать само понятие. Видимо, «камнем» преткновения здесь опять-таки является смешение разных аспектов содержания и формы.

Очевидно, удивление должно вызвать не то, что ставится вопрос о внутренней форме понятия, а то, что он до сих пор не ставился. Мы не собираемся подвергать всестороннему логическому анализу форму понятия, но мы ставим этот вопрос и по мере возможного попытаемся выразить свое отношение к нему.

Как уже говорилось, под содержанием понятия мы подразумеваем совокупность отраженных существенных, изменяющихся определений предметов. Нет такого понятия, которое включало бы в себя только одно какое-нибудь определение. Любое понятие всегда включает ряд определений, во всяком случае — три группы определений: единичную, особенную и общую. Но если содержание понятия трехчленно, заключает в себе три группы определений, то как определения внутри каждой группы, так и сами эти группы

должны быть особым образом взаимосвязаны и взаимозависимы. Иначе не может быть образовано понятие. Механическая сумма признаков не образует содержания понятия. Как и любая вещь, понятие внутренне строго и закономерно организовано. И вот *закон внутренней организации понятия или способ внутренней взаимосвязи определений его содержания, по нашему мнению, и есть форма понятия*. При этом следует подчеркнуть, что форма понятия и структура понятия хотя и связаны, но не тождественны.

Мы видели, что противоречие между содержанием и формой объективных явлений обусловлено природой обеих этих сторон. Содержание более подвижная, ведущая, решающая сторона, а форма менее подвижная, ведомая, подчиненная содержанию сторона. Противоречие между этими двумя сторонами является источником изменения, развития предметов. Эта объективная логика содержания и формы выражается в логике мысли. Отношение между содержанием и формой понятия также противоречиво. И здесь содержание более изменчивая сторона и играет ведущую роль, а форма более устойчивая сторона и играет подчиненную роль. И здесь содержание, в конечном итоге, побеждает отжившую форму, обуславливает возникновение новой формы и т. д. Это противоречие обуславливает диалектический характер как отдельных наук, так и всего познания и логики.

Но чтобы правильно понять это противоречие, нужно исходить из единства устойчивости и изменчивости понятия, поскольку изменчивость — характерная особенность содержания, а устойчивость — формы. Как уже отмечалось, элементарная логика сознательно берет одну сторону — устойчивость. Такова ее специфика. Она этим не извращает действительных отношений, а решает свою узкую задачу. В этой связи нужно сказать, что диалектическая логика берет и устойчивость и изменчивость в единстве, следовательно, она вовсе не отвергает элементарную логику, а содержит ее в себе как момент, в снятом виде.

Диалектическая логика непримирима с антинаучными взглядами современных буржуазных философов на понятие, одни из которых абсолютизируют изменчивость и отвергают устойчивость, другие, наоборот, абсолютизируют устойчивость и отвергают изменчивость. Первая точка зрения характерна для бергсонизма. Признавая изменчивость как мистическую длительность, осуществляющуюся в сознании, Бергсон, Джемс и другие отрицают возможность выразить изменчивость в понятии. По их мнению, разум способен отразить только прерывное и бессилён отразить изменчивость, движение, развитие. Отсюда ими делается вывод, что понятия пригодны лишь для узкопрактических целей, они неспособны выразить движение, не имеют теоретического значения и т. д., что означает на деле фактическое отрицание роли понятий. Сторонники другой точки зрения приходят к тому же результату, только другим путем — путем абсолютизации устойчивости. К ним относятся представители различных разновидностей неокантианства, отрицающие изменчивость действительности, но признающие

понятие как устойчивую, мертвую форму. Таким образом, сторонники одной точки зрения отрицают понятие, другой — признают. Но те и другие, по-разному извращая действительность и природу понятия, сходятся на том, что отрывают стороны понятия друг от друга и объявляют, что изменяющаяся вещь и понятие об этой вещи ничего общего между собою не имеют.

Ниже мы увидим, что идеалистическое и метафизическое извращения понятия присущи и другим разновидностям идеализма, в особенности логическому позитивизму.

Марксистская диалектическая логика вскрывает антинаучный характер всякого метафизического отрыва сторон понятия друг от друга и дает единственно верное, научное решение проблемы понятия. Она исходит из того, что как любая вещь в объективизме мира есть единство устойчивости и изменчивости — формы и содержания, так и отражающее ее понятие есть единство устойчивости и изменчивости. Ни устойчивость без изменчивости, ни изменчивость без устойчивости друг без друга немыслимы. Отношение между устойчивостью и изменчивостью есть противоречие, борьба, которая является внутренним импульсом, источником движения и развития как вещи, так и понятия.

Поскольку объективные вещи по своей природе диалектичны, противоречивы, подвижны, переходят друг в друга и т. д., то отражающие их понятия также являются диалектическими, гибкими, подвижными, противоречивыми. «... Человеческие понятия, — писал В. И. Ленин, — не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов...»¹

Изменения понятия, как и всего процесса познания обусловлены рядом факторов, но в конечном итоге — общественной практикой, потребностями развития материального производства. Понятия не возникают в отрыве от жизни, одно из другого, как у Гегеля, к тому же они не могут возникать сразу, в готовом виде, а возникают на основе и по мере развития общественной практики, в определенных условиях.

Однако, разумеется, при этом не игнорируется факт относительной самостоятельности как в развитии познания, так и понятий. Последние, как отмечалось, с одной стороны, являются результатом предшествующего познания, возникают как итог, вывод из предшествующей истории познания, а с другой — являются исходным пунктом познания, выражающим собой определенное состояние, уровень в развитии знания. *Непосредственным* источником изменений понятия является диалектика его содержания и формы. Изменения понятия, переход от одного понятия к другому в процессе познания происходят диалектически, вызываются взаимодействием содержания и формы понятия, ведущей, решаю-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 249.

щей ролью содержания в этом взаимодействии. Поскольку познание есть непрерывный процесс углубления, а понятия — его ступеньки, узлы, то непрерывным процессом является и изменение, углубление, усовершенствование, развитие понятий. Не было, нет и не может быть понятия, которое, возникнув однажды, не претерпевает тех или иных изменений.

Непрерывность процесса познания вносит непрерывные изменения в содержание понятия, которое углубляется, расширяется, обогащается, уточняется, становится более конкретным. С другой стороны, с каждым изменением содержания его внутренняя организация, форма, не изменяется. Она сохраняет свою устойчивость, продолжая воплощать новые признаки содержания. Но она не может бесконечно воплощать непрерывные изменения содержания. Во взаимоотношениях содержания и формы понятия наступает такой момент, когда «разросшееся» содержание более не «вмещается» в ставшую узкой форму и вызывает ее коренное изменение.

Весь прогрессивный процесс познания обусловлен непрерывной, непрекращающейся борьбой содержания с формой за «гармонию», за соответствие. И как бы форма ни соответствовала содержанию, со временем на основе изменений содержания она перестает соответствовать ему и в результате сама подвергается изменению. Эту диалектику понятия верно подметил Н. Бор. «Всякая форма, — писал он, — как бы ни была она полезна в прошлом, может оказаться слишком узкой для того, чтобы охватить новые результаты»¹.

По мнению М. М. Розенталя, изменение формы может выражаться: в возникновении нового понятия и исчезновении старого; в приспособлении формы к потребностям нового содержания; в расширении аспектов формы, когда одна и та же форма выражает различные содержания в зависимости от связей и отношений понятия.

Проиллюстрируем изменения формы понятия в результате изменения его содержания на примерах из истории развития различных наук.

Все научные понятия, которыми ныне оперируют в любой области знания, возникли в определенных исторических условиях в результате непрерывного процесса познания, в результате изменений содержания понятий. И здесь, в истории мысли, развитие шло от содержания к содержанию путем сбрасывания старой формы и утверждения новой.

В истории развития физики и химии одно время, например, господствовали такие понятия, как «флогистон», «теплород», «электрическая жидкость» и т. д. Однако развитие этих наук внесло глубокие изменения в содержание наших знаний об окружающем мире, вскрыло научную несостоятельность, мистический характер этих понятий.

¹ Н. Бор. Дискуссия с Эйнштейном... «Успехи физических наук», т. XVI, вып. 4, декабрь, 1958, стр. 597.

Противоречие между антинаучной формой и достигнутым содержанием науки привело к сбрасыванию формы, к замене указанных понятий новыми, соответствующими этому содержанию.

Однако новое понятие возникает не только потому, что старое оказалось антинаучным, но и потому, что развивающееся новое содержание научного познания требует для своего существования и выражения соответствующей новой формы.

Рассмотрим в качестве примера возникновение одного из основных понятий физики — понятия «энергии». Это понятие появилось в физике лишь в середине XIX в. Оно формировалось в ходе подготовки и открытия закона сохранения и превращения энергии. Известно, что этот закон первоначально формулировался как закон сохранения и превращения «сил» природы, что способствовало его механическому толкованию. Однако действительное содержание нового закона выходило за рамки механических представлений о движении материи.

Содержание вновь открытого закона настойчиво требовало создания нового понятия, которое более адекватно выражало бы это содержание. Однако вплоть до 1860 г. физики все еще связывали новое содержание закона со старым термином «сила», который не мог отразить богатство взаимопревращений качественно различных явлений природы. «Освобождение от устаревшего термина идет таким путем, что сначала в этот старый термин вкладывается новое содержание. Затем обнаруживается, что это новое содержание настолько противоречит старому, установившемуся понятию о «силах» как внешних агентах, что для дальнейшего развития этого нового содержания требуется дать ему новую форму. В результате был введен термин «энергия»¹.

Точно так же революция в физике, начавшаяся с конца прошлого века, вызвала к жизни множество новых понятий, глубоко и верно отражающих явления микро- и макромира, выражающих собою достигнутый, более высокий уровень развития познания материи.

Можно подробно останавливаться на истории возникновения тех или иных понятий, скажем, «электрона», «нейтрона» и т. д. Однако, каковы бы ни были подробности, одно безусловно: новое понятие возникает диалектически, из потребностей приведения формы в соответствие с содержанием понятия.

Противоречие между содержанием и формой понятия может разрешаться не только путем сбрасывания старой, отжившей формы и возникновения новой, но и путем одновременного сочетания старой формы и возникшей новой. Поскольку разросшееся содержание не «вмещается» в старой форме и «ищет» себе соответствующую форму, то оно может воплощаться в старой форме лишь отдельными своими элементами, в то время, как его другие, новые, не вмещающиеся в ней элементы порождают новую форму и

¹ Н. Ф. Овчинников. Понятие массы и энергии в их историческом развитии и философском значении. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 94.

воплощаются в ней. Иными словами, старое понятие не сбрасывается, а сохраняется. При этом уточняются, определяются его границы, круг тех элементов, которые оно выражает. Вместе с тем новые результаты, не вмещающиеся в форму старого понятия, воплощаются в форму новых понятий. Познание восходит от абстрактного к конкретному, от односторонности к многосторонности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка, выражаясь во все новых и новых понятиях, сохраняя старые научные, верные, но ставшие узкими, понятия в снятом виде.

В этой связи характерно соотношение понятий классической и квантовой механики. Развитие науки непрерывно, мало-помалу, шаг за шагом вносило одно изменение за другим в содержание понятий классической механики до тех пор, пока старая форма не показала свою узость. Все попытки ученых воплотить эти изменения — новые результаты — в старую, ставшую «узкой» форму, объяснять их старыми понятиями, кроме разочарований, отступлений и колебаний, ничего другого им не давали. Сколько лет борьбы и труда стоило науке, пока, наконец, не были образованы новые формы, адекватно выражающие достигнутые результаты исследования. Но при этом возникновение понятий квантовой механики не означало сбрасывания понятий старой классической механики. Понятия последней оказались неверными вне своих узких пределов, но они верны, имеют свое научное значение, выполняют свою роль орудий познания в своих пределах.

Так, например, понятие «масса» изменялось и наполнялось новым содержанием по мере развития физики и механики. К представлению о массе вело исследование двух явлений — инерции и тяготения. В результате открытия закона тяготения возникает понятие «гравитационная масса». В результате открытия закона инерции и других законов механики понятие массы получает дальнейшее развитие. Возникает понятие инертной массы. Создание электромагнитной теории Максвелла — Лоренца привело к возникновению понятия электромагнитной массы. Открытие физикой соотношения $E=mc^2$ было следующим важным шагом на пути развития понятия массы, которое продолжает развиваться и совершенствоваться, вместе с развитием физики и механики вплоть до наших дней.

Из сказанного напрашивается чрезвычайно важный вывод о том, что вообще в науке, в силу специфических законов ее развития, имеет место «экстраполяция» старых понятий на новые явления, попытка объяснять новые незнакомые явления с помощью старых, уже известных, выработанных и «испытанных» средств, понятий. Имея в виду применение понятий классической механики к микрообъектам, П. Ланжевен писал: «В этом случае мы поступили так, как поступают физики во всех тех случаях, когда им приходится столкнуться с совершенно новым явлением: мы попытались объяснить неизвестное с помощью уже известного и использовать в данном случае представления, оказавшиеся пригодными для объяснения других явлений.

Другого пути не существует, и лишь неудача такой попытки заставляет пересмотреть проблему с самого начала и искать выхода на пути создания совершенно новых представлений»¹.

Это и понятно. Процесс познания невозможен без строгого соблюдения преемственности. Его законом развития является, как уже говорилось, восхождение от абстрактного к конкретному, от низшей ступени к высшей, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. При этом высшая ступень подготавливается низшей, точнее, развитие низшей есть ее самоотрицание, переход в высшую ступень и вместе с тем ее сохранение в этой высшей ступени в снятом виде.

Образование понятий, выражающих высшую ступень, и логически, и исторически совпадает с образованием самой высшей ступени. Это один и тот же процесс. Поскольку же любое изменение содержания того или иного понятия в то же время не приводит к ломке формы или к коренному ее изменению и к возникновению новой, а воплощается в существующей старой форме, то это и означает попытку объяснять новые явления старыми понятиями. Поэтому попытка объяснять новые явления старыми понятиями и средствами познания не «психологический» недостаток ученого, а закон познания.

Прежде чем создавать новые понятия и для того чтобы создавать новые понятия, наука должна оперировать всеми теми средствами, которые имеются в ее распоряжении. Давать новые понятия до новой ступени познания то же самое, что «давать науку до науки». Конечно, можно и должно говорить о характере, длительности, степени, пределах применения старых средств для объяснения новых явлений. Но что такое применение неизбежно и вытекает из специфических законов познания, в частности из противоречия между содержанием и формой понятия, — в этом нельзя сомневаться.

Об этом же свидетельствует разрешение противоречия между содержанием и формой понятия и другим путем — путем уточнения, углубления старых понятий². Суть этого способа разрешения противоречия состоит в том, что по мере развития познания старые понятия не исчезают, а продолжают воплощать новое содержание, наполняются новым содержанием. При этом от старого понятия сохраняется его внешняя форма, в то время как внутренняя форма понятия претерпевает изменения, перестраивается, приспособляясь к потребностям нового содержания.

¹ П. Ланжевен. Избранные произведения. Статьи и речи по общим вопросам науки. М., Изд-во иностр. лит., 1949, стр. 351.

² Здесь мы считаем полезным сделать следующее замечание: когда говорим, что старая форма наполняется новым содержанием, то под этой формой понимаем внешнюю форму, а не внутреннюю. Об этом более подробно речь будет ниже, но в данном случае такое напоминание необходимо, дабы предупредить возможное смешение разных аспектов содержания и формы и связанные с этим ошибки.

Можно привести великое множество примеров такого рода. Ограничимся указанием на основные категории философии. Так, например, понятие «материя» существует давно. Возникнув однажды, это понятие претерпевало непрерывные изменения на протяжении всей своей истории как по своему содержанию, так и по внутренней форме. Причем каждый философ исходил из предшествующего понимания этого понятия, вносил свои новые моменты в это понятие, так или иначе изменял его, и так до тех пор, пока, наконец, в марксистской философии оно не наполнилось качественно новым содержанием.

Внешняя форма философских категорий и ряда других понятий очень живуча и способна долго сохранять свою устойчивость, поскольку она существенно не препятствует развитию познания, т. е. изменению содержания и внутренней формы понятий. Основные философские категории, возникшие в разные эпохи истории философии и получившие более всестороннее развитие у Гегеля, сохраняются и в марксистской философии, наполнившись новым содержанием. Категории «материя», «сознание», «качество», «количество», «мера», «скачок», «движение», «пространство», «время», «противоречие» и т. д. имеют содержание, противоположное тому, что было у Гегеля. И если бы их внешняя форма стала бы существенно препятствовать дальнейшему развитию содержания философской мысли, то она была бы сброшена этим развитием и место старых категорий заняли бы новые. Но поскольку внешняя форма не мешает развитию, то такой необходимости и не возникает.

Из сказанного следует, что развитие философской мысли происходило внутри данной внешней формы по законам единоборства между содержанием и внутренней формой понятия. Это в полной мере относится и к понятиям различных наук, которые с дальнейшим развитием этих наук не исчезают, а наполняются новым содержанием, продолжая выполнять свою роль орудия познания и практики.

Разрешение противоречия между содержанием и формой понятия осуществляется и путем расширения, увеличения его аспектов. Чем это обусловлено? Как законами познания, так и наличием у явления (и понятия) множества внутренних и внешних связей. Непрерывные изменения содержания понятия означают углубление отражения, расширение охвата отражаемых существенных признаков, порождающее новые, различные аспекты понятия. Понятие как бы «модифицируется», приобретает качественно различные стороны, оттенки, свойства, черты и в этом смысле становится богаче, конкретнее, «плотнее». При этом внутренняя форма становится гибкой, «эластичной», воплощает различные стороны содержания. За примерами такого рода далеко ходить не придется: категории содержания и формы являются именно такими понятиями, имеющими ряд аспектов. Следует особо подчеркнуть, что для познания имеет чрезвычайно важное значение учет различных аспектов, связей, отношений понятия, без чего нарушает-

ся принцип конкретности понятия, а следовательно, и конкретности истины.

Таким образом, гибкость, подвижность понятий, их изменчивость, возникновение новых понятий и исчезновение старых, наполнение старых понятий новым содержанием или уточнение, конкретность понятий, их модификация, увеличение их аспектов и т. д., — все это обусловлено диалектическим взаимодействием содержания и формы понятия, *решающей, ведущей* ролью и потребностями развития содержания.

Противоречием между содержанием и формой понятия, потребностями развития содержания вызывается переход понятия в суждение, а не «высказывание».

Суть этого перехода состоит в следующем.

Как мы видели, понятие имеет противоречивую природу. Оно есть единство тождества и различия общего и единичного. Оно в себе раздваивается на эти противоположности, отношение между которыми есть противоречие. Рассматривая понятие «в себе» под углом зрения его содержания, мы обнаруживаем, что оно трехчленно, включает в себе три группы определений. Рассматривая же понятие со стороны формы, мы видим, что эти определения не расчленены, не существуют обособленно, не *оформлены* в самостоятельные элементы знания, а слиты воедино, существуют целокупно, свернуто, имеют единую организацию, форму. Благодаря этому и понятие выступает как целое, нерасчлененное.

Таким образом, понятие по содержанию трехчленно, а по форме одночленно. Это противоречие между содержанием и формой понятия должно находить свое разрешение в изменении формы, в приведении ее в соответствие с содержанием. В рамках самого понятия это противоречие неразрешимо. Как подробно показано выше, никакое противоречие не может быть разрешено в рамках одного и того же состояния процесса, одних и тех же условий, породивших его. Разрешение любого противоречия есть переход в новое состояние, есть изменение. Это относится в полной мере и к противоречию в понятии. Разрешение этого противоречия возможно лишь как возникновение новой, высшей формы мышления — суждения. Последнее является дальнейшим усложнением понятия и возникает закономерно из необходимости разрешения противоречия между содержанием и формой понятия, из потребности дальнейшего движения, развития мышления.

Диалектика отрицания понятия суждением состоит в том, что суждение, с одной стороны, ломает и сбрасывает форму понятия, а с другой — вбирает в себя, сохраняет его содержание. И поскольку это возможно только лишь в единстве нескольких понятий, то суждение выступает как *единство взаимосвязанных и взаимозависимых понятий в снятом виде*. Несколько понятий в силу логической необходимости приводятся в движение, вводятся во взаимосвязь для того, чтобы таким путем добывать новые знания. Следовательно, сущность суждения состоит не только в том, что оно раскрывает, развертывает содержание понятия, но и в том, что

оно есть *новое, высшее* по сравнению с понятием *знание, новый этап* движения, углубления мышления в существенные связи предметного мира.

Суждение состоит из субъекта, предиката и связки и выражается схемой **S—P**. Субъект и предикат одновременно тождественны и различны. Их тождество состоит в том, что они внутренне взаимопроникают и друг без друга невозможны, а различие — в том, что они выражают разные связи, стороны, занимают разное место в суждении и имеют свою специфику. Их отношение противоречиво. Противоречие между единичным и общим в понятии теперь переросло в противоречие между субъектом и предикатом в суждении. Внутренние противоположности понятия — единичное и общее — в суждении раскрылись, развернулись и превратились во внешние противоположности по отношению к понятию, но во внутренние противоположности суждения. Прав Гегель, когда суждение рассматривает как процесс, деятельность понятия, как внешнее раздвоение понятия на единичное и всеобщее.

В суждении субъект представляет единичное, а предикат — общее. Поскольку отношение между единичным и общим есть противоречие, то всякое суждение противоречиво. «Начать, — писал В. И. Ленин, — с самого простого, обычного, массовидного etc., с предложения *любого*: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п., уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диалектика. *Отдельное есть общее*»¹. Более того, суждение заключает в себе не только противоречие между единичным и общим, но и противоречие между сущностью и явлением, необходимостью и случайностью, содержанием и формой и т. д. «... В *любом* предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика»².

Следовательно, разрешение противоречия между содержанием и формой понятия путем перехода понятия в суждение вовсе не означает исчезновения противоречия в мышлении. Суждению, а затем и умозаключению присущи свои внутренние противоречия, поскольку эти формы мышления, как и понятие, выражают, отражают объективные противоречия действительности.

Элементарная логика по своей природе, как уже говорилось, не допускает противоречия в мышлении. Закон запрета противоречия применяется и к суждению. Диалектическая логика, не игнорируя правомерности законов и средств элементарной логики в определенных пределах, вместе с тем идет дальше, отражает в себе противоречия объективной действительности. Логика движения мысли адекватно отражает объективную логику мира. Суждение противоречиво, заключает в себе противоречие потому, что отражаемый им объект противоречив. Последовательность мысли состоит в том, что она адекватно верно отражает противоречивую природу

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 359.

² Там же.

мира, и, напротив, она не может быть истинной, последовательной, если не отражает объективных противоречий.

Во избежание повторений других авторов, разработавших проблему суждения более подробно и всесторонне, мы ограничиваемся этими общими сведениями о суждении, из которых выводим следующие определения его содержания и формы: *под содержанием суждения мы понимаем совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых, изменяющихся понятий, выражающих в своем единстве зачатки всех элементов диалектики*¹, а *под формой — способ, закон взаимосвязи этих понятий*. При этом связка в суждении является моментом, компонентом формы, но не всей формой суждения. В этой связи заметим, что встречающееся в литературе определение формы суждения как структуры суждения, выражаемой схемой $S — P$ ², не выдерживает критики, поскольку эта схема выражает только внешнюю форму и скуднейшее содержание суждения.

Отношение между содержанием и формой суждения есть противоречие. Последнее обусловлено устойчивостью формы и изменчивостью содержания и выступает источником процесса развития суждения. Это противоречие проявляет себя на поверхности как противоречие между «субъектом» и «предикатом».

Переход суждения в умозаключение есть разрешение противоречия между содержанием и формой суждения, есть скачок от низшего к высшему, от простого к сложному в мышлении. Сложность умозаключения по сравнению с суждением состоит в том, что оно есть *выводное знание*, точнее, есть такая закономерная взаимосвязь суждений, из которой выводится новое знание. Необходимость вывода заключения из данных известных «посылок» в общем диктуется целями и задачами закономерного углубления мышления в сущность предметного мира. Как мышление в целом, так и отдельные его формы развиваются диалектически: по законам диалектики развивается и умозаключение. Здесь мышление

¹ Заметим в этой связи, что в литературе все еще продолжают делить противоречия на «логические» и «диалектические». Под «логическими» в основном понимают, говоря несколько упрощенно, путаницу в мысли в результате недостаточного знания вопроса, неточного употребления терминов и т. д., а под «диалектическими» — жизненные, действительные противоречия. Такое деление противоречий, возможно, оправдывалось тем, что так называемая «формальная» логика, запрещающая противоречие в формах мышления, выдавалась за единственную. Но теперь, когда прекратились споры по поводу места и роли элементарной логики и она признана низшей, элементарной, а диалектическая логика — высшей, сложной, то под «логическим противоречием» более невозможно понимать путаницу, ошибку. Но ратовать за диалектическую логику и в то же время понимать под «логическим» противоречием путаницу в мысли — значит просто проявлять вялость мысли, не заботиться о последовательности мысли, ибо, ясно, если «логическое» противоречие — путаница, а в диалектической логике главным ее содержанием является как раз противоречивость, то выходит, что диалектическая логика есть путаница, ошибка. Между тем логическое противоречие такое же жизненное противоречие, как и диалектическое. Это одно и то же противоречие, иначе не было бы тождества диалектики и логики.

² См.: М. Н. Алексеев. Диалектика форм мышления. М., Изд-во Моск. ун-та, 1959, стр. 124.

снова возвращается к единству единичного и общего, но на высшей основе, выражая собою действие закона отрицания отрицания. Движение мысли идет от нерасчлененного единства общего и единичного в понятии к расчленению их в суждении, а затем — к восстановлению их единства в новой, высшей форме путем опосредствования в умозаключении¹.

В умозаключении раскрываются три момента понятия: единичность, особенность, всеобщность. Если в суждении наличествуют, как мы видели, два расчлененных момента — единичное и общее, то в умозаключении наличествует и третий член — опосредствующее звено, или особенное. Поэтому структура умозаключения в отличие от суждения трехчленна. Причем особенное проявляет себя и как понятие, и как суждение, и как умозаключение. Особенное выступает как главное, определяющее звено, поскольку сущность умозаключения состоит как раз в опосредствовании двух моментов этим третьим.

Элементарная логика в своих правилах построения вывода исходит из тождественной, устойчивой стороны предметов, отвлекаясь от их изменения, развития. Ее законы обеспечивают правильность вывода только при этом условии. Они истинны только в указанных пределах, но неистинны, неверны, становятся ложными вне этих пределов. Основываясь на классификации явлений на виды, классы и т. д., элементарно-логическое умозаключение всегда содержит в себе тождественную сторону явлений. Если все явления данного вида имеют такое-то свойство, то каждое отдельное явление этого вида также имеет это свойство. Здесь различие, противоположность, противоречие и т. д. в явлениях не принимаются во внимание, не берутся в расчет. Но если мы хотим познать явления такими, каковы они есть, т. е. не только со стороны их тождественности, но и их различия, изменения, развития, то законы элементарной логики тотчас же оказываются непригодными, и попытка построить вывод на их основе извращает познание.

Попытка решать сложные проблемы с помощью элементарно-логического силлогизма не раз в науке и политике приводила к ошибкам и извращениям. Как известно, Маркс всесторонне вскрыл не только ограниченность метафизического метода Рикардо, но и научную несостоятельность попытки его последователей, в частности Д. Милля, с помощью элементарно-логических силлогизмов решать сложные вопросы экономической науки. «Милль был первым, — писал К. Маркс, — кто изложил теорию Рикардо в систематической форме, хотя лишь в довольно абстрактных очертаниях. То, к чему он стремится, — это формально логическая последовательность. С него и начинается «поэтому» *разложение* рикарддианской школы»². Из этих слов Маркса видно, что ограниченность элементарно-логической последовательности была причиной *разложения* школы Рикардо.

¹ М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики, стр. 358.

² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. III. Госполитиздат, 1961, стр. 73.

Точно так же, исходя из элементарно-логических силлогизмов, определял тактику русских социал-демократов в революции 1905 г. Г. В. Плеханов. Посылки: революция по своему характеру буржуазно-демократическая; буржуазия в прежних буржуазно-демократических революциях была движущей силой. Вывод: буржуазия — движущая сила в революции 1905 г. Этот силлогизм построен на тождественной стороне буржуазно-демократических революций и на полном игнорировании как их различий, так и условий их возникновения и развития.

В. И. Ленин подверг резкой критике такой догматический подход Плеханова к столь сложным социальным вопросам, как революция 1905 г., вскрыл несостоятельность его попытки с помощью элементарно-логического силлогизма решать такие сложные вопросы, как тактика класса в революции. «...Выводить конкретные положения, — писал В. И. Ленин, — об определенной тактике в определенном случае, об отношении к различным партиям буржуазной демократии из общей фразы, об «общем характере» революции, вместо того, чтобы этот «общий характер русской революции» выводить из точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции; — разве же это не подделка? разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?»¹.

Опасность элементарно-логического метода решения сложных вопросов состоит в том, что он создает внешнее правдоподобие, создает иллюзию истинного вывода, а на деле этот вывод оказывается софизмом. В. И. Ленин в противоположность Г. В. Плеханову подошел к анализу революции 1905 г. с точки зрения диалектической логики, рассматривая русскую революцию в связи с теми условиями, которые породили ее, а не как мертвую копию прошлых революций. В. И. Ленин свои выводы сделал на основе тщательного всестороннего диалектического анализа самой развивающейся общественной жизни, эпохи империализма, специфики развития самой этой революции, анализа соотношения классовых сил как внутри страны, так и вне ее. Именно такой подход дал возможность В. И. Ленину сделать правильные, научные логические выводы о характере и движущих силах революции 1905 г., о руководящей роли пролетариата в этой революции, о ее перерастании в социалистическую и т. д. Жизнь давно полностью подтвердила верность выводов, оценку В. И. Ленина и опровергла элементарно-логические выводы Г. В. Плеханова, основанные на метафизическом подходе к тем же явлениям.

Приведем еще один пример, показывающий, как элементарно-логическое умозаключение вне своих пределов приложения приводит к софизму. Известно, что «война является постоянным спутником капитализма. Система эксплуатации человека человеком и система истребления человека человеком — две стороны капиталистического строя. Империализм уже обрушил на человечество

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 372.

дые опустошительные мировые войны и теперь грозит свергнуть его в еще более ужасную катастрофу». Известно также, что «главная сила агрессии и войны — американский империализм»¹. Из «посылок»: «капитализм в прошлом неизбежно развязывал мировые войны» и «в настоящее время существует капитализм» элементарно-логический вывод будет таков: мировая война неизбежна. На чем построен этот вывод? На тождественной стороне капитализма вообще, капитализма всех времен и всех условий вообще. Этой стороной является его агрессивность, обусловленная самой его сущностью. Однако этот вывод вовсе не учитывает изменений самой конкретной жизни и потому является мертвым, абстрактным, неверным. Он не учитывает того, что в современном мире произошли глубокие изменения, главный и важнейший результат которых состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества. «Наступило время, — говорится в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в 1960 г., — когда можно пресечь попытки империалистических агрессоров развязать мировую войну. Объединенными усилиями мирового социалистического лагеря, международного рабочего класса, национально-освободительного движения всех стран, выступающих против войны, и всех миролюбивых сил мировую войну можно предотвратить»². Следовательно, мировая война в новых условиях вовсе не является неизбежной. Верно, что агрессивная природа империализма не изменилась, однако теперь сформировались реальные силы, способные сорвать его агрессивные планы. Фатальной неизбежности войны не существует.

Нетрудно понять, какое пагубное значение имеет элементарно-логический вывод о неизбежности войны для дела мира. Во-первых, этот вывод является в логическом отношении неверным, ложным, софизмом, поскольку его внешнее правдоподобие извращает действительное положение вещей; во-вторых, в практическом отношении он зовет человечество не к миру, а к неизбежной войне, не мобилизует силы на активную борьбу за мир, за предотвращение войны, а обрекает их на квиетизм, на пассивность, стихийность, созерцательность и т. д.; в-третьих, этот вывод в политике может породить авантюризм, поскольку допускает недооценку сил, борющихся за мир, и переоценку сил, пытающихся развязать войну. А всякая недооценка или переоценка борющихся сил всегда является основой авантюризма в политике.

Приведенные примеры показывают узорность, ограниченность элементарно-логического умозаключения и недопустимость нарушения тех пределов, вне которых оно теряет свое значение для познания, становится ложным, софизмом, логическим источником догматизма в теории и авантюризма в политике.

Для диалектической логики важно не то, чтобы соблюдались

¹ Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Правда», 1960, 6 декабря.

² Там же.

формальные требования заключения, значение которых она не отрицает, а важно *адекватное, верное отражение изменяющихся явлений*. Поэтому она строит свой вывод на основе изучения самой *изменяющейся, развивающейся* действительности, на ее анализе. Этим она подчеркивает ведущую роль содержания по отношению к форме. При этом содержание рассматривается в изменении — в возникновении, развитии и превращении. Вне такого исторического подхода к содержанию умозаключения получаемый вывод всегда окажется узким, следовательно, вне известных пределов — неверным. Поскольку явления объективно имеют диалектическую природу, подвижны, изменчивы, переходят друг в друга, то и их отражение в логике также должно иметь диалектическую природу. Поэтому, когда мы хотим иметь вывод из суждений, отражающих неустойчивость, точнее, не только устойчивость, но и изменчивость предметов, то элементарно-логическое умозаключение оказывается недостаточным. Из этого вовсе не следует, будто разработанные традиционной логикой принципы умозаключения вовсе непригодны или никакой роли не играют в познании. Нет, речь идет лишь об их применимости в узких пределах, об их узости, ограниченности и о том, что, не отрицая их значения, вместе с тем вывод из суждений, отражающих изменяющиеся явления, возможно делать на основе исследования самих этих изменяющихся явлений, на основе анализа их возникновения, развития и превращения.

Из сказанного следует, что решающим критерием верности и истинности вывода в диалектической логике является *практика*. Мысль должна отражать практику и проверять свои результаты на практике. Но поскольку сама практика есть диалектический процесс, то отражающие ее понятия, суждения и умозаключения также должны быть диалектическим процессом. Но для такого диалектического отражения старые принципы не всегда пригодны, точнее, узки. Диалектическая логика главное внимание обращает не на силлогистику, а на исследование тех *логических принципов и законов*, которые обеспечивают *истинный, верный и проверенный практикой* ход мысли по «логике вещей», причем особенное значение придается роли практики как критерию истинности. Такими принципами и законами диалектического мышления являются: принцип историзма, тщательный анализ изменчивой практики, конкретный анализ конкретных фактов, исследование противоречий явлений и тенденций их развития, учет качественной специфики явлений и т. д.¹

Только с учетом всего сказанного можно дать определения содержания и формы умозаключения в диалектической логике. Под содержанием мы понимаем совокупность суждений, отражающих диалектику явлений и заключающих в себе вывод, выводное знание, полученное на основе всестороннего анализа диалектически изменяющихся явлений. Под формой же умозаключения мы по-

¹ См.: М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики, стр. 380.

нимаем способ, закон взаимосвязи сторон содержания, диалектическую форму движения мысли в материале.

Умозаключение не есть мертвое состояние. Оно имеет свою историю, переходит в свое другое и т. д. Источником движения, изменения заключения, его перехода от низшего к высшему является противоречие между содержанием и формой, ведущая роль содержания в его взаимодействии с формой. Переход от одного заключения к другому, от менее глубокого заключения к более глубокому, от более простого к более сложному осуществляется на основе движения указанного противоречия, его непрерывного разрешения и возникновения, возникновения и разрешения и выражает собою путь непрерывного движения и углубления неисчерпаемого процесса познания.

Итак, мы рассмотрели специфику содержания, его взаимодействие с формой, его ведущую роль в развитии различных явлений природы, общества и мышления, — в одних, по возможности и в зависимости от обстоятельств, более подробно, в других — менее. Следовательно, рассматривая содержание и форму с точки зрения их внутреннего единства, единства их внутренние противоположных аспектов, мы приходим к выводу, что содержание играет ведущую роль, а форма — подчиненную, содержание в единоборстве с формой преодолевает отставание формы тем, что изменяет ее, сбрасывает отжившую форму и порождает новую, соответствующую потребностям своего развития. Таким образом, ведущая роль содержания обеспечивает его собственное непрерывное усложнение, развитие от низшего к высшему, от простого к сложному, от старого к новому.

Какую же роль при этом играет форма в развитии явлений? Как она влияет на развитие содержания? Как и в какой степени она способствует развитию содержания? и т. д. — все эти вопросы требуют подробного анализа, к которому мы и переходим в следующей главе.

Глава II

ФОРМА. ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОДЕРЖАНИЯ

Переход к анализу категории формы после анализа категории содержания вовсе не означает, что в объективной действительности существует такая последовательность во времени. Поскольку историческое и логическое совпадают в общем и целом, а не во всех деталях, способ восхождения от абстрактного к конкретному не только воспроизводит историю предмета (в сокращенном виде), но и сущность предмета, стороны которого по отношению друг к другу непосредственно не выступают как «предшествующие» и «последующие» во времени, а находятся в одновременном взаимодействии.

Таков метод восхождения в «Капитале» Маркса. Как известно,

Маркс свой анализ капитализма начинает непосредственно с товара не потому, что товар исторически существовал раньше денег, прибавочной стоимости, капитала и т. д., а потому, что «форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически»¹. При этом нужно подчеркнуть, что Маркс исследовал капитализм, а не его предысторию. Предыстория не есть история предмета. История предмета начинается с того момента, как он возник, проявив свою специфику, свое качественное различие, а предшествующие этому предпосылки непосредственно не входят в его историю. В противном случае предмет растворился бы в бесконечных связях, утратил бы свою специфику, и познание его стало бы невозможным. Товар действительно существовал задолго до возникновения капитализма. Но Маркс не ставил своей задачей исследовать непосредственно историю товарного хозяйства. Предметом его исследования был развитой капитализм, где товар, деньги, капитал и т. д. не существуют как предшествующие и последующие категории, а как взаимодействующие *одновременно* стороны единого целого организма. В логической последовательности категорий восхождения в «Капитале» непосредственно выражается не история капитализма, а закономерная (всеобщая) структура капитализма, законы его возникновения, развития и гибели. Вот почему Маркс писал, что «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»².

Таким образом, последовательность категорий восхождения по своему содержанию не всегда совпадает с объективной последовательностью истории развития предмета, а совпадает по форме, в общем и целом. Вместе с тем, хотя логическая последовательность категорий восхождения не всегда отражает временную последовательность развития объективных связей, отношений предмета, однако она отражает *место и роль* сторон единого целого в его объективном развитии. Причем критерием логической последовательности категории является диалектическое отрицание абстрактного конкретным.

Из этого видно, что последовательность анализа содержания и формы обусловлена отнюдь не тем, что одна из этих категорий существует раньше, другая — позже, — они друг без друга невозможны и потому немыслимы, хотя изменения содержания предшествуют изменениям формы, — а исключительно их местом и ролью в развитии явления. И исторически, и логически невозможно «содержание» генетически развить из «формы», но возможно

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 87.

² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 214.

форму развить из содержания, поскольку форма, по выражению Маркса, является «продолжением содержания», поскольку в их взаимодействии, как мы видели, содержание играет ведущую роль, определяет характер, природу формы, подчиняет ее своим потребностям, вызывает ее изменения, сбрасывает отжившую форму, порождает новую и т. д., вечно «беспокоясь» о соответствии формы потребностям своего развития.

1. Двоякая роль формы в развитии содержания

Ведущая роль содержания в развитии явлений не только не исключает, а предполагает активную¹ роль формы во взаимодействии с содержанием, ее активное влияние на развитие содержания. Поэтому мы далеки от того, чтобы, говоря о ведущей роли содержания, в какой-либо степени игнорировать или недооценивать роль формы.

Активная роль формы в развитии содержания заключается прежде всего в том, что она организует и выражает содержание. Как уже говорилось, форме внутренне присуща устойчивость. Благодаря этому она является условием эволюции действительности², организует и выражает общее в отдельном, сущность — в явлении, формирует определенное, устойчиво существующее содержание и выражает его. Форма воплощает, «аккумулирует», удерживает непрерывные изменения содержания в определенных «границах»³, но она воплощает содержание и его изменение не абсолютно, а относительно, в определенных пределах. В противном случае она не могла бы выполнять свою функцию организации содержания, «придавать» ему определенную устойчивость и выражать его. Это означает, что форма должна одновременно воплощать содержание и противостоять ему и его изменениям.

С одной стороны, если бы форма не воплощала, не удерживала в себе содержание и его изменения, то она не была бы формой, не было бы никакой дифференциации материи, никакого содержания и никакой формы. Вместо расчлененного, бесконечно

¹ «Активную» не в том смысле, что ее содержание пассивно. Возможно, этот способ выражения недостаточен совершенен. Но, так или иначе, мы под «активностью» формы вовсе не понимаем пассивности содержания, как это было в прошлой философии. Во взаимодействии сторон диалектического единства речь может идти только о степени активности сторон. Но мы говорим об активности формы постольку, поскольку содержание играет ведущую роль в развитии явления, а форма в свою очередь небезразлична к судьбе содержания. Хотя последнее определяет форму, есть ведущая сторона, а форма — подчиненная сторона, но форма в свою очередь влияет, воздействует активно на развитие содержания.

² В этом отношении форма играет такую же роль, как и относительный покой, являющийся условием дифференциации материи.

³ Мысль об устойчивости формы высказана еще Аристотелем. «Пусть со стороны количества, — писал он, — изменение не останавливается, однако же через посредство формы мы постигаем все вещи» (Метафизика, стр. 71). Однако он эту гениальную мысль впоследствии извратил, он мистифицировал форму, пришел к «форме форм».

богатого своим многообразием мира явлений мы имели бы нечто неопределенное, аморфное. Форма без содержания должна быть непременно бесформенной. С другой стороны, если бы форма воплощала содержание и его изменения абсолютно, исчерпывающе, то не было бы никакого развития, никакого перехода от одной формы к другой, от одного явления к другому, т. е. опять не было бы никакого развития, никакого многообразия явлений мира.

Но означает ли устойчивость формы отсутствие ее изменений? Во всяком случае, такое впечатление создается. Однако мы поступили бы опрометчиво, если бы устойчивость формы стали понимать как абсолютный покой. Устойчивая природа формы не означает отсутствия каких-либо изменений в ней. Непрерывно изменяется все явление — и содержание, и форма. Но в том-то и заключается роль формы, что благодаря ее устойчивости явление, несмотря на свою непрерывную изменяемость, до определенного момента остается тождественным себе. Форма как бы удерживает явление и его изменения в определенном *качественном* состоянии до тех пор, пока сама не изменится *коренным образом* в результате опережающих изменений содержания. А коренное изменение формы есть коренное изменение всего явления, следовательно, и содержания.

Перед нами то же диалектическое противоречие: с одной стороны, непрерывно изменяются как содержание, так и форма, а с другой — эти стороны единого изменяются неравномерно, изменения содержания объективно опережают изменения формы. Форма отстает от содержания как более устойчивая сторона явления.

Для ясности приведем следующий пример. Со времени возникновения капитализма в его производительных силах происходят непрерывные изменения (промышленное применение пара, электричества; появление машинной индустрии, все новых и новых, более сложных и совершенных орудий производства; использование атомной энергии; вместе с тем развитие производственного опыта и навыков работника и т. д.). Но изменялись ли капиталистические производственные отношения? Безусловно, да. По мере развития производительных сил в общем и целом усиливалось угнетение, эксплуатация пролетариата капиталом, неизмеримо обострились антагонистические противоречия между пролетариатом и буржуазией и т. д. Однако от этих изменений капиталистические производственные отношения не перестали быть самими собою, не изменились в сущности. Всякое изменение содержания не приводит к автоматическому созданию новой формы, а воплощается в существующей форме, которая в свою очередь в какой-то степени продолжает соответствовать изменяющемуся содержанию.

Более того, отдельные моменты, стороны, черты формы в пределах ее определенности могут изменяться и качественно, не нарушая, однако, *до известного момента* этой определенности в целом, поскольку эти изменения не затрагивают главного, основного в ней — ее сущности. Переход от монополистического капитализма

к монополистическому есть скачок, качественное изменение в пределах капиталистических производственных отношений. Но это изменение не касалось главного, их сущности, так что и при этом скачке сохранилась та же качественная определенность формы. И домонополистический, и монополистический капитализм есть капитализм. Качественно изменяются лишь отдельные моменты данной формы, но по отношению к форме в целом эти изменения являются количественными.

Мы подчеркиваем, «до известного момента», так как количественные изменения содержания и формы, накапливаясь, усиливают отставание формы от содержания и *на определенном этапе*, в определенных условиях вызывают коренное изменение формы и переделку содержания. Количество переходит в качество. Этот пример наглядно показывает, что изменяется не только содержание, но и форма. С другой стороны, он также показывает, что изменения формы отстают от изменений содержания, поскольку вслед за каждым изменением содержания форма автоматически не меняется, не ломается, не сменяется другой формой, а продолжает воплощать изменения содержания.

С вопросом об устойчивости формы связан и вопрос об ее относительной самостоятельности. Форма относительно самостоятельна по отношению к своему содержанию. Это выражается в ее относительной устойчивости, преемственности в развитии, а также в том, что, определяясь содержанием, она активно влияет на его развитие и в определенных условиях изменяется одновременно как в результате изменений содержания, так и в результате непосредственного воздействия на нее внешних условий. Причем в различных аспектах формы степень ее относительной самостоятельности бывает неодинакова. Когда форма не является внутренней организацией содержания, относительная самостоятельность ее усиливается, она становится более устойчивой, более самостоятельной по отношению к своему содержанию —источнику¹. Когда форма является непосредственной организацией своего содержания, ее относительная самостоятельность ослабляется — ее характер, продолжительность, степень активности влияния на содержание и т. д. зависят непосредственно от природы содержания, от характера противоречий явления, условий его развития, от характера взаимодействия содержания и формы.

Форма влияет на развитие содержания двояко.

В этой связи прежде всего нужно подчеркнуть следующее. Какую роль играет форма в развитии содержания? В каком направлении, в какой степени она влияет на свое содержание? Все это определяется взаимодействием содержания и формы, основой которого является содержание и потребности его развития. В этом взаимодействии содержание не только определяет форму,

¹ Это мы увидим на примере идеологических явлений, когда между содержанием — источником и формой — отражением в сознании возникают опосредствующие связи.

но и ту или иную ее роль, тот или иной характер ее влияния на свое развитие.

Как мы уже показали, форма по своей природе не может или воплощать или не воплощать содержание и его изменения, она *одновременно и воплощает и не воплощает*. Единая в своей определенности форма как бы *раздваивается* на две стороны, тенденции.

Если рассматривать обе эти тенденции формы с точки зрения элементарной логики, в состоянии абсолютного покоя, то это неизбежно приведет к софистике: раз форма одновременно воплощает и не воплощает содержание, то нет ни того, ни другого. Но такой элементарно-логический подход не является истинным. Одно из важнейших требований диалектической логики состоит в том, что явления необходимо изучать такими, каковы они есть в действительности, — в движении, изменении. О вещах, предметах, явлениях и их связях, отношениях вне движения, вне изменения нечего сказать. Стало быть, и эти две тенденции формы нельзя рассматривать неподвижными, раз навсегда данными. «... Ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»¹. Именно в этой подвижности, условности, относительности и взаимопревращении двух тенденций формы заключен ответ на вопрос об *относительном* характере соответствия и несоответствия формы содержанию.

Явление бурно развивается тогда, когда форма наилучшим образом воплощает изменения содержания и отвечает потребностям его развития. Требование содержания более полного, более совершенного соответствия формы своему характеру, состоянию является объективным законом развития. Но соответствие или несоответствие формы содержанию не бывает абсолютным. В самом явлении в течение всего его существования борются две тенденции формы: с одной стороны, форма, воплощая в себе изменения содержания, соответствует своему содержанию, способствует его развитию; с другой стороны, воплощая содержание не абсолютно, а относительно, она отстает от состояния, уровня, характера содержания и с этой точки зрения в известной степени *не соответствует ему*, тормозит его развитие². «... Анализ, — писал Энгельс, — обнаруживает один полюс уже как наличествующий in pace [в зародыше] в другом, что в определенной точке один полюс превращается в другой...»³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 98.

² Заметим в этой связи, что нередко утверждают, будто форма по отношению к содержанию всегда является консервативной. Так ли это? Если форма всегда консервативна, то как она может способствовать развитию содержания? Как может быть его «двигателем»? С другой стороны, почему должна происходить смена форм? Разве содержание сбрасывает одну отжившую консервативную форму для того, чтобы заменить ее другой консервативной формой? Очевидно, что нет. Консервативна отжившая форма, а не всякая. Новая форма, способствующая развитию, не консервативна, а революционна. Следовательно, устойчивость формы и консервативность формы — нетождественные понятия.

³ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 161.

Одна тенденция формы постоянно и одновременно заключает в себе, предполагает свою противоположность. Подобно тому, как *«отрицание жизни по существу содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, — смертью»*¹, так и соответствие формы содержанию всегда мыслится в соотношении с его необходимым результатом, заключающимся в нем постоянно в зародыше, — несоответствием, и, наоборот, несоответствие мыслится в соотношении с соответствием, также наличествующим в нем постоянно в зародыше.

Эти обе тенденции формы немыслимы друг без друга и находятся в определенном соотношении. Так как содержание находится в *непрерывном изменении*, то и это соотношение постоянно изменяется. Диалектика изменения этого соотношения такова, что по мере изменения содержания и в зависимости от его природы и условий его развития *превалирует, господствует то одна тенденция над своей противоположностью, то — наоборот*. Когда превалирует соответствие, то форма дает простор, *способствует* развитию содержания; при этом несоответствие находится в подчиненном, зародышевом состоянии, оно почти незаметно и не мешает развитию содержания. Когда же превалирует несоответствие, то форма тормозит развитие содержания, а соответствие находится в подчиненном состоянии. Эту мысль можно выразить и следующим образом: форма одновременно одними своими сторонами в количественном отношении соответствует содержанию способствует его развитию, другими — нет. Но в целом, в своей качественной определенности она или соответствует содержанию, или нет, если понимать, разумеется, не абсолютно, а относительно.

Соответствие переходит в несоответствие благодаря тому, что развитие содержания приводит мало-помалу к преобладанию несоответствия. Количество переходит в качество. Несоответствие сменяется соответствием благодаря тому, что последнее означает рост содержания, а рост, непрерывные изменения содержания в свою очередь означают усиление отставания формы от состояния содержания. Этот процесс неукоснительно и неотвратно продолжается до тех пор, пока отставание формы от содержания не становится значительным и пока не возникает объективной необходимости качественного изменения формы. В одних явлениях изменение формы выражается в сбрасывании отжившей формы и замене ее новой, в других *на определенном этапе* их развития старая форма в целом не сбрасывается, а приспособливается к уровню и состоянию своего содержания, продолжая соответствовать ему.

Явление в своем развитии как бы проходит три этапа. На *первом этапе* форма наилучшим образом соответствует содержанию,

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 240.

дает простор¹ его развитию. Содержание развивается бурно. Правда, в это время некоторые моменты формы не соответствуют содержанию, но это не имеет существенного значения и не мешает развитию содержания, так как они находятся в зародышевом, подчиненном состоянии.

Но взаимодействие содержания и формы есть процесс. По мере непрерывного роста содержания постепенно, шаг за шагом, накапливаются, усиливаются несоответствующие или устаревшие черты, моменты формы. *Второй этап* характеризуется тем, что эти устаревшие моменты начинают превалировать над соответствующими моментами, начинают мешать развитию содержания, и чем дальше, тем сильнее. На этом этапе количество переходит в качество—соответствие формы содержанию сменяется несоответствием. В это время хотя некоторые моменты формы воплощают содержание, благодаря чему развитие содержания не прекращается, в какой-то степени имеет место, но былого развития нет, форма в целом тормозит его. Возникает объективная необходимость изменения формы для восстановления соответствия.

Третий этап характеризуется качественным изменением отжившей формы и переделкой содержания, т. е. восстановлением соответствия формы содержанию. При этом третий этап, как и два предыдущих, есть противоречивый процесс и зависит от условий. Поэтому нельзя думать, что форма, как только она устарела, немедленно, автоматически сменяется новой. Продолжительность, характер, глубина всех этапов, в особенности третьего, зависят от природы явления и от совокупности всех внутренних и внешних условий его развития.

Следует подчеркнуть, что все сказанное является выводом из анализа действительности, а не оторванной от нее мертвой схемой.

В предыдущей главе на данных химии, биологии и общественной науки показано, как непрерывные изменения содержания порождают несоответствие формы содержанию, обуславливают смену старой формы новой, в результате чего восстанавливается соответствие и т. д. Этим, собственно, в общих чертах вскрывается и другая сторона проблемы—двойная роль формы в развитии содержания.

Однако этот вопрос заслуживает того, чтобы анализировать его специально, подчеркивая уже не ведущую роль содержания, а влияние формы на развитие содержания.

Эту задачу можно было бы выполнить с помощью анализа физических, химических, биологических явлений. Но, во-первых, при этом неизбежны были бы повторения, а, во-вторых, анализ биологических явлений, несмотря на свою истинность, не обладает той степенью наглядности и совершенства, какой обладает анализ общественных явлений. Это, конечно, объясняется природой самих

¹ Под «простором» мы понимаем активное воздействие, влияние формы на развитие содержания. Форма дает «простор», — значит, активно способствует развитию, восхождению содержания, но отнюдь не в механическом смысле слова, не в том смысле, что будто она не «вмешивается» в дела содержания.

этих явлений и состоянием наук, их изучающих. Одно дело — анализ биологического вида в единстве филогенеза и онтогенеза, другое — анализ того или иного общественного явления, даже общественной формации в целом. Это и понятно. Изменения биологического вида обнимают тысячи и миллионы лет, а сама наука о виде еще окружена множеством гипотез. Но анализ общественных явлений, в частности способа производства, не имеет этого недостатка. Поэтому следует отдать предпочтение такому анализу.

Способ производства материальных благ является источником развития всех сторон общественной жизни. А вот что является источником развития самого способа производства? В социологии по этому вопросу существовало и существует множество точек зрения. Одни считают, что таким источником развития материального производства является географическая среда, другие — рост народонаселения, третьи — научное познание, четвертые — распределение продуктов, пятые — национальная психика, шестые — политика, седьмые — материальные потребности людей и т. д.

Марксизм не отрицает влияния ни этих, ни других факторов на развитие материального производства. Более того, при изучении истории развития способа производства в той или иной стране он требует непременно учитывать влияние на способ производства всех и всяких факторов. В противном случае, вместо живой картины этого развития мы будем иметь абстрактную схему.

Однако перечисленные факторы ни в их совокупности, ни тем более изолированно друг от друга не дают научного ответа на вопрос о главном, решающем источнике развития производства по той простой причине, что все они являются не сущностью способа производства, а его внешними отношениями и связями.

Одним из важнейших требований материалистической диалектики является *«объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)»¹. Научное познание любой вещи возможно как конкретное познание. Это в еще большей степени верно по отношению к материальной основе человеческого общества — способу производства.

Развитие способа производства нужно объяснять из него самого, а не из внешних факторов. Решающая причина его развития заключена в нем самом, а не вне его. Не отрицая влияния внешних факторов, исторический материализм считает, что *решающим источником, главной причиной развития способа производства является его внутренняя диалектика — взаимодействие производительных сил и производственных отношений.*

Классики марксизма вскрыли и всесторонне проанализировали диалектику капиталистического способа производства, выявили внутренний механизм его развития, указали на его место в истории человеческого общества.

Если послушать апологетов капитализма, то создается впечатление, что марксизм, исходя из своей партийности, будто бы отри-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 213.

дает заслуги капитализма перед историей. Но партийность марксизма состоит не в извращении действительности, а в ее верном, научном отражении, в том, что марксизм есть подлинная наука об объективных законах развития общества и направлен против мифификации действительности.

Марксистам незачем отрицать исторические заслуги капитализма. Они не раз подчеркивали, что «буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль», что она «создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые»¹. Более того, марксизм глубоко научно доказал, что именно в этих «заслугах» капитализма — в росте производительных сил — заключен глубокий экономический источник его неминуемой гибели.

Как и всякое новое явление, капитализм возник, утвердился из потребностей развития содержания. Закономерно возникшая новая форма первоначально соответствует своему содержанию. Она, собственно, и возникает для восстановления нарушенного соответствия формы содержанию. Правда, на этом этапе, как мы показали, несоответствие так или иначе имеет место, но, находясь еще в зародышевом состоянии, оно существенно не мешает развитию. Капиталистические производственные отношения первоначально соответствовали состоянию, потребностям развития производительных сил. Иначе немислим был бы общественный прогресс, достигнутый при капитализме.

В чем выражалось это соответствие? В возникновении новых отраслей производства, в более ускоренном росте материальных производительных сил, в усилении власти человека над силами природы и т. д. В марксистской литературе этот вопрос достаточно широко освещен, и нет надобности повторять. Но мы хотели бы подчеркнуть лишь некоторые его стороны, в частности переход соответствия в несоответствие и наоборот, чтобы выполнить поставленную нами задачу.

Как уже говорилось, соответствие или несоответствие не бывает абсолютным. В этом нас убеждает и история капитализма. Противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения является основным противоречием капитализма, выражающим собой — в разных условиях и в разной степени — несоответствие формы содержанию капиталистического способа производства на всех этапах его развития. Даже в период восходящего капитализма, когда производственные отношения в основном соответствовали состоянию производительных сил, своей этой стороной они не соответствовали. И в какой мере шел процесс развития производительных сил, в той же мере шаг за шагом, непрерывно усиливалось несоответствие.

Но картина коренным образом изменилась в эпоху империализма, когда несоответствие, усиливаясь, в конце концов заняло место соответствия. Это выражается: в общем снижении темпов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 37.

производства; в периодически повторяющихся экономических кризисах, разрушающих производительные силы; недогрузке предприятий (современные капиталистические производственные отношения не только препятствуют росту производительных сил, но и мешают использованию имеющихся производительных сил)¹; в хронической безработице; в грабительских войнах (империализм уничтожает производительные силы, развязывая грабительские войны. Результат двух мировых войн, развязанных империализмом, — 40 млн убитых и 55 млн раненых. Только военные разрушения, вызванные второй мировой войной, и только в Европе оцениваются в 260 млрд долларов) и т. д.

Но значит ли все это, что несоответствие есть полная приостановка, полный застой содержания? Отнюдь, нет!

Когда мы говорим, что отжившая свой век старая форма является тормозом в развитии содержания, то этим вовсе не утверждаем, будто эта форма может затормозить, приостановить движение содержания. Тормозящую роль формы мы не понимаем механически, как отсутствие всякого развития содержания. Отрицание возможности развития производительных сил капитализма не имеет ничего общего с марксистской диалектикой содержания и формы, так как, кроме всего прочего, затушевывает движущие мотивы капиталистического производства.

Капиталистические производственные отношения, в целом являясь тормозом развития общества, одной какой-либо стороной, в какой-то степени соответствуют своему содержанию — производительным силам, и поэтому имеет место рост последних. В. И. Ленин указывал на две тенденции развития капитализма эпохи империализма. Общая тенденция загнивания капитализма, подчеркивал он, не исключает другой тенденции — технического прогресса и подъема производства в тот или иной период. «Было бы ошибкой думать, — писал В. И. Ленин, — что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций»².

Дело не в том, что при несоответствии формы содержанию капиталистического способа производства может иметь место некоторый рост производительных сил, а в том, что, во-первых, этот рост является односторонним, уродливым, не приводит и не может привести к «процветанию» капитализма; во-вторых, он происходит не на здоровой основе, а в результате милитаризации экономики и гонки вооружений, усиления внешней экономической экспансии главных империалистических держав, эксплуатации рабочего класса и грабежа народов слаборазвитых стран и т. д.

Несоответствие современных капиталистических производственных отношений состоянию производительных сил выражается не

¹ По признанию президента США Кеннеди, мощности сталелитейной промышленности США в 1961 г. использовались на 55 процентов.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 286.

только и не столько в количественной стороне дела — в резком снижении темпов роста производительных сил, технического прогресса, в хронической недогрузке производственного аппарата и т. д., — сколько в качественной стороне дела, в том, что капиталистические производственные отношения по своей природе антагонистичны. Они выражают антагонизм между гигантскими массами пролетариата, нищих, пауперов, отчужденных капиталом от средств производства, и кучкой монополистов, сосредоточивших в своих руках гигантские средства производства, материальные богатства, созданные трудящимися массами. Этот антагонизм обостряется, развивается самим механизмом капиталистического способа производства.

При капитализме рост производительных сил, производительности труда в целом немыслим без обнищания рабочего класса, без разорения трудящихся, без грабежа народов. Путь капитализма, как указывал Маркс, отмечен кровью и слезами миллионов обездоленных капиталом масс. И чем дальше, чем глубже шло развитие капитализма, чем больше он создавал материальных производительных сил, тем сильнее, глубже становилась эксплуатация рабочего класса. «... Движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства, — писал Маркс, — является возможно большее самовозрастание стоимости капитала, т. е. возможно большее производство прибавочной стоимости и, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом»¹.

Погоня за прибылью обуславливает и рост производительности труда, ибо «общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен в определенные условия, а капитал как раз и ставит его в эти условия»². Вполне естественно поэтому, что капитализм в интересах получения наивысшей прибыли и в пределах этого осуществляет технический прогресс, рост производительности труда. Этой цели он подчиняет все. И если технический прогресс увеличивает норму прибавочной стоимости, то он не может не идти на это.

По мере роста производительных сил и производительности труда увеличивается и норма прибавочной стоимости. Чем больше богатств, тем больше нищих, чем выше производительность труда, тем выше норма прибавочной стоимости, тем, следовательно, сильнее эксплуатация рабочих — таков закон развития капитализма. Усиление эксплуатации рабочих и возрастание прибылей капиталистов — диалектическое единство. Каждый шаг вперед в росте производительных сил означает шаг назад в жизненном уровне пролетариата, шаг усиления его эксплуатации.

Глубоко антагонистический характер несоответствия капиталистических производственных отношений состоянию производительных сил проявляется и в наличии постоянной армии безработных³.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 337.

² Там же, стр. 339.

³ 8 апреля 1959 года в Вашингтоне состоялась конференция (материалы об

Массовая хроническая безработица увеличивается с ростом производительных сил и технического прогресса.

Все эти глубокие и острые противоречия капитализма, являясь выражением несоответствия производственных отношений характеру производительных сил, ускорили перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический, который в свою очередь еще более усиливает, углубляет, обостряет и без того острые антагонистические противоречия капитализма. Государство непосредственно вмешивается в экономику в интересах финансовой олигархии, в ее же интересах оно осуществляет различные мероприятия. «Гнет финансового капитала непрерывно усиливается. Исполинские монополии, сосредоточив в своих руках подавляющую часть общественного производства, господствуют над жизнью нации. Кучка миллиардеров и миллионеров бесконтрольно распоряжается всем богатством капиталистического мира, превращает жизнь целых наций в разменную монету во имя своих корыстных сделок. Финансовая олигархия баснословно обо-

этой конференции опубликованы в «Правде» за 15 апреля 1959 г.), созданная Исполнительным Комитетом профсоюзного объединения, «Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов» (АФТ—КПП). В ней приняло участие около 10 тыс. человек. С речами выступали крупные профсоюзные деятели, министр труда Митчелл, сенатор Дуглас и др. Обсуждался вопрос о массовой хронической безработице в США, которую ораторы называли «подлинным национальным бедствием». По данным, приведенным на конференции, в США тогда насчитывалось около 5 млн безработных. Кроме этого, 2,5 млн рабочих были заняты неполную рабочую неделю. Выступавшие враждебно относились к коммунизму, подчеркивали свой «антимарксизм». Тем не менее, под тяжестью фактов они вынуждены были признать верность того, что говорили марксисты еще в прошлом веке: развитие науки и техники, обогащающее кучу миллионеров, еще более ухудшает положение рабочего класса. Рост производительности труда влечет за собой увеличение безработицы, несет миллионном голод, лишения. Председатель профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности Уолтер Рейтер в своей речи говорил: «...сейчас мы оказываемся в конфликте с техникой». «Мы знаем, как производить вещи, но мы не научились распределять то, что мы умеем производить». «Каждый американец имеет право на возможность заработать себе экономическую обеспеченность». «Но у нас все еще 5 миллионов безработных». «Безработные Америки не могут прокормить свои семьи общими фразами и обещаниями» и т. д. и т. п. Рейтеры понимают, что безработные не могут прокормить свои семьи фразами. Но, к сожалению, они еще не понимают, или не хотят понять той истины, что фразами не только нельзя прокормить свои семьи, но и нельзя упразднить безработицу. Они не хотят понять, что монополии вовсе не заинтересованы в ее ликвидации, так как она является для них дополнительным источником наживы. Но, если даже допустить, что они вдруг захотели ликвидировать безработицу, то и в этом случае дальше фраз дело не поднялось бы. Поэтому безработица в США, несмотря на все принятые «меры», не только не сокращается, а растет: в 1961 г. число безработных достигло 6,5 млн человек. Это и понятно. Нельзя ликвидировать ни один из атрибутов капитализма, сохранив капитализм, точно так же, как нельзя ликвидировать капитализм, назвав его «народным». Официальная пропаганда США широко рекламирует «народный капитализм», смысл которого состоит в том, что рабочие, приобретая акции той или иной корпорации, будто бы становятся капиталистами. Однако «народный капитализм» есть не более как новая фраза, рассчитанная на обман рабочего класса. Не взирая на то, что хозяева корпорации продают рабочим часть своих акций, капитализм не изменяется в своей сущности. Напротив, эта мера направлена на интенсификацию труда и усиление эксплуатации рабочих капиталом.

гащается. Государство стало комитетом по управлению делами монополистической буржуазии. Резко усиливается бюрократизация всей хозяйственной жизни. Государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн»¹.

Таким образом, несоответствие современных капиталистических производственных отношений характеру, состоянию производительных сил проявляет себя в резком снижении темпов роста производительных сил; в сокращении имеющихся производительных сил в результате кризисов и войн; в неиспользовании имеющихся производительных сил вследствие хронической недогрузки производственного аппарата; в углублении, усилении эксплуатации, нищеты рабочего класса и грабежа слаборазвитых стран; в росте прибылей монополий; в растущей безработице; в милитаризации экономики, гонке вооружений; в общем кризисе мирового капитализма и его углублении; в том, что капитализм не отказывается от политики войн, от ядерного оружия, даже от его испытаний, держит человечество «на грани войны», в страхе перед новой истребительной войной; в перерастании монополистического капитализма в государственно-монополистический и т. д. Вся капиталистическая система ныне охвачена глубоким процессом упадка и разложения. «Усиливающийся конфликт между производительными силами и производственными отношениями властно ставит перед человечеством задачу — разорвать прогнившую капиталистическую оболочку, раскрепостить мощные производительные силы, созданные человеком, и использовать их на благо всего общества»². Конфликт между содержанием и формой капиталистического способа производства, обострившись, достиг такой степени напряжения, что стал возможным процесс практической ликвидации отжившей формы и замены ее новой, высшей формой — социалистическими производственными отношениями. «По мере того, как растут и развиваются противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы капиталистическим строем, растет число и сплоченность пролетариев, обостряется их борьба с эксплуататорами. В то же время все быстрее создается материальная возможность замены капиталистических производственных отношений коммунистическими»³, решающим условием осуществления которой являются социалистическая революция и диктатура пролетариата.

Социалистический способ производства, придя на смену капи-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 338.

² Там же, стр. 323.

³ Там же, стр. 324.

талистическому, развивается также диалектически. И в основе его развития лежат те же законы диалектики, в частности законы сохранения и формы. Однако общие законы действуют здесь особо, специфически.

Если капиталистические производственные отношения основаны на частнокапиталистической собственности на средства производства, находящейся в вопиющем антагонистическом противоречии с достигнутым уровнем и общественным характером производства, то социалистические производственные отношения основаны на общественной собственности на средства производства, которая соответствует общественному характеру производства.

Если в силу этого противоречия между содержанием и формой капиталистического способа производства являются антагонистическими, то противоречия между содержанием и формой социалистического способа производства носят неантагонистический характер, ибо при социализме ликвидированы эксплуататорские классы.

Если движущими силами капиталистического способа производства являются погоня за прибылью, все большая эксплуатация трудящихся, то движущими силами социалистического способа производства являются новые, неизвестные капитализму отношения людей. Новая форма порождает новые движущие силы — факторы развития своего содержания.

Социализм, раскрепощая труд, ликвидируя капиталистическую эксплуатацию и наемное рабство, вызывает к жизни могучие силы, способности, таланты, дарования, творческую инициативу миллионов трудящихся, которые давил, мят, душил капитализм. Он создает наивысшую заинтересованность трудящихся в результатах труда, в беспредельном развитии производительных сил, порождает мощные стимулы развития всей общественной жизни, подлинно всенародное соревнование за высокую производительность труда. Он осуществляет сочетание личных и общественных интересов, что совпадает с интересами развития производительных сил; он исключает такие «болезни» капитализма, как кризисы и конфликты в экономике и грабительские войны в политике; он создает гигантские возможности расцвета науки, техники, культуры, глубокого познания и планомерного использования законов развития природы и общества. Капиталистические производственные отношения носят стихийный характер и, подобно необузданным силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, властвуя над людьми. Социализм не возникает и не развивается стихийно. Он есть сознательное творчество миллионов. При социализме анархия производства заменяется плановой, сознательной организацией. Условия жизни, как предвидел Энгельс, подпадают под власть и контроль трудящихся объединенных общностью интересов, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они стали господами своей обобществленной жизни. Законы их собственных общественных

действий применяются с полным знанием дела, подчиняясь их господству. Они вполне сознательно творят свою историю¹.

А все это говорит о коренном качественном различии соответствия формы содержанию социалистического и капиталистического способов производства.

Это различие состоит в том, что соответствие формы содержанию социалистического способа производства является, во-первых, более развитым, совершенным, обогащенным прошлыми приобретениями, что выражается в невиданно высоких темпах развития производительных сил; во-вторых, — в целом непрерывным, постоянно действующим; в-третьих, — нарастающим, прогрессирующим, поступательным.

Рассмотрим кратко эти особенности.

История развития производства материальных благ не знает таких высоких темпов, такого последовательно стремительного роста промышленного производства, какой достигнут в СССР. У нас среднегодовые темпы прироста промышленного производства за 1956—1961 гг. составили 10,2, в США — 2,3, процента; среднегодовое производство промышленной продукции на душу населения у нас увеличилось на 8,2, в США — на 0,6 процента, среднегодовой

¹ Являются или нет товарищеское сотрудничество и взаимопомощь работников элементами социалистических производственных отношений? Одни утверждают, что определение социалистических производственных отношений как отношений коллективного сотрудничества и взаимной помощи не имеет научного значения, что такое определение есть не более «как используемая для целей пропаганды метафора, обращенная к чувствам людей», что «сотрудничество», «взаимопомощь» не «экономические категории» (см. статью Я. А. Кронрода в «Вопросах строительства коммунизма в СССР», АН СССР, 1959, стр. 253). Другие же утверждают, что, наоборот, сотрудничество, товарищеская взаимопомощь являются «особыми элементами», «главным экономическим содержанием» социалистических производственных отношений» (см.: А. Волин. Сотрудничество и взаимная помощь — основа социалистических отношений между предприятиями, «Коммунист», 1959, № 3).

Обе точки зрения, на наш взгляд, одинаково далеки от истины. Первая точка зрения фактически игнорирует тот факт, что социалистические производственные отношения по своей природе не могут не быть отношениями сотрудничества и взаимопомощи. В социалистическом, как и в любом другом обществе, люди не могут осуществлять материальное производство в одиночку, изолированно друг от друга, а производят коллективами, группами, находясь в определенных отношениях друг к другу. Иными словами, социалистическое производство, как и любое другое, невозможно без отношений людей друг к другу. Эти отношения являются объективными и не зависят от желания или «чувств» людей. Но раз это так, то остается выяснить, каков же характер социалистических производственных отношений. Ответ на это может быть один: поскольку в социалистическом обществе ликвидирована частная собственность и господствует общественная собственность на средства производства ликвидирована эксплуатация человека человеком и т. д., то здесь отношения могут быть отношениями товарищеского, дружественного сотрудничества и взаимопомощи работников, которые в совместной борьбе с силами природы добиваются непрерывного подъема общего благосостояния. Следовательно, сотрудничество и взаимопомощь в социалистическом обществе не есть субъективное желание, не «метафора, обращенная к чувствам людей», не определяется «чувствами людей», а есть объективный процесс, объективное проявление объективных социалистических производственных отношений.

Сторонники другой точки зрения, правильно выступая против первой, не-

прирост капиталовложений у нас составил 12 процентов, а в США прироста не было, произошло даже некоторое снижение¹.

Высокие темпы развития производительных сил, обусловленные преимуществами социализма, дали возможность XXII съезду КПСС принять научно обоснованный величественный план создания коммунистического общества. За двадцать лет советский народ добьется гигантского развития производительных сил.

В ближайшее десятилетие (1961—1970 гг.) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США. В итоге второго десятилетия (1971—1980 гг.) будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения: советское общество в плотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям, произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Таким образом, в СССР будет в основном построено коммунистическое общество².

За двадцать лет намечается увеличить валовой общественный продукт примерно в 5 раз, производство промышленной продукции — более чем в 6 раз, а валовой продукции сельского хозяйства — примерно в 3,5 раза. В 1980 г. в нашей стране будет произведено 2700—3000 млрд киловатт-часов электроэнергии, 250 млн тонн стали, 690—710 млн тонн нефти, 680—720 млрд кубометров газа, 1180—1200 млн тонн угля. Продукция машиностроения возрастет в 9,8—11 раз, производство синтетических смол и пластмасс — в 57—63, искусственного и синтетического волокна — в 14,7—15,6, товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода — в 9,8—10,1 раза.

Высокие темпы развития — это общая закономерность социализма. Среднегодовой прирост промышленного производства всего социалистического лагеря составляет 11 процентов, в то время как по всему капиталистическому миру он составляет менее 3 процентов. Социалистические страны в 1960 г. увеличили объем промышленного производства по сравнению с 1937 г. в 6,8 раза, в то время как капиталистические страны — менее чем в 2,5 раза. Доля

заметно для себя ударяются в другую крайность. Они утверждают, что товарищеское сотрудничество и взаимопомощь являются «особым элементом» социалистических производственных отношений.

Но товарищеское сотрудничество и взаимопомощь не есть какой-то особый элемент социалистических производственных отношений, как и эксплуатация или конкуренция не есть какой-то особый элемент капиталистических производственных отношений. Как товарищеское сотрудничество, взаимопомощь есть действительность, проявление, функция, характер самих социалистических производственных отношений, так и эксплуатация, конкуренция, классовая борьба и т. д. есть действительность, проявление, функция, характер самих капиталистических производственных отношений.

¹ См.: Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXII съезду КПСС. «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 48.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 368.

стран социализма в мировом промышленном производстве увеличилась с 27 процентов в 1955 г. до 36 в 1960 г.

Преимущество в темпах развития, а вместе с тем уверенность в решении этих грандиозных задач основаны на том, что *соответствие* социалистических производственных отношений состоянию производительных сил является в целом *не преходящим, не кратковременным, а постоянно действующим*

Соответствие капиталистических производственных отношений своему содержанию не было развитым, совершенным, полнокровным, а самое главное—оно было *кратковременным* и вскоре сменялось несоответствием. Это объясняется природой капитализма. Соответствие социалистических производственных отношений своему содержанию является более совершенным, развитым, полнокровным, а самое главное—оно в целом не сменяется несоответствием, а, напротив, существует непрерывно, обеспечивая высокие темпы планомерного развития производительных сил. В социалистическом обществе нет таких противоречий, которые могли бы сделать соответствие кратковременным, которые невозможно было бы разрешить в процессе развития самого социализма.

Незнание этого может породить иллюзию относительно будущего «затухания» темпов социалистической экономики. Например, апологеты капитализма пытаются уверять себя и других, будто такие высокие темпы развития промышленности социалистических стран недолговечны, что вскоре неизбежно их «затухание». Напрасное утешение. Они перед собой имеют историю капитализма и пытаются судить о социализме по аналогии с ним. Но «аналогия» здесь совершенно неуместна. Капитализм, запутавшись в неразрешимых антагонистических противоречиях с самим собой, тормозит развитие производительных сил, и темпы их роста неизбежно сокращаются. Социализм же представляет собой совершенно другую систему. Здесь нет таких классов, сил, факторов, которые превращались бы в преграду на пути развития производительных сил. Социализм создает все условия для непрерывного их роста, создает неисчерпаемые возможности для всего общественного прогресса.

Чрезвычайно важной особенностью *соответствия* социалистических производственных отношений своему содержанию является то, что оно не есть раз навсегда данное, «равное самому себе», мертвое состояние, а есть процесс—процесс непрерывного совершенствования, развития. Оно имеет прогрессирующий, поступательный характер. Именно благодаря тому, что само это соответствие есть объективный диалектический поступательный процесс, оно является постоянным, непрерывным, а следовательно, и высокие темпы развития производительных сил также являются непрерывными, постоянными.

Какова внутренняя диалектика этого процесса? Какова двоякая роль формы? Коротко на этот вопрос можно ответить так: соответствие и несоответствие отдельных сторон единой формы постоянно сменяют друг друга, в результате чего совершенствуется

ся, развивается форма в целом, т. е. соответствие формы содержанию социалистического способа производства становится более совершенным, развитым, обогащенным предыдущими приобретениями.

По мере развития производительных сил то один момент производственных отношений, то другой устаревает, перестает соответствовать содержанию, сбрасывается, заменяется новым, более совершенным. При этом главное в производственных отношениях, их основа, сущность — социалистическая собственность на средства производства — развивается, обогащается, совершенствуется: устаревшие, несоответствующие моменты, стороны заменяются новыми, соответствующими.

Социалистические производственные отношения, являясь отношениями дружбы, сотрудничества, взаимопомощи членов общества в процессе материального производства, находятся в непрерывном движении, изменении, совершенствовании и развитии. На первый взгляд покажется, что раз эти отношения основаны на равном отношении членов общества к средствам производства, то само это отношение не изменяется. Но это лишь на первый взгляд. *Само это отношение есть процесс. Оно непрерывно изменяется.*

При ближайшем рассмотрении социалистических производственных отношений оказывается, что в них всегда имеются отстающие, устаревшие и устаревающие моменты, стороны, что их совершенствование, развитие обеспечивается тем, что эти отжившие стороны, моменты, не соответствующие состоянию производительных сил, сбрасываются и заменяются новыми, соответствующими. *Законом развития социалистического способа производства является то, что устаревшие моменты, стороны его формы возникают и ликвидируются, вновь возникают и вновь ликвидируются, и так — непрерывно,* в результате чего соответствие непрерывно совершенствуется, развивается, становится более содержательным, конкретным.

Эти устаревшие моменты находятся в противоречии с непрерывно изменяющимся уровнем развития производительных сил и бывают различными в различных сферах экономической жизни социализма. Но эти противоречия являются неантагонистическими, так как при социализме нет эксплуататорских классов и все общество заинтересовано в их преодолении. Эти противоречия планомерно изучают, познают соответствующие организации, которые вовремя принимают меры к их ликвидации.

Вся история развития социалистического общества есть история изучения и ликвидации подобных противоречий. Съезды и пленумы ЦК КПСС последних лет дали глубокий анализ противоречий в различных областях нашей экономической жизни. Партия вскрыла противоречия между отжившими моментами формы и выросшим содержанием в области организации труда в обоих секторах народного хозяйства, но в особенности — в колхозно-кооперативном секторе, в области существующей системы заработной платы, нормирования труда, распределения общественного фонда,

в управлении народным хозяйством и т. д. и приняла практические меры к их ликвидации.

Общезвестны принятые партией меры по подъему сельскохозяйственного производства: укрупнение колхозов, новая система закупок сельхозтоваров, новая система планирования колхозного производства, восстановление принципа материальной заинтересованности колхозников, реорганизация МТС, перестройка управления сельским хозяйством и т. д. и т. п., которые уже дали свои практические результаты. Если поставить вопрос о том, что представляют собой все эти меры, то можно ответить на него так: *усовершенствование, развитие* социалистических производственных отношений и, следовательно, усовершенствование, развитие их содержания своему содержанию. Чем же вызваны были эти меры? Развитием производительных сил и его потребностями.

Нет надобности подробно останавливаться на этих мерах, так как они широко освещены в литературе. Достаточно остановиться на реорганизации МТС. На первом этапе колхозного строительства колхозы были мелкими, слабыми. В целях укрепления и развития колхозного строя государство оказывало всевозможную помощь колхозам, прежде всего через МТС, которые сыграли свою важную историческую роль. В результате этой помощи были достигнуты огромные успехи. Новый этап в развитии колхозного строя характеризуется тем, что укрупненные колхозы за последние годы стали экономически более сильными, многоотраслевыми, технически оснащенными хозяйствами, располагающими многочисленными квалифицированными кадрами, значительно увеличились их доходы, поднялось благосостояние колхозников¹. И вот в этих новых условиях форма производственно-технического обслуживания колхозов через МТС перестала соответствовать потребностям развития производительных сил сельского хозяйства. Более того, во многих случаях она начала тормозить дальнейший подъем передовых колхозов, связывать инициативу колхозных кадров и всех колхозников в деле лучшего использования резервов колхозного производства. Все в большей степени проявились отрицательные последствия того положения, когда на одной и той же земле вели хозяйства два социалистических предприятия — колхоз и МТС².

Таким образом, налицо было серьезное противоречие. Партия приняла решение ликвидировать отжившую форму путем реорганизации МТС, путем продажи техники непосредственно колхозам. Это решение претворено в жизнь, и мы являемся очевидцами его благотворных результатов.

Из сказанного следует, что преимущества социализма состоят не в том, что соответствие формы содержанию способа производства является абсолютным или что форма не отстает от содержания, а в том, что это отставание по своей природе иного по-

¹ См.: Постановление февральского (1958) Пленума ЦК КПСС.

² Там же

рядка, оно не ведет к конфликту и преодолевается обществом. Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС говорил: «Претворяя в жизнь решения XX съезда, партия уделяла большое внимание развитию и совершенствованию социалистических производственных и других общественных отношений. Наша партия видит в этом основной путь перехода к коммунистическим общественным отношениям...»¹

Теперь на вопрос, что является *главным источником* развития социалистического способа производства, мы можем ответить так: *взаимодействие содержания и формы*, которое проявляется в непрерывной борьбе содержания с отставанием формы в тех или иных ее сторонах, моментах, в преодолении этого отставания, непрерывном совершенствовании, развитии формы в целом для более совершенного и развитого соответствия содержанию.

Вот эта внутренняя диалектика социалистического способа производства — *непрерывно совершенствующееся соответствие его формы содержанию на основе вскрытия и ликвидации отживших моментов формы, на наш взгляд, является главным, основным законом его развития*. Этот закон основной потому, что он является глубоким источником, во-первых, всестороннего и бурного развития социалистического способа производства; во-вторых, непрерывного роста материального и духовного благосостояния членов общества; в-третьих, развития всех сторон общества. Кроме того, этот закон воплощает и выражает все преимущества социализма и определяет его природу, определяет направление, тенденцию поступательного движения социализма к коммунизму, пути, средства, формы перерастания первого во второй.

Эта диалектика развития социалистического способа производства является объективной основой экономической политики нашей партии. Постоянная забота партии о непрерывном изучении, вскрытии и ликвидации несоответствующих сторон производственных отношений и непрерывном приведении их в соответствие с состоянием производительных сил непреложно вытекает из требований этой диалектики. Партия исходит из того, что обеспечивать непрерывный прогрессирующий подъем производительных сил возможно лишь при условии постоянного совершенствования производственных отношений. С другой стороны, рост производительных сил вызовет и обусловит дальнейшее планомерное изменение социалистических производственных отношений, их постепенное перерастание в коммунистические.

Каковы разработанные партией основные пути перерастания социалистических производственных отношений в коммунистические?

Дальнейшее развитие отношений производства, распределения, обмена и потребления; усиление общественного характера производства в обоих секторах народного хозяйства, развитие, сближение и в конечном итоге слияние обеих форм социалистической собственности в единую, коммунистическую.

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXII съезду КПСС. «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 81.

Основой производственных отношений при социализме являются общенародная (государственная) и колхозная формы собственности. Дальнейшее развитие производственных отношений в промышленности и их перерастание в коммунистические обусловлены происходящей в настоящее время революцией в орудиях труда (комплексная механизация и автоматизация производства), в источниках энергии (электрификация всей страны, широкое внедрение атомной, а затем и термоядерной энергии, полупроводниковые установки), в предметах труда (химизация производства, полимеры и т. д.).

Что касается колхозно-кооперативной собственности, то она будет развиваться в направлении к общенародной. Прежде всего, нужно подчеркнуть, что колхоз является такой формой, которая наилучшим образом соответствует уровню производительных сил в сельском хозяйстве на данном этапе его развития. Партия указала на заблуждение некоторых авторов, утверждавших, будто колхозная собственность стала тормозом в развитии сельского хозяйства. Партия подчеркнула, что развитие колхозной собственности в сторону общенародной будет осуществляться не путем ее свертывания, а путем ее дальнейшего, мощного подъема, путем повышения уровня обобществления колхозного производства.

С этим положением теперь согласны все наши экономисты и философы, но нет единого мнения о том, каким путем добиться этого. На наш взгляд, предложение акад. С. Г. Струмилина о создании единой общесоюзной производственной колхозной кооперации¹ по типу Центросоюза является ошибочным. Нельзя не заметить, что это предложение исходит из благих побуждений в ближайшее время значительно поднять уровень обобществления колхозного производства путем централизации неделимых фондов колхозов и перераспределения части чистого дохода колхозов между ними в целях выравнивания условий производства, уровня жизни колхозников и т. д.

Однако такая форма, по нашему глубокому убеждению, не вызывается потребностями развития содержания и в известной степени нарушила бы принцип материальной заинтересованности колхозников. Внешне такое объединение означало бы, конечно, укрупнение колхозов. Но, во-первых, не всякое укрупнение колхозов является прогрессивным актом, а лишь такое, которое обеспечивает лучшее соответствие формы содержанию; во-вторых, любое укрупнение не означает слияния двух форм собственности, так как укрупненный колхоз — тоже колхоз; в-третьих, для такой централизации не созрели еще условия, так как экономические связи между колхозами в масштабе страны менее развиты, чем в масштабе данного района; в-четвертых, экономические связи между колхозами и государственными предприятиями данного района более развиты, чем в масштабе страны; и т. д. и т. п.

¹ Такое мнение давно бытует среди некоторых наших экономистов. Оно имеет разные свои вариации, но суть сводится к тому, чтобы объединить, централизовать неделимые фонды колхозов в рамках района, области, края, республики, всего Союза и таким путем добиться повышения уровня обобществления колхозного производства, т. е. слияния двух форм собственности.

Увеличение неделимых фондов колхозов; дальнейший рост общественного производства колхозов; развитие межколхозных производственных связей и форм сотрудничества в пределах данного района, а в некоторых случаях и области (совместное строительство электростанций, оросительных каналов, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, по производству строительных материалов, сооружение дорог, школ, больниц, клубов, домов отдыха и т. д.); своеобразное слияние в связи с электрификацией, механизацией и автоматизацией производства колхозных средств производства с государственными и т. д. — вот главные условия развития колхозно-кооперативной собственности по пути слияния с государственной в одну, общенародную собственность.

Далее. Одно из важных условий перерастания наших производственных отношений в коммунистические — постепенное стирание существенных различий между умственным и физическим трудом. Главными факторами этого являются: развитие производства на новой, материально-технической основе; изменение общественного характера труда; более тесное соединение обучения с трудом; планируемое дальнейшее сокращение рабочего дня; улучшение условий труда; автоматизация всех отраслей производства; подъем материального благосостояния; превращение труда в первейшую жизненную потребность, в источник радости и наслаждения здорового, всесторонне развитого человека.

Следующим таким условием является развитие производственных отношений в сфере распределения. При социализме единственно возможный и прогрессивный принцип распределения: от каждого — по способностям, каждому — по труду. Этот принцип является прогрессивным, так как обеспечивает материальную заинтересованность людей, стимулирует рост производительности труда, повышение квалификации работников, усовершенствование техники, приучает людей к дисциплине, делает труд всеобщим и обязательным. Лишь тогда, когда производительные силы разовьются настолько, чтобы обеспечить полное изобилие всех необходимых предметов потребления, а все люди выработают коммунистическое отношение к труду, т. е. научатся добровольно трудиться на общество в полную силу своих способностей независимо от меры получения материальных благ, — лишь тогда этот принцип изживет себя и станет тормозом развития. Но тогда общество планомерно заменит отживший принцип новым, высшим принципом распределения и не допустит нарушения соответствия формы уровню производительных сил.

Переход к высшему принципу распределения приведет к ликвидации противоречия, обусловленного фактическим экономическим неравенством членов общества, присущим социализму, что в свою очередь будет означать дальнейшее развитие, совершенствование дружественных отношений людей труда.

Важное значение для победы коммунизма имеет и дальнейшее совершенствование производственных отношений в сфере обмена. Отношения обмена при социализме имеют товарную форму и яв-

ляются мощными экономическими рычагами развития материального производства. Достаточно указать на реорганизацию МТС и продажу техники колхозам, отмену натуроплаты, новую систему закупок сельхозтоваров и т. д., чтобы убедиться в этом. Переход к коммунизму предполагает отмирание товарных отношений. Но для этого нужно их полнее и шире использовать.

Таким образом, природа капиталистических производственных отношений объективно такова, что их нельзя подтягивать к уровню производительных сил, нельзя восстанавливать нарушенное соответствие формы содержанию в рамках капитализма. Поэтому они с исторической неизбежностью и необходимостью уничтожаются, сбрасываются и заменяются социалистическими. Природа социалистических производственных отношений объективно такова, что их можно подтягивать, приспосабливать к уровню, состоянию, характеру производительных сил путем преодоления возникающих противоречий, путем самообновления, самосовершенствования и развития всего социалистического общественного строя, что означает постепенный переход к коммунизму. Поэтому «переход от капитализма к социализму осуществляется в условиях классовой борьбы, требует коренной ломки общественных отношений, глубокой социальной революции и диктатуры пролетариата. В отличие от этого переход к коммунизму происходит при отсутствии эксплуататорских классов, в условиях, когда все члены общества — рабочие, крестьяне, интеллигенция — кровно заинтересованы в победе коммунизма и сознательно добиваются ее»¹.

Такова двоякая роль формы в развитии содержания, выражающаяся в том, что форма может способствовать развитию содержания, но может и противодействовать, тормозить его.

2. Против двух крайностей в понимании роли формы и попытки их примирения

При анализе категорий содержания и формы недопустимо игнорирование ни объективности рассмотрения, ни их взаимодействия, ни ведущей роли содержания и активной роли формы в этом взаимодействии. Нарушение этих требований диалектической логики вносит путаницу в научное познание. Но, к сожалению, такое «нарушение» имеет место: одни отрицают активную роль формы в развитии содержания, т. е. абсолютизируют ведущую роль содержания и проповедуют фатализм, другие, наоборот, абсолютизируют форму, ее активную роль понимают как решающую, главную, и проповедуют формализм.

Поскольку подобное извращение имеет непосредственное отношение к исследуемой нами проблеме, мы не можем не выразить своего отношения к нему.

В современной буржуазной социологии роль производственных отношений в развитии производительных сил отрицается либо путем

¹ Н. С. Хрущев. О программе КПСС «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 140.

выхолащивания самой сути категории производственных отношений, сведением их к технической организации производства, либо путем абсолютизации роли техники в развитии общества.

Сводя производственные отношения к технической организации производства, к выполняемой работниками функции и их месту в технической иерархии, современные апологеты капитализма отрицают сущность производственных отношений, а именно: отношение людей к средствам производства, отношение собственности. Несомненно, в современном обществе технический прогресс обусловил рост роли технических организаторов, управляющих в общественном производстве, увеличение их числа и т. д. Но разве все это отменяет главное в производственных отношениях — отношение людей к средствам производства? Разумеется, нет! Какова бы ни была роль технической организации производства, роль техников, инженеров, управляющих в организации производства, *отношение людей к средствам производства* всегда было, есть и будет *основным* общественным отношением людей друг к другу. Между тем современная буржуазная социология тщательно обходит вопрос об отношении людей к средствам производства, игнорирует суть самой категории производственных отношений, явно выражая интересы монополистической буржуазии.

Другое течение в современной буржуазной социологии, как уже говорилось, отрицает роль производственных отношений в развитии производительных сил, абсолютизируя роль техники — одного из элементов производительных сил. Сторонники этого течения причину всех изменений социальной жизни видят в технике, в технических усовершенствованиях, а причину последних — в психике, в духовных силах. Но дело в данном случае не во все возрастающей роли технического прогресса в жизни общества, это, очевидно, и не в том, что духовные силы выступают в качестве *causa finalis* развития техники (никто от современной буржуазной социологии не ждет материалистического понимания общества), а в том, что всем этим полностью игнорируется роль производственных отношений, — техника берется и рассматривается независимо от отношения собственности, от производственных отношений.

Если содержание развивается независимо от формы, то это значит, что оно не нуждается в какой-либо форме. Однако содержание не может ни возникнуть, ни существовать, ни развиваться без формы. На развитие производительных сил, как мы видели, влияют географическая среда, рост народонаселения, научное познание, формы управления, материальные и духовные потребности людей, психический склад и т. д. Но как бы ни была велика роль этих факторов, они могут влиять на развитие производительных сил только через их форму — через производственные отношения. Любой элемент содержания не существует без формы, а находится во взаимодействии с формой. Иными словами, взаимодействие содержания и формы охватывает все изменения как содержания, так и формы всесторонне, абсолютно. Пути, направление, темпы развития явления определяются **взаимодействием** содержания и

формы, а не той или другой стороной, взятой изолированно. Это и понятно. Производительные силы выражают отношение людей к силам природы, а производственные отношения есть отношения между людьми в процессе самого этого отношения. Стало быть, как бы и когда бы люди ни выражали свое отношение к силам природы, их отношения друг к другу всегда наличествуют, присутствуют в нем постоянно.

Для того, чтобы выражать свое отношение к силам природы, люди вступают в известные, от их воли не зависящие связи и отношения между собой. Поэтому процесс борьбы с природой, технический прогресс могут происходить только в конкретной общественной форме, а не независимо от нее, а главным источником этого процесса, или развития производительных сил, является как раз диалектическое взаимодействие последних с производственными отношениями.

Другой крайностью в понимании роли формы, также искажающей диалектическое взаимодействие содержания и формы, является формализм. Как мы уже говорили, формализм означает искусственный отрыв формы от содержания, гиперболизацию, раздувание, чрезмерное преувеличение значения формы или ее отдельных элементов в ущерб содержанию.

Будучи проявлением субъективизма, формализм имеет свои многочисленные разновидности, оттенки в различных областях познания—в искусстве, литературе, науке, философии, политике и т. д.

В искусстве он проявляется либо в ложном произвольном формотворчестве, либо в абсолютизации формы или отрыве от жизни общества. В литературе он означает нарочитую заумную запутанность, двусмысленность, неопределенность изложения, нарушение логической связи между словами, ломку литературного языка; в живописи — деформацию зрительных форм, разрушающую, уродующую художественный образ, в частности образ человека; в архитектуре — полный отрыв формы от назначения сооружения, от идейного содержания. В музыке формализм выражается в том, что мелодия утрачивает целостность и заменяется алогичным чередованием интервалов, гармонические аккорды заменяются какофоническими образованиями, лад — атональной системой и т. д. В театре, кино он уничтожает в актерской игре все живое, человеческое, все психологическое содержание; человек изображается абстрактно, вне связи с жизнью.

Во всех своих проявлениях в искусстве и литературе формализм подрывает как форму, так и содержание произведения искусства, выражая собою упадок, декадентство буржуазного искусства.

Формализм в современной буржуазной философии и науке выражается в отрыве формы от содержания, в абсолютизации ее роли, в приписывании ей сверхъестественных свойств, в ее обожествлении и т. д. Различные философские школы и школы—холизм, формальная онтология, феноменология, логический анализ, семантический идеализм, логический атомизм, различные разновидности неопозитивизма и т. д., — как бы они ни отличались друг от друга

в частности, сходятся в главном, в том, что абсолютизируют роль формы и игнорируют, отрицают ведущую роль содержания. Все они по-разному приходят к тому, что считают форму, «структуру», «организацию структуры» самой главной, самой существенной характеристикой всего сущего, что структура важнее содержания, что всякая структура, начиная со структуры атома и кончая структурой солнца, имеет абсолютную, не зависимую от содержания самостоятельность и т. д.

Формализм, в какой бы форме он ни проявлялся, выступает орудием реакционных сил общества, мешает прогрессу науки и культуры. Он особенно реакционен в государственном управлении. Сущность формализма в этой сфере выражается в канцелярско-бюрократических методах руководства. Бюрократизм, вообще говоря, является оторванной от народа и чуждой ему системой управления в антагонистическом, эксплуататорском обществе.

С ликвидацией господства эксплуататорских классов и установлением диктатуры пролетариата бюрократизм в корне ликвидируется. Органы социалистического государства являются подлинно народными, выполняют волю народа, защищают его интересы как внутри страны, так и вне ее. Но пережитки бюрократизма в форме канцелярско-бюрократических методов руководства имеют место в практике работы социалистического государственного аппарата. Сущность этих методов состоит в том, что отдельные руководители государственных учреждений жертвуют содержанием ради формы, подходят к делу формально, т. е. соблюдают все формальности, все правила, законы и т. д., не считаясь с требованиями непрерывно изменяющегося содержания. В результате они лишь формально выполняют свои обязанности, свой долг, чем наносят вред содержанию, тормозят его развитие.

Конечно, так как содержание непрерывно изменяется, развивается, а это развитие порождает необходимость замены старой формы новой, то практически порою бывает очень трудно «уловить», установить тот момент, тот этап, когда нужно своевременно заменить старую форму новой. Однако это не может служить оправданием формализма. Задача субъективного фактора при социализме в том и состоит, чтобы постоянно всесторонне изучать, вскрывать отжившие формы или их моменты и вовремя принимать меры к их ликвидации.

Наше продвижение вперед, к коммунизму, осуществляется в непримиримой борьбе с бюрократизмом, формализмом в различных сферах общественной жизни. Причем Коммунистическая партия рассматривает эту борьбу не как кампанию, а как необходимое условие полного преодоления канцелярско-бюрократических методов руководства. И чем острее, эффективнее ведется эта борьба, тем слабее вредное влияние формализма на развитие содержания, тем успешнее, полнее, всестороннее это развитие.

Таким образом, как недооценка, так и переоценка роли формы в развитии содержания ведут к искажению научного познания,

подрывают единство теории и практики, служат реакционным силам общества.

Однако мы не выполнили бы своей задачи, оставив без внимания, если можно так выразиться, «дуалистическую» точку зрения, которая пытается примирить рассмотренные выше две крайности.

Оказывается, есть и такие авторы, которые считают, что истина якобы состоит в том, что в одном отношении ведущую роль играет содержание, а в другом — форма. К сожалению, эта точка зрения нашла отражение и в нашей литературе. Так, например, А. Е. Фурман в своей статье «О соотношении формы и содержания в развитии организмов»¹ утверждает, что «в процессе взаимодействия формы и содержания ведущая роль принадлежит содержанию... При неизменном (!) характере жизнедеятельности *ведущая роль* (курсив наш. — А. М.) принадлежит структуре организма, его форме». Или еще: «Ведущая роль обмена веществ обнаруживается именно тогда, когда организм попадает в новые, необычные условия жизни. Однако до тех пор, пока организм находит в окружающей внешней среде нужные ему условия, ведущую роль играет структура организма»².

Здесь можно было бы ограничиться одним общим замечанием — раз и содержание и форма играют ведущую роль, то ничто из них не играет ведущей роли. Но коль скоро это утверждение имеет непосредственное отношение к самой сущности всей проблемы, к диалектике формы и содержания, то на ней следует остановиться более подробно.

Прежде всего обращает на себя внимание логическая непоследовательность рассуждения автора: «Ведущая роль содержания заключается в том, что его изменение ведет к изменению формы. Но вновь возникшая форма в свою очередь начинает играть по отношению к содержанию ведущую роль»³. Первая часть этой фразы побивает вторую. Если признать, что ведущая роль содержания состоит в том, что его «изменение ведет к изменению формы», то нужно признать, что содержание всегда играет ведущую роль, ибо оно всегда изменяется. Если же признать, что форма играет ведущую роль, когда она новая, то надо признать, что в это время содержание не изменяется. Но содержание организма не может оставаться неизменным. Даже «в организме каждого семени, хотя находящегося еще в состоянии покоя, т. е. в сухом виде, процесс жизни не останавливается, совершается постоянный, хотя и медленный, обмен веществ, поддерживающий жизнь зародышевой клетки»⁴.

Но автор критикуемой статьи придерживается другого мнения. Он считает, что если организм не попадает в «новые условия», то его содержание имеет «неизменный характер» и не играет ведущей

¹ См.: «Диалектический материализм и современное естествознание». Сб. статей. Госполитиздат, 1957.

² Там же, стр. 348, 356.

³ Там же, стр. 351.

⁴ И. В. Мичурин. Соч., т. I. 1948, стр. 287.

роли. Однако, как только он пытается доказывать свой вывод, опираясь на данные биологической науки, эти данные оборачиваются против него. Они неопровержимо подтверждают ту истину, что *нет неизменного содержания* и что содержание организма постоянно изменяется и является ведущим, а форма—подчиненной.

Рассмотрим приведенные в статье примеры. Вот один из них. «Животные, зарывающиеся в землю или живущие в темных пещерах, постепенно теряют зрение»¹. Прекрасно! Изменение условий жизни организмов вызывает изменение их функций, а изменение функций (содержания) — изменение их структуры (формы). Этот пример красноречиво показывает ведущую роль содержания по отношению к форме.

Правильно указывая, что «противоречие не исчезает и после того, как возникла новая форма», автор статьи делает, однако, неправильный вывод: «характер противоречия меняется» в том смысле, что будто бы «с возникновением новой формы обнаруживается, что тем преимуществам в борьбе за существование, которые приобрели изменившиеся организмы, уже *не соответствует* степень их развития (курсив наш. — А. М.). Результатом преодоления этого противоречия, как правило, является быстрое увеличение численности особей, расширение занимаемого ими ареала и т. д.»².

Отношения здесь перевернуты. До возникновения новой формы старая форма отставала от жизнедеятельности организма, не соответствовала ей, тормозила ее развитие. Результатом преодоления этого противоречия является возникновение новой формы. Единственно возможный вывод из этого состоит в том, что новая форма возникла из потребностей восстановления соответствия формы содержанию, иначе незачем было ей появляться. Но автор статьи считает, что новая форма появилась не для восстановления нарушенного соответствия, а для несоответствия, только с той разницей, что на сей раз не форма отстает от содержания, а содержание отстает от формы и не соответствует форме.

Таким образом, во взаимоотношениях содержания и формы никогда не бывает соответствия. Между ними всегда имеется одно только непрерывное несоответствие — таков вывод автора. И этот свой вывод он пытается «подкрепить» следующим примером: «появившиеся в конце первой половины меловой эпохи покрытосемянные растения обладали огромными преимуществами перед голосемянными, но в то же время их жизнедеятельность на земной поверхности была крайне незначительной. Это противоречие между огромными возможностями новой формы и слабой их реализацией приводит к быстрому распространению покрытосемянных растений»³.

История появления покрытосемянных недостаточно выяснена, а вопрос об их вымерших предках остается неясным, что отрицательно сказывается на состоянии их систематики. Но даже если

¹ «Диалектический материализм и современное естествознание», стр. 353.

² Там же, стр. 353.

³ Там же

допустить, что приведенный пример имеет силу научной истины, то нужно подчеркнуть, что он свидетельствует о *ведущей роли содержания* и еще о том, что соответствие формы содержанию является законом развития. В самом деле, если первоначально покрытосемянные были слабо распространены, а в дальнейшем получили широкое распространение и ныне являются самым многочисленным типом высших растений, то это значит, что их структура, форма, наилучшим образом способствовала их распространению, т. е. соответствовала потребностям развития их жизнедеятельности, потребностям их приспособления к условиям жизни и т. д. Если бы эта новая форма не соответствовала их жизнедеятельности, функции, то, очевидно, она тормозила бы их распространение и мы не имели бы ныне такого их богатого разнообразия.

Почему же голосемянные растения не получили такого широкого распространения? Очевидно потому, что они не «обладали огромными преимуществами» перед покрытосеянными, т. е. их форма, структура, не соответствовала их жизнедеятельности. Автор же статьи утверждает как раз обратное: соответствие структуры покрытосемянных их жизнедеятельности является тормозом в их распространении. По его логике соответствие формы содержанию не является законом развития предмета, а, напротив, таким законом является несоответствие. Но если законом развития предмета является несоответствие, то почему и во имя чего должна возникать новая форма? Автор не достигает цели и тогда, когда апеллирует к вопросу об «использовании» старой формы новым содержанием. «Изменяются условия, изменяется образ жизни организмов. Органы начинают выполнять иные, необычные для них функции. Старая форма наполняется новым содержанием»¹. Далее приводятся соответствующие примеры. Все это верно. Но раз это так, раз новое содержание использует старую форму, то отсюда само собою разумеется, что не форма, а содержание играет ведущую роль.

Таким образом, биологическая наука неопровержимо доказывает ведущую роль содержания по отношению к форме.

Но сторонники тезиса о ведущей роли и содержания и формы, не довольствуясь биологией, апеллируют и к общественным наукам. Одни из них утверждают, что социалистические производственные отношения опережают производительные силы, «направляют» их развитие, играют ведущую роль и т. д., так как «слабо развитое содержание пока еще не реализует всех тех возможностей, которые ему предоставляет новая форма»². Другие считают, что раз при сравнительно низком уровне производительных сил в ряде стран (МНР, КНДР, ДРВ, КНР) осуществляются социалистические преобразования, то, следовательно, в развитых странах ведущую роль играют производительные силы, а в аграрных странах — производственные отношения.

¹ «Диалектический материализм и современное естествознание», стр. 354.

² Там же, стр. 352.

Прежде чем выразить свое отношение к этим «аргументам», хотелось бы остановиться на тесно связанном с ними вопросе об общей закономерности развития во всемирной истории. Современная буржуазная апологетика «опровергает» закономерность социализма кроме всего прочего и тем, что сначала объявляет социализм «изобретением» для «отсталого Востока», но не для «развитого Запада», а затем делает вывод, раз социализм может возникать в странах докапиталистической стадии развития, то он не является закономерностью, ибо, по учению марксизма, социализм приходит на смену капитализму. «Идейные прислужники империализма, — говорил Н. С. Хрущев, — пробуют утешить своих хозяев наигранными рассуждениями о том, что для населения стран Запада идеи коммунизма будто бы не имеют никакой привлекательности»¹.

Марксизму чужд всякий шаблон. Он ни в одном вопросе не исходит из какой-либо предвзятой схемы, а анализирует конкретные факты, живую жизнь, не навязывает сверху объективным явлениям законы развития, а открывает законы их развития в них самих. Марксизм решительно отвергает мнение о том, будто все страны мира должны переживать все известные досоциалистические фазы исторического развития и лишь после этого получить «право» строить социализм. Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. И. Ленин никогда и нигде не говорили и не могли говорить подобного.

Достаточно указать на то, что Маркс и Энгельс в прошлом столетии, когда в России еще не был развит промышленный капитализм, допускали возможность, в определенных условиях, непосредственного перехода русской сельской общины в высшую, коммунистическую форму землевладения, минуя капитализм. Так, например, в предисловии к русскому изданию 1882 г. «Манифеста Коммунистической партии» Марк и Энгельс писали:

«Может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землею — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они пополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»².

То же самое говорит Энгельс в другом месте — в статье «Об общественных отношениях в России».

¹ Н. С. Хрущев. О программе КПСС. «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 221.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 8.

В. И. Ленин не раз подчеркивал, что жизнь глубже, богаче, шире, чем любая теория, чем любая схема, что в действительности не все страны должны переживать все досоциалистические формы, что нет чистого рабства, чистого феодализма, чистого капитализма и т. д. Разоблачая, например, утверждение меньшевиков и всех героев II Интернационала о том, что будто «Россия недоросла до социализма», В. И. Ленин писал, что они все себя называют марксистами, но главного, решающего в марксизме совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики. Им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития¹.

Странная логика у критиков марксизма. Они, например, тот факт, что одни страны в своем развитии не переживали рабства (Россия), а другие — феодализма (США), не считают нарушением исторической закономерности, но считают таким нарушением, когда та или иная страна, минуя стадию капитализма, идет к социализму.

На деле же ни в том, ни в другом, ни в третьем случае нет никакого нарушения общей закономерности истории. Каждая страна развивается в определенных внутренних и внешних условиях, характер ее развития определяется этими условиями, она имеет свою историю, свою специфику, свои особенности. Поэтому общая закономерность исторического развития проявляется в каждой отдельной стране специфически, особо. При этом своеобразие «либо формы, либо порядка» этой закономерности отнюдь не означает ее нарушения. Возможно, это — нарушение схемы. Но общество развивается по своим объективным законам и не нуждается в какой-либо схеме.

В чем состоит общая закономерность истории? *В непрерывном изменении, развитии производительных сил*, в том, что они всегда и всюду играют ведущую, главную роль по отношению к своей форме и ко всем остальным сторонам общественной жизни; в том, что благодаря этой своей роли они одерживают верх в борьбе с отжившей формой, прокладывают себе путь, воплощаются в такую форму, которая в данных исторических условиях наилучшим образом соответствует потребностям развития содержания.

Как же можно говорить о нарушении закономерности там, где форма наилучшим образом соответствует состоянию, потребностям развития содержания? Не наоборот ли, господа критики? «Нарушением» закономерности как раз нужно считать защиту вами отжившей формы, мешающей развитию содержания. И если еще иметь в виду тот факт, что своеобразие формы или порядка общей закономерности вызывается потребностями развития производительных сил, а не субъективным произволом людей, то становится совершенно очевидной беспочвенность вашего обвинения.

¹ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 436—439.

Чтобы убедиться в этом, рассмотрим такой факт. С победой демократической революции в Китае открылись две возможности: либо идти по пути капитализма, либо — по пути социализма. Казалось бы, раз в Китае революция направлена против феодализма, то страну следует вести по пути капитализма, ибо, согласно схеме, после феодализма наступает капитализм. Но китайские коммунисты свою страну повели по пути социализма, минуя капитализм. Нарушили они закономерность развития истории? Разумеется, нет! Из чего это видно? Из того, что Китай в своей истории не знал такого прогресса, как теперь. Из того, что темпы роста производительных сил в Китае в несколько раз выше, чем в любой капиталистической стране. Следовательно, социалистическая форма в Китае возникла закономерно, так как она наилучшим образом обеспечивает развитие страны, наилучшим образом соответствует потребностям развития производительных сил.

В наш век, когда капиталистическая система в целом изжила себя, выродилась и стала тормозом в развитии, а социализм уже успел практически доказать свою жизнеспособность, свое превосходство, страны, находящиеся еще на докапиталистической стадии развития, могут и должны в определенных внутренних и внешних благоприятных условиях совершить переход к социализму, минуя капитализм. И это будет вполне закономерным для них, так как только социализм обеспечит им высокие темпы развития и скорейшую ликвидацию их экономической отсталости. Ныне общей закономерностью является переход не к капитализму, а к социализму. **«Капитализм — это путь народных страданий. Он не обеспечит быстрого прогресса экономики, ликвидации нищеты. Социализм — это путь народов к свободе и счастью. Он обеспечивает быстрый подъем экономики и культуры. Не за века, а при жизни одного поколения он превращает отсталую страну в индустриальную. По самой своей природе плановая социалистическая экономика есть экономика подъема и процветания»¹.**

Однако рассмотрим «аргументы» сторонников тезиса о решающей роли и содержания, и формы. Собственно, по существу, смысл их аргументов один и тот же: они отрицают ведущую, решающую роль производительных сил в развитии общества. Сразу скажем: они не достигают этой цели. Более того, их собственные «аргументы» опровергаются их собственными тезисами. Это парадоксально, но факт. Например, говорят так: социалистические производственные отношения по сравнению с капиталистическими являются передовыми, прогрессивными, дают безбрежный простор для развития производительных сил, но производительных сил не высокого уровня, а слабо развитых. Значит, делают они вывод, производственные отношения опережают, «играют ведущую роль, направляют развитие производительных сил» и т. д.

Но в том-то и дело, что не «значит». Из правильной посылки

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 355.

делается ложный вывод. Раз признается, что новые производственные отношения — передовые, дают «безбрежный» простор развитию, а слабо развитые производительные силы развиваются бурно, высокими темпами, то тем самым признается, что, во-первых, эти отношения наилучшим образом соответствуют потребностям развития производительных сил, в противном случае последние не могли бы развиваться столь бурно; во-вторых, изменения бурно развивающихся производительных сил никак не могут отставать от изменения «не бурно» развивающихся, устойчивых, менее подвижных производственных отношений. И после этого все уверения о «ведущей», «направляющей» роли производственных отношений повисают в воздухе.

Уж тот факт, что некогда отсталый Китай (и не только Китай) пошел не по пути капитализма, а по пути социализма, красноречиво доказывает, что производительные силы направили развитие производственных отношений. Иначе невозможно объяснить ни строительство социализма, ни бурные темпы роста производительных сил, ни колоссальные успехи во всех других сферах общественной жизни этой страны за годы народной власти.

В самом деле, если признать, что в Китае социалистические производственные отношения играют ведущую роль, направляют развитие производительных сил, то следует признать и другое: эти отношения вовсе не возникли из потребностей развития производительных сил в ходе Китайской революции, а, по меньшей мере, существовали до нее, что, напротив, производительные силы возникли в ходе революции и т. д. — до абсурда.

Каким же образом переворачивают действительные отношения? Сначала в абстракции создают передовые социалистические производственные отношения, так что, прежде чем говорить о чем-либо другом, их уже имеют в готовом виде в собственной голове; затем их оттуда переносят в общество, наклеивают на «еще мало развитые, отсталые производительные силы» и начинают рассуждать: передовые производственные отношения «опережают» отсталые производительные силы, «направляют» их развитие, «играют ведущую роль» и т. д.

Но такой метод доказательства ничего общего не имеет с наукой. Марксизм давно неопровержимо доказал, что именно данные, а не другие производственные отношения возникают закономерно, в определенных условиях, из потребностей развития производительных сил и иначе возникнуть не могут, — возникают потому, что они лучше соответствуют характеру, состоянию производительных сил, изменяются в зависимости от изменений последних и иначе изменяться не могут. Иными словами, не люди диктуют из своей головы те или иные производственные отношения обществу, а они возникают объективно, из потребностей развития производительных сил.

Говорят, что когда при сравнительно низком уровне производительных сил утверждаются передовые производственные отношения, то первые отстают от вторых, вторые играют ведущую роль.

Но разве в этом случае способ производства не есть процесс? Если говорить о действительном способе производства, а не о мертвой абстракции, то он есть объективный *процесс* в любой стране, в любых условиях, в любое время. Но в чем суть этого процесса? В том, что люди (нам приходится поневоле повторяться) непрерывно добывают материальные блага, для этого непрерывно совершенствуют орудия производства, изменяются сами, в то же время сохраняя качественную определенность (до поры до времени) данных производственных отношений.

Со времени утверждения социализма в СССР произошли колоссальные изменения производительных сил, но производственные отношения (правда, они совершенствовались, обогащались) в своей качественной определенности не изменились; они были и остались социалистическими. Следовательно, нет никакого основания утверждать, что наши производительные силы отстают от производственных отношений или не играют ведущей роли.

Производительные силы есть более подвижная, изменчивая, следовательно, ведущая сторона и в том случае, когда уровень производительных сил страны низкий, а производственные отношения — передовые. Бурное развитие производительных сил КНР, КНДР, МНР, ДРВ и т. д. не оставляют никакого сомнения в верности вывода о закономерности социалистического строительства в этих странах, о ведущей, решающей роли производительных сил по отношению к своей форме.

Мы этим не хотим сказать, что не бывает преждевременной формы. Бывает. Но содержание играет ведущую роль и тогда, когда ему навязывают преждевременную форму. Такие факты можно наблюдать в общественной жизни. Но поскольку подобная форма не рождена потребностями развития содержания, а как бы навязана ему извне, она не соответствует ему. Это приводит к тому, что несоответствующая содержанию преждевременная форма так или иначе, но обязательно подвергается изменению соответственно требованиям содержания.

В истории было немало случаев, когда завоеватели навязывали завоеванному ту или иную форму общественного строя. Но «та форма общественного строя, которая была принята осевшими завоевателями, должна соответствовать той ступени развития производительных сил, которую они застают, а если этого соответствия первоначально нет, то форма общественного строя должна измениться соответственно производительным силам»¹.

В период военного коммунизма у нас пытались организовать производство и распределение продуктов по-коммунистически. Однако для этого не было соответствующих зрелых условий. Как говорил В. И. Ленин, жизнь показала нашу ошибку, и эта ошибка была исправлена.

Ошибки, связанные с выдвиганием преждевременных форм и нарушением соответствия формы содержанию, допускались в пе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 74.

риод сплошной коллективизации сельского хозяйства нашей страны: нарушались принципы добровольности, необходимые пределы обобществления средств производства и т. п.

Вред наносится делу не только тогда, когда навязывают преждевременную форму содержанию, но даже и тогда, когда, отрываясь от реальной жизни, *пытаются* навязать такую форму. Тов. Хрущев в отчетном докладе на XX съезде указывал, что у нас были такие работники, которые поняли тезис о постепенном переходе от социализма к коммунизму как призыв к непосредственному осуществлению на данном этапе принципов коммунизма, появились предложения о необходимости форсировать замену советской торговли прямым продуктообменом, начали составлять детальное расписание перехода к коммунизму. Вредным последствием этого было пренебрежительное отношение к принципу материальной заинтересованности, распространение настроений благодушия и самоуспокоенности. Как известно, партия вскрывает подобные ошибки и создает такие формы, которые соответствуют содержанию.

Таким образом, с какой бы стороны мы ни рассматривали взаимоотношение содержания и формы, ведущим всегда является содержание. Но нам возражают: ведь все категории диалектики подвижны, гибки, изменчивы, взаимопереходят, — значит, в одном отношении содержание играет ведущую роль, в другом — форма. Верно, что категории имеют диалектический характер, гибки и т. д. Но не следует забывать, что «гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике»¹.

Эклектикой и софистикой является тезис о ведущей роли и содержания и формы. Ни гибкость категорий содержания и формы, ни их подвижность, ни их взаимопереход и взаимодействие не уничтожают их специфики и не дают никакого основания утверждать, что форма играет ведущую, решающую роль по отношению к своему содержанию.

Гносеологическими корнями этого тезиса, по всей вероятности, являются, с одной стороны, отождествление понятия «активной роли» формы с понятием «ведущей роли», и с другой — отождествление возможности и действительности. «Раз новая форма дает огромные возможности, а содержание не может полностью их использовать, — рассуждают сторонники этого тезиса, — то содержание отстает от формы». Между тем, если «огромные возможности» новой формы не реализуются, то это свидетельствует как раз о действительном (а не о возможном) отставании формы от состояния и требования содержания.

Так или иначе, тезис о ведущей роли и содержания и формы запутывает давно решенные марксизмом вопросы и наносит вред научному познанию. В частности, его вред для строителей коммунизма состоит в том, что он может породить беспечность, безза-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 99.

ботность в отношении совершенствования новых производственных отношений, может дать повод думать, что их нечего совершенствовать, ибо они и так «мчатся» впереди производительных сил.

Итак, очевидно чрезвычайно важное значение требования диалектики об *объективности* рассмотрения для познания и практики. Суть этого требования в данном случае состоит в том, чтобы, опираясь на практику, адекватно, точно отражать в понятиях и категориях логики взаимодействие содержания и формы, их объективную специфику, их роль и место в развитии явления.

Глава III

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ВНУТРЕННЕГО ЕДИНСТВА СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

Из анализа ведущей роли содержания, двоякого влияния формы мы видели, что единство этих категорий есть противоречивое единство.

Нет нужды доказывать, что правильное понимание этой стороны проблемы имеет исключительно важное значение для познания и практики. Между тем на эту сторону до сих пор обращалось мало внимания. К сожалению, приходится отметить, что даже наши философские журналы, не говоря уже о других периодических изданиях, почему-то до сих пор не организовали на своих страницах широкого обсуждения вопроса о противоречии вообще, о противоречии между содержанием и формой в частности. А необходимость такого обсуждения не вызывает никакого сомнения. Быть может, этим и объясняется тот факт, что у наших философов нет единого мнения как о генезисе противоречия между содержанием и формой, так и о его *сущности*.

Поскольку в нашей литературе существуют различные точки зрения по этому вопросу, целесообразно остановиться на нем. К тому же наше исследование не достигло бы цели, если бы мы обошли молчанием этот важный вопрос, не выразив к нему своего отношения.

1. О генезисе противоречия между содержанием и формой

В нашей философской литературе в течение продолжительного времени отрицалось существование противоречия между содержанием и формой, когда последняя соответствует содержанию. Господствовал тезис: «Или полное соответствие, или противоречие». Так, например, журнал «Под знаменем марксизма» в редакционной статье о соответствии между социалистическими производственными отношениями и производительными силами утверж-

дал, что между ними существует полное соответствие, но не существует никаких противоречий. «Полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями, т. е. отсутствие противоречий между ними...»¹. Журнал ставил вопрос так: «Или полное соответствие, или противоречие». Но так как наши социалистические производственные отношения соответствуют характеру производительных сил, то оставалось одно — отрицать какие-либо противоречия между ними.

В коллективном труде «Диалектический материализм» (1953) на 223-й странице авторы книги пишут, что «неправильным является утверждение, что при социализме якобы нет никаких противоречий между производительными силами и производственными отношениями», а на 231-й странице той же книги утверждают прямо противоположное: «Противоречие существует не между содержанием и формой вообще, а между *старой* формой и *новым* содержанием, которое ищет новой формы и стремится к ней».

Можно было бы привести в качестве иллюстрации множество книг, брошюр, статей где отрицалось наличие противоречия между содержанием и формой, когда есть соответствие между ними.

Но странное дело: партия вскрывала и практически разрешала одно противоречие за другим между содержанием и формой социалистического способа производства, а философы в отрыве от практики и вопреки практике не замечали этих противоречий. Ясно, что такое положение долго длиться не могло. И вот за последние годы появляется одна статья за другой, где признается наличие противоречия между содержанием и формой, когда есть соответствие между ними. Ныне нет былого явного и категорического отрицания противоречия между содержанием и формой во время их соответствия. Следовательно, известный прогресс в этом вопросе является фактом.

Однако было бы неправильно считать, что все в этом отношении уже решено, ясно и не вызывает никаких возражений. И по сей день многое остается невыясненным, точнее, имеют место рецидивы тезиса «или противоречие, или соответствие», правда, в несколько завуалированной форме. Например, как понять следующую фразу: «Новые производственные отношения как форма, находящаяся в соответствии со своим содержанием — производительными силами, в течение длительного периода остаются устойчивыми и способствуют развитию производительных сил общества. Но по мере того как изменяется содержание, *возникает* (подчеркнуто нами. — А. М.) и растет противоречие между ними и формой»². Мы считаем, что ее авторы проводят ту же идею — когда форма соответствует содержанию, между ними нет противоречия. Во взаимоотношениях содержания и формы авторы допускают существование некой «нейтральной зоны», целого «непротиворечи-

¹ «Под знаменем марксизма», 1940, № 8, стр. 60.

² «Основы марксистской философии». Госполитиздат, 1959, стр. 271.

вого» этапа (этапа «абсолютного» соответствия), свободного от противоречия, т. е., по их мнению, в какой-то период между содержанием и формой нет противоречия, оно возникает и растет по мере изменения содержания.

Конечно, нужно прежде всего подчеркивать противоречие между формой и содержанием, когда форма *не соответствует* своему содержанию. Но это не значит, что следует игнорировать или отрицать наличие противоречия, когда между ними имеется *соответствие*. Между формой и содержанием явлений имеются противоречия, как тогда, когда между ними есть соответствие, так и тогда, когда между ними нет соответствия. Их единство является противоречивым всегда, а не на том или ином этапе его развития. Иными словами, противоречие между содержанием и формой имеет место на протяжении всей истории явления. Оно возникает вместе с явлением, развивается вместе с ним и исчезает вместе с ним. Как бы форма и содержание ни были неразрывно связаны между собой, и как бы форма ни соответствовала своему содержанию, их нельзя метафизически отождествлять, они различные стороны единого процесса. Именно потому что они различны, они находятся в отношении друг к другу. «Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем самое по себе; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения»¹.

Выше мы показали, что ни соответствие, ни несоответствие формы содержанию не бывает абсолютным. А из этого непреложно следует, что противоречие между содержанием и формой существует *всегда*. Степень его зрелости, характер неодинаковы в разных явлениях, в разных условиях: его действие в мертвых телах иное, чем в живых; в антагонистических явлениях иное, чем в неантагонистических; наконец, оно специфично в каждом отдельном явлении. Но безусловно одно: немыслимо явление без противоречия между его формой и содержанием, независимо от того, в какой стадии развития находится это явление.

Остановимся на противоречии между содержанием и формой, когда между ними есть соответствие, поскольку противоречие, выражающее несоответствие, и так очевидно.

Гипертрофия мышечного волокна, возникшая в результате функциональных процессов (непрерывно нарастающей физиологической работы), означает количественные структурные изменения (увеличение количества саркоплазмы, удлинение фибрилл и т. д.) без качественного изменения структуры волокна. Большая сократительная способность мышцы обеспечивается той же структурой, но измененной в количественном отношении. Можно продол-

¹ Ф. Энгельс. Рецензия на книгу К. Маркса. «К критике политической экономии». См.: «К критике политической экономии».

жать усиливать физиологическую работу мышцы, но в жизни индивидуума не возникнет нового сократительного элемента и не изменится структура в качественном отношении. Здесь мы имеем глубокое противоречие. Хотя структура соответствует непрерывным функциональным процессам, воплощает их в себе, изменяясь количественно, приспособляясь к потребностям функции, но в то же время противостоит этим изменениям. Это противоречие между формой и содержанием — функцией разрешается на определенном этапе филогенеза. Если отрицать это противоречие, то станет невозможным научное исследование всего процесса и невозможно будет выяснить, откуда и каким образом появилась новая структура мышц.

Учение Павлова об условных рефлексах также подтверждает вывод о противоречии между функцией и формой, когда есть соответствие между ними. Внешние раздражения, действующие на периферические концы анализаторов, вызывают возбуждение в соответствующих участках мозга. Одновременное действие двух раздражений (индифферентного и биологически значимого) вызывают вначале такие функциональные изменения, которые еще соответствуют данным структурам, т. е. возбуждение ограничивается клеточными группами соответствующих анализаторов без возникновения связи между ними. С непрерывными функциональными изменениями непрерывно повышается возбудимость соответствующих корковых пунктов. Результатом этих изменений является возникновение новой функции — условного рефлекса, — которая воплощается в новой структуре — дуге условного рефлекса. Следовательно, противоречие между структурой и функцией развивалось в результате непрерывных функциональных процессов и, наконец, привело к качественному изменению структуры и возникновению нового способа функционирования.

Функциональные изменения находят себе простор в своей структуре. Структура соответствует функции. Но мало-помалу та сторона структуры, которая противостоит этим изменениям, берет верх над той ее стороной, которая воплощает эти изменения. Этот непрерывный процесс продолжается до тех пор, пока структура не исчерпывает своих возможностей воплощать функциональные изменения. Когда же она исчерпала эти возможности, то возникает необходимость коренного изменения структуры.

Противоречие между формой и содержанием, когда есть соответствие между ними, можно показать и на любом общественном явлении. Возьмем такое явление, как способ производства. Капиталистические производственные отношения на первых порах, как об этом уже говорилось, соответствовали характеру производительных сил. Иначе не было бы никакой необходимости в смене феодализма капитализмом, не было бы бурного по сравнению с феодализмом развития производительных сил. Но разве тогда между содержанием и формой капиталистического способа производства не было противоречия? Разве существовало когда-либо капитали-

стическое производство, свободное от внутренних противоречий? Те, кто отрицает наличие противоречий между формой и содержанием явления, когда между ними есть соответствие, должны быть последовательными и отрицать наличие противоречий в капиталистическом способе производства, когда его форма соответствовала содержанию. Однако каждый знает, что между капиталистическими производственными отношениями и производительными силами всегда имелись противоречия.

Классики марксизма всесторонне показали, что историческая роль буржуазии состояла в том, что она, начиная с XV в. на трех стадиях производства: простой кооперации, мануфактуры и крупной промышленности — сконцентрировала, укрепила средневековые разрозненные мелкие, карликовые средства производства, рассчитанные лишь на единоличное употребление, превращая их из средств производства, применяемых отдельным человеком, в общественные средства производства, применяемые только совместно массой людей. «Действие большого числа рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте... для производства одного и того же сорта товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства»¹.

Следовательно, капиталистическое производство с самого начала носит общественный характер, в то время как форма собственности является частнокапиталистической, не совместимой с общественным характером производства. Движущим мотивом, определяющей целью капиталистического процесса производства всегда была погоня за прибылью, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом. «Вместе с ростом одновременно занятых рабочих, — отмечал Маркс, — растет и их сопротивление, а следовательно, неизбежно растет и давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление»².

Это значит, что капиталистическому способу производства всегда было присуще антагонистическое противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Он немыслим без этого противоречия, выступающего наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией. «С самого начала цивилизации, — писал Маркс, — производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов»³.

Так обстоит дело с капиталистическим способом производства. Что касается социалистического способа производства, то выше

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 328.

² Там же, стр. 337.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 96.

мы показали, что, несмотря на то, что его форма соответствует своему содержанию, между ними также всегда имеются противоречия. Приведенный нами пример о реорганизации МТС красноречиво подтверждает это: разве противоречие между содержанием и формой взаимоотношения МТС и колхоза возникло в момент реорганизации МТС? Нет, конечно! Оно возникло вместе с возникновением отношений между МТС и колхозами, — их взаимоотношения всегда были противоречивыми. Правда, первоначально это противоречие не было развито — это другое дело. Но невозможно его отрицать.

Те, кто отрицает наличие противоречия между формой и содержанием предмета, когда есть между ними соответствие, не утруждают себя ответить на вопрос: каким же чудом при отсутствии такого противоречия содержание становится новым, а форма — старой?

В объективной действительности этим «чудом» является противоречие между формой и содержанием предмета, которое есть причина, глубокий внутренний источник изменения и развития предмета. Очевидно, что форма предмета никогда не старела бы, а содержание не становилось бы новым, т. е. отсутствовало бы всякое развитие, если бы между ними не было противоречий. Содержание не может стать новым, а форма — старой без противоречий, без борьбы противоположностей между ними. Борьба же противоположностей не возникает на том или ином этапе развития предмета. Она абсолютна так же, как абсолютно движение, изменение.

А что означает абсолютность борьбы содержания и формы и относительность их единства? Это означает, что новое явление возникает как следствие, результат борьбы содержания и формы и иначе возникнуть не может. Это означает, далее, что борьба содержания и формы выступает как внутренний источник развития явления, которое немислимо без этой борьбы. И, наконец, это означает, что борьба содержания и формы рано или поздно но непременно в определенных условиях ломает, преодолевает их единство — их взаимоисключение берет верх над взаимопроникновением, — что ведет к коренному качественному изменению данного явления и возникновению нового.

Из этого следует, что между содержанием и формой не бывает никакого момента абсолютного тождества, как раз напротив, противоречивость их единства *абсолютна*, а само единство *относительно*.

Не лишне в этой связи заметить, что авторы критикуемой точки зрения сами себе противоречат: с одной стороны, признают, что борьба содержания и формы абсолютна, а с другой — отрицают абсолютность противоречия между содержанием и формой. Между тем последовательность мысли должна была бы подсказывать им вывод об абсолютности и противоречия.

Но возникает вопрос: не является ли случайной обмолвкой от-

рицание противоречия между содержанием и формой во время их соответствия? Выясняется, что нет. На наш взгляд, причина отхода от диалектики заключается в поверхностно-схоластическом понимании соотношения категорий «тождество», «различие», «противоречие».

Дело в том, что с некоторых пор в нашей литературе бытует схема, согласно которой объективное развитие проходит три стадии — тождество, различие, противоречие и выражается в соответствующих формах суждения. По мнению, например, проф. М. М. Розенталя, суждение тождества выражает ту стадию развития предмета, когда устойчивость превалирует над элементами изменчивости; суждение различия выражает более высокую стадию развития, когда имеется различие между устойчивостью и изменчивостью; суждение противоречия выражает уже высшую стадию развития, когда устойчивость и изменчивость находятся в состоянии резкой противоположности. Применяя эту схему к биологическому виду, он считает, что суждение тождества выражает ту стадию развития вида, когда наследственность еще не «расшатана» и превалирует над изменчивостью. Но новая среда, новые условия, в которые попадают органические существа, могут вызвать и вызывают различие между наследственностью и приспособлением, и это фиксируется в суждении различия. В суждении противоречия выражается такая стадия в развитии вида, когда наследственность и изменчивость находятся в состоянии резкой противоположности.

Далее, рассматривая в качестве другого примера исторический процесс развития обмена, он полагает, что суждение тождества выражает ту стадию развития обмена, когда при единичной форме стоимости противоположность между стоимостью и потребительной стоимостью только зарождается, «продукт, обменивающийся на другой продукт, есть нечто тождественное». Суждение различия выражает уже рост и углубление внутренней двойственности товара при развернутой форме стоимости. Ну, а при всеобщей и денежной формах стоимости различие потребительной стоимости и стоимости превращается в полярную противоположность и выражается в суждении противоречия¹.

Такова схема. Проф. М. М. Розенталь безусловно прав, когда он подчеркивает отличие суждения в диалектической логике от суждения в элементарной логике, когда он доказывает, что движение форм суждений о вещах должно выразить объективную диалектику самих вещей, что развитие и его отражение в логике проходит ряд ступеней, стадий — от низшего к высшему и т. д. Но вместе с тем нельзя согласиться с этой схемой. Она, как ни парадоксально, является уступкой элементарно-логическому подходу. Выше мы уже видели, что тождество никогда не бывает абсолютным,

¹ См.: М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики, стр. 350—351.

без различия, а всегда заключает в себе различие. Это доказывает убедительно в другой связи и проф. Розенталь. Вообще против этой истины невозможно возражать, и никто из диалектиков не возражает. Но если это так, если в действительном развитии нет тождества без различия, то и нет тождества или различия без противоречия, поскольку противоречие и есть отношение между тождеством и различием противоположностей. Поэтому различие и противоречие не есть особые стадии развития. Когда же противоречие рассматривается как особая, высшая стадия развития явления, то выходит, что низшие стадии лишены противоречия.

Чтобы убедиться в этом, возьмем те же примеры, которые приводит сам М. М. Розенталь. Первое, что бросается в глаза, это то, что приведенные примеры никак не согласуются со схемой. Разве тогда, когда устойчивость вида превалирует над его изменчивостью, отсутствует различие, противоречие? Разве при случайной форме стоимости отсутствует различие, товар не есть единство противоположностей — потребительной стоимости и стоимости? Очевидно, что на всех стадиях развития вида, последний не мыслим ни без устойчивости, ни без изменчивости, ни без наследственности, ни без приспособления, следовательно, он немыслим без отношения этих противоположностей, т. е. без противоречия.

Точно так же на всех стадиях исторического процесса развития обмена товар всегда есть противоречивое единство потребительной стоимости и стоимости. Потребительная стоимость и стоимость одновременно тождественны и различны. Тождественны в том смысле, что эти противоположности товара невозможны друг без друга и товар немыслим без одной из этих противоположностей, которые взаимопроникают, взаимообуславливают друг друга. Различны в том смысле, что они качественно отличаются друг от друга, противостоят друг другу, взаимоисключают друг друга и т. д. И все это опять-таки независимо от того, на каком этапе своего развития находится товарное хозяйство.

Это единство тождества и различия нужно отражать в логике понятий — в формах суждения. Но если «суждение тождества» берется абстрактно, без различия, то оно не диалектическое, а элементарно-логическое суждение, которое правомерно лишь в узких пределах. В диалектической логике «суждение тождества» не исключает, а включает, предполагает «суждение различия», следовательно, включает, предполагает и «суждение противоречия», поскольку противоречие и есть отношение между ними.

Из сказанного видно, что неправомерно рассматривать различие и противоречие как суждения, выражающие особые стадии в развитии предмета. «Суждение различия» выражает объективное отношение тождества и различия.

Верно, что суждение тождества абстрактно-односторонне выражает ту стадию развития, когда устойчивость превалирует над изменчивостью, а суждение различия, — когда изменчивость превалирует над устойчивостью. Но отсюда вытекает, что раз в яв-

лении всегда есть и изменчивость и устойчивость, независимо от того, какая из этих сторон превалирует над другой, — то имеется и их тождество, и различие, а следовательно, наличествует их отношение, т. е. противоречие.

Таким образом, противоречие есть не особая стадия в отличие от различия, а оно само, это противоречие проходит различные стадии развития, обострения, что и необходимо выразить в соответствующих логических категориях. Рассматривая же суждения тождества, различия, противоречия как выражение трех стадий в развитии, некоторые авторы допускают тождество и различие без противоречия и в результате приходят к отрицанию противоречия, когда соответствие формы содержанию превалирует над их несоответствием, т. е. когда превалирует тождество над различием.

По нашему глубокому убеждению, невозможно научное познание взаимодействия содержания и формы, если отрицать наличие противоречия между ними, когда форма соответствует содержанию. Вот почему в интересах дела было необходимо прежде всего обосновать это.

Но вместе с тем научное познание невозможно, если противоречие рассматривать раз навсегда данным, мертвым, окостеневшим. Абсолютность противоречивости единства содержания и формы не исключает, а предполагает изменчивость, текучесть этой противоречивости. К метафизике ведет как отрицание абсолютности этой противоречивости, так и отрицание ее изменяемости.

Следовательно, не только явление нужно рассматривать как процесс, но и его противоречия. Не брать противоречие между содержанием и формой готовым, а изучать, как оно возникло вместе с явлением, какие различные этапы своего развития, обострения оно прошло, чем стало теперь, какова его природа, его тенденция, каковы внутренние и внешние условия его развития, какая его сторона в каких условиях превалирует над другой и т. д.

Поскольку противоречие между содержанием и формой в зависимости от природы и условий развития явлений бывает различного характера, разной степени зрелости и т. д., то его анализ должен быть конкретным. Его познание невозможно, если игнорировать требование конкретности рассмотрения. Например, поскольку оно бывает антагонистическим и неантагонистическим, то сообразно с этим в одном случае обострение противоречия означает его превращение в конфликт¹, в другом противоречие разрешается, не достигнув высшего напряжения конфликта.

Поэтому тезис: «конфликт существует между старой формой и новым содержанием» верен применительно к антагонистическим явлениям и неверен применительно к неантагонистическим явлениям. Нельзя отождествлять неантагонистические противоре-

¹ Термин «конфликт» иногда употребляется в значении противоречия вообще. Например, в искусстве и литературе, когда говорят о конфликте, то имеют в виду не только острое антагонистическое, классовое противоречие, а всякое противоречие. Поэтому важно знать, в каком смысле употребляется этот термин.

чия с антагонистическими, а противоречие — с конфликтом, ибо противоречие и конфликт не тождественные понятия, между ними существует разница. Конечно, всякий конфликт является противоречием, но не всякое противоречие является конфликтом.

Неантагонистические противоречия социалистического общества не только не являются конфликтом, но благодаря правильной политике КПСС не ведут к конфликту. Вместе с тем антагонистические противоречия в классовом обществе не всегда являются конфликтом, но с неизбежностью ведут к конфликту при любой политике. *Под конфликтом мы подразумеваем такое антагонистическое противоречие, которое достигло своего высшего развития и напряжения и которое разрешается, как правило, насильственным путем.* Конфликт это наиболее развитое, обостренное антагонистическое противоречие.

Так, например, между капиталистическими производственными отношениями и производительными силами не всегда существовал конфликт. Конфликт возник тогда, когда производственные отношения стали не соответствовать характеру разросшихся производительных сил, стали тормозить их дальнейшее развитие. А до этого конфликта, между ними существовали антагонистические противоречия, которые были еще не развиты, не обострены, не доведены объективным ходом развития до своего высшего напряжения, т. е. до конфликта. Но с развитием капиталистического способа производства развивались и обострялись все противоречия, присущие капитализму. И чем больше развивались производительные силы, тем больше обострялись эти противоречия, в конечном итоге превратившись в конфликт.

Периодически повторявшиеся экономические кризисы, восстание лионских рабочих, чартистское движение, революции 1848—1849 гг., Парижская коммуна, ряд других выступлений рабочего класса показывают, что шел процесс превращения противоречия между капиталистическими производственными отношениями и производительными силами в конфликт. Процесс этот завершился лишь в эпоху империализма, когда капитализм экономически полностью изжил себя, стал величайшим тормозом развития общества и возникла реальная возможность пролетарских революций, задача которых состоит в том, чтобы упразднить старые производственные отношения и создать новые, социалистические, соответствующие характеру и состоянию производительных сил.

Общеизвестно, что процесс ликвидации капиталистических и создания социалистических производственных отношений начался со времени Великой Октябрьской социалистической революции в СССР, затем охватил страны народной демократии. **«Столбовая дорога к социализму проложена. По ней идут уже многие народы. По ней рано или поздно пойдут все народы»¹,** — говорится в новой Программе КПСС.

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 332.

Таким образом, противоречие в капиталистическом способе производства прошло длительный путь развития и обострения прежде чем стало конфликтом, прежде чем возникла объективная необходимость уничтожения отжившей формы и создания новой.

Отсюда следует, что нельзя отождествлять понятия «противоречие» и «конфликт», а нужно их различать. Четкое различение этих понятий имеет большое теоретическое и революционно-практическое значение для борющегося против капитализма пролетариата, для стратегии и тактики его классовой борьбы. Оно имеет еще большее значение для советского народа, победоносно строящего коммунизм. Противоречия нашего способа производства являются неантагонистическими противоречиями и принципиально отличаются от антагонистических противоречий по своей объективной природе, характеру, путям и средствам их разрешения. Подобно тому, как социализм отличается от капитализма и противоположен ему, так и неантагонистические противоречия нашего общества отличаются от антагонистических противоречий буржуазного общества и противоположны им. Поэтому недопустимо, когда положение: «Конфликт существует между *старой* формой и *новым* содержанием» — механически распространяют на все явления, в том числе и на явления социалистического общества.

Итак, для научного анализа противоречия между содержанием и формой недостаточно лишь его признания — надо идти дальше, надо изучать как характер, природу этого противоречия, так и условия его возникновения, развития и разрешения.

Это о противоречии между содержанием и формой с точки зрения его генезиса.

2. Противоречие между содержанием и формой, а не их единство — источник развития

Какова сущность противоречия между содержанием и формой? Как нужно его понимать? Что же является источником развития явления — противоречие или единство? Вот вопросы, которые должны получить должное освещение. Эти вопросы, правда, не новые. Они давно освещены в марксистской литературе. Но в том-то и дело, что и здесь, на этом решающем участке марксистской диалектики, имеет место отход от нее.

Некоторые авторы положения В. И. Ленина о том, что раздвоение единого и познание противоречивых частей его есть *суть* диалектики, поняли не диалектически, а, прямо скажем, механически. Как же поступают они? Берут явление, механически делят его на две стороны и находят, что между ними есть противоречие. Если явление прогрессивное, то полагают, что обе его стороны также прогрессивны, следовательно, делают они вывод, и противоречие между ними прогрессивно. Если же нет, явление не прогрессивное, а реакционное, то и его противоречие реакционно.

Такой механический подход к делу, ясно, не может не исказить сути противоречий вообще и противоречия между содержанием и формой в частности. Так, например, в опубликованных в жур-

нале «Коммунист» статьях: «О противоречиях социалистического общества и путях их преодоления»¹, «Вопросы диалектики перестроения социализма в коммунизм»² и в других работах настойчиво проводится мысль о том, что «есть противоречия, толкающие общество вперед, и есть противоречия, создающие трудности для поступательного движения». «Чем объясняется разница между противоречиями по их роли в жизни общества?» Спрашивают их авторы и отвечают: дело в том, что в каждом противоречии взаимодействуют две противоположные стороны. Имеются такие противоречия, в которых обе стороны являются передовыми и, воздействуя друг на друга, они обеспечивают быстрое развитие общества. Например, в противоречии между социалистическими производственными силами и производственными отношениями обе стороны являются прогрессивными и усиливают друг друга, ускоряя развитие»³.

Нетрудно понять, что деление противоречий на «толкачи» и «тормоза», на ускоряющие развитие и тормозящие, основано на недоразумении. Ясно само по себе, если «обе стороны» противоречия прогрессивны, то здесь нет «противоположных сторон», а есть лишь одна сторона противоречия. Другой стороной противоречия должна быть регрессивная сторона. Иначе противоречие немыслимо. Если утверждать, что противоречие состоит из «двух» сторон — из прогрессивной и прогрессивной, то это значит в тавтологической форме утверждать, что оно состоит из одной прогрессивной стороны. Утверждать, что оно существует между положительным и положительным, между отрицательным и отрицательным, между новым и новым, между старым и старым и т. д. — значит утверждать абсурд.

Противоречие в действительных процессах, явлениях, тем более в общественной жизни, есть *борьба* противоположностей, есть *единоборство* противоположных сторон. Каждый знает, что противоположность положительного — не положительное, а отрицательное; противоположность прогрессивного, нового не прогрессивное, не новое, а регрессивное, старое и т. д.

В жизни передовое борется не с передовым, а с отсталым, прогрессивное — не с прогрессивным, а с регрессивным и т. д.

Утверждение, что при социализме «имеются такие противоречия, в которых обе стороны являются передовыми» означает *фактическое отрицание* противоречий при социализме, ибо ясно, что «обе передовые стороны» есть одна сторона, а односторонних, односторонних противоречий не бывает.

Вместе с тем, если есть противоречия-«толкачи» и противоречия-«тормоза», то, видимо, в интересах социализма нужно сохранить, не преодолевать первые и ликвидировать вторые. Но в таком случае тезис: «Преодоление противоречий социалистического общества» — нужно уточнить и изменить следующим образом: «Со-

¹ См.: «Коммунист», 1958, № 2.

² См.: «Коммунист», 1960, № 13.

³ См.: «Коммунист», 1958, № 2, стр. 20.

хранение противоречий-«толкачей» и преодоление противоречий-«тормозов». Но это «откровение» опровергается его же авторами, когда они на примере социалистического способа производства показывают, что единство его содержания и формы является противоречивым единством, что эта противоречивость выражается в том, что содержание «самая подвижная, непрерывно изменяющаяся сторона», а форма менее подвижная, более устойчивая сторона, что в этой форме «всегда имеются элементы, которые уже устарели и требуют замены, либо — элементы, постепенно устаревающие, но которые недостаточно вызрели, чтобы их менять, хотя их отставание уже заметно», что поэтому складывается несоответствие между содержанием и отдельными сторонами, элементами формы и т. д.¹. Все это верно. И примеров этому можно приводить сколько угодно. Но ведь это опровергает весь тезис о том, что бывают противоречия-«толкачи» и противоречия-«тормоза». Выходит, что у всякого социального противоречия одна сторона консервативна, другая прогрессивна; одна сторона (консервативная, тормозящая) стремится сохранить противоречие, а другая (революционная, прогрессивная) борется за ликвидацию противоречия. Говоря об антагонизме между частным собственником и пролетарием, Маркс и Энгельс писали: «В пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение»².

Можно и должно говорить о различном характере, природе противоречий, об антагонистических и неантагонистических противоречиях, об их различной степени зрелости, напряжения, наконец, о различных средствах и условиях их разрешения и т. д., но говорить о том, что будто бы могут быть односторонние противоречия, чудом состоящие только из одной «передовой» или из одной «тормозящей стороны» — значит порвать с диалектикой. Каждое социальное противоречие независимо от его характера имеет одновременно две стороны, состоит из единства прогрессивного и регрессивного, положительного и отрицательного. нового и старого и т. д.

Искажив суть противоречия между содержанием и формой социальных явлений, сторонники критикуемой точки зрения приходят к «логическому концу», отрицают диалектику развития социалистического общества. Оказывается, «большинство (!) противоречий советского общества преодолевается путем *взаимодействия, взаимовлияния, противоречивых сторон в смысле либо взаимопомощи, взаимоусиления, либо взаимоограничения*»³. Если этот тезис понимать так, что данная борющаяся сторона оказывает материальную и иную помощь своему противнику и такую же помощь получает от него, то неясно, зачем же они должны бо-

¹ «Коммунист», 1958, № 2, стр. 22.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 39.

³ «Коммунист», 1958, № 2, стр. 22.

роться? Не трудно понять, что такая борьба — бессмыслица, что такая борьба и такие «борющиеся стороны» могут иметь место только в фантазии. Удивительно то, что авторы этого тезиса сами приводят пример разрешения партией противоречия между содержанием и формой колхозного производства, полностью опровергающий их собственный тезис. «Партия обнаружила, что мелкие колхозы не дают возможности в полной мере использовать богатейшую сельскохозяйственную технику, и возглавила движение колхозников за укрупнение колхозов»¹. Значит, каким путем разрешила партия это противоречие? Путем укрупнения колхозов. Но ведь укрупнение мелких колхозов не означает «размножения» мелких колхозов, не означает взаимного усиления противоречивых сторон. Согласно же рассматриваемому тезису, это противоречие нужно было решить путем дальнейшего дробления мелких колхозов на более мелкие (усиление одной стороны противоречия) и одновременно путем дальнейшего роста «богатейшей сельскохозяйственной техники» (усиление другой стороны противоречия). Но это не разрешение противоречия, а его *увечковечение*.

Но если этот тезис понимать как усиление сторон в процессе борьбы (каждая сторона противоречия естественно стремится к усилению, ибо она борется), то разрешиться противоречие может лишь в том случае, когда одна из борющихся сторон (в конце концов новое, прогрессивное, возьмет верх над другой) окажется «сильнее» другой, победит, преодолеет другую. Иначе противоречие не может быть разрешено. Практика разрешения противоречий нашего общества партией, народом подтверждает диалектику противоречий и полностью опровергает указанный тезис.

Элементарно-логический взгляд на противоречие состоит в том, что сначала социалистический способ производства делят на две стороны — его содержание и форму, затем находят между ними противоречия. Но так как обе стороны способа производства развиваются, усиливаются, и ни одна из этих сторон «не уничтожается», — делают вывод, что обе стороны противоречия в способе производства «взаимно помогают друг другу», «взаимно усиливают друг друга».

Таким образом, отождествляют стороны явления со сторонами противоречия, подменяют одно понятие другим, игнорируют тот факт, что противоречие не есть сама вещь, само явление, а столкновение различных сил и тенденций «действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества»². Поэтому, как только от простой рассудочной абстракции переходят к анализу жизненных противоречий, тотчас же обнаруживается ее узость, выясняется, что приведенные примеры никак не вяжутся со схемой: примеры говорят об одном, а схема — о другом. Примеры говорят о том, что у любого противоречия социали-

¹ «Коммунист», 1958, № 2, стр. 22.

² В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 38.

стического общества одна сторона консервативна, другая прогрессивна, а схема говорит о том, что у противоречия обе стороны «передовые» и разрешается оно путем «взаимопомощи», «взаимоусиления» или «взаимоограничения» противоречивых сторон.

Ближайшее рассмотрение показывает, что между содержанием и формой социалистического способа производства отнюдь нет противоречий, разрешимых путем «взаимопомощи» сторон противоречия. Успешное продвижение нашей страны к коммунизму обеспечивается тем, что в способе производства противоречия непрерывно возникают и разрешаются, что взаимодействие его содержания и формы есть диалектический процесс, где всегда есть новое и старое, положительное и отрицательное, нарождающееся и отмирающее, передовое и отсталое и т. д., борьба между которыми есть их внутренняя противоречивость, глубокий источник развития.

Развитие социалистического способа производства, «взаимоусиление» его сторон достигается не тем, что «передовое» борется с «передовым», а действительным разрешением действительно возникающих между производительными силами и производственными отношениями противоречий, причем разрешение противоречий есть результат, проявление абсолютности борьбы противоположностей, а не «взаимопомощи» борющихся сторон.

Непрерывно возникающие и разрешающиеся противоречия между содержанием и формой социалистического способа производства являются неантагонистическими и определяются природой социалистических производственных отношений. Последние хотя и наилучшим образом соответствуют характеру и состоянию производительных сил, тем не менее соответствуют, как мы видели, не абсолютно, так как в них всегда имеются несоответствующие, отжившие или отживающие моменты, которые в процессе борьбы уничтожаются и заменяются новыми, соответствующими. Дальнейшему прогрессу производительных сил мешает не сама природа, сущность социалистических производственных отношений, а конкретные их моменты, которые на данном этапе развития изжили себя. Сама природа социалистических производственных отношений всегда требует всестороннего, непрерывного роста производительных сил, дает простор этому росту, порождает все новые и новые факторы, стимулы развития, позволяет обществу обнаруживать, изучать противоречия и ликвидировать их, добиваясь дальнейшего, более совершенного, более развитого соответствия состоянию производительных сил.

Но если внутри способа производства все без исключения реальные, конкретные противоречия разрешаются путем ликвидации отжившей, консервативной стороны, то какое у нас имеется основание утверждать, что эти противоречия «передовые» и разрешаются путем «взаимопомощи», «взаимоусиления» противоречивых сторон.

Конечно, явления бывают прогрессивными или консервативными. Но нет противоречия, являющегося только консервативным или только прогрессивным. Противоречие не может состоять толь-

ко из одной — прогрессивной или из одной — консервативной стороны. Нет, и не может быть «однобоких», только «передовых» или только «отсталых», противоречий. Все это давно известная истина.

Но в чем секрет отхода от этой азбучной истины? Почему получается так, что «прогрессивное борется с прогрессивным»? Потому, что до сих пор нет ясности в понимании проблемы противоречия в ее общей форме. Разве не об этом говорит тот факт, что у единства берут одну сторону и отбрасывают другую, противоречие рассматривают не как отношение между тождеством и различием противоположностей, не как борьбу противоположных сил, тенденций в данном диалектическом единстве. Если брать одно лишь тождество (мы вынуждены еще раз подчеркнуть эту мысль) и отбросить различие, то в результате мы получим только мертвое, абстрактное тождество. Это есть метафизическое понимание тождества. Но, как справедливо говорил Гегель, «если бы мышление не было чем-нибудь иным, чем это абстрактное тождество, то оно должно было бы быть признано самым излишним и самым скучным делом»¹. Если же, напротив, брать только различие и отбросить тождество, то мы получим механически расчлененные, изолированные друг от друга, внутренне не взаимосвязанные стороны чего-то неопределенного. А это есть метафизическое понимание различия.

Таким образом, в обоих этих случаях искажается суть противоречия. На антинаучный характер метафизического отрыва тождества и различия друг от друга указывал Маркс. Он писал: «Весь грубианский характер «здорового человеческого смысла», который черпает «из гущи жизни» и не калечит своих *естественных* склонностей никакими философскими или другими научными занятиями, сказывается в том, что там, где ему удастся заметить *различия*, он не видит единства, а там, где он видит *единство*, он не замечает *различия*. Когда он устанавливает *различающие определения*, они тотчас же окаменевают у него под руками, и он усматривает самую вредную софистику в стремлении высечь пламя из этих окостенелых понятий, сталкивая их друг с другом»².

Истина состоит в том, что противоречие есть отношение между тождеством и различием противоположностей, между соответствием и несоответствием или, что то же самое, — отношение противоположных тенденций в данном единстве. Так, например, в способе производства противоречие есть отношение между соответствием и несоответствием производственных отношений характеру, состоянию производительных сил, поскольку производительные силы и производственные отношения одновременно и тождественны, и различны.

С этим тесно связан и вопрос об источнике развития явления. Казалось бы, уж этот вопрос до такой степени ясен, что не стоит на нем задерживаться. Если бы было так! Видимо, и тут не все

¹ Гегель. Соч., т. I, стр. 198.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 299.

ладно. Во всяком случае, немало разноречивых мнений имеется и по этому вопросу. За последние годы в периодической литературе выявились довольно рельефно три точки зрения: согласно одной из них, не противоречие, а его преодоление представляет собой источник развития¹, согласно другой, источником развития является не противоречие, а отсутствие противоречия², т. е. беспротиворечивое единство; сторонники третьей точки зрения считают источником развития и единство, и противоречие³.

Не подвергая специально разбору первую точку зрения, заметим лишь, что она тоже, только по-другому, в другой форме, извращает суть противоречия. Она не учитывает того, что диалектическое противоречие есть борьба, процесс — процесс преодоления единства, завершающийся переходом единства в его противоположность. Противоречие включает в себя свое собственное преодоление. Конечно, преодоление, как процесс в разных явлениях и в разных условиях выражается по-разному, бывает неодинаково по активности и т. д., но безусловно одно: противоречие немислимо без его преодоления.

Тезис: «Не противоречия, а их преодоление движет вперед» — допускает существование противоречия без преодоления, рассматривает его не как борьбу, действие, а как «равное самому себе состояние», требующее вмешательства внешней силы для своего преодоления. Следовательно, этот тезис фактически отрицает внутренний источник самодвижения и переносит его во вне.

Что касается другой точки зрения, то на ней следует несколько задержаться.

У сторонников этой точки зрения нет недостатка в том, чтобы подчеркивать всеобщий характер противоречивости явлений, специфику противоречий в социалистическом обществе и т. д. Но в то же время у них и нет недостатка в попытках абсолютизации специфики противоречий при социализме, что незаметно для них приводит к фактическому отрицанию противоречий социализма. Вот как это делается: «Во-первых, при социализме единство различных классов и социальных групп выражает совпадение их экономических, политических и духовных интересов по всем главным вопросам и их одинаковое стремление к дальнейшему прогрессу социалистического общества... Во-вторых, единство различных сторон того или иного общественного явления при социализме выражается как их соответствие»⁴.

Прежде всего заметим, что эти «во-первых» и «во-вторых», в сущности, ничем друг от друга не отличаются, так как «различные классы» и есть «различные стороны» единства. Но дело не в этом.

¹ См.: Е. Лукина. Не противоречия, а преодоление их движет вперед. «Вопросы философии», 1957, № 3.

² См.: В. П. Рожин, В. П. Тугаринов. О противоречиях и движущих силах. «Вопросы философии», 1957, № 3.

³ Б. С. Украинцев. Вопросы диалектики перерастания социализма в коммунизм. «Коммунист», 1960, № 13.

⁴ См.: «Коммунист», 1960, № 13, стр. 65.

Здесь «единство» и «различие» понимаются как совпадение, соответствие, т. е. тождество. От того, что «различие» понимают как «соответствие», «гармоническую связь», еще не выходят за рамки тождества, так как не допускают действительного, жизненного различия, как такового. Но раз уничтожили различие, то категории «совпадение», «соответствие», «гармоническая связь» выражают одно и то же содержание — тождество.

Таким образом, в явлениях социалистического общества видят только лишь одно тождество и не видят различия. Но тождество без различия есть абстрактное тождество. Или у единства противоположностей одновременно есть две стороны — тождество и различие, тогда различие не есть тождество, не есть совпадение. Или если и тождество есть тождество и различие есть тождество, тогда у явления есть лишь одна сторона — тождество.

При социализме единство различных классов выражает совпадение (соответствие, тождество) их интересов. Верно. Но это тождество — одна сторона этого единства, другой его стороной должно быть различие. С этим согласны и сторонники критикуемой точки зрения. Но в чем выражается это различие, по их мнению? Выясняется, что выражается оно тоже в тождестве (соответствии) их интересов. Следовательно, в единстве различных классов и социальных групп, кроме тождества, нет ничего другого.

Именно такое «очищенное» от различия и противоречия единство, т. е. абсолютное тождество, «превращается в могучий источник, движущую силу прогресса»¹.

На каком же основании утверждается это? Может быть, социалистическая действительность дает какие-нибудь факты для такого вывода? Может быть, такое беспротиворечивое «единство» есть аналог действительного объективного единства какого-либо явления нашей жизни? Ничего подобного. Такого единства в жизни нет. Его создают в абстракции. Но в абстракции можно создавать все что угодно «Мыслить и «примыслить», — писал В. И. Ленин. — люди могут себе всяческий ад, всяческих леших но задача теории познания в том и состоит, чтобы показать не-реальность, фантастичность, реакционность подобных примыслов»².

Единство без противоречий, единство как абсолютное тождество есть примысел, есть фантазия.

Например, вопреки фактам жизни, утверждается, что единство содержания и формы социалистического способа производства свободно от противоречий и поэтому такое, «очищенное» от противоречий единство является источником развития социализма; что соответствие формы содержанию в новых условиях как бы оно ни «устаревало», все же является «соответствием, а не несоответствием»³. Но что такое соответствие без несоответствия? Абстрактное тождество!

¹ См.: например, ту же статью в «Коммунисте», 1960, № 13, а также статью «О противоречиях и движущих силах». «Вопросы философии», 1957, № 3.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 67.

³ «Коммунист», 1960, № 13, стр. 67.

Нетрудно понять, что если соответствие непрерывно совершенствуется путем разрешения противоречий, то, следовательно, во взаимодействии двух сторон социалистического способа производства кроме соответствия должно иметь место в какой-то степени и несоответствие. Иначе, откуда берутся эти противоречия? Как может существовать соответствие без несоответствия? Между тем соответствие в целом не нарушается, а непрерывно совершенствуется, являясь великой движущей силой роста производительных сил, благодаря тому, что несоответствующие, отжившие, устаревшие моменты производственных отношений преодолеваются, отбрасываются и заменяются новыми, *соответствующими*. И так — непрерывно.

Следовательно, единство содержания и формы социалистического способа производства раздваивается на противоречивые стороны — тождество и различие (что в данной связи то же самое — соответствие и несоответствие). В этом единстве то одна, то другая сторона превалирует, господствует над другой. Когда мы говорим, что единство является движущей силой, то этим мы подчеркиваем лишь одну сторону единства — тождество, и притом такое тождество, *которое превалирует, господствует над другой стороной единства — различием*, выступающим тормозящим моментом, стороной их взаимодействия.

Но тождество вечно не может господствовать над различием. Их взаимодействие есть процесс. Если первоначально господствует тождество над различием, то по мере развития противоречия различие начинает мало-помалу, шаг за шагом превалировать над тождеством. На первом этапе, как подробно показано в предыдущей главе, различие находится в подчиненном, зародышевом состоянии и существенно не мешает прогрессу. На этом этапе тождество, господствуя над различием, является движущей силой, которая обеспечивает высокие темпы развития. Но поскольку развитие означает усиление различия, то последнее на втором этапе начинает существенно тормозить развитие. На этом этапе социалистическое общество через свои организации принимает меры к ликвидации противоречия.

Третья точка зрения является как бы продолжением второй. Извратив суть категорий «единство», «тождество» и «различие», сторонники этой точки зрения доходят до логического конца и извращают суть категории «противоречие». Тот же прием: сначала они утверждают, что «противоречия везде и всегда являются внутренним источником саморазвития»¹, а затем это положение фактически отрицают, утверждая, что «в жизни общества противоречия не всегда служат единственным источником развития... При социализме же крепнущее социальное единство становится постоянно действующим источником и движущей силой общественного прогресса»². Таким образом, фактически доказывается существо-

¹ «Коммунист», 1960, № 13, стр. 65.

² Там же.

вание двух источников саморазвития: противоречия и единства. Следовательно, единство не включает в себе противоречия. Но как мы видим, единство без противоречия есть мертвая абстракция.

Странно то, что некоторые авторы свои неверные положения пытаются «подкрепить» ссылкой... на классиков марксизма, которые будто бы «отнюдь не утверждали, что развитие чего бы то ни было осуществляется на основе одних лишь противоречий»¹, что поэтому-де нельзя признать правильным взгляд, возводящий противоречия в развитии социалистического общества в ранг источника развития. Во-первых, даже если бы классики марксизма этого не «утверждали», то разве этим они лишили грядущие поколения способности мыслить? Во-вторых, они именно так утверждали в данном случае.

Ссылка на классиков марксизма является извращением фактов. Классики марксизма с научной неопровержимостью доказывали что противоречия имеют *всеобщий и объективный характер*, что развитие происходит именно *на основе противоречий и иначе происходить не может*.

«Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, — пишет К. Маркс, — их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению»². «Движение, — подчеркивает Энгельс, — само есть противоречие... Если уже простое механическое перемещение содержит в себе противоречие, то тем более содержат его высшие формы движения материи»³. «Истинное, естественное, историческое и диалектическое отрицание... и есть именно движущее начало всякого развития — разделение на противоположности, их борьба и разрешение»⁴. «Тождество противоположностей... есть признание (открытие), — пишет В. И. Ленин, — противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций *во всех* явлениях и процессах природы (и духа, и общества *в том числе*)». «Развитие есть «борьба» противоположностей». «В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предмета...*» «Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»⁵.

Можно было бы привести еще множество высказываний Маркса, Энгельса, Ленина о том, что внутренняя противоречивость предметов есть источник движения, развития, что развитие возможно только на основе противоречий и невозможно без противоречий. У классиков марксизма нет никакого указания, ни малей-

¹ «Вопросы философии», 1957, № 3, стр. 136.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 136.

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 113—114.

⁴ Там же, стр. 328.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 357—358.

шего намека на то, что может быть развитие без борьбы противоположностей, без противоречий.

Указанная точка зрения отрицает объективный характер противоречий, допускает существование *непротизоречивого* явления, т. е. такого единства, которое не раздваивалось бы на противоречивые, противоположающиеся стороны. Однако если речь идет о действительных явлениях, то их сущность как раз есть их внутренняя противоречивость. Нет и не может быть единства, которое не раздваивалось бы на противоположные стороны. Допускать единство без его раздвоения — значит увековечивать его, возводить его в абсолют, т. е. отрицать развитие и впасть в метафизику.

К своим выводам сторонники рассматриваемой точки зрения приходят и другим путем. Они требуют подчеркивать в социалистическом обществе не борьбу противоположностей, а единство, т. е. приближаются к мысли о том, что не борьба противоположностей абсолютна, а единство. При этом они ссылаются на движущие силы нашего общества, кстати, понятые ими также метафизически.

Разве эти движущие силы социализма лишены своих внутренних противоречий, своей диалектики развития? Разве в них не происходит борьбы между новым и старым? Разве их развитие, совершенствование не есть противоречивый процесс? Само собою ясно, что движущие силы должны быть непрерывно развивающимся процессом. И, напротив, они перестанут выполнять роль движущих сил, как только перестанут развиваться.

С другой стороны, движущие силы нашего общества — это не голые абстракции, а реальные действия членов общества и выступают стороной противоречия. Следовательно, и с этой точки зрения противоречия выступают как источник развития. Движущие силы нашего общества развиваются на основе своих внутренних противоречий, их действие направлено на преодоление определенных противоречий. Потому они и называются движущими силами.

Дело не в том, что нет и не может быть явления без противоречий. Дело в том, что противоречия в разных явлениях, в разных условиях бывают разного характера, разной степени зрелости и напряжения, и что для разрешения различных противоречий существуют различные средства.

Преимущества социализма перед капитализмом состоят не в том, что социализм будто бы свободен от противоречий или что при социализме противоречия будто бы не являются источником развития, как думают некоторые авторы. Законы диалектики — предельно общие законы и не носят конъюнктурного характера. Утверждать, что преимущества социализма состоят в том, что здесь нет противоречий или противоречия не являются источником развития, или есть единство без противоречий, — значит, на деле отрицать диалектику, а вместе с ней — и преимущества социализма, превращать его в мертвую абстракцию.

Преимущества социализма состоят в его *жизненности*, в том, что общество по своей объективной *неантагонистической природе*

имеет возможность *обнаруживать, вскрывать* возникающие в процессе развития неантагонистические противоречия между содержанием и формой явления социализма и, *не доводя дело до конфликта*, ликвидировать их на основе развития самого социалистического строя. Ликвидация возникающих противоречий при социализме и есть развитие социализма, есть его постепенное перерастание в коммунизм.

Наше продвижение вперед происходит диалектически, т. е. в порядке непрерывного процесса раскрытия и ликвидации столь же непрерывно возникающих противоречий. С обнаружением и ликвидацией тех или иных противоречий возникают новые. Ликвидация одних противоречий порождает другие, подготавливает условия возникновения третьих и так — постоянно.

Из краткого рассмотрения сущности противоречия между содержанием и формой в явлениях социализма можно сделать следующие выводы:

1. Единство содержания и формы раздваивается на их тождество и различие. Ни тождество, ни различие не бывают абсолютными.

2. Их единство заключает в себе противоречие.

3. Противоречие есть борьба противоположностей — тождества и различия содержания и формы любого явления, любого единства. Одна из противоположностей социального явления представляет прогрессивную сторону, другая — регрессивную.

4. Развитие есть преодоление регрессивной стороны, что означает качественное изменение явления.

5. Тождество (понимаемое нередко как единство), соответствие формы содержанию есть движущая сила развития в том смысле, что оно господствует над своей противоположностью — различием, но впоследствии они меняются местами и ролями, и на определенном этапе различие начинает господствовать, что приводит к коренному качественному изменению самого единства, явления.

6. Понятия «источник развития» и «движущая сила» нетождественны. Под источником развития мы понимаем противоречие между содержанием и формой, а под движущей силой — прогрессивную сторону этого противоречия. Если же «движущую силу» и «противоречие» мы понимаем как синонимы, то этим мы лишь подчеркиваем господство тождества над различием и то, что различие существенно не мешает развитию.

Например, соответствие формы содержанию социалистического способа производства есть *великая движущая сила*. Но оно есть одна — прогрессивная сторона противоречия между соответствием формы (в целом) и несоответствием ее тех или иных моментов своему содержанию. Каковы бы ни были отжившие моменты социалистических производственных отношений и связанные с этим возникающие противоречия, они изучаются, познаются и планомерно преодолеваются обществом на базе социализма, благодаря чему обеспечивается непрерывно совершенствующееся соответствие производственных отношений производительным силам.

7. Цель познания состоит не в том, чтобы «фетишизировать» ту или другую сторону единства, а в том, чтобы изучать, открывать противоречия *«в самой сущности предметов»* и *своевременно разрешать их*.

8. Специфика диалектики, взаимодействия содержания и формы в явлениях социализма не есть уничтожение этой диалектики. Извращение сути этой диалектики в результате неправильного понимания ее специфики, фактическое ее отрицание, наносит вред нашей пропаганде и может породить благодушие, отказ от изучения и разрешения противоречий, и затормозить наше продвижение к коммунизму.

3. Противоречие между содержанием и формой — основное противоречие явления

Немаловажное значение для познания и практики имеет и вопрос об основном противоречии явления. В объективной действительности противоречия существуют не только между содержанием и формой. Поскольку каждое явление обладает кроме содержания и формы и другими многочисленными внутренними и внешними сторонами, то ему присущи и другие противоречия.

Противоречия бывают внутренними и внешними, антагонистическими и неантагонистическими, существенными и несущественными, главными и неглавными, основными, ведущими и неосновными, подчиненными и т. д. и т. п. Причем характер тех или иных конкретных противоречий определяется природой явлений и условиями его развития. В зависимости от этого меняются их роль и значение. Скажем, одно и то же противоречие может в одних условиях быть главным, а в других — неглавным, отодвигаться на задний план и подчиняться другому противоречию.

Но если рассматривать все противоречия с точки зрения их качественной характеристики, их непосредственной специфики, то мы приходим к выводу, что из них *основным, ведущим является противоречие между содержанием и формой*.

Почему же противоречие между содержанием и формой является основным?

Потому, что любое явление возникает как продукт разрешения противоречия между содержанием и формой; указанное противоречие является главным условием существования явления и главным источником его самодвижения, развития; оно определяет тенденцию развития и характер множества других внутренних и внешних противоречий явления; оно определяет предпосылки, стимулы, факторы, темпы, степень и т. д. развития явления; и, наконец, его разрешение есть переход явления из одного качественного состояния в другое.

Разрешение любого другого противоречия не ведет к коренному качественному изменению явления, в то время как к такому изменению ведет только разрешение указанного противоречия, в результате чего погибает старое и возникает новое. В этом отно-

шении это противоречие совпадает с противоречием между количеством и качеством.

Так, любая химическая реакция, т. е. превращение вещества или веществ, означает изменение химического строения под воздействием изменения химического состава или энергии. Точно так же ядерные реакции — изменение самих участвующих атомов, следовательно, превращение элементов — возможны в результате изменения структуры атомов, главным образом ядра. Ни единое качественное превращение, будь это в явлениях микромира или макромира, природы или общества, не происходит без изменения внутренней структуры самого явления, следовательно, без разрешения противоречия между содержанием и формой.

Это подтверждает и биологическая наука. Качественные онтогенетические и филогенетические изменения осуществляются как разрешение противоречия между содержанием и формой организмов. Ни возникновение нового вида, ни гибель старого немислимы без разрешения этого противоречия. Это было подробно рассмотрено раньше, и нет нужды повторяться. Следует только добавить, что все противоречия организма либо определяются, либо обнаруживают себя как проявления противоречия между его содержанием и формой. Например, характер, темпы, интенсивность, тенденция ассимиляционно-диссимиляционных процессов под воздействием внешних условий определяются характером противоречия между содержанием и формой организма.

Указанный вывод подтверждается и общественной наукой и практикой. На этом нам придется несколько задержаться, так как до сих пор нет единого мнения по рассматриваемому вопросу. На страницах журнала «Вопросы философии», как известно, уже на протяжении ряда лет ведется большая дискуссия по вопросу об основном противоречии социалистического общества. Но, к сожалению, дискуссия показала, что подавляющее большинство ее участников придерживается мнения, что основным противоречием социалистического общества якобы является противоречие между растущими материальными и духовными потребностями и уровнем производства на каждом данном этапе.

Мы говорим «к сожалению», потому что люди, которые всюду пишут, говорят, доказывают, что главное, основное противоречие явления — это его внутреннее противоречие, при рассмотрении вопроса об основном противоречии социализма вдруг изменяют себе, отходят почему-то от этого верного положения и считают таким противоречием не внутреннее, а внешнее по отношению к способу производства противоречие. Причем нередко они аргументируют свою позицию ссылкой на конкретное, специфическое действие законов диалектики при социализме.

Верно, законы диалектики действуют конкретно, специфически, особо в каждом отдельном явлении и иначе действовать не могут. Верно и то, что их познание возможно как конкретное познание. *Но специфическое действие закона не есть его ликвидация. В том-*

то и заключается общий характер закона, что специфика его действия не упраздняет его, иначе не было бы никакого закона.

Но послушаем наших оппонентов. По их единодушному мнению, основное противоречие социализма состоит в том, что рост потребностей все время обгоняет рост производства. Чтобы разобраться в этом, нужно выяснить, что такое «потребление», «потребности» и т. д., в какой связи находятся они с производством¹. Под «потреблением» мы обычно понимаем процесс практического удовлетворения потребностей людей в чем-либо, использование общественного продукта для удовлетворения определенных нужд людей. Причем потребление бывает двоякого рода — производственное и непроизводственное.

«Производство, — пишет К. Маркс, — есть непосредственно также и потребление»². Анализируя взаимоотношения производства и потребления, Маркс делает следующие выводы: производство есть потребление; потребление есть производство; каждое из них выступает как средство для другого и совершается с его помощью, что выражается в их взаимной зависимости. Производство — не только непосредственно потребление, а потребление — непосредственно производство: производство — не только средство для потребления, а потребление — цель для производства, то есть каждое доставляет другому его предмет: производство — внешний предмет для потребления, потребление — мысленно представляемый предмет для производства³.

Анализ Марксом этой взаимосвязи и взаимозависимости производства и потребления указывает на их тождество и различие, на то, что нельзя отрывать их друг от друга, что их познать можно только в их диалектическом соотношении. Утверждение, что «рост потребления все время обгоняет рост производства» в научном отношении несостоятельно, так как потреблять можно лишь то, что произведено.

Но если под потреблением понимать более узкий процесс, процесс удовлетворения личных материальных и духовных нужд членов общества, то опять-таки невозможно представить как этот процесс может обгонять производство, ибо это доказывается той же объективной логикой — потреблять можно то, что произведено. Более того, производство создает кроме предмета потребления и способ потребления, и самого потребителя. «Голод есть голод, — пишет Маркс, — однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Не только предмет потребления, но также и способ потребления создается, таким образом, производством, не

¹ Категории «потребление», «потребность» часто отождествляются (см., например, статью Цзян Ши-юн. «Вопросы философии», 1958, № 11), с чем нельзя согласиться.

² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 201.

³ Там же, стр. 204—205.

только объективно, но также и субъективно. Производство, таким образом, создает потребителя»¹.

Далее. Допустим, что под потреблением мы понимаем (так тоже понимают) покупательную способность масс и утверждаем, что при социализме рост покупательных способностей обгоняет рост производства. Но тут же возникает вопрос: чем при социализме определяется рост покупательной способности? Производством! Вот единственно научный ответ на этот вопрос. При социализме иначе быть не может. Общество чем больше производит, тем больше потребляет, чем оно богаче материальными и духовными благами, тем выше покупательная способность его членов.

Из этого следует, что рост покупательной способности «толкает вперед» рост производства в той же степени, в какой рост производства «толкает вперед» рост покупательной способности. Здесь та же взаимосвязь и взаимозависимость.

Теперь остается рассмотреть противоречие между ростом материальных и духовных потребностей и уровнем производства, которое возводится в ранг основного противоречия всей коммунистической формации.

Совершенно очевидно, что такое противоречие действительно имеет место. Для того чтобы обществу существовать, развиваться, нужно потреблять материальные и духовные блага, но так как эти блага в готовом виде люди не находят, их производят. Люди не могут существовать ни без потребностей, ни без потребления, ни без производства. «Производство, — пишет К. Маркс, — создает материал как внешний предмет для потребления; потребление создает потребность как внутренний предмет, как цель для производства»². Далее «...Потребление создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальное, внутренне-побуждающее начало производства, которое есть его предпосылка... Потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель... Без потребности нет производства»³.

Итак, *без производства нет потребности, без потребности нет производства*. Производство возбуждает в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт.

Таковы, коротко говоря, взаимоотношения производства, потребления, потребности. Но из этого видно, что потребности растут на основе производства, производство — на основе потребностей. Марксов анализ различных сторон материальной жизни общества показывает, что неверно догматическое утверждение, будто потребление или потребности всегда обгоняют производство. «Последователей такой точки зрения не смущает то обстоятельство, — справедливо говорил Н. С. Хрушев на XXII съезде, — что они, по

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 203.

² Там же, стр. 204.

³ Там же, стр. 203.

существо, оправдывали нехватку предметов первой необходимости, консервировали порядки и психологию карточной системы»¹.

Часто говорят так: не всегда можно купить на свои трудовые деньги нужную вещь на рынке. Дескать, деньги есть, а купить невозможно. Бывает так? Да, бывает! Но бывает и другое—есть на рынке нужная вещь, а денег на ее приобретение нет. Некоторые авторы доказывая, что рост потребностей обгоняет производство, выхватывают факт из общего процесса и начинают рассуждать так: потребности в том-то предмете огромны, а производство не успевает удовлетворять их. При этом они не отрицают того, что потребность создана производством. Странная логика! Если производство своим развитием «обгоняло» потребность, порождало ее, а теперь отстает от потребности, то на каком же основании мы должны утверждать, что одна из этих сторон «всегда» обгоняет другую? Нельзя диалектическую живую взаимосвязь превращать в мертвую однобокую абстракцию.

Но вернемся к основному противоречию. Допустим, противоречие между ростом потребностей и уровнем производства мы объявили основным противоречием социализма. Что же это дает людям? Ведь говоря об этом противоречии, мы просто напоминаем: чтобы существовать, надо потреблять, чтобы потреблять, надо производить. Но разве люди когда-либо забывают об этом? Следовательно, для разрешения этого противоречия, нужно разрешать противоречия в производстве. Правда, мы подчеркиваем и другое — необходимость учета потребностей: социализм есть учет. Но, с другой стороны, одного учета потребностей недостаточно, чтобы обеспечить действительное развитие общества. Разве практика выполнения народнохозяйственных планов нашим народом не показывает, что, после того как учтены потребности общества, впереди еще осталось *самое главное* — их практическое удовлетворение, т. е. производство, а производство есть противоречивый процесс.

Объявляя противоречие между ростом потребностей и уровнем производства основным, мы должны (если быть логически последовательными) главное внимание концентрировать на этом противоречии. Иначе нельзя. Обращая же основное внимание на это противоречие, мы должны в лучшем случае обращать «неосновное» внимание на «неосновные» противоречия производства, а в худшем случае должны закрывать себе дорогу к выявлению и ликвидации действительно глубоких противоречий материального производства. Но, поступив таким образом, мы начнем мешать движению вперед.

Итак, противоречие между потребностями и производством не является основным, так как для его разрешения нужно разрешить противоречия в самом способе производства; его характер, степень напряжения, формы проявления и т. д. определяются противоречиями в способе производства; оно само определяется способом производства; оно не указывает непосредственно на тенденцию

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXII съезду КПСС. «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 115.

развития общества; оно непосредственно не объясняет перехода от одной исторической ступени развития к другой; оно является внешним по отношению к способу производства, а не внутренним, как пытаются доказывать наши оппоненты.

Основное противоречие то, которое характеризует лицо данного явления, определяет собою тенденцию его развития, обуславливает собой возникновение и разрешение других противоречий. Разрешение основного противоречия есть качественное изменение предмета и т. д.

Мы придерживаемся той точки зрения, что общим и *основным противоречием* любой общественной формации, в том числе и коммунистической, является *противоречие между формой и содержанием способа производства*. Отрицать это основное противоречие в способе производства — значит отрицать решающую, основную роль способа производства в жизни общества (безразлично, о каком обществе идет речь).

Марксизм давно доказал, что взаимодействие между содержанием и формой способа производства является главным источником его развития, что это взаимодействие определяет собою все стороны экономической, а в конечном итоге и духовной жизни общества, что оно порождает, обуславливает различные противоречия, определяет тенденцию развития общества и т. д.

Разумеется, в каждой общественно-экономической формации противоречие между содержанием и формой способа производства носит особый характер, проявляется в различных, специфических формах, проходит различные этапы развития, порождает соответствующие своему образу и подобию другие противоречия. Но, безусловно то, что оно всегда выступало и выступает как основное противоречие формации.

Например, классики марксизма показали, что противоречие между содержанием и формой способа производства в условиях капитализма выступает как противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Это противоречие именно и является основным. Оно в свою очередь выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией, как противоположность между организацией производства на отдельных предприятиях и анархией производства во всем обществе, обуславливает все другие противоречия капитализма, определяет собою тенденцию его развития и т. д.

Основным противоречием социализма также является противоречие между содержанием и формой способа производства, которое проявляет себя в постоянно возникающих и сознательно разрешаемых конкретных противоречиях. В социалистическом обществе, как было уже показано выше, противоречие между содержанием и формой способа производства неантагонистического характера и выражается в иных специфических формах, и соответственно с этим разрешается иными средствами. Поэтому, разумеется, здесь не может быть никакой аналогии с противоречиями буржуазного общества.

Вместе с тем, как уже говорилось, в силу своей объективной природы все противоречия социалистического способа производства разрешаются на базе развития самого этого способа производства. В рассматриваемой связи придется еще раз подчеркнуть, что в социалистическом способе производства нет неразрешимых противоречий. Поскольку диалектика его развития есть процесс,— внутренние его противоречия по мере роста производительных сил непрерывно возникают и сознательно разрешаются, разрешаются и возникают, то нет основания для того, чтобы то или иное конкретное противоречие между его содержанием и формой считать постоянным, раз навсегда данным, основным, главным. Определенное противоречие между его содержанием и формой является главным, основным, лишь *на данном этапе, в данных условиях, в данном отношении*. В других условиях на первый план выдвигается другое противоречие между его содержанием и формой.

Кто ищет раз навсегда данного конкретного основного противоречия для всей коммунистической формации в способе производства, тот подход к анализу противоречий буржуазного общества механически применяет к анализу противоречий социалистического общества и по аналогии, подобно тому, как Маркс открыл основное противоречие буржуазного общества, хочет открыть, правда, неантагонистическое, но непременно основное конкретное противоречие для *всей* коммунистической формации. Но при этом забывает, что *природа социалистических производственных отношений такова, что она дает возможность обществу вскрывать и своевременно ликвидировать возникающие и проявляющиеся конкретные противоречия в способе производства, а не увековечивать их*. И объявлять то или другое конкретное противоречие в социалистическом способе производства постоянно основным — значит объявлять социалистические производственные отношения косными. Вместе с тем нельзя забывать, что *противоречие между содержанием и формой в общественных явлениях и процессах общества выражает собой коренные материальные, а в конечном итоге и духовные интересы людей, классов, народов*, что за этим противоречием стоят живые люди с их интересами, что, следовательно, попытка увековечить то или иное противоречие социалистического общества — значит оторваться от жизни, от интересов и задач нашего народа.

Борьба за разрешение этих противоречий, борьба соответствия и несоответствия формы содержанию нашего способа производства является главным, основным, решающим источником развития производительных сил, всего общественного прогресса социализма. В связи с этим встает во весь рост вопрос о роли субъективного фактора в своевременном обнаружении и разрешении этих противоречий.

Прежде всего заметим, что противоречия носят объективный характер, т. е. не зависят от воли и сознания людей. Природа вещей, процессов объективно противоречива. Но это еще не значит, что субъективный фактор тут ни при чем. Нет, он играет очень

важную роль. Он может ускорять процесс, может и тормозить. Более того, противоречия могут возникать и в результате ошибок отдельных руководителей, т. е. вследствие субъективных причин. Человеческое общество есть совокупность отношений и действий людей, поэтому их субъективные ошибки или действия не могут не иметь прямого отношения к противоречиям общества.

От людей и их деятельности зависят степень напряжения противоречий, формы, средства их разрешения. Это мы можем наблюдать и на таком простом примере: в одних и тех же условиях один колхоз передовой, а другой—отстающий. Чем это объяснить? Видимо, тем, кто стоит во главе того или иного колхоза, какими организаторскими и другими способностями обладают председатели этих колхозов.

Противоречие между содержанием и формой есть процесс. Только что возникшее противоречие еще не развито. На этом первом этапе тождество противоположностей превалирует над их различием. Этот этап характеризуется бурным развитием явления, накоплением его количественных изменений. Однако с развитием явления развивается и противоречие. На определенном этапе различие противоположностей начинает господствовать над их тождеством. Тогда возникает необходимость разрешения противоречия. В противном случае темп развития явления будет замедляться, и чем дальше, тем все сильнее.

Роль субъективного фактора состоит в том, чтобы своевременно находить, подмечать, устанавливать фазу, этап развития этого противоречия и принимать решительные меры для его практического разрешения.

Необходимо подчеркнуть, что вообще объективные возможности в общественном развитии сами по себе не превращаются в действительность. Их превращают в действительность субъективные силы — борьба и организованность народов, масс, классов, партий в процессе практики. Коммунистическая партия, например, является той величайшей субъективной силой, которая, опираясь на объективные законы, на потребности развития материальной жизни общества, в условиях капитализма организует превращение возможности ликвидации капиталистических производственных отношений в действительность, а в условиях социалистического общества вскрывает, изучает возникающие в процессе развития производительных сил противоречия и принимает необходимые меры для их преодоления путем приспособления производственных отношений к характеру и состоянию производительных сил.

Роль и задачи субъективного фактора в условиях социализма изменяются по характеру и неизмеримо возрастают. Это объясняется самой природой социализма вообще, природой противоречий социалистического способа производства в частности.

Если в силу анархии производства и отсутствия планового начала экономики в общественном масштабе разрешение частных противоречий капиталистического способа производства носит антагонистический, стихийный характер, то в условиях социали-

стической, плановой экономики разрешение возникающих противоречий в процессе производства носит неантагонистический, *планомерный* характер. При социализме противоречия изучаются общественными органами, представляющими интересы всего общества, которые принимают соответствующие меры к планомерной, организованной ликвидации этих противоречий также в интересах всего общества.

Далее. Общее основное противоречие капиталистического способа производства — противоречие между его содержанием и формой проявляется как противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, являясь единым и постоянным для всей капиталистической формации. Разрешение его означает гибель капитализма. В социалистическом способе производства любое проявление общего, основного противоречия не является единым для всей коммунистической формации. Одно проявление общего противоречия между содержанием и формой способа производства является основным на данном этапе, а другое — на другом этапе, разрешение его не ведет к гибели социализма, а ведет к его развитию, к его перерастанию в коммунизм. А это означает, что в условиях социализма субъективный фактор должен прежде всего с максимальной энергией, напряжением, со знанием дела, непрерывно, без устали исследовать, открывать, устанавливать, какое противоречие между содержанием и формой способа производства на данном этапе является основным, ведущим, разрешение которого должно привести к разрешению и других противоречий. Затем, установив основное противоречие, он должен всесторонне изучить его специфику, разработать соответствующие методы, пути, меры, найти, организовать силы, средства, возможности для его своевременного практического разрешения.

Мы говорим «своевременно» не в абсолютном, а в относительном смысле. Так как противоречие между содержанием и формой, а также любое другое противоречие, есть процесс, то практически невозможно с абсолютной точностью установить грань, за которой тормозящая сторона противоречия начинает господствовать над движительной стороной. Эта грань весьма относительно, стало быть, и своевременность обнаружения и разрешения противоречия тоже относительна. Под своевременностью мы понимаем такой момент, когда тормозящая сторона противоречия еще не господствует, но начинает господствовать.

Тем не менее, и это мы подчеркиваем, противоречие между содержанием и формой нужно разрешить *своевременно*. Своевременность вместе с тем не означает: чем раньше, тем лучше. Пока противоречие не созрело, не развито и его тормозящая сторона еще не господствует, его нельзя разрешить. В противном случае нарушится соответствие формы содержанию, вместо прогресса может получиться регресс. Такой подход к противоречию является теоретической основой авантюристической политики всяких «левацких» элементов. Например, как показано выше, противоречие между колхозами и МТС возникло со времени их зарождения. Но

в 30-х годах господствовала не тормозящая сторона этого противоречия, а двигательная, которая обеспечила развитие колхозного строя. Ликвидировать это противоречие в те годы было бы «левацкой» ошибкой. Партия в свое время осудила преждевременное предложение такого рода некоторых наших экономистов. Но, когда колхозы стали укрупненными, мощными, богатыми и т. д., тогда тормозящая сторона этого противоречия стала брать верх, господствовать, на этом этапе и были приняты меры к его разрешению.

Но «своевременно» не означает и другого: чем позже, тем лучше. Кому неизвестно, какой вред наносит нашему развитию формализм, догматизм, бюрократизм, косность и т. д., обусловленные несвоевременным разрешением противоречия между формой и содержанием. Наше продвижение вперед осуществляется в порядке раскрытия и преодоления этого противоречия. Партия разоблачила и ликвидировала фракционную антипартийную группу Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина, Шепилова и других, цеплявшихся за старые, отжившие формы и методы руководства. Партия вскрыла догматический характер борьбы этой группы против исторических решений XX съезда КПСС и Пленумов ЦК, против восстановления ленинских норм партийной жизни, против ленинской генеральной линии партии.

Без принципиальной, непримиримой борьбы как против левацких элементов, так и против формалистов, догматиков, бюрократов нельзя своевременно разрешить противоречия. В этой связи нужно еще и еще раз подчеркнуть недопустимость каких-либо иллюзий относительно того, что раз противоречия нашего способа производства носят неантагонистический характер, то можно и не беспокоиться о своевременном их разрешении, об улучшении руководства, о подборе кадров и т. д. Своевременно неразрешенное противоречие, хотя и неантагонистическое, тормозит развитие, наносит огромный ущерб нашему народному хозяйству, пагубно влияет на весь ход развития.

Противоречие между содержанием и формой во всех сферах нашей жизни своевременно вскрывают и разрешают кадры, люди. Поэтому подготовка, воспитание, подбор и расстановка кадров имеют первостепенное значение для успешного коммунистического строительства.

Глаза IV

ВЗАИМОПЕРЕХОД ВНУТРЕННИХ АСПЕКТОВ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

Из анализа противоречивости взаимодействия содержания и формы непреложно напрашивается вывод об их взаимопереходе.

Вопрос о взаимопереходе содержания и формы, казалось бы, является до такой степени ясным, не вызывающим никаких сом-

нений у философов-марксистов, что не было бы особой нужды задерживаться на нем, тем более, что мы уже касались его. Но ряд соображений настоятельно требует подвергнуть его специальному рассмотрению.

Во-первых, без его анализа наше исследование не было бы последовательным восхождением от абстрактного к конкретному, поскольку никакое исследование способом восхождения к конкретному невозможно без взаимоперехода категорий, понятий; во-вторых, если характерным для элементарной логики является рассмотрение форм мышления без движения, без развития, без внутренне-необходимого взаимоперехода категорий, понятий друг в друга, то характерным для диалектической логики является как раз развитие форм мышления, взаимопереход категорий, понятий друг в друга. Самым главным, решающим в диалектической логике являются гибкость, подвижность, изменчивость понятий, что позволяет адекватно, точно воспроизводить гибкость, подвижность, взаимопереход явлений, процессов, связей самой объективной действительности. Без великого принципа диалектического *перехода* категорий невозможно ни научное познание действительности, ни научное исследование категорий, ее отражающих. Наконец, в-третьих, хотя вопрос о взаимопереходе содержания и формы и не вызывает у нас никаких сомнений, тем не менее в нашей литературе допускается различный подход к нему и различное его понимание, что свидетельствует с необходимости его дальнейшего обсуждения и выработки единой точки зрения.

Не претендуя на исчерпывающий анализ этого важного вопроса, мы решили выразить свое отношение к нему, надеясь в какой-то мере способствовать его верному решению. Но раньше посмотрим, какова интерпретация этого вопроса в нашей литературе.

Характерным является то, что все советские философы, за редким исключением, не отрицают взаимоперехода содержания и формы. Мы говорим «за редким исключением», ибо еще есть и такие авторы, которые отрицают факт взаимоперехода противоположностей. Так, в уже упоминавшейся статье «О противоречиях социалистического общества и пути их преодоления» («Коммунист», 1958, № 2) черным по белому написано: «Вторая характерная черта единства состоит в том, что одна из двух сторон единого целого может при определенных условиях превращаться в свою противоположность... Но эта сторона единства не носит *универсального характера*, так как *не всегда* (курсив наш. — А. М.) противоборствующие стороны переходят в свою противоположность» (стр. 28).

Но если допустить, что противоборствующие стороны не переходят в свою противоположность, то надо признать, что нет развития, ибо развитие и есть переход, превращение противоборствующих сторон в свою противоположность. «Основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в

свою противоположность»¹. В. И. Ленин неоднократно возвращается к этому вопросу, подчеркивая это «*основное положение*» диалектики. «Если все развивается, — говорит он, — значит все переходит из одного в другое... Надо *точнее* понять эволюцию как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы»². А вот как определяет В. И. Ленин диалектику: «*Диалектика*, — пишет он, — есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»³. Итак, самым важным моментом в диалектике классики марксизма считают взаимопереход противоположностей. Но вот находят авторы, отрицающие это.

Как мы сказали, большинство философов признают взаимопереход содержания и формы. Однако главное в том, как понимать этот взаимопереход. Невозможно безоговорочно согласиться с интерпретацией этого вопроса почти во всех учебных пособиях по диалектическому материализму, а также в ряде монографий и статей. Вот она: «То, что в одних связях и отношениях является содержанием, в других связях и отношениях становится формой. Например, производственные отношения в связи с производительными силами есть форма, а по отношению к порождаемой ими политической надстройке, к праву, к идеологическим формам они выступают как их содержание»⁴. «Что в одних условиях и отношениях является содержанием, то в других условиях может быть формой, и наоборот»⁵. «Взятая в ином отношении форма выступает как содержание. Пирамиды, призмы, конусы и т. д. являются определенными формами материальных тел. Но эти формы как предметы изучения становятся частью содержания науки геометрии»⁶.

Безусловно верно, что категории диалектики, в том числе содержание и форма, подвижны, взаимно переходят друг в друга и т. д. Весь вопрос, повторяем, в том, *как понимать* этот взаимопереход.

Из приведенных положений видно, что их авторы под взаимопереходом содержания и формы понимают то, что производственные отношения в одной связи рассматривают как форму, в другой — как содержание. Но такое понимание взаимоперехода этих категорий невозможно признать правильным прежде всего потому, что оно *смешивает* разные — внутренние и внешние — связи этих категорий, игнорирует принцип диалектического развития, внутренне-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 295.

² Там же. Соч., т. 38, стр. 251.

³ Там же, стр. 97—98.

⁴ «Основы марксистской философии». Госполитиздат, 1959, стр. 269—279.

⁵ «Диалектический материализм». М., Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960, стр. 253.

⁶ «Категории материалистической диалектики». Госполитиздат, 1956, стр. 218.

необходимого перехода этих категорий, их диалектического превращения друг в друга.

Рассматривая человеческое общество как единый организм, состоящий из материальных и духовных отношений, мы говорим, что общественное бытие, т. е. материальное, есть содержание общества, а общественное сознание, т. е. духовное — его форма. Это верно. Но что же подразумевается под этим? Материалистическое решение основного гносеологического вопроса, то есть в признание того, что материальная сторона жизни общества первична, есть основа, базис, источник духовной его жизни и, в конечном итоге, определяет ее, а духовная сторона — вторична, отражает свой источник и влияет на его развитие¹. Следовательно, в этом случае мы имеем дело с внешними, а не с внутренними аспектами содержания и формы.

Непоследовательность состоит в том, что, с одной стороны, хотя и имеют дело с внутренними аспектами, а с другой — нарушают принцип конкретности истины: положения, относящиеся к внутренним аспектам, верные в этом отношении, распространяют на внешние аспекты, смешивают внутренние и внешние стороны, связи этих категорий. Однако это исключает возможность научного познания содержания и формы, так как сначала определяют содержание как совокупность элементов, процессов, составляющих данное явление, и форму — как внутреннюю его организацию, а затем объявляют общественное бытие содержанием, а общественное сознание — формой.

На первый взгляд может показаться, что такое утверждение является глубоко материалистическим. Но это лишь на первый взгляд. При ближайшем же рассмотрении выясняется как раз обратное. Оно означает смешение материального и духовного. Так как между внутренними аспектами содержания и формы нет опосредствующих связей, а существует отношение непосредственного взаимопроникновения, то применение этого положения к ним означает, что внутренняя организация материального есть духовное, а совокупность сторон духовного есть материальное, т. е. материальное содержание (общественное бытие) выступает как духовное, а духовная форма (общественное сознание) — как материальное. И в том и в другом случаях имеет место отождествление материального и духовного, что является сущностью всякого идеализма.

Между тем краеугольным камнем теории отражения диалектического материализма является признание того, что материальный мир существует объективно, независимо от воли и сознания людей, что материальное и духовное нетождественны, что второе является сложным, противоречивым отражением первого в мозгу человека. Люди в процессе своей практической деятельности отражают существующие вне их вещи, являющиеся единственным источником всех их знаний. Ощущение, восприятие и т. д. есть,

¹ Об этом подробно речь будет впереди в специальной главе.

как говорил В. И. Ленин, субъективный образ объективного мира, переход энергии внешнего раздражения во внутреннее состояние мозга, в факт сознания. Образ верно отражает внешний предмет, совпадает с ним, соответствует ему, но не тождествен с ним. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» со всей глубиной показал, что если Гегель отождествлял мышление с материей и пришел к объективному идеализму, то махисты отождествляли образы вещей с самими вещами и пришли к субъективному идеализму.

Из ленинской критики идеализма следует, что материальные вещи непосредственно имеют свои соответствующие материальное содержание и материальную форму, а ощущение, восприятие, понятие, идея и сам процесс отражения непосредственно — свои соответствующие духовное содержание и духовную форму.

При исследовании внутренних аспектов этих категорий необходимо учитывать, что общественное бытие и общественное сознание неоднородные, неоднородные явления, поскольку они относятся к разным сферам общества — общественное бытие есть его материальная жизнь, материальные процессы, а общественное сознание есть его духовная жизнь, духовные процессы, в то время как внутренние аспекты содержания и формы могут быть только однопорядковыми сторонами одного и того же явления. Нужно также исходить из того, что общественное сознание не является внутренней структурой общественного бытия, что между общественным бытием и различными сторонами общественного сознания возникают опосредствующие связи, промежуточные звенья, в то время как между внутренними аспектами содержания и формы нет опосредствующих связей и т. д. и т. п.

Рассмотрение любой стороны любой философской проблемы должно быть подчинено материалистическому решению основного гносеологического вопроса. Если «гибкость» понятий нарушает это требование материалистической диалектики, то такая гибкость есть софистика. Поэтому, если интерпретация взаимоперехода содержания и формы оставляет лазейку для отождествления материального и духовного или дает повод для этого, то она является ложной. Правда, тут авторы «Категорий материалистической диалектики» могут нам возразить: материальные вещи (конусы, призмы и т. д.) являются «не содержанием», а «частью содержания науки геометрии». Ну, а что такое другая «часть» этого содержания? На это они не дают ответа. Но тут речь должна идти о двух возможностях: либо эта другая «часть» есть другие геометрические, вполне материальные фигуры, тогда это возражение беспочвенно, либо эта другая часть есть мысли, тогда «соединяют» в одном содержании — материальное и духовное, что означает, конечно, ту же эклектику.

Далее, из анализа указанной точки зрения еще не видно никакого диалектического взаимоперехода. Допустим на минуту, что мы согласились с таким толкованием взаимоперехода содержания и формы. Допустим, что производственные отношения одновремен-

но в одной связи — форма, в другой — содержание. Но, спрашивается, при чем тут «взаимопереход»? Здесь нет никакого взаимоперехода. Такой взаимопереход есть перескакивание от одного аспекта этих категорий к другому. Авторы этой точки зрения поступают весьма опрометчиво, заставляя в абстракции производственные отношения переходить из формы в содержание, в то время как в жизни такого перехода нет. В самом деле, если производственные отношения есть одновременно и форма и содержание, то этим мы еще не доказали ни их гибкости, ни взаимоперехода содержания и формы. Мы просто констатируем факт: обе эти стороны одновременно даны, существуют. При этом мы отвлекаемся от их движения, изменения. Если у данного явления одновременно существуют разные стороны, то это еще не значит переход одной стороны в другую. Здесь имеет место, скорее всего, попытка понимать взаимопереход содержания и формы механически, как абсолютное тождество. Следовательно, «переход» производственных отношений в содержание не согласуется с их объективным бытием.

Более того, тезис «Производственные отношения в одной связи — форма, в другой — содержание» фактически отрицает внутренний источник саморазвития явления, переносит его во вне, т. е. отрицает непосредственную внутреннюю диалектику содержания и формы. Марксистская диалектика исходит из того, что внутренняя диалектика развития явления есть взаимодействие, взаимопереход его внутренних сторон, борьба внутренних его противоположностей. Каждая из этих сторон заключает в себе *свое другое*, подчеркиваем — *свое* другое, а не *вообще* другое. Содержание данного явления заключает в себе свое другое, т. е. свою внутреннюю форму, поскольку оно оформлено, а не форму вообще, не форму в любом ее аспекте. Форма заключает в себе свое другое, т. е. свое внутреннее содержание, поскольку она содержательна, а не содержание вообще, не содержание в любом его аспекте.

Например, данные производственные отношения заключают в себе не вообще другое, а свое другое — свои производительные силы, а последние — свое другое, свои производственные отношения. Но если взаимопереход этих сторон способа производства понимать как их внешние связи, то тогда нужно быть последовательным и признать, что взаимоперехода между этими внутренними сторонами единства вовсе нет, что такой взаимопереход имеет место между одной из этих сторон и внешними явлениями. Но это и есть отход от требования диалектической логики об объективности рассмотрения вещи. Именно так и поступают эти авторы. Как только речь заходит о взаимопереходе категорий содержания и формы, они приводят свой излюбленный (почти единственный) пример: производственные отношения «в одной связи, в другой связи». Но ведь ясно само по себе, что «в другой связи» — это внешняя их связь. Поскольку в мире все взаимосвязано, каждое явление находится в мировой, универсальной связи, постольку любое

явление «в другой связи», т. е. через множество опосредствующих связей, звеньев может быть связано с любым другим. Поэтому не стоит особого труда данное явление превращать «в другой связи» в другое явление. Следовательно, этот «пример» не доказывает, а извращает суть диалектического взаимоперехода, так как «другая связь» не указывает на внутреннюю диалектику.

Так как содержание и форму оторвать, «отщипить» друг от друга возможно только в абстракции, но не в жизни, то производственные отношения без особого труда отрываются от их производительных сил, а затем передаются в «собственность» других явлений и *объявляются* содержанием последних. При этом производительные силы остаются без своей формы и, следовательно, не взаимодействуют с ней. Во всяком случае, обходится полным молчанием вопрос: *сами* производительные силы и производственные отношения не «в другой связи», а в своем внутреннем единстве, *взаимопереходят* или нет? Из анализа их точки зрения выходит, что нет.

Тезис «Производственные отношения в одной связи — форма, а в другой — содержание» отрицает, игнорирует опосредствующие связи, звенья: опосредствованное выдает за непосредственное и, таким образом, нарушает закон восхождения к конкретному, извращает суть взаимоперехода. Ведь ясно, что взаимопереход предполагает, выражает собою внутренне-необходимую последовательную и непосредственную связь сторон, категорий восхождения, а не опосредствованную. Но если это так, то невозможно утверждать, что производственные отношения в одной связи — форма, в другой — содержание идеологического явления, поскольку между производственными отношениями и идеологическим явлением нет непосредственной связи, а связи опосредствованные.

Осмелимся заметить, что сторонники этого тезиса поступают точно так же, как Смит и Рикардо в своем экономическом исследовании. Как уже говорилось, ограниченность их метода состояла в том, что они совершали «прыжки» к сложному, конкретному, минуя промежуточные звенья (например, от стоимости к прибыли), все развитые конкретные отношения непосредственно подгоняли под всеобщий абстрактный закон стоимости. «Грубый эмпиризм, — писал Маркс по поводу метода Рикардо, — превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон»¹.

Маркс далее показывает, что так как метод Рикардо в своей сущности был метафизическим и не позволял ему найти верный путь к разрешению действительных противоречий на основе развития, перехода, то ему оставалось их разрешать фразами, словес-

¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. I. Госполитиздат, 1954, стр. 57.

но. «Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями здесь хотят разрешить не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному. И этого хотят достигнуть с помощью *словесной фикции*, путем изменения правильных наименований вещей. (Перед нами, действительно, «спор о словах», но он является спором «о словах» потому, что реальные противоречия, не получившие реального разрешения, здесь пытаются разрешить с помощью фраз»)¹.

Методу Рикардо Маркс противопоставил свой диалектический метод, по которому каждая новая категория генетически развивается из своей предыдущей, связана *непосредственно* с предыдущей, содержит ее в себе в снятом виде, является результатом ее внутренне-необходимого саморазвития. Метод Маркса не допускает никакого перепрыгивания через опосредствующие связи и звенья, а требует генетического развития одной категории из своей другой, что обеспечивает внутренне-необходимую последовательность развития категорий.

Нетрудно понять, что только диалектический метод восхождения, разработанный Марксом и примененный им к исследованию буржуазных отношений, дал ему ключ к научному решению вопроса о природе, характере противоречий буржуазного общества и путях их преодоления.

Все это хорошо известно. Известно также, что марксизм боролся и борется против тех его вульгаризаторов, которые пытались и пытаются игнорировать опосредствующие связи, выводить те или иные идеологические формы непосредственно из общественного бытия. «Мы не можем, — совершенно справедливо пишет М. М. Розенталь, — выводить *непосредственно* из экономических условий жизни класса его идеологию, искусство и т. п... между экономикой и искусством находится ряд звеньев, опосредствующих характер классового искусства. Было бы вульгаризацией непосредственно выводить из буржуазных отношений, например, такое направление в современном искусстве, как абстракционизм»². Все эт верно! Тем более досадно, что под взаимопереходом содержания и формы понимают уничтожение промежуточных, опосредствующих связей. Будто взаимопереход и есть уничтожение этих связей или произвольное смешение всяких связей. Если верно, что выводить ту или иную идеологию непосредственно из материальных отношений нельзя, так как это было бы «вульгаризацией», то верно и другое — было бы вульгаризацией превращать производственные отношения непосредственно в ту или другую идеологию. Их переход нельзя понимать в прямом смысле, потому что он опосредован множеством промежуточных звеньев, ус-

¹ К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, ч. III. Госполитиздат, 1961, стр. 76.

² М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики, стр. 450.

ложняющих связь между экономикой и идеологией¹. Однако диалектический взаимопереход не может быть опосредствованной связью. Он всегда есть непосредственная связь.

Но даже если допустить, что такой непосредственный переход возможен, то и в этом случае мы извратили бы сущность диалектического взаимоперехода содержания и формы, поскольку и в этом случае речь шла бы не о взаимопереходе *внутренних аспектов* этих категорий, а об их внешних связях. Вообще говоря, рассуждение: «В одной связи, в другой связи» без диалектического, конкретного анализа связей, без указания на то, о каких связях идет речь, кроме путаницы, ничего не способно дать науке, ибо положение: «Производственные отношения в одной связи — форма, в другой — содержание» аналогично утверждению: «Стоимость в одной связи есть стоимость, а в другой — капитал».

Категории содержания и формы ни в своем внутреннем единстве, ни тем более «в другой связи» не могут взаимно переходить как абсолютное тождество в метафизическом смысле этого слова. В их взаимоотношениях нет мертвого абсолютного тождества. Если допустить, что они «взаимопереходят» в смысле их абсолютного тождества, т. е. если допустить, что форма «становится» содержанием, а содержание — формой в абсолютном смысле этого слова, то и в этом случае мы извратили бы суть их взаимоперехода, поскольку это означало бы уничтожение их *специфики*. Но уничтожение их специфики путем их отождествления, как показано выше, есть отрицание явлений и их развития. В своем внутреннем единстве эти категории должны сохранить свою специфику, содержание должно быть совокупностью элементов, процессов явления, а форма — внутренней организацией содержания. Без этого не было бы явлений и их развития. Следовательно, взаимопереход этих категорий нельзя понимать как их абсолютное тождество. В противном случае не может быть речи ни о явлениях, ни об их развитии. Нельзя не согласиться с мнением М. Н. Алексева о том, что «переход конкретных понятий друг в друга... вовсе не означает стирания между ними всякого различия. Различие при этом переходе, безусловно, остается, и оно всегда дает о себе знать. Всякая попытка отрицать различие противоположных понятий на том основании, что они могут переходить друг в друга, означает софистику, субъективную гибкость понятий, а не гибкость объективную»². Именно такой субъективной гибкостью понятий страдает и критикуемое понимание взаимоперехода содержания и формы.

¹ Мы, конечно, говорим, что материальное переходит в идеальное. Но под таким переходом понимаем отражение, преобразование материального в голове человека. И, наоборот, идеальное переходит в материальное в том смысле, что идеальное (познание) является способом материальной практической деятельности людей, изменения материального сообразно с познанными законами развития. Люди познают мир для его практического изменения. Но этот переход не есть взаимопереход внутренних аспектов категорий содержания и формы.

² М. Н. Алексеев. Диалектическая логика. М., «Высшая школа», 1960, стр. 42.

Может показаться, что мы игнорируем внешние связи явлений, переход, превращение одних явлений в другие, одних категорий в другие, т. е. имеем дело с замкнутым, абсолютно изолированным явлением и т. д. Отнюдь нет. В объективном мире каждое явление находится в бесконечных связях со всем остальным миром, обусловлено другими явлениями, возникает, развивается и превращается в другое в определенных условиях. Оно поэтому может выступать как внешняя форма другого явления, но не как его внутренняя организация, т. е. в другом аспекте формы, поскольку это другое есть явление и, следовательно, имеет свое содержание и свою форму. Вместе с тем данное явление может выступать в качестве внешней формы другого явления лишь в неразрывном единстве своего собственного содержания и своей собственной формы. Наконец, оно может выступать как момент содержания или формы другого явления тоже в единстве своего содержания и формы.

Например, атом, рассматриваемый как самостоятельное явление, будет выступать как единство своего содержания и своей формы. Рассматриваемый же в составе молекулы, он будет выступать как элемент содержания молекулы. Точно так же, если рассматривать клетку как самостоятельное явление, она будет единством содержания и формы. Но если рассматривать ее в связи с организмом, то она будет выступать как элемент содержания организма.

Рассмотрим клетку в развитии. Допустим, что первоначальная клетка в своем усложнении, развитии превратилась, «перешла» в организм. Но если она перешла в организм в единстве своего содержания и формы, то здесь еще нет взаимоперехода этих категорий. Если она превратилась в организм, сбросив свою форму, т. е. в организм превратилось только ее содержание, что верно, поскольку развитие происходит от содержания к содержанию путем сбрасывания отжившей формы, то и в этом случае мы не видим взаимоперехода этих категорий как их тождество, так как содержание клетки, превратившееся в организм, не есть ни форма, ни содержание организма, а лишь момент его содержания. Более того. Люди в познании должны (такова природа познания) путем анализа изолировать содержание и форму единого явления друг от друга и исследовать их порознь, чтобы проникнуть в их сущность, познать природу их взаимодействия. Вместе с тем можно тот или иной момент содержания или формы рассматривать как самостоятельное явление, установить, что является содержанием и что формой этого момента, затем исследовать их и т. д. Но и такое рассмотрение по той же простой причине еще не говорит о взаимопереходе этих категорий как тождество.

Таким образом, критикуемая точка зрения, с какой бы стороны мы ее ни рассматривали, не дает правильного решения вопроса о взаимопереходе категорий содержания и формы.

Неверно, на наш взгляд, решают этот вопрос сторонники и другой точки зрения, которые под взаимопереходом понимают *взаимопроникновение сторон*. Категория взаимопроникновения выражает

лишь одну, тождественную сторону единства содержания и формы, указывает на то, что каждая из обеих сторон заключает в себе свою другую сторону, немыслима без нее и т. д. Короче, эта категория выражает взаимосвязь содержания и формы, но не их взаимопереход. Ясно, что, выражая эту взаимосвязь в категории взаимопроникновения, мы еще ничего не говорим о взаимном переходе содержания и формы, ибо в данном случае мы изолируем взаимопроникновение от его противоположности — взаимоисключения. Рассматривая взаимопроникновение как таковое, в чистом виде, мы еще не выходим за рамки тождества, оставляем в тени источник самодвижения, развития, без которого немыслим взаимопереход.

Под взаимопереходом содержания и формы мы понимаем результат их внутренней диалектики, их взаимодействия. Говоря о диалектическом характере категорий, Энгельс отмечал, что один полюс, наличествующий в зародыше в другом, в определенной точке превращается в другой и что вся логика разворачивается только лишь из этих движущихся вперед противоположностей¹. В. И. Ленин писал, перечисляя элементы диалектики: «Борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания» есть пример развития, «не только единство противоположностей, но *переходы каждого* определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое [в свою противоположность]»².

Из этих высказываний Ф. Энгельса и В. И. Ленина видно, что взаимопереход содержания и формы они понимают не так, будто форма «становится» содержанием, а содержание — формой в прямом смысле, — не в смысле абсолютного, метафизического тождества этих категорий, а диалектически, как *развитие*. Можно привести множество и других высказываний К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о том, что взаимопереход этих категорий есть их внутреннее взаимодействие, их внутренняя диалектика. Так именно понимал этот взаимопереход и Гегель, который писал, что «*содержание* есть не что иное, как *переход формы* в содержание, и *форма* есть не что иное, как *переход содержания* в форму»³.

Исходя из этих основополагающих указаний классиков диалектики, мы можем дать следующий ответ на поставленный вопрос:

Содержание переходит в форму в том смысле, что оно в своем развитии сбрасывает отжившую, старую форму и порождает новую, соответствующую своему характеру, уровню, состоянию, высшую форму, а форма переходит в содержание в том смысле, что возникшая из потребностей развития содержания новая форма в свою очередь означает коренную переделку содержания и, соответствуя ему, активно воздействует на его развитие, дает простор его развитию. Мы это показали в предыдущих главах на анализе явлений различных сфер действительности, из которого со

¹ См.: Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 161.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 214.

³ Гегель. Соч., т. I, стр. 224.

всей очевидностью явствует, что содержание переходит в форму в том смысле, что своим непрерывным изменением, развитием оно обуславливает отживание формы, но в то же время создает все необходимые условия как для ликвидации отжившей, так и для утверждения новой, высшей формы. Иными словами, этот переход означает, что содержание своим развитием порождает новую, высшую форму и «в определенной точке» воплощается в ней, «переходит» в нее. Форма переходит в содержание в том смысле, что утвердившаяся новая форма обуславливает коренную переделку содержания, обеспечивает более развитое, обогащенное приобретениями всей предшествующей истории соответствие своему содержанию.

Взаимопереход категорий содержания и формы имеет некоторые сходные черты с взаимодействием категорий количества и качества. Содержание и форма в некотором отношении тождественны соответственно категориям количества и качества, но в то же время нетождественны, отличаются от них.

Тождество этих категорий состоит в следующем: как содержание, так и количество — категории, выражающие непрерывные изменения предмета, его изменчивую сторону; как форма, так и качество — категории, выражающие более устойчивую сторону предмета; как форма — «граница» изменений содержания, так и качество — «граница» изменений количества; изменения содержания приводят к изменению формы лишь на определенном этапе; изменения количества приводят к изменению качества также лишь на определенном этапе; и изменение формы, и изменение качества происходят путем скачка, решающего поворота; как изменение формы есть разрешение противоречия между содержанием и формой, так и изменение качества есть разрешение противоречия между количеством и качеством.

Отличие указанных категорий состоит в следующем: содержание предмета по отношению к своей форме является его ведущей, решающей стороной, а форма — подчиненной, в то время как неверно было бы утверждать, что количество по отношению к качеству является главной, ведущей стороной; количество характеризует предмет со стороны степени развития, величины, объема, темпа и т. д., в то время как содержание включает в себя и количественную и качественную характеристику предмета; форма выступает и как структура содержания, в то время как качество есть определенная совокупность существенных черт, придающих предмету относительную устойчивость; определенность и количества и качества обусловлена формой, в то время как качество формы обусловлено содержанием; форма выражает содержание, в то время как качество выражается через свойства; форма играет двоякую роль в развитии содержания, но этого нельзя сказать о качестве: одно и то же изменение в одном отношении может выступать как качественное, в другом — как количественное, но такая связь чужда природе взаимосвязи внутренних аспектов содержания и формы; содержание и форма имеют ряд аспектов,

играющих различную роль в познании, но этого нельзя утверждать ни о количестве, ни о качестве, например, нельзя утверждать, что общественное сознание есть качество, а общественное бытие — количество; одна и та же форма может воплощать разные содержания, а одно и то же содержание может выражаться в разных формах, но между качеством и количеством таких отношений нет; качество есть такая определенность предмета, которая отличает его от других предметов. Хотя форма также определенность предмета, но если она воплощает разные содержания, то в этом случае предметы отличаются друг от друга не формой, а содержанием; изменение качества предмета есть его коренное изменение, в то время как только качественное изменение формы есть коренное изменение предмета; переход количества в качество обусловлен диалектикой содержания и формы и т. д.

Чтобы показать истинность именно диалектического взаимоперехода содержания и формы, мы позволим себе проанализировать в этом аспекте и другие категории, а также логические способы исследования.

Взять, например, взаимопереход категорий абстрактного и конкретного. Конечно, мы говорим, что абстрактное в одной связи есть абстрактное, в другой — конкретное. Здесь ошибки нет. Но и познанию это ничего не дает, поскольку не указывает на движение этих категорий, на развитие, углубление познания, на последовательность генетического развития категорий, на суть закона восхождения. Между тем взаимопереход абстрактного и конкретного есть их движение, есть развитие, углубление познания, движение мысли от односторонности к единству в многообразии. В «Капитале» Маркса каждая категория конкретна по отношению к предыдущей, но абстрактна — к последующей. Скажем, прибавочная стоимость конкретна по отношению к стоимости, но абстрактна по отношению к прибыли. Но суть дела не в том, что здесь категории берутся «в одной связи, в другой связи», а в том, что Маркс взаимопереход понимает, как *развитие категорий, рассматривает их в движении, развитии*. Генетически развивая каждую новую категорию из предшествующей ей, он осуществляет восхождение от абстрактного к конкретному, т. е. углубляет, развивает познание предмета, добываясь воспроизведения предмета как диалектически расчлененного единого целого.

То же следует сказать о взаимопереходе категорий сущности и явления. Переход явления в сущность означает не что иное, как движение мысли от внешности предмета к его внутренней природе, к внутренним связям и отношениям. Переход сущности в явление означает не что иное, как движение мысли от сущности к ее проявлениям, к их объяснению, познанию из их сущности. Это можно изложить и так: познание на первом этапе движется от внешнего к внутреннему, от чувственно-конкретного явления к сущности. На этом этапе оно отвлекается от внешности, чтобы открыть сущность: без такого отвлечения ее невозможно открыть. Открыв сущность, познание пускается в обратный путь, движется в обратном на-

правления, идет от сущности к явлению, показывает, как сущность выражается во вне, в своих многообразных проявлениях. Переход чувственно-конкретного в абстрактное, абстрактного в мысленно-конкретное — таков путь движения мысли. Здесь важно подчеркнуть, что на обоих этапах мы имеем дело с движением, развитием познания путем преодоления живого противоречия между сущностью и явлением.

Правда, взаимопереход категорий в логике, как уже говорилось не совпадает непосредственно с взаимопереходом в действительности, поскольку предмет одновременно есть единство сущности и явления, содержания и формы, необходимости и случайности и т. д., в то время как в познании эти категории переходят друг в друга как развитие познания. Но именно взаимопереход категорий, понимаемый как развитие, способен воспроизводить адекватно взаимопереход в объективной действительности, причем взаимопереход в логике, как и в объективном мире, осуществляется *путем скачка, преодоления противоречия*. Скачок в познании — это и есть преодоление противоречия, есть узловой пункт, где количественные изменения прерываются и возникают новые понятия, новое качество или новое знание, т. е. развитие.

Не лишне будет в этой связи вкратце рассмотреть и вопрос о взаимопереходе таких логических приемов как индукция и дедукция, анализ и синтез.

Индуктивное обобщение достигается путем изучения отдельного, частного и является результатом движения мысли от единичного к общему, от меньшей степени обобщения к большей. Но движение мысли на этом не прекращается. Поскольку индукция обобщает тождественное в явлениях, она не рассматривает их в развитии, не выявляет внутренних противоречий, не раскрывает значения общего в единичном и т. д. Поэтому она всегда недостаточна, ограничена, одностороння. Недостаточность, односторонность индукции преодолевается дедукцией — обратным движением мысли от общего к частному, что означает переход индукции в дедукцию. Этот переход есть преодоление противоречия в познании, преодоление односторонности индукции, т. е. развитие. Но дедукция в свою очередь также недостаточна, одностороння. Она не абсолютный способ умозаключения, так как немыслима без индукции; исходный момент не ее собственный результат, а результат индукции, — она содержит в себе индукцию в снятом виде. Вместе с тем дедукция имеет ту слабость, что дает возможность обходить опосредствующие связи и непосредственно выводить единичное из общего. Поэтому она всегда дополняется рядом других способов и приемов познания — индукцией, анализом, синтезом и др.

Таким образом, индукция и дедукция взаимосвязаны, друг без друга невозможны, дополняют друг друга и взаимопереходят. Их взаимопереход есть *развитие, углубление* познания, осуществляемое как движение мысли от единичного к общему и от общего к единичному.

Что касается взаимоперехода анализа и синтеза, то и здесь

господствует тот же принцип диалектического развития. С помощью анализа мы расчленяем единое целое на части, чтобы обнаружить основу, сущность явлений. С помощью синтеза мы показываем, как сущность, открытая путем анализа, проявляет себя в конкретном многообразии явлений. Анализ означает движение мысли от многообразия к тождеству, единству. Синтез же, наоборот, означает движение мысли от тождества к различию и многообразию, точнее, к соединению единичного и общего, абстрактного и конкретного и т. д. в единое целое. Эти два способа исследования также невозможны друг без друга, дополняют друг друга, предполагают друг друга и т. д. Анализ мыслим тогда, когда есть синтез — нерасчлененное целое. Синтез мыслим тогда, когда есть анализ — расчлененное, абстрагированное из целого. Исходным моментом анализа является синтез, а синтеза — анализ. Иначе они — бессмыслица. Движение мысли не прекращается ни на анализе, ни на синтезе. Анализ подготавливает синтез. Но и синтез в свою очередь подготавливает анализ и переходит в него. Смена одного другим есть одновременный процесс, осуществляющийся путем скачка, т. е. путем преодоления противоречий в познании, в результате чего достигается *развитие*, углубление познания.

Таким образом, независимо от того, какую сферу действительности мы берем и какое явление мы анализируем, непреложным выводом является то, что под взаимопереходом следует понимать *развитие*, движение от низшего к высшему, от простого к сложному и что взаимопереход понятий, категорий, мыслей есть не что иное, как развитие, углубление познания, т. е. отражение взаимоперехода, развития в объективном мире.

Итак, взаимопереход содержания и формы не есть их абсолютное тождество, а есть их действительное диалектическое развитие. Правда, мы до сих пор имели дело с внутренними аспектами этих категорий. Что же касается их внешних аспектов, то и здесь взаимопереход, разумеется, есть развитие. Однако недопустимо смешение внутренней диалектики содержания и формы с их внешней диалектикой.

После того, как мы более или менее обстоятельно выяснили различные стороны взаимодействия внутренних аспектов содержания и формы, легко генетически развить, исследовать их внешние связи, внешние стороны, аспекты, взаимодействие внутреннего единства этих категорий с их внешними аспектами.

Часть вторая

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНУТРЕННЕГО ЕДИНСТВА СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ С ИХ ВНЕШНИМИ АСПЕКТАМИ

Глава V

ПЕРЕХОД ЕДИНСТВА ВНУТРЕННИХ АСПЕКТОВ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ ВО ВНЕШНОСТЬ ЯВЛЕНИЯ

Взаимодействие внутренних аспектов содержания и формы обуславливает не только внутренние изменения, внутренние процессы явления. Оно выступает вместе с тем как глубокий источник необходимой внешней организации явления и определенной стороной проявляет себя в этой внешности. Явления — материальные или духовные — не лишены внешности, внешних черт, признаков, очертаний, отличающих их друг от друга внешним образом. И это опять благодаря взаимодействию внутренних аспектов содержания и формы.

Внешность явления не есть основа самой себе. Она обоснована указанным взаимодействием, является его продолжением, проявлением. Это, разумеется, не следует понимать в том смысле, будто внутренняя сторона существует раньше внешней. В самой объективной действительности не бывает явления без внутренней или без внешней формы, — не бывает так, чтобы сначала возникла внутренняя форма, а затем — внешняя. Внутреннее без внешнего такая же бессмыслица, как и внешнее без внутреннего. И то и другое есть одновременный единый процесс. Допускать явление без внешней или без внутренней стороны — это значит отрицать его. Правда, внешность предмета обусловлена не только взаимодействием внутренних аспектов содержания и формы, на нее влияют и другие — внешние факторы, но несомненно то, что предмет немислим без своей внутренней или внешней стороны. С другой стороны, очевидна решающая роль внутренней стороны, сущности, во внешнем оформлении предмета. Как бы эти стороны ни были связаны друг с другом, все же в их единстве решающую роль играет внутренняя сторона. Именно внутренняя диалектика характеризует предмет, определяет тенденцию его развития, обуславливает его возникновение, развитие и гибель, следовательно, опре-

деляет и его внешность. Эта объективная особенность взаимоотношения внутреннего и внешнего находит свое отражение и в последовательности их исследования.

Исследование предмета способом восхождения есть временной процесс и не может начинаться одновременно, сразу со всех сторон, в данном случае — одновременно с внутренней и внешней сторон. Оно, возможно, и начинается всегда сперва с одной стороны. Но с какой? Если начать исследование с анализа внешности, поскольку последняя дана нам в живом созерцании, то тогда оно не было бы восхождением от абстрактного к конкретному. В данном случае познание восходило бы от чувственно-конкретного к абстрактному, результатом чего было бы образование абстрактных определений, понятий, но отнюдь не познание конкретного. Между тем задача состоит в том, чтобы воспроизвести конкретное как диалектически расчлененное единое целое. А этого можно добиться лишь на пути восхождения от абстрактного к конкретному. К тому же внешность невозможно понять без внутренней диалектики предмета. И, наоборот, ее легко понять, если нам известна эта внутренняя диалектика, из которой возможно вывести внешность предмета. «... Задача науки, — пишет Маркс, — заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению...»¹. Вот почему мы сначала исследовали внутреннее движение, внутреннюю сторону взаимодействия содержания и формы, а уж после этого переходим к анализу их внешних аспектов.

Так как способ восхождения от абстрактного к конкретному есть процесс последовательного, постепенного введения все новых и новых категорий, в итоге воспроизводящих конкретное всесторонне, то исследование одних лишь внутренних сторон категорий содержания и формы, несмотря на всю его важность, еще не есть их конкретное познание. Необходимо исследование также их внешних сторон, связей, условий, которые только в единстве с внутренними представляют истинное богатство этих категорий.

На пути восхождения к конкретному в нашем исследовании *внешность* явления — новая категория, которая генетически выводится из взаимодействия внутренних аспектов содержания и формы и которая заключает в себе это взаимодействие в снятом виде как свое содержание. Каково бы ни было наше определение внешности предмета, оно должно выражать ту мысль, что *внешность есть продолжение и проявление внутреннего содержания и его внутренней организации*.

Тот факт, что явления не лишены внешности, невозможны без нее, указывает на ее объективную необходимость, а также на ее роль в формировании, существовании, выражении, проявлении внутренних аспектов содержания и формы. Внешность есть внешний способ существования, проявления, выражения внутренних аспектов. Она есть форма, поскольку одним из важных определений формы является способ выражения, проявления содержания.

¹ К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1953, стр. 324.

До сих пор мы говорили о внутренней форме, о форме внутренней организации, структуре содержания. Теперь выясняется, что содержание и его внутренняя организация, равно как и их взаимодействие, необходимым образом проявляются во внешности. Эта внешность относится к определениям формы, является одним из ее аспектов. Конечно, и внутренняя организация и внешность есть форма. Общее между этими аспектами формы состоит в том, что они являются способами организации, существования, проявления, выражения содержания. Внутренняя форма определена, организует содержание и выражает его; внешность также определена, есть внешняя форма, есть проявление, выражение внутреннего содержания, т. е. единства внутренних аспектов содержания и формы.

Однако эти аспекты, кроме тождественных черт, имеют следующие основные отличительные черты. Внутренняя форма вместе с главной стороной содержания есть сущность, в то время как внешность не есть сущность; внутренняя форма более активна, влияет непосредственно на свое содержание, в то время как внешность не оказывает такого непосредственного влияния на содержание; хотя на внутреннюю форму влияют внешние факторы, но непосредственно коренным образом она изменяется по законам взаимодействия внутренних аспектов содержания и формы, внешность же может непосредственно изменяться как в результате этого взаимодействия, так и в результате влияния внешних факторов, внешних явлений; внутренняя форма по отношению к внешности выступает уже не как форма, а как содержание, точнее, как момент содержания, поскольку она проявляет себя во внешности в единстве с соотнесенным с собой содержанием. По этому поводу Гегель писал: «Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она, как рефлексированная внутрь себя, есть содержание; во-вторых, она, как нерефлексированная внутрь себя, есть внешнее, безразличное для содержания существование»¹.

Мысль Гегеля об удвоении формы в основе своей верна. Что же касается роли внешней формы в развитии содержания, то не все ее аспекты, видимо, есть «безразличное для содержания существование». Но об этом несколько позже. А пока заметим, что мы здесь имеем, во-первых, переход внутренних аспектов категорий содержания и формы в категории сущности и явления, во-вторых, переход в категории внутреннего и внешнего.

Содержание и форма в некотором отношении тождественны соответственно сущности и явлению, но в то же время нетождественны, отличаются. Их тождество состоит в следующем: как сущность невозможна без явления, так и содержание без формы; как сущность, так и содержание — главные стороны предмета; как сущность, так и содержание проявляются во внешней стороне; как явление выражает сущность, так и форма — содержание; и сущность и содержание оформлены; и внутренняя форма и явление существенны, содержательны и т. д.

¹ Гегель. Соч., т. I, стр. 224.

Их отличие состоит в следующем: сущность есть единая внутренняя основа множества явлений, в то время как содержание есть основа только данного, конкретного, отдельного явления; сущность *более устойчивая* сторона предмета, чем явление, в то время, как содержание, более подвижная сторона, чем форма; явление в соотношении со своей сущностью всегда есть внешнее, в то время как форма в соотношении со своим содержанием имеет внутренний и внешние аспекты; явление есть единство содержания и формы, в то время как форма есть лишь сторона явления и соотносится со своим содержанием; явление определено благодаря единству содержания и формы; развитие сущности и явления обусловлено диалектикой содержания и формы.

Содержание и форма в некотором отношении тождественны соответственно категориям внутреннего и внешнего, но в то же время нетождественны, отличаются. Их тождество состоит в следующем: как внутреннее невозможно без внешнего, так и содержание — без формы; как внутреннее проявляется во внешнем, так и содержание — в форме; как внутреннее по отношению к внешнему главная, решающая сторона явления, так и содержание по отношению к своей форме; как внутреннее определяет тенденцию развития внешнего, так и содержание определяет тенденцию развития формы.

Их отличие состоит в следующем: внутренний аспект формы есть внутренняя организация содержания, в то время как внешнее не есть внутренняя организация явления; форма в себе удваивается, в то время как внешнее в себе не удваивается; взаимодействие внутренних аспектов содержания и формы есть внутренний источник саморазвития предмета, в то время как взаимодействие внутреннего и внешнего есть внешний источник развития предмета.

Внешностью, как говорилось, обладают и материальное и духовное явления. Однако они нетождественны, отличаются друг от друга, кроме всего прочего, своей *внешностью*. Поэтому целесообразно вопрос об этой внешности рассмотреть отдельно.

Внешность материальных тел в науке геометрии выражается понятием «пространственная форма». Точка, линия, поверхность и т. д., а также их сочетание — элементы пространственной формы. Основным объектом исследования геометрии являются пространственные формы, определенные отношения между ними, а также другие, но сходные с ними отношения и формы действительности. «Чистая математика, — писал Энгельс, — имеет своим объектом пространственные формы и количественные отношения действительного мира, стало быть — весьма реальный материал. Тот факт, что этот материал принимает чрезвычайно абстрактную форму, может лишь слабо затушевывать его происхождение из внешнего мира. Но чтобы быть в состоянии исследовать эти формы и отношения в чистом виде, необходимо совершенно отделить их от их содержания, оставить это последнее в стороне как нечто безразличное...»¹

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 37.

Геометрия, изучающая пространственные формы в чистом виде, без содержания, как и любая другая наука, имеет свою историю развития. Первоначальные геометрические понятия были непосредственным простым отвлечением от объективно существующих пространственных форм и могли возникать на основе многовековой практики. «... Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения»¹.

В дальнейшем в своем историческом развитии геометрия проходит ряд этапов, обогащается новыми приобретениями — в особенности благодаря созданию Н. И. Лобачевским новой, неевклидовой геометрии. Этот исторический процесс развития геометрии вместе с тем означает дальнейшее развитие абстракции и обобщения, нашедшее свое выражение в обобщении понятий о пространстве.

Однако дальнейшее развитие абстракции и обобщения не означает исчезновения их объективной основы, как думают плетущиеся за махизмом некоторые зарубежные естествоиспытатели. Какой бы степени абстрагирования ни достигали геометрические теории, последние возникали и возникают в результате обобщения данных практики и отражают «пространственно-подобные» формы, т. е. возможные формы, сходные с обычными пространственными формами и отношениями объективной действительности. Развитие научной абстракции, отражающей «пространственно-подобные» формы, означает не отход от них, а подход к ним, более глубокое и конкретное отражение их свойств и сторон.

Но не будем задерживаться на предмете геометрии. Рассмотрим, каковы закономерности образования и изменения внешности явлений.

Образование и изменение внешности явлений обусловлены или внутренним взаимодействием содержания и формы, или влиянием на них других внешних явлений и факторов, или тем и другим одновременно.

В первом случае образование и изменение внешней формы происходит в результате коренного качественного изменения предмета, переделки содержания и сбрасывания как внутренней, так и внешней формы. Анализ и синтез в химических процессах, возникновение новых и смерть старых организмов в биологических процессах и т. д. со всей очевидностью показывают, что с коренным изменением предмета, вызванным внутренней диалектикой содержания и формы, изменяется и его внешность, внешняя форма. Живое тело после смерти разлагается, «исчезает», превращаясь в другое, вместе с этим изменяется и внешняя форма, отсюда следует, что взаимодействие внутренних аспектов содержания и формы является *источником, причиной возникновения и коренного изменения внешней формы предмета*.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 209.

В этой связи нужно подчеркнуть, что, во-первых, такое коренное изменение внешности происходит не у всех явлений. В некоторых явлениях внутренние глубокие процессы вовсе не вызывают изменения внешней формы. Во-вторых, внутренние качественные изменения на первом этапе процесса могут обусловить изменение внешней формы, а на втором — воспроизведение ее снова в основных чертах.

Внешняя форма отходит от самой себя для того, чтобы вернуться к себе в новых условиях, — что и есть проявление действия закона отрицания отрицания. Мы уже говорили, что сущность этого закона состоит в том, что развитие закономерно проходит ряд стадий — от низшего к высшему, где отрицание низшей стадии высшей подготавливается процессом развития низшей; в новой, высшей стадии сохраняются положительные черты низшей; при переходе к третьей стадии развитие *возвращается* якобы к исходной, первой стадии процесса, но при этом обогащает ее результатами всего последующего развития. Развитие протекает, говоря образно, по спирали — сходящимися и расходящимися «кругами», где каждый следующий «виток» или «круг» выше и богаче содержанием по сравнению с предыдущим и сочетает в себе *поступательное движение с якобы возвратным*, но где первая и третья стадии *сходны по внешности*, внешней форме. «Всякое явление, развиваясь до конца, — писал Г. В. Плеханов, — превращается в свою противоположность; но так как новое, противоположное первому, явление также превращается в свою противоположность, то третья фаза развития имеет формальное *сходство с первой*»¹.

Сходство это «формальное» потому, что третье явление есть воспроизводство первого не в абсолютном смысле, а на новой основе и сходно с ним по форме. Первое отрицание не есть воспроизводство сущности отрицаемого на высшей основе. В первом отрицании зерно и выросшее из него растение связаны между собой преемственностью, но растение не есть непосредственное воспроизводство зерна на новой основе. Второе отрицание, напротив, есть *воспроизводство исходного на новой основе*. Если первое отрицание означает резкое изменение движения в одном — отрицательном (в отношении исходного пункта) направлении, что означает коренное изменение как по содержанию, так и по форме, то второе отрицание означает резкий перелом этого направления в другом — обратном, положительном (в отношении исходного пункта) направлении, что означает воспроизведение исходной формы. В-третьих, внешняя форма может изменяться как одновременно с коренным изменением предмета, так и постепенно, в другое время, после коренного изменения содержания предмета. Все это зависит от природы явлений, характера их противоречий, условий их развития.

Что же касается второго случая, т. е. образования и изменения

¹ Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Госполитиздат, 1949, стр. 86.

внешней формы предметов под воздействием внешних факторов, то достаточно напомнить о следующем: поскольку явления взаимосвязаны, взаимозависимы, то эта взаимосвязь и есть их взаимодействие, которое не остается бесследным как для образования их внешней формы, так и для ее изменения. Подобно тому как явление немисливо без взаимосвязи с другими, так и оно немисливо без изменения внешней формы. Это изменение является постоянным и непрерывным. Разумеется, образование и изменения внешности могут быть не только количественными, постепенными, но и качественными, коренными, не только незаметными, медленными, но и быстротечными и т. д. в зависимости от природы явлений и условий их развития.

Нет надобности задерживаться на этом вопросе ввиду его очевидности. Заметим только, что образование и изменения внешней формы под воздействием внешних факторов могут происходить двояко: в результате взаимодействия стихийных сил природы без участия человека; в результате практической деятельности человека.

Образованная под воздействием стихийных сил природы внешняя форма является предметом труда и в процессе общественного производства подвергается дальнейшему изменению сообразно с целями и материальными потребностями людей. В процессе общественного производства люди создают потребительные стоимости, т. е. веществу природы придают ту форму, которая может удовлетворять их потребности. Материальное производство есть внешний фактор, осуществляющий определенные изменения внешней формы явлений природы. Но это означает известное усложнение внешней формы. Дерево, имевшее определенную внешнюю природную форму, под рукой столяра может принимать такую любую внешнюю форму, которая нужна человеку. Глина имеет свою естественную внешнюю форму, но ей в процессе производства можно придавать любую, нужную человеку внешность (глиняная посуда, керамические изделия). То же самое можно сказать о литейной форме и т. п.¹.

Наконец, образование и изменения внешности явления происходят одновременно как под воздействием внутренней диалектики содержания и формы, так и под воздействием внешних факторов. Одновременное воздействие внутренних и внешних сил на внешность явления указывает на сложность взаимосвязей действительности, на единство внутренних и внешних связей и условий развития явлений.

Несколько сложнее обстоит дело с внешностью духовных явлений. Если материальное явление имеет непосредственно свою

¹ Из этого, конечно, не следует, что человек в процессе производства изменяет только внешнюю форму явлений природы. Современная индустрия, в особенности химическая, красноречиво свидетельствует о том, какие глубокие качественные изменения происходят в процессе производства, создающего как раз то, чего в готовом виде не дает природа. Однако у нас речь идет о внешней форме.

материальную внешность, данную нам в ощущениях, живом созерцании, то этого нельзя сказать о духовном явлении. Последнее, разумеется, имеет, как мы видели на примере понятия, свою внешнюю сторону, внешние связи с другими явлениями, но лишено непосредственно материальной внешности, не включает в себе ни грана вещества, чувственности. А это делает его недоступным *непосредственно* нашим органам чувств. Оно становится доступным органам чувств лишь опосредствованно — через материальные средства, выражающие его.

При рассмотрении вопроса о содержании и форме духовного, идеального явления нужно также строго отличать, отграничивать внутренние аспекты содержания и формы духовного явления, в единстве выступающие как духовное содержание, от внешней формы, выступающей в единстве своего материального содержания и материальной внутренней формы как материального средства выражения духовного содержания. Поскольку духовное явление может возникать из материального, может существовать, выражаться и передаваться *только в материальном* и через него, то мы здесь имеем дело с явлениями не однопорядковыми, а разного порядка. Материальное явление, имеющее свои материальные внутренние содержание и форму, в этом единстве выражает духовное явление, имеющее свое внутреннее духовное содержание и духовную форму. В языке, например, мысли существуют в физических материальных звуках и не могут без них существовать, а тем более передаваться. И не только мысли, а и чувства могут существовать и передаваться только в материальном и через него. Фейербах по этому поводу остроумно замечает, что мы чувствуем не только камень, мясо, дерево, кость, но и поцелуй... значит чувствуем чувства¹.

Так как мысли, чувства непосредственно, сами по себе, не могут быть доступными нашим органам чувств и становятся доступными нашему восприятию только благодаря материальным средствам, выражающим их, то, например, в искусстве художественный образ, воплощающий в себе определенные мысли и чувства, создается и становится доступным нашим органам чувств благодаря материальным средствам. Для создания и выражения художественного образа в каждом виде искусства имеются свои специфические выразительные средства: в живописи — линии, цвет, светотень и т. д.; в скульптуре — дерево, металл, глина, гипс и т. д.; в литературе — художественное слово.

Являются ли эти выразительные средства формой?

Да, в том аспекте формы, когда она выступает как средство, способ выражения духовного содержания. Нет, в том аспекте, в котором форма выступает как внутренняя организация явления. Глина — форма произведения скульптуры, так как выражает его духовные содержание и форму. Но не форма — внутренняя организация духовного содержания произведения скульптуры. В противном случае не было бы никакой скульптуры.

¹ См.: Л. Фейербах. Основные положения философии будущего, параграф 41. Избранные философские произведения. Госполитиздат, 1955, т. I, стр. 189—190.

С другой стороны, духовное как бы воплощается в материальном, видоизменяет его пространственную форму, подчиняет ее себе, обретая таким образом материальную внешность, проявляет себя через эту внешность. Так, в памятнике А. С. Пушкину, установленном на Пушкинском бульваре в Москве, измененная скульптором А. М. Опекушиным пространственная форма материального средства выражения так воплотила в себе мысли и чувства скульптора, что она «стала» внешней пространственной формой самих этих мыслей и чувств, глубоко правдиво отражающих величие поэта. В этом смысле мы можем сказать, что материальное «переходит» в идеальное, понимая под этим, разумеется, процесс создания произведения искусства и выражения его содержания материальным средством.

Это мы видим и на примере единства языка и мышления. Чтобы понять суть этого единства в плане нашей проблемы, раньше всего посмотрим, не вдаваясь в специальный лингвистический анализ и не претендуя на исчерпывающее изложение этого сложного вопроса, что представляет собою «клеточка», «основная единица» языка — слово.

Слово всегда есть единство значения и звукового знака. Смысловая сторона, или лексическое значение, есть обобщенное отражение явлений действительности. «В языке, — писал В. И. Ленин, — есть только *общее* («Это»? Самое общее слово). Кто это? Я. Все люди я. Das Sinnliche? Это есть *общее* etc. etc. «Этот»? Всякий есть «Этот»¹. Понятие, как форма логического мышления, есть также результат обобщения, есть отражение, как было показано, существенно-общих определений. В этом отношении значение слова и понятие совпадают. Рассмотрев понятие в чистом виде, с логической точки зрения, мы убедились в том, что оно имеет свои внутренние содержание и форму. Точно так же, если мы стали бы анализировать значение слова «в себе», в чистом виде, то установили бы, что и оно имеет свои внутренние содержание и форму. Но в составе слова понятие в единстве своего содержания и формы будет выступать как содержание, а звуковая сторона — как его внешность, внешняя форма выражения его.

Поскольку значение слова, само по себе, без звуковой стороны не возникает, не существует и не передается, то оно необходимым образом воплощается в эту звуковую сторону, подчиняет ее себе, приобретает таким образом материальную внешность и через нее проявляет себя. Звуковая сторона слова есть материальное средство выражения духовного или есть особым образом организованный звуковой, материальный процесс, который подчиняется духовной стороне (понятию, смыслу) и используется ею для образования значимых единиц языка — слов, фраз и т. д.

Звуковая сторона тоже, конечно, имеет свое материальное содержание и свою материальную форму, но как средство выражения

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 272.

духовного она выступает как материальная внешность, внешняя форма, выражающая духовное содержание.

Таким образом, слово есть сложное единство духовного (понятие, или значение) и материального (звуковой знак), единство, в котором содержанием является духовное, а внешней формой — материальное. Для содержания слова совершенно безразлично, в какой именно внешней форме оно будет выражаться. Например, для понятия «стол» безразлично будет ли оно выражаться в русском «стол» или в немецком «der Tisch». Но так или иначе в слове звуковая сторона необходима.

Далее, анализ показывает, что слова в определенной взаимосвязи составляют язык, который есть также единство содержания и формы. Но при этом мы должны подчеркнуть, что так как язык это не механическая сумма слов, а строгая их организация и взаимодействие, то формой — внутренней организацией языка — является грамматический строй, изучаемый грамматикой (морфологией и синтаксисом), а содержанием — лексика, словарный состав, изучаемый лексикологией.

А теперь легче выяснить вопрос о том, каково отношение мышления к языку, в чем их тождество и различие. При этом рассудку более доступно, видимо, их тождество, чем различие. Возможно, этим объясняется существование разноречивых взглядов на их различие. Остановимся на некоторых из них. «Непосредственность связи мышления и языка, — читаем в Большой советской энциклопедии, — не означает, однако, их тождественности. Мышление представляет собой высшую форму отражения внешнего мира»¹. А язык? Об этом не сказано, но подразумевается. Раз отличие мышления от языка состоит в том, что мышление есть высшая форма отражения, то язык не может не являться «низшей» формой отражения. Иначе невозможно понять эту фразу. Но в действительности такого различия между ними не существует, по той простой причине, что в этой самой «высшей форме» отражения всегда присутствует язык, точнее, сама эта форма невозможна без языка, который и есть непосредственная действительность мышления, т. е. этой «высшей формы» отражения. Такое отличие имеет место не между языком и мышлением, а между последним и ощущениями. Ставится вопрос об отличии языка и мышления, а ответ дается об отличии мышления от ощущения.

Несколько иначе дается ответ на этот вопрос в книге «Основы марксистской философии». «Разница между мыслью и словом состоит в том, что мысль есть отражение объективной реальности, в то время как слово — это способ выражения, закрепления мысли и вместе с тем средство передачи мысли другим людям»². С этим можно было бы согласиться при одном условии: если указать, что внутренним содержанием слова является мысль, понятие, что слово не есть нечто такое, что не содержит в себе понятия.

Е. М. Галкина-Федорук правильно утверждает, что лексика

¹ БСЭ, изд. 2, т. 28, стр. 622.

² Основы марксистской философии, стр. 182.

языка является содержанием, а грамматика (морфология и синтаксис) — формой, внутренней структурой языка. Но далее, смешивая разные аспекты формы, она приходит к неверному выводу о содержании слова. Ссылаясь на мнение акад. Шахматова, она пишет: «Содержанием, или значением, слова принято считать сложившееся соотношение звукового комплекса и предмета или явления действительности»¹. Выходит, что содержание слова есть материальное, поскольку это соотношение есть соотношение материального с материальным. Между тем «в языке есть только общее». А это означает, что содержанием слова является обобщенное, в то время как «звуковой комплекс» или звуковая сторона выступает как материальное средство существования, выражения, «транспортировки», передачи смысла, т. е. выступает как внешняя материальная форма последнего².

От марксистской истины — язык есть непосредственная действительность мышления — отходят те, кто говорит: слова и их сочетания, язык являются материальной оболочкой мысли, мышления. Но если это так, то выходит, что язык есть нечто такое, что не содержит в себе мышления. Строго говоря, не язык в своей качественной определенности есть материальная оболочка мысли, а *звуковая* его сторона. Когда мы говорим, что не язык отражает действительность, а мышление, то исходим, очевидно, из того факта, что в языке есть материальная, звуковая сторона, которая не отражает (не познает) действительности. Но из этого вовсе не следует, что будто и содержание, и форма языка есть одни материальные звуки. Если бы так было, то человеческая речь не отличалась бы от коровьего мычания.

Вместе с тем, когда мы говорим, слова выражают мысль, то мы здесь имеем дело с *усложнением* слов, с помощью которых приводим в движение другие мысли или добываем новую мысль, — с тем, что слова вместе со своим духовным содержанием (мыслями) выражают другую мысль. Можно это изложить и так: одни мысли с помощью и посредством звуковых знаков, звуковой стороны языка выражают другие. В этом смысле и нужно понимать положение о том, что язык есть средство выражения мысли, но, повторяем, это отнюдь не означает, что это средство — лишь одни звуки, лишенные духовного содержания.

Главное отличие мышления от языка, на наш взгляд, состоит в том, что мышление, как таковое, есть *процесс* опосредованного отражения действительности, рассматриваемого *в чистом виде*, в

¹ «Мышление и язык». Сб. статей под ред. Д. П. Горского, М., 1957, стр. 376—377.

² Может возникнуть вопрос: что же является формой языка — грамматический строй или звуковая сторона? Но нетрудно ответить на этот вопрос, если мы не игнорируем, а подчеркиваем различные аспекты категории формы. При таком подходе выясняется, что грамматический строй есть форма — внутренняя организация языка, а звуковая сторона есть форма — внешность, материальное средство выражения содержания языка.

свободном от звуковой стороны языка виде, в то время как язык не свободен ни от своей звуковой стороны, ни от мыслей, — он есть единство мыслей, понятий и звуковой стороны. И только в этом единстве состоит его сущность. А это и означает, что язык есть непосредственная действительность мышления, «*есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание»¹.

Вне своей непосредственности язык может выступать как средство, как внешняя форма выражения духовной культуры. Но при этом следует опять строго разграничивать различные аспекты формы, знать, о какой форме идет речь.

В 1958 г. вышла в свет книга И. И. Виноградова «Проблемы содержания и формы литературного произведения» (Изд-во Моск. ун-та). Мы полностью согласны с критикой автором тех, кто в содержание произведения включает «объективную жизнь», тему, проблему произведения, тем самым вносит путаницу в исследование; мы согласны с его определением содержания литературного произведения. Но мы не согласны с его пониманием формы произведения. «Содержание художественного произведения, — пишет он, — определяется как осознанное отношение жизни (*идейное* содержание), а форма — как *образная* форма» (стр. 170). «Образ выступает как форма выражения идеи». Образ, по мнению автора, — внутренняя форма. Но выше мы уже показали, что образ есть единство содержания и формы в свете внутренних аспектов этих категорий. Но образ — это форма в аспекте: форма — способ отражения. Таким образом, утверждение, что образ есть внутренняя форма, оставляет вопрос о внутренней форме открытым. На наш взгляд, И. И. Виноградов допускает ту же ошибку, что и многие другие: смешивает различные аспекты формы и в результате приходит к отрицанию формы как внутренней организации и образа, и произведения в целом.

В общей постановке вопроса о природе, специфике формы и выполняемой ею роли, функции заключена невозможность ответа. Это мы видим и на примере языка.

Является ли национальный язык национальной формой социалистической культуры, или является и формой и содержанием ее? Верно ли положение, что наша культура по форме национальная, а по содержанию социалистическая? — вот вопросы, которые неизбежно возникают, когда не указывают на конкретный аспект формы. В подтверждение сказанного приведем мнения участников дискуссии, развернувшейся недавно вокруг этих вопросов. А. Бочаров утверждает, что в искусстве нет национальной формы, а национальное своеобразие есть содержание, что поэтому неверна формула: советское искусство есть социалистическое по содержанию, а национальное по форме²; М. С. Каган считает, что «национальное своеобразие искусства выражается и в его содержании, и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.

² См. статью А. Бочарова. «Дружба народов», 1957, № 1.

в его форме»¹; Г. З. Апресян выступает против Бочарова, Кагана и др., защищая формулу о социалистическом содержании и национальной форме советской культуры², и доказывая, что национальное, в том числе и язык, есть форма по отношению к социалистическому содержанию и т. д.

Можно было бы продолжить перечень подобных разноречивых мнений, но как бы они ни отличались друг от друга, им всем свойственна одна и та же общая ошибка: *смешение разных аспектов формы*, отсутствие конкретности постановки вопроса о форме.

Не вдаваясь в подробный анализ поставленных вопросов, попытаемся ответить на них коротко. В самом деле, является ли национальный язык национальной формой искусства? Да, если имеем в виду тот аспект формы, когда она выступает как внешний способ выражения; нет, если имеем в виду тот аспект формы, когда она выступает как внутренняя организация явления.

Национальный язык не является внутренней организацией духовного явления не только потому, что, как было показано, духовное явление имеет свою собственную духовную форму, но и по тому, что язык сам есть общественное явление и имеет свое содержание и свою форму. С другой стороны, одно и то же явление (язык) в единстве своего содержания и своей формы *выражает* другое явление (имеющее также свое содержание и свою форму), выступает как нечто внешнее по отношению к этому явлению. Поэтому формула: «советское искусство социалистическое по содержанию, а национальное по форме» — верна, если имеется в виду форма — внешнее средство выражения, и неверна, если имеется в виду форма — внутренняя организация духовного явления.

Из этого видно, что неправ А. Бочаров, когда отрицает национальную форму культуры и национальное своеобразие объявляет содержанием культуры. Национальное своеобразие как таковое, как общественное явление в своей непосредственности (в данном случае безразлично язык ли это или национальные черты архитектуры, одежды и т. д.) имеет свое содержание и форму, но в отношении к выражаемому им другому явлению выступает как внешняя форма последнего, и отрицать эту внешнюю форму — значит грешить против истины. Неверно утверждение, что нет национальной одежды как формы, что это «национальное своеобразие является только содержанием». Национальная одежда есть единство своего содержания и своей формы как явление, но по отношению к тому, что выражает, является внешностью, внешней формой этого выражаемого. А. Бочаров поступает весьма опрометчиво, не замечая того, что отрицание национальной формы советского искусства прямехонько ведет к национализму, между тем оно есть по своему содержанию интернационалистское искусство, а не националистическое. Недостаточность аргументации М. С. Кагана и Г. З. Апресяна против А. Бочарова состоит в том, что они не под-

¹ См. статью М. С. Кагана. «Вопросы философии», 1958, № 1.

² См. статью Г. З. Апресяна. «Вопросы философии», 1958, № 8.

черкивают разных аспектов формы. Поэтому их критика точки зрения А. Бочарова бьет мимо.

Далее, необходимо четко, определенно отграничить не только внутреннюю форму от внешней, но и разные аспекты внешней формы друг от друга. О роли внешней формы в развитии содержания говорить вообще также нельзя, ибо она имеет разные аспекты, которые играют разную роль в познании. Но мы пока знаем об одном аспекте, о внешности, пространственной форме и можем судить о ее роли, не затрагивая пока вопроса о других аспектах.

Какова же роль внешности в развитии содержания, ею выражаемого? Положение Гегеля о том, что форма «как нерerefлектированная внутрь себя, есть внешнее, безразличное для содержания существование», верно применительно к этой внешности. Последняя действительно безразлична к содержанию. Это мы видели на примере соотношения звукового знака и значения слова. Это убедительно показывает Гегель на примере книги. Для содержания книги, пишет он, безразлично написана она или напечатана, переплетена ли она в папку или в сафьян¹.

Однако из этого не следует, что роль этой внешности исчерпывается тем, что она «безразлична» к содержанию. Если внешняя форма была бы безразлична к предмету, не имела бы никакого значения для него, для его содержания в абсолютном смысле, то людям незачем было бы заботиться о ней, незачем было бы, скажем, требовать от полиграфической промышленности добротного внешнего оформления книги и бороться против полиграфического брака! Для содержания книги, конечно, безразлично качество ее издания, ее тираж и т. д. От этого значение мыслей или чувств, заключенных в книге, ни увеличивается, ни уменьшается. Это, верно! И Гегель в этом отношении прав.

Но с другой стороны, содержание книги может существовать, передаваться людям в этой внешности и через нее. К тому же, сколько людей читает книгу; как ее читает: с увлечением или без; как долго сохраняется (внешне), передается людям ее содержание, воспитывая их и т. д., — все это зависит кроме всего прочего и от ее внешности.

Хорошо известно, что покровительственная окраска животного, как внешняя форма, не имеет непосредственного внутреннего значения для его внутренних, ассимиляционно-диссимиляционных процессов. Но также известно, что она дает животному преимущества в межвидовой борьбе. Если животное с ее помощью лучше скрывается от врага, то избегает своей гибели, сохраняет себя, сохраняет свое содержание. Стало быть, внешность не имеет внутреннего, непосредственного значения для содержания, но так как она связана с содержанием, выражает его, является его внешностью, то имеет для него *внешнее* опосредствованное значение.

Между тем в современной буржуазной философии и естествознании отдельные авторы либо вовсе отрицают значение внешней

¹ Гегель. Соч., т. I, стр. 224.

формы для существования и развития содержания, либо непомерно преувеличивают ее роль. Например, интуитивист Бергсон заявляет: «Формы вообще не существуют, так как форма — это мгновенный вид какого-либо процесса». Но ясно, что, отрицая форму, Бергсон отрицает объективную реальность вещей и их познаваемость. Это направление не имеет широкого распространения, и на нем нет надобности задерживаться. Гораздо более широкое распространение получило *формалистическое* направление, отдающее примат форме перед содержанием, непомерно преувеличивающее, раздувающее роль и значение внешней формы. Мы уже показали научную несостоятельность формализма в том его аспекте, когда абсолютизируется внутренняя форма. Теперь посмотрим, что собой представляет формализм, абсолютизирующий внешнюю форму или — и внутреннюю и внешнюю форму одновременно.

В этом отношении характерным образчиком формализма в зарубежном естествознании являются рассуждения одного из выдающихся современных физиков Э. Шредингера в его книге «Наука и гуманизм. Физика нашего времени»¹. В этой книге наряду с верными мыслями о взаимосвязи сторон единого процесса познания, о связи науки и социальной жизни и т. д. есть и неверные, насквозь идеалистические положения, — вроде того, что «материя есть образ в нашем разуме, разум, таким образом, предшествует материи» и т. д. Но нас в данном случае интересует лишь, как решается в книге вопрос о содержании и форме.

В книге есть специальный параграф под названием: «*Форма, а не содержание основное понятие*». Уже одно это заглавие говорит само за себя. Но небезынтересно ознакомиться с аргументацией ученого, показать, какое пагубное влияние оказывает на естествознание современная идеалистическая философия.

Крупный естествоиспытатель и мелкий философ — такова меткая ленинская характеристика тех выдающихся естествоиспытателей, которые все еще находятся в плену у идеализма! Это в полной мере относится и к Шредингеру. С одной стороны, он крупный ученый, один из создателей квантовой механики, а с другой — проповедник мистики, идеализма, формализма, «чистой формы».

Каким же путем Шредингер приходит к формализму? Путем отрыва формы от содержания и ее абсолютизации. Чтобы убедиться в этом, мы позволим себе привести несколько цитат из указанного параграфа. Шредингер прежде всего пытается доказать примат формы перед содержанием на примере пресс-папье. На моем письменном столе дома, пишет он, есть железное пресс-папье. в форме собаки (Великого Датчанина), лежащей со скрещенными лапами. Я знаю ее в течение многих лет. Знал ее и отец. Ее возил с собой. Но однажды поспешно выехал и временно потерял ее. Но ее нашли и снова вернули мне. Я узнал своего друга. «Ясно, что

¹ E. Schrödinger Science and Humanism. Physics in our time. Cambridge, 1952.

именно специфическая форма или очертание вызывает подлинность без сомнения, а не материальное содержание».

Далее, мы узнаем, что индивидуальность «элементарных» частиц «возникает из структуры, строения, из очертания или формы, или организации, как мы могли бы называть это в других случаях. Подлинность материала, если и есть какая-нибудь, играет подчиненную роль. Вы хорошо можете наблюдать эту особенность, когда вы говорите об «одинаковости», хотя материал определенно изменился. Человек возвратился после 20 лет отсутствия в коттедж, где он провел детство... Форма и организация всего места остались теми же самыми, несмотря на полное «изменение материала» многих предметов, которые были здесь перечислены, включая собственное тело самого нашего путешественника! Действительно, тело, которое он носил в детстве, буквально «унесено ветром». Изменилось и все же не изменилось...»

Из этих рассуждений Шредингер делает следующий вывод: «Когда мы мыслим слово форма, то привычной языковой иллюзией является требование, что должна быть форма чего-то, что материальный субстрат необходим для формы... Но когда мы подходим к первичным частицам, составляющим материю, то оказывается, что... они являются, как это и было всегда, *чисто формой*, только формой; то, что проявляется снова и снова в последовательных наблюдениях, является этой формой, а не индивидуальной частичкой материала»¹

Таким образом, начав с изображения собаки на пресс-папье, Шредингер пришел к платонову-аристотелевскому пониманию формы как вечной модели, идеи или к форме форм. Но нетрудно убедиться в научной несостоятельности его аргументации. Во-первых, он смешивает внутреннюю форму (форму — внутреннюю организацию или структуру) с внешностью, внешним очертанием. Такое смешение, как было показано выше, исключает возможность познания как внутренней, так и внешней форм, поэтому в научном отношении несостоятельно, неистинно. Во-вторых, из верной посылки делаются неверные выводы. Что содержание более подвижная, изменчивая сторона, а форма — более устойчивая, это верно. Но из этого вовсе не следует никакого логического вывода, будто индивидуальность «элементарных» частиц возникает из формы. Из этого также не следует, будто содержание играет подчиненную роль, а форма — решающую, ведущую или «формотворящую» роль.

Выше мы подробно показали, что возникновение нового явления, исчезновение старого, та или иная роль формы в развитии содержания и т. д., все это — дело взаимодействия содержания и формы, в котором *ведущую, решающую* роль играет содержание, поэтому нет необходимости повторяться.

Но мы посмотрим, что же происходит и что произойдет дальше с «Великим Датчанином». В том, что «Великий Датчанин» спустя длительное время сохранил свою внешность, внешнее очертание,

¹ E. Schrödinger. Science and Humanism. Physics in our time, p. 21.

по которому Шредингер узнал «своего друга», нет ничего удивительного. Археологи находят вещи, которые сохраняли свои очертания тысячи лет... Допустим, что найдутся вещи, предметы, которые сохраняют свои очертания, несмотря на известные изменения, более длительное время. Но мы не допускаем, чтобы Шредингер длительность существования внешнего очертания вещей, предметов понимал в смысле ее вечности, и, значит, как бы долго ни существовали вещи, предметы, в том числе «Великий Датчанин», с их очертаниями, они должны когда-нибудь погибнуть, исчезнуть, превратиться в нечто другое.

Но в результате чего должны эти вещи погибнуть? Причин может быть много. Во всяком случае их можно разделить на внутренние и внешние. Диалектическое взаимодействие содержания и формы будет той внутренней причиной, которая обусловит гибель вещей, превращение их вместе с их очертаниями в свое другое. Но можно вещи ликвидировать, не дожидаясь результата внутренних процессов, а применив к ним внешнее, механическое или другое действие: разбить, расколоть, разрушить, раздавить и т. д. Это будет внешней причиной их ликвидации. Внутренние и внешние причины могут действовать одновременно.

Так или иначе, вещи и их очертания неизбежно изменяются, погибают и погибать могут лишь только в результате *взаимодействия*. В данном случае безразлично, идет ли речь о внутренних причинах, или о внешних; безусловно одно: изменение нечто возможно в результате взаимодействия и только взаимодействием. Поэтому, если речь идет о форме (очертании), то ее изменение также возможно в результате ее взаимодействия с чем-то другим. Но это и означает, что *эта форма сама по себе не может породить форму, она вообще немыслима без содержания* что форма должна быть формой чего-то, что очертание должно быть очертанием чего-то, и это не «привычная языковая иллюзия», а есть сама объективная действительность, отражаемая посредством языка в нашем сознании. Форма без содержания — такая же бессмыслица, как и содержание без формы. И допустить форму без содержания, форму без того, что она организует и выражает, — значит протащить «боженьку», и безразлично, назовем ли мы такую «чистую» форму формой, идеей, или богом.

Мы ранее уже говорили о содержании и форме элементарных частиц. Создателю квантовой механики лучше, чем кому-либо другому, известны те сложные процессы, которые происходят в мире микрочастиц. И он в своей области, разумеется, имеет дело не с мыслями, не с «чистой формой», а с реальным их содержанием и столь же реальной их формой. Но как только дело доходит до гносеологии, он отрицает реальность содержания и «первичные частицы» объявляет «чистой формой». А ведь форма всегда есть и может быть, как говорил Маркс, только дальнейшим развитием содержания.

Ясно, что если бы не те социальные условия, которые порождают мистику и «освящаются» мистикой, крупный ученый не ска-

тился бы в болото поповщины, идеализма, не было бы вообще никакого кризиса в современном естествознании, мешающего его развитию. Красноречивым доказательством сказанного может служить положение дел в науке социалистических стран, где жизнеутверждающая сила единственно научной философии — диалектического материализма является методологической основой развития естествознания.

Было бы наивно думать, что позитивные результаты исследования в той или иной области естествознания сами по себе являются основой возникновения идеализма в науке. Как раз наоборот. Эти результаты и каждый шаг в развитии естествознания объективно направлены против мистики, идеализма, подтверждают диалектический материализм. Пожалуй, не будет преувеличением утверждать, что корни современного идеализма в науке главным образом социальные, а не гносеологические. И в числе этих социальных корней, социальных условий немаловажную роль играет философский идеализм. Нетрудно, например, установить связь между формализмом в науке и философией неотомизма, неореализма, логического позитивизма и т. д. Эти философские школы, проповедуя отрыв формы от содержания, абсолютизацию формы и т. д., оказывают тлетворное влияние на науку, мешают естествоиспытателям стать сознательными сторонниками диалектического материализма. Чтобы убедиться в этом, достаточно остановиться на интерпретации взаимодействия содержания и формы языка логическим позитивизмом.

Развивая дальше тезис Беркли о том, что человеческая речь служила более препятствием, чем помощью успехам науки¹, логические позитивисты отвергают общие понятия. Из того, что общие понятия, выражаемые в словах, не даны в чувственном опыте, они делают ложный, субъективно-идеалистический вывод, что будто этим общим понятием ничто не соответствует в действительности, что, следовательно, слова — пустые звуки. Следовательно, язык — помеха, играет отрицательную роль в развитии общества. Так, Р. Карнап писал: «Каждый язык может быть без убытка в выразительности так преобразован, что не будет нужды в подобных абстракциях»².

По мнению логических позитивистов, абстракции вообще есть пустые, ничего не отражающие и ничего не значащие знаки. Для них слово, вообще всякие слова никакого объективного значения не имеют, лишены всякого смысла и являются продуктом «лингвистического хаоса». Для ликвидации же этого «хаоса» они рекомендуют свой пресловутый «семантический анализ», который означает фактический отказ от употребления понятий, категорий и подмену логики, гносеологии семантикой.

По мнению другого неопозитивиста Л. Виттгенштейна, различные философские направления являются продуктом лингвистиче-

¹ Джон Беркли. Трактат о началах человеческого знания, стр. 55—56.

² R. Carnap. Logische Syntax der Sprache. Wien, 1934, S. 220.

ских недоразумений. Стоит только применить «лингвистический анализ» к этим направлениям, как все они исчезнут. Иными словами, стоит только отказаться от терминов «материализм» и «идеализм», как они исчезнут. Или, как утверждает Айер, материалисты и идеалисты расходятся во взглядах потому, что словам приписывают объективное значение. Правильное решение любого вопроса, заявляет он, возможно только в том случае, если мы не забудем, что слова не имеют никакого объективного содержания.

Итак, язык без общих понятий, или понятия как мертвые фикции — таково требование логических позитивистов. Такой язык воистину был бы пустым звуком. Но в действительности объективная природа языка, как мы видели, такова, что *звуковая сторона выражает, передает обобщения, абстракции, понятия, мысли, отражающие объективную действительность.*

Допустим, что язык не выражает никакого объективного содержания, а понятия являются, как заявляют логические позитивисты, «ошибочным созданием» языка. Но как же в таком случае познать действительность, сущность предметов? Попытаться познать сущности с помощью категорий, заявляет Карнап, — это напрасный труд. Сущности непознаваемы. Философы же, до сих пор занимавшиеся этим делом, занимались напрасной тратой времени. «Метафизическая философия, — пишет он, — хочет выйти за рамки эмпирико-научных вопросов и поставить вопросы о сущности предметов. Мы считаем эти вопросы псевдовопросами»¹.

Отрывая форму от содержания, объявляя понятия ошибочным созданием языка, логические позитивисты, во-первых, отрицают объективную реальность, считают ее комплексом ощущений, во-вторых, отрицают познаваемость мира, считают сущность принципиально непознаваемой.

Отрывая форму выражения мыслей от содержания, они предложение и его структуру рассматривают как решающий фактор, от которого зависит все и вся. Поэтому у них очищенный от содержания язык превращается в нечто вроде фихтеанского «я», конструирующего по своему усмотрению мир. Виттгенштейн так и пишет: «Предложение конструирует мир с помощью логических лесов»². Отыскав эту волшебную силу, логические позитивисты могут решать с ее помощью любые задачи. Например, миллионер Гарриман предлагает отменить «устаревшее» слово «капитализм», назвать капитализм иначе и этим «покончить» с ним, то бишь сохранить его.

Было время, когда молодая буржуазия боролась за общественный прогресс против феодального мракобесия под знаменем материализма, разума. Но то время давно кануло в вечность. Ныне материализм, разум, научное познание законов общественного развития противоречат интересам буржуазии. Современная буржуазная философия, отказавшись от своего прошлого прогрессивного

¹ R. Carnap. Logische Syntax der Sprache. S. 259.

² L. Wittgenstein. Tractatus Logico-Philosophicus, 1949, S. 66.

наследия, зовет назад к томизму, берклианству и всякому мистицизму, тщательно отбирает из философского прошлого все реакционное, все то, что может быть пущено в ход против научного мировоззрения. И вот почему, в то время, когда научное познание делает колоссальные успехи, она отрицает или принижает роль общих понятий, категорий, научных абстракций и тем самым мешает развитию разума, науки.

Очевидно, что связь некоторой части естествоиспытателей с философским идеализмом не является ни необходимой, ни долговечной. Это — неравный брак науки и мистики, но рано или поздно при определенных условиях наука полностью порвет с идеализмом, метафизикой и впитает в себя диалектический материализм. Только диалектический материализм является необходимым и истинным союзником естествознания. Только в их неразрывном единстве найдет свое полное и всестороннее развитие человеческий разум.

Таковы некоторые соображения относительно внешности явлений.

Глава VI

ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ДВИЖЕНИЕ — ФОРМЫ БЫТИЯ МАТЕРИИ

Внешность явления есть, как уже говорилось, продолжение его внутреннего содержания и внутренней формы. Она как бы довершает индивидуальное оформление явления, рассматриваемого нами в чистом виде, вне многочисленных своих внешних связей. С другой стороны, рассматривая явление в его естественной связи, выясняем относительный характер его индивидуальной завершенности, поскольку оно не изолировано, а взаимосвязано с другими явлениями. Во-первых, «в себе» и «для себя» явление есть процесс, обусловленный формами своего бытия. Оно обладает протяженностью в длину, ширину и высоту, т. е. находится в пространстве; существует в определенной последовательности, порядке следования явлений друг за другом, обладает определенной продолжительностью процесса, т. е. находится во времени. Во-вторых, оно в единстве своего содержания и формы находится во взаимосвязи и взаимодействии с другими явлениями, а это взаимодействие есть движение.

Нам предстоит выяснить эти связи и отношения явления. Но прежде чем приступить к этому, мы должны оговориться: вопрос о категориях материи, пространства, времени, движения и об их взаимоотношениях в марксистской литературе довольно широко освещен. К тому же он в целом не относится к специфике нашей проблемы. Поэтому нет никакой необходимости подробно анализировать его. Однако в этом вопросе есть одна сторона, которая

имеет непосредственное отношение к специфике нашего исследования и которая заслуживает того, чтобы ей посвятить специальный параграф. Речь идет о том, как понимать, что материя является содержанием, а пространство, время, движение являются формами ее бытия? Каково взаимоотношение материи со своими этими формами? Применима ли диалектика внутренних аспектов содержания и формы к этому взаимоотношению?

Мы не претендуем на «абсолютную истину в последней инстанции» по этим вопросам, однако мы не можем пройти мимо них и попытаемся выразить свое отношение к ним. Чтобы выполнить эту задачу, раньше всего посмотрим, в каком отношении содержание переходит в материю, а форма — в ее формы бытия, в чем их тождество и в чем — различие. Материя не есть та или иная вещь, та или иная качественная определенность. Она есть объективная реальность — *совокупность* всего того, что существует вне сознания, т. е. совокупность всех вещей, предметов, процессов, явлений, существующих независимо от сознания. Правда, мы можем говорить о совокупности или группе различных физических, химических, биологических и других явлений, но не следует забывать, что каждая такая группа является отдельным по отношению к общему — материи. Последняя, поскольку она есть совокупность всех своих отдельных вещей, видов, форм и т. д. и выражается в своих формах бытия, выступает в этих отношениях как содержание. «*Совокупность*» есть одна из важнейших определений категории содержания. Таким определением категории содержания является и свойство быть выражаемым. Здесь мы имеем переход категории содержания в категорию материи в этих определенных отношениях. Но об абстрактном тождестве речи быть не может. Кроме указанных сходных черт, существует принципиальное различие между этими категориями, которое целесообразно рассмотреть в связи с категорией формы и формами бытия материи.

Одной из форм бытия материи является пространство. Последнее есть категория, выражающая объем материального явления, его протяженность в длину, ширину и высоту, его внешнюю форму, порядок расположения тел, предметов, явлений относительно друг друга и т. д. Эти свойства пространства есть объективные свойства самих материальных тел и являются важнейшими элементами их организации, т. е. элементами формы. Одним из определений формы является также способ существования вещей. Пространство есть объективное, естественное и вечное *условие*, способ существования материи. Далее, любое тело, когда бы ни существовало, оно может существовать только в пространстве. Оно имеет пространственную определенность, а определенность, как справедливо заметил Гегель, есть определение формы. Таким образом, пространство в указанных отношениях выступает как форма. Здесь имеет место переход категории формы в пространство в указанных отношениях.

Другой формой бытия материи является время. Категория времени выражает последовательность развертывания материаль-

ных процессов, порядок следования явлений друг за другом, длительность процессов, развитие явлений и т. д. Явления существуют не только в пространстве, но и во времени, не только расположены относительно друг друга, находятся в определенном месте, но и существуют в определенное время, в определенной последовательности. Эти свойства времени есть объективные свойства материальных тел и являются важнейшими элементами их организации, т. е. элементами их формы. Время является естественным, необходимым, вечным способом, условием существования материи. Следовательно, оно есть форма бытия материи. И здесь мы видим, что категория формы переходит в категорию времени в указанных отношениях.

Сказанное о пространстве и времени в полной мере относится и к категории движения. Подобно тому, как материя немыслима вне пространства и времени, так она немыслима и без движения.

Движение есть коренное свойство, высший, внутренне присущий материи атрибут и обнимает собою все происходящие изменения и процессы.

Многообразие явлений действительности соответствует и множество видов движения. Точнее было бы сказать, что каждому материальному объекту соответствует особое движение, поскольку последнее не есть нечто внешнее по отношению к объекту, а является его внутренне присущим атрибутом. Но множество движений мы сокращаем и обобщаем по общему существенному признаку, выражаем в понятии той или иной формы движения и тем самым избавляем себя от повторений. Так, понятием механической формы движения мы выражаем все пространственные перемещения тел относительно друг друга, физической — все тепловые и электромагнитные процессы, химической — все химические процессы, биологической — все процессы жизни, общественной — все социальные процессы. Вместе с тем все эти формы движения неразрывно взаимосвязаны, что доказывается их взаимопревращаемостью и повторением низших форм в высших. Причем высшая форма, как мы уже показали раньше на примере живого тела, не сводится к низшим, а их подчиняет себе для своего существования и развития, является высшим единством, связывающим в себе в единое целое низшие формы, без которых она невозможна.

Внутренняя необходимая связь между каждой из форм движения и соответствующей сферой материальных объектов указывает на неразрывное единство материи и движения, на то, что движение есть форма, способ бытия материи, выразит ее объективное состояние, является ее изменением, внутренней жизнедеятельностью. И поскольку изменение вещей включает в себя их организацию, то, следовательно, движение является их внутренней и внешней организацией. Таким образом, мы и здесь имеем переход категории формы в категорию движения.

Но говоря о переходе категории формы в категорию пространства, времени и движения, необходимо вместе с тем решительно

подчеркнуть, что, во-первых, эти формы бытия материи не тождественны друг другу, во-вторых, они не тождественны категории формы.

Формы бытия материи внутренне взаимосвязаны, имеют сходные свойства, невозможны друг без друга. Например, движение есть не что иное, как единство непрерывности и прерывности времени и пространства¹. Некоторые сходные свойства и внутренне-неразрывная связь пространства и времени дают основание говорить о единой форме бытия материи — пространства — времени, о четырехмерном пространственно-временном континууме и т. д.

Однако все это не уничтожает их качественного различия. Достаточно простого перечня некоторых отличительных признаков, чтобы убедиться в этом. Пространство — трехмерно, а время — одномерно; хотя изменение находит свое отражение не только во времени, но и в пространстве, пространственная сторона изменения выражает количественное изменение, а временная сторона изменения выражает качественное изменение, развитие — возникновение нового и отмирание старого. Время, — как говорил Энгельс, — главное условие всякого развития. О качественном различии пространства и времени говорил и А. Эйнштейн. «Неразделимость четырехмерного континуума событий, — писал он, — совсем не означает эквивалентности пространственных координат временной координате. Наоборот, мы должны помнить, что временная координата определена физически совершенно иначе, чем пространственные координаты»². Как видно, автор теории относительности не отождествляет пространство и время, не превращает время в четвертое измерение пространства в прямом смысле этого слова.

Переход категории содержания в материю, а категории формы — в пространство, время и движение есть красноречивое доказательство гибкости, подвижности категорий диалектики. Однако этот переход, как уже говорилось, не есть абстрактное тождество. Переход категорий друг в друга не устраняет их различия, не ликвидирует их качественной определенности, их специфики. Трудно переоценить гносеологическое значение этого положения. Познание искажается, становится неистинным, как только переход категорий понимают как уничтожение всякого различия между ними. Это было показано выше. Это видно и на примере рассматриваемых категорий. Категории материи и содержания кроме отмеченных тождественных черт имеют отличительные черты, особенности. Категории формы и пространства—времени—движения также кроме тождественных черт имеют свои особенности. Тождественная сторона этих категорий дает основание рассматривать материю как содержание, а пространство, время и движение — как форму ее бытия. Однако этим нельзя ограничиваться, нельзя останавливаться лишь на тождественной стороне. Необходимо

¹ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 253.

² А. Эйнштейн. Сущность теории относительности. 1955, стр. 31.

учитывать и их специфику, их различные аспекты, их особенности, что, разумеется, имеет чрезвычайно важное значение для правильного понимания взаимоотношения этих категорий.

Чтобы убедиться в сказанном, рассмотрим отличие соотношения содержания и формы от соотношения материи и форм ее бытия. Отношение между материей и формами ее бытия есть отношение между целым и его свойствами, в то время как между содержанием и формой такого отношения нет. Содержание не есть ни целое, ни свойство. Точно так же форма не есть ни целое, ни свойство. Только в своем единстве содержание и форма составляют целое со своими свойствами. Содержание есть более подвижная сторона предмета, а форма более устойчивая, менее подвижная сторона, в то же время абсурдно было бы утверждать, будто материя — более подвижная сторона, а ее формы бытия, скажем: движение, — более устойчивая сторона. Содержание играет ведущую роль по отношению к форме, направляет ее развитие, определяет ее тенденцию, но нелепо было бы утверждать, будто и материя играет ведущую роль, а формы ее бытия, например движение, — подчиненную. Содержание борется с формой и на определенном этапе сбрасывает отжившую форму, однако неверным было бы утверждение, будто материя борется со своими формами и сбрасывает их. Взаимодействие содержания и формы есть пример действия закона единства и борьбы противоположностей, но законы диалектики невозможно распространять на отношения материи и ее форм бытия, например, движение, хотя бы по той простой причине, что действие этих законов и есть движение, развитие материи.

Можно привести множество подобных специфических особенностей отношений материи и ее форм бытия — пространства, времени, движения в отличие от отношений содержания и формы. Но и приведенного достаточно, чтобы показать научную несостоятельность механического распространения диалектики содержания и формы на отношения материи и ее форм бытия. Между тем отдельные авторы не учитывают специфики разных аспектов содержания и формы, смешивают их, нарушают принцип конкретности истины и тем самым извращают познание.

В этом отношении характерной является статья А. Умова «Может ли пространственно-временной континуум взаимодействовать с материей?»¹ Не подвергая специально анализу эту статью, коротко отметим, что автор в ней выдвигает два основных, ошибочных, на наш взгляд, тезиса. Первый тезис гласит о том, что отношение материи и пространства — времени есть отношение причины и следствия. Второй тезис гласит, что отношение материи и пространства — времени есть отношение внутренних аспектов содержания и формы.

По поводу первого тезиса автор утверждает, что универсальная причинно-следственная взаимосвязь явлений включает и

¹ «Вопросы философии», 1954, № 3.

«взаимоотношения между пространственно-временным континуумом и материей»¹. По А. Уемову, выходит, что материя взаимодействует с чем-то, находящимся вне материи. Между тем универсальное причинно-следственное взаимодействие явлений означает не что иное, как взаимодействие отдельных, находящихся во времени и пространстве вещей, предметов, процессов и т. д. Не материя и пространство — время находятся в причинно-следственном взаимодействии, а взаимодействие имеет место внутри самой материи как взаимодействие ее отдельных явлений, процессов и т. д., находящихся во времени и пространстве. Точно также неверна постановка о взаимодействии материи и движения, ибо само взаимодействие материальных вещей есть движение. Когда марксизм доказывает, что материя является субъектом своих собственных изменений, то исходит из того, что не какая-либо внешняя сила — бог, идея и т. д. — изменяет материю, а она сама содержит в себе законы и силы своих собственных имманентных изменений.

Механическое перенесение взаимодействия причины и следствия на взаимоотношения материи и пространства—времени в научном отношении несостоятельно еще потому, что причина как явление, порождающее другое, в процессе развития предшествует следствию. Но разве материя породила пространство и время? Разве материя предшествовала пространству и времени? Или, может быть, наоборот, пространство—время породило материю? Не ясно ли, что такой подход к делу может привести к выводу о начале и конце пространства и времени, а следовательно, и материи, о сотворении мира богом и т. д.

Таким образом, невозможно отождествлять категорию материи и форм ее бытия с категориями причины и следствия. Вместе с тем последние нельзя отождествлять с категориями содержания и формы. Об абстрактном тождестве и здесь речи быть не может.

Содержание и форма в некотором отношении тождественны соответственно категориям причины и следствия и отличаются от них.

Их тождество состоит в следующем: как содержание немислимо без формы, так и причина — без следствия; как содержание источник формы, так и причина — источник следствия; как форма есть продолжение и проявление содержания, так и следствие есть продолжение, действие, проявление причины; как содержание в процессе развития предшествует форме, так и причина в процессе развития предшествует следствию.

Их отличие состоит в следующем: содержание есть сторона явления, в то время как причина есть явление, имеющее свое содержание и свою форму; форма есть сторона явления, в то время как следствие есть явление, имеющее свое содержание и свою форму; содержание и форма имеют различные аспекты, характеризующиеся разными специфически отличными диалектическими взаимосвязями, в то время как этого нельзя сказать о при-

¹ «Вопросы философии», 1954, стр. 175.

чине и следствии; в единстве внутренних аспектов содержание не становится формой, а форма — содержанием в прямом смысле слова, в то время как причина и следствие в разных связях меняются местами: одно и то же явление в одной связи — причина, в другой — следствие; взаимодействие внутренних аспектов содержания и формы является главным источником саморазвития явления, в то время как изменения причины и следствия обусловлены этим взаимодействием.

По поводу второго своего тезиса А. Уемов пишет, что пространство и время оказывают влияние на материю как форма на содержание. «Следовательно, — пишет он, — с точки зрения диалектического материализма вполне очевиден положительный ответ на поставленный выше вопрос о возможности взаимодействия пространства и времени с материей. Такое взаимодействие представляет собой типичный пример взаимодействия формы и содержания»¹. Мы здесь вновь встречаемся с механическим подходом к делу. Сначала А. Уемов отождествляет разные аспекты, связи формы, а затем отождествляет разные аспекты, связи содержания, а уж после этого находит, что все это есть «типичный пример» диалектики содержания и формы. Однако, как уже говорилось, внутренние аспекты категории содержания и формы выражают не отношение материи и форм ее бытия, а отношения внутренне-взаимосвязанных соотносительных сторон любого явления, находящегося в пространстве и времени. Поэтому недопустимо смешение ни разных аспектов этих категорий, ни связей одних аспектов со связями других.

С другой стороны, из того, что нельзя диалектику внутренних аспектов содержания и формы распространять на взаимоотношение материи и форм ее бытия, вовсе не следует, будто это взаимоотношение не имеет места или будто категории содержания и формы не являются орудиями познания этого взаимоотношения. Мы подчеркиваем только, что *недопустимо смешение разных аспектов и связей этих категорий*, и не более.

Что же касается взаимоотношения пространства—времени и материи, то его объективная реальность не вызывает сомнения, и категории содержания и формы являются орудиями познания этого взаимоотношения. Современные достижения науки, в частности теория относительности, неопровержимо доказывают неразрывную связь пространства—времени и движущейся материи.

Пространство и время — вечные, постоянные и необходимые условия бытия материи. В этом смысле можно говорить об их абсолютности. В прошлом метафизики абсолютность пространства и времени понимали не только в этом смысле, но и в том, что их рассматривали как оторванные от материи, раз навсегда данные пустые вместилища для материальных тел, явлений, процессов. И. Ньютон, например, полагал, что пространство и время не связаны ни между собой, ни с материей и являются изолированными

¹ «Вопросы философии», 1954, № 3, стр. 179.

друг от друга и от материи неподвижными, неизменными самостоятельными «сущностями», «субстанциями». Но такой метафизический взгляд, хотя и долго держался в науке, оказался несостоятельным и ныне преодолен диалектическим материализмом и другими достижениями науки, в частности теорией относительности.

Не отрицая абсолютности пространства и времени в указанном смысле, теория относительности вместе с тем устанавливает их относительность, неопровержимо доказывает, что их свойства не являются раз навсегда данными, неизменными, оторванными друг от друга и от материи, а изменяются в зависимости от условий движущейся материи, что в различных материальных условиях пространственные формы, протяженность явлений, длительность времени и т. д. бывают разными.

В этих фактах находят свое яркое подтверждение выводы, сделанные диалектическим материализмом задолго от создания теории относительности, об объективной неразрывной связи между пространством и временем, а также между последними и движущейся материей, о единстве целого и его коренных свойств, об изменчивости свойств целого в зависимости от условий.

Однако каких бы успехов ни достигала наука в области изучения конкретных форм связи пространства и времени друг с другом и с материей, как бы ни была доказана взаимообусловленность материи и форм ее бытия, зависимость этих форм от материи и т. д., — все это не легитимирует непосредственно применение диалектики внутренних аспектов категорий содержания и формы к взаимоотношению материи и форм ее бытия. *Разные аспекты* содержания и формы имеют *разную специфику*, следовательно, взаимодействие этих разных аспектов является *специфическим*, разным, без строгого учета чего невозможно на познание этих категорий, ни их применение к познанию и практике. Это мы увидели на анализе взаимодействия внутренних аспектов этих категорий; внутренних аспектов и внешности; внутренних аспектов, внешности явления в единстве и форм его бытия. Это мы увидим на анализе взаимодействия и других внешних аспектов содержания и формы.

Глава VII

ОТДЕЛЬНОЕ КАК ФОРМА, ВЫРАЖАЮЩАЯ ОТЛИЧНОЕ ОТ СЕБЯ СОДЕРЖАНИЕ

1. Отдельное как способ проявления общего. Случайное как форма проявления необходимости

Выше говорилось о пространстве, времени и движении как о способе бытия материи. Но не только эти формы являются способом бытия материи. Она как общее существует в отдельном, про-

являет себя только в отдельном и через отдельное. Следовательно, отдельное есть также форма, способ бытия материи. Последняя существует во всем многообразии своих отдельных вещей, предметов, тел, явлений, процессов, или — что то же самое — есть их совокупность. Ее единство состоит в этом многообразии и невозможно без него. Дифференциация материи есть не что иное, как ее развитие, ее способность в силу своих имманентных себе диалектических законов разнообразиться, многообразиться, становиться богаче, конкретнее, содержательнее. Она есть вечный и бесконечный во времени и пространстве закономерный процесс возникновения, развития и смены явлений, — их непрестанное превращение.

Поскольку материя существует только в отдельных телах, явлениях и т. д. и иначе не существует; поскольку она может проявляться, выражаться только в отдельном и через него; и, наконец, поскольку ее дифференциация есть возникновение, развитие и гибель, т. е. превращение отдельных явлений, постольку отдельное материальное явление есть форма, способ, существования, выражения, проявления общего — материи. В этом смысле мы и говорим, что *данный отдельный, единичный предмет, явление есть форма движущейся материи.*

Таким образом, отдельное, выражающее общее, относится к определениям формы, а общее — к определениям содержания. Проследившая путь усложнения категории формы, мы установили, что форма имеет такие, отличающиеся друг от друга качественные особенности, как способность быть внутренней организацией предмета, быть внешностью предмета, быть условиями существования материи и способность выражать, проявлять общее. Все эти аспекты, свойства формы являются в то же время аспектами *способа* существования, бытия явлений, но также соответственно отличающимися друг от друга.

Говоря об отдельном как форме выражения общего, мы должны исходить из диалектики общего и отдельного. Во-первых, отдельные явления, как формы выражения общего, имеют одну общую единую субстанцию: например, формы материи, биологические формы, формы общества, формы стоймости, формы мышления и т. д. В соотношении общего и отдельного общее выступает как содержание, а отдельное — как форма, но отнюдь не в тех аспектах содержания и формы, о которых до сих пор шла речь. Мы здесь имеем дело с *новыми* аспектами этих категорий, отличающимися качественно от других аспектов. Общее есть содержание не в том аспекте, будто оно является «совокупностью элементов, процессов, образующих предмет», а в том аспекте, что оно может существовать, проявляться, выражаться в отдельном, через отдельное. Отдельное есть форма также не в рассмотренных выше аспектах, а в другом смысле, в том аспекте, что оно выражает общее. Свойство «выражаться», как мы сказали, относится к определениям содержания, а свойство «выражать» — к определениям формы. Причем эти новые аспекты не отбрасывают полностью

другие аспекты, а содержат их в себе в снятом виде. Отдельное есть форма, выражающая общее, не без своего содержания и своей формы. Поскольку оно имеет свое собственное содержание и свою собственную внутреннюю форму, а также свою внешность, находится в пространстве, времени, движении и т. д., то оно выступает как форма общего в единстве всех аспектов своего содержания и формы. То же самое нужно сказать и об общем.

Во-вторых, так как категории *общего* и *отдельного* постоянно меняются местами, то соответственно с этим содержание и форма в этих их новых аспектах также меняются местами. Материя — предельно общая категория. Она выступает в качестве всеобщего содержания любого материального отдельного явления в том смысле, что она может существовать и проявляться, выражаться только в своих отдельных единичных явлениях. Но если взять, скажем, мертвую природу, то последняя будет отдельным в отношении материи, — поскольку материя существует не только в ней, а и в живой природе, в материальной жизни общества. Но в отношении своей конкретной формы проявления мертвая природа будет общим. Соответственно, — она в первом случае будет формой проявления отличного от нее содержания (материи), а во втором случае будет содержанием и проявляться в своих формах. Живая природа в отношении материи есть отдельное, а в отношении данного класса организмов — общее. Данный класс в отношении рода есть общее, но в отношении живой природы — отдельное. Данный род в отношении вида — общее, а в отношении класса — отдельное и т. д. Соответственно с этим общее будет выступать как содержание, а единичное, отдельное как форма его проявления.

Точно так же диалектика общего и отдельного в любой сфере действительности указывает на то, что общее выступает в качестве содержания, существующего и проявляющегося в своих отдельных формах. Общее предполагает свою противоположность — отдельное, а отдельное — общее. Когда мы говорим об обществе вообще, то мыслим его в его конкретных формах — формациях и наоборот. Когда говорим о материальном производстве, то мыслим его в его конкретных формах — способах производства и наоборот. Когда говорим о сознании, то мыслим его в его конкретных формах и наоборот и т. д.

Все это — общеизвестные истины, и не следовало бы задерживаться на них. Однако в этой связи не лишне еще раз подчеркнуть, что для познания диалектики содержания и формы чрезвычайно важное значение имеет четкое и определенное *отграничение различных аспектов содержания и формы*. Нарушение этого требования диалектической логики искажает познание этих категорий, а в некоторых случаях даже исключает возможность их познания.

Любое явление не изолировано от других явлений, а находится в универсальной взаимосвязи и взаимодействии. Отсюда напрашивается вывод о возникновении и развитии его связей, отношений, а следовательно, о неизбежности, необходимости модифика-

ции таких его сторон, как содержание и форма. Последние, вступая в различные связи и отношения с другими категориями, приобретают различные аспекты, стороны, оттенки, нюансы и т. д., учет которых в познании является решающим условием их действительного познания!

Мы раньше показали, к каким недоразумениям в биологической науке приводит смешение разных аспектов формы: формы — внутренней организации с формой — единичным, особью, индивиду. Далее, мы показали, что в мышлении понятие, как форма — единичное, отдельное должно иметь свою внутреннюю организацию, внутреннюю форму. Мы могли бы на обширном материале проиллюстрировать, как мешает познанию отождествление разных аспектов этих категорий. Но не будем задерживаться на этой стороне проблемы; лишь еще раз напомним, что нельзя отождествлять различные аспекты и связи содержания и формы, так как в противном случае они перестают быть гибкими, подвижными, действительными орудиями познания и преобразования, что жизненность этих категорий состоит как раз в том, чтобы при их применении к познанию учитывать специфику различных их аспектов.

Важное гносеологическое значение имеет также переход категорий содержания и формы в категории необходимости и случайности, поскольку он указывает на единство их тождества и различия, тем самым обнаруживая еще одну новую сторону, новый аспект исследуемой нами проблемы.

Содержание и форма в некотором отношении тождественны категориям необходимости и случайности и нетождественны, отличаются от них.

Их тождество состоит в следующем: как содержание главная, решающая сторона по отношению к форме, так и необходимость — по отношению к случайности; как содержание, так и необходимость внутренние, закономерные процессы явлений; как содержание проявляется в форме, так и необходимость — в случайности, случайность — форма проявления необходимости; как содержание, так и необходимость определены формой.

Их отличие состоит в следующем: необходимость есть существенные связи и процессы, в то время как содержание есть совокупность *всех* процессов, составляющих явление; внутренний аспект формы есть внутренняя организация содержания, в то время как случайность не есть внутренняя организация необходимости, а есть внешнее проявление необходимости; под случайностью мы понимаем и проявление необходимости, и результат совпадения, перекрещивания необходимых процессов, и несущественное в явлении, и исключение из правил, отступление от общего, типичного; случайное имеет свою форму и содержание, в то время как форма есть сторона явления; необходимость — устойчивая связь, в то время как содержание выражает изменчивую сторону предмета. Переход необходимости в случайность и наоборот, их изменения вообще обусловлены диалектикой содержания и формы; в определенных условиях необходимая связь становится случайной, а слу-

чайная — необходимой, но этого нельзя утверждать о взаимоотношениях внутренних аспектов содержания и формы. Содержание и форма имеют ряд аспектов, играющих разную роль в познании, в то время как этого нельзя утверждать о необходимости и случайности.

2. Форма как способ выражения одного явления другим

Отдельное, единичное явление может выражать не только общее, но и другое единичное явление. Иными словами, одно явление может выступать в качестве формы выражения, проявления другого явления, выступающего в качестве содержания первого. Каждое явление, как уже говорилось, в единстве всех аспектов содержания и формы находится во взаимодействии с другими явлениями, вступающими в это взаимодействие, также в единстве тех же аспектов содержания и формы. Одно явление, воздействуя на другое, вызывает определенную реакцию на это воздействие. Одно явление как бы отражается, воспроизводится, запечатлевается в другом, проявляя себя в этом другом. Простым и наглядным примером этого может служить отражение предметов в зеркале. Характер отражения, конечно, определяется многими факторами, среди которых важную роль играют природа воздействия, взаимосвязей, особенности отражаемого и отражающего тела и т. д. Один характер имеет физическая форма отражения, другой — чувствительность, раздражимость, третий — ощущение, четвертый — мышление и т. д. Но в данном случае нас интересуют не детали форм отражения, а то, что «вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...»¹.

Свойство отражения указывает на такое взаимодействие предметов, явлений, в котором одно явление, отражаясь, выражаясь в другом, выступает как содержание, а это другое, отражая, выражая его, — как форма. Например, предмет, отражающийся в зеркале, выступает как содержание, а зеркало, отражающее его, — как форма. Причем критерием, определителем того, какой из двух предметов выступает содержанием, а какой — формой, является *свойство* содержания быть *отражаемым*, *выражаемым* и *свойство* формы — *отражать*, *выражать*, а не какие-либо другие соображения, так как оба предмета имеют все рассмотренные выше аспекты содержания и формы.

Вместе с тем взаимодействие предметов объективно не есть односторонняя связь, а представляет собой взаимоотношение. Поэтому не бывает такого положения, чтобы один предмет был только содержанием, а с другой только — формой в указанных аспектах. Все предметы в одном отношении выступают как содержание, а в другом — как форма. Но в одном и том же отношении предмет не может быть одновременно и содержанием и формой.

Эти сложные взаимосвязи единства внутренних аспектов со-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 81.

держания и формы с внешними и их взаимопереход подробно анализирует Маркс в «Капитале». В интересах дела целесообразно остановиться на этом анализе.

Обращает на себя внимание прежде всего та непревзойденная гибкость, с которой Маркс применяет в своем исследовании категории содержания и формы. Начав свое исследование с исходной абстракции — товара, Маркс осуществляет восхождение от абстрактного к конкретному, генетически развивая все новые и новые категории, каждая из которых непосредственно вытекает из своей предыдущей, непосредственно связана с ней, содержит ее в себе в снятом виде, затем она сама переходит в новую, сохраняясь, удерживаясь в этой новой также в снятом виде и т. д. Вместе с тем важно подчеркнуть, что у Маркса не только одни категории в строгой логической последовательности развиваются из других, но одни и те же категории в разных условиях модифицируются, приобретают различные аспекты, оттенки, становясь более конкретными, содержательными в пределах своих качественных определенностей. При этом один аспект той или иной категории генетически развивается из другого ее аспекта и, таким образом, в итоге достигается конкретное познание самой этой категории.

Широко применяя, например, категорию формы в своем исследовании способом восхождения от абстрактного к конкретному, Маркс развивает один аспект формы из другого, анализирует в строгой логической последовательности свойства и особенности развиваемого аспекта, проводит четкое различие разных аспектов и указывает на их значение для познания.

В начале своего исследования он применяет тот аспект формы, в котором она выступает как отдельное, единичное, выражающее общее. «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров», а отдельный товар — его элементарной формой»¹. С этих слов начинается первая глава I тома «Капитала». Здесь, как видим, Маркс применяет форму — отдельное («отдельный товар»), выражающую общее: отдельный товар есть форма выражения общего богатства товарного мира.

Анализ товарной формы показывает, что товар есть прежде всего полезная вещь, удовлетворяющая какие-либо человеческие потребности, т. е. является потребительной стоимостью. Потребительные стоимости образуют вещественное *содержание* богатства и в то же время являются вещественными носителями меновой стоимости, выступающей в виде количественного соотношения, пропорции, в которой потребительные стоимости обмениваются друг на друга.

Данный товар обменивается на другие товары в самых различных пропорциях. Следовательно, он имеет не одну единственную, а многие меновые стоимости. Но так как эти другие товары со-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 41.

ставляют меновую стоимость данного товара, то они должны быть меновыми стоимостями, способными замещать друг друга, или равновеликими. «Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой» проявления какого-то отличного от нее содержания»¹.

Что же является этим общим, содержанием? Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо природные свойства товаров. Но если отвлечься от *потребительной* стоимости товаров, то у них останется одно общее свойство — они все продукты труда. Отвлекаясь же от потребительной стоимости, мы тем самым отвлекаемся от конкретных видов труда, которые более не различаются между собой, а сводятся к одинаковому, абстрактному человеческому труду. Труд вообще, всеобщечеловеческий труд — «определенная производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д.»², — вот что является основой, субстанцией, общим содержанием всех товаров, делающим их одинаковыми. «Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость»³.

Меновая стоимость есть необходимый способ выражения стоимости. Исследование этой формы — не самоцель. Оно необходимо для познания самой стоимости.

«... Мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости»⁴.

Анализ товара вскрывает противоречивую двойственную природу товара, обусловленную двойственностью труда. Товар, с одной стороны, есть потребительная стоимость, создаваемая конкретным трудом, а с другой — стоимость, создаваемая абстрактным трудом. Он немыслим без той или другой противоположности и может существовать в двух формах одновременно — в единстве потребительной стоимости и стоимости. Обе эти формы указывают на историческое состояние продукта труда, на его товарную определенность, товарную форму.

«Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и т. д. Это их доморощенная натуральная форма. Но товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Следовательно, они являются товарами, или имеют товарную форму, лишь постольку, поскольку они обладают этой

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 43.

² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 15.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 45.

⁴ Там же, стр. 54.

двойственной формой — натуральной формой и формой стоимости»¹.

Следовательно, потребительная стоимость и стоимость выступают как формы, способы существования товара, а товар выступает как их содержание.

Далее, анализ форм стоимости показывает, как один товар становится формой выражения стоимости другого товара. При простой форме стоимости стоимость выражается в двух полюсах, в двух формах — относительной форме стоимости и эквивалентной форме. Два товара — *A* и *B* играют различные роли. *A* выражает свою стоимость в *B*, *B* служит материалом для этого выражения стоимости. Стоимость *A* представлена как относительная стоимость, *B* функционирует как эквивалентная форма. Обе противоположности взаимно обуславливают, друг без друга невозможны и взаимно исключают друг друга. Стоимость *A* невозможно выразить в *A*, а можно выразить только относительно, в другом товаре, в *B*. *A* предполагает *B* как эквивалент. С другой стороны, *B* не может находиться в то же время в относительной форме стоимости. Не он выражает свою стоимость. Он доставляет лишь материал для выражения стоимости другого товара. Правда, $xA=yB$, следовательно, можно перевернуть уравнение и дать относительное выражение стоимости *B*. Но тогда *A* становится эквивалентом. «Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга»².

С другой стороны, *A* и *B* тождественны. Их тождество состоит в том, что они могут быть приравнены друг к другу, сведены к единой основе как простые сгустки человеческого труда. Только благодаря тому, что *B* как стоимость тождествен *A*, он может служить формой существования стоимости, воплощением стоимости *A*. Но *A* может выражать свою стоимость лишь в теле *B*. В этом стоимостном отношении форма *B* играет роль формы стоимости. Стоимость *A* выражается в потребительной стоимости *B*. Как потребительная стоимость *A* есть вещь, отличная от *B*; как стоимость *A* выглядит так же, как и *B*. *A* получает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. Его бытие как стоимости проявляется в его подобии *B*, «как овечья натура христианина — в уподоблении себя агнцу божию»³.

Один товар в конкретном стоимостном отношении выступает как содержание, а другой — как форма. «Итак, посредством стоимостного отношения натуральная форма товара *B* становится формой стоимости товара *A*, или тело товара *B* становится зеркалом стоимости товара *A*⁴. Товар *A*, относясь к товару *B*, как к телу

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 54.

² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 55.

³ Там же, стр. 58.

⁴ В этой связи Маркс делает следующее примечание: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не в качестве фихтеанского философа: «Я есмь я», то человек сначала смотрится,

стоимости, как к материализации человеческого труда, делает потребительную стоимость *В* материалом для выражения своей собственной стоимости. Стоимость товара *А*, выраженная таким образом в потребительной стоимости товара *В*, обладает формой относительной стоимости»¹.

Далее, если *В* служит в качестве эквивалента для *А*, то этим еще не указывается на пропорцию, в которой *А* и *В* обмениваются. Эта пропорция зависит, поскольку дана величина стоимости *А*, от величины стоимости *В*. Является ли *В* эквивалентом, а *А* — относительной стоимостью, или наоборот, величина стоимости *В* во всяком случае определяется рабочим временем, необходимым для его производства. Но раз *В* выступает эквивалентом, величина его стоимости не получает никакого выражения: эквивалентная форма товара не содержит никакого количественного определения стоимости.

Из анализа простой формы стоимости Маркс делает чрезвычайно ценные для правильного понимания различных аспектов категорий содержания и формы следующие выводы.

Первая особенность эквивалентной формы состоит в том, что потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности — стоимости. Здесь потребительная стоимость — форма, а стоимость — содержание. Так как никакой товар не может относиться к самому себе как эквиваленту и, следовательно, не может сделать свою естественную наружность выражением своей собственной стоимости, то он должен относиться к другому товару как к эквиваленту или естественную наружность другого товара сделать своей собственной формой стоимости.

Вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактного труда. Конкретный труд — форма, абстрактный труд — содержание. В приведенном выше стоимостном отношении *В* выражает стоимость, следовательно, по самой своей природе обладает стоимостью. *В* всегда есть воплощение абстрактного труда и всегда в то же время есть продукт определенного полезного, конкретного труда. Абстрактный труд выражается в конкретном.

Третья особенность эквивалентной формы состоит в том, что частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в непосредственной общественной форме. Так как конкретный труд, воплощенный в *В*, выступает как простое выражение лишнего различий человеческого труда, то он в этой форме тождественен другому труду, труду, содержащемуся в *А*. Поэтому, несмотря на то, что он, подобно всякому другому производящему товары труду является трудом частным, он все же есть труд в

как в зеркало, только в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу, как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе, как к человеку. Вместе с тем и Павел, как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек» (Капитал, т. I, стр. 59).

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 59.

непосредственно общественной форме. Именно поэтому он выражается в продукте, способном непосредственно обмениваться на другой товар.

В пределах взаимоотношения двух товаров — *A* и *B* натуральная форма товара *A* служит лишь образом потребительной стоимости, а натуральная форма товара *B* — лишь формой, или образом стоимости. «Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т. е. через отношение двух товаров, в котором один товар (тот, стоимость которого выражается) непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар (тот, в котором стоимость выражается) непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Следовательно, простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости»¹.

Прослеживая развитие форм стоимости, Маркс генетически выводит из простой формы стоимости полную форму, из полной — всеобщую, а из этой последней, наконец, — денежную форму, что соответствует историческому развитию товарного производства.

Но для выполнения нашей задачи нет надобности в подробном разборе всех этих форм стоимости, ограничимся общим указанием на их значение для познания различных аспектов содержания и формы. А пока остановимся еще на одном моменте этого же вопроса, представляющем немаловажный интерес.

Анализ товара вскрывает его таинственность, разоблачает тайну товарного фетишизма. Маркс убедительно показывает, что мистический характер товара не возникает из физической природы товара, не порождается потребительной стоимостью, а возникает из определенных социальных условий, общественных отношений. «...Таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, при-
сущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей»². Товарная форма и то отношение стоимостей продуктов труда, в котором она выражается, есть не что иное, как определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами.

Из этого следует, что товар является носителем общественных отношений людей, следовательно, он есть *форма*, выражающая определенное *содержание* — общественные отношения людей друг к другу в процессе производства по поводу вещей, т. е. производственные отношения, «опредмеченные», «овеществленные» в товаре.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 68.

² Там же, стр. 78.

Формой, выражающей содержание производственной деятельности людей, является и обмен. В обмене не создается стоимости или потребительной стоимости. Как мы видели, и та и другая создаются трудом: соответственно — абстрактным и конкретным. Но в процессе обмена проявляется, выражается трудовая деятельность людей, их общественное отношение.

Таким образом, на примере марксистского анализа товара мы убеждаемся в чрезвычайной логической и познавательной важности роли и значения различных аспектов содержания и формы в процессе познания. Попытаемся указать на те аспекты этих категорий, которые со столь величайшим мастерством применяет Маркс в своем исследовании.

А. Аспекты содержания:

1. Содержание как совокупность элементов, процессов, образующих предмет: товар, выражающийся в потребительной стоимости и стоимости.

2. Содержание как общее, выражаемое в отдельном: богатство товаров, выражаемое в отдельном товаре.

3. Содержание как данное явление, выражаемое в другом явлении: производственные отношения, выражаемые в товаре; стоимость, выражаемая в потребительной стоимости; абстрактный труд, выражаемый в конкретном труде; производственная деятельность людей, выражаемая в обмене и т. д.

В. Аспекты формы:

1. Форма как внутренняя организация и выражение предмета: меновая стоимость — форма проявления содержания (стоимости).

2. Форма как способ существования: внешность товара.

3. Форма как способ существования и проявления: отдельный товар форма общего, скопления товаров.

4. Форма как способ выражения одного явления другим или другими: при простой форме стоимости — потребительная стоимость; при полной форме стоимости выражение стоимости в ряде товаров и т. д.

Какое большое значение Маркс придавал конкретности анализа, видно из того, что он всесторонне и глубоко исследует содержание и форму явлений товарно-капиталистического производства в их различных, переходящих друг в друга, аспектах. Там, где исследование посвящено содержанию, Маркс не останавливается на этом, идет дальше, исследует возможные формы существования и проявления этого содержания. Там же, где исследование посвящено форме, он не ограничивается этим, также идет дальше, вскрывает ее содержание, показывает, что скрывается за ней и т. д.

Маркс учит, что научное познание явлений возможно лишь тогда, когда раскрывается их внутреннее содержание, когда за внешними формами проявления обнаруживается их основное содержание. Например, категории: «стоимость труда», «стоимость земли» и т. д. — мнимые выражения. Но такие мнимые выражения возни-

кают из капиталистических производственных отношений. Это — категории для форм проявления существенных отношений. Вещи в своем проявлении могут часто представляться в извращенном виде¹ и т. д.

Заработная плата, например, скрывает действительные отношения между рабочими и капиталистами. Но Маркс вскрывает ее сущность, показывает, что оплачивается не труд, а стоимость рабочей силы, которая принимает превращенную форму заработной платы. «На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологегические увертки вульгарной экономии»².

Все экономисты до Маркса отождествляли содержание и форму: прибавочную стоимость с прибылью, прибыль с ее конкретными формами и т. д. Буржуазная политэкономия, писал Маркс, «никогда не представляла прибавочную стоимость отдельно от прибыли, а прибыль вообще никогда не представляла в чистом виде, в отличие от ее различных обособившихся друг от друга составных частей, — как промышленная прибыль, торговая прибыль, процент, земельная рента...»³. Только Маркс впервые исследовал содержание и форму в явлениях товарно-капиталистического производства во всей их конкретности, во взаимопереходах этих категорий, в их различных аспектах.

В «Капитале» Маркс генетически развивает и такие аспекты содержания и формы, в которых содержание выступает как материальный источник духовного, а форма — как духовное отражение материального.

Перейдем к рассмотрению этих аспектов содержания и формы.

Глава VIII

МАТЕРИАЛЬНОЕ — СОДЕРЖАНИЕ ДУХОВНОГО

Вопрос о материальном содержании духовного был нами затронут в связи с анализом внутренних аспектов содержания и формы духовного явления. Здесь мы должны вновь вернуться к нему, рассмотреть его специально и более подробно уже в другом плане, а именно в плане взаимодействия материального и духовного. Такая необходимость вызывается чрезвычайной важностью и актуальностью этого вопроса, являющегося в сущности основным вопросом философии, вокруг которого и поныне разворачивается борьба материализма против идеализма. Вместе с тем четкое раз-

¹ См.: К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 539.

² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 542.

³ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 221—222.

личение этих аспектов содержания и формы от других имело бы важное логическое значение и предостерегало бы нас от путаницы и ошибок в этом важнейшем вопросе.

Как мы уже говорили, домарксистская социология была идеалистической. Все домарксистские материалисты, не говоря уже об идеалистах, основной гносеологический вопрос в понимании общественной жизни решали идеалистически. Общественные события, процессы, явления, факты, действия, отношения и т. д. они объясняли из сознания, считая последнее первопричиной развития общества. Даже самые прогрессивные материалисты прошлого, такие, как французские материалисты XVIII в., Фейербах и русские революционные демократы, были материалистами «внизу», но идеалистами «вверху».

В исторической области, писал Ф. Энгельс, старый материализм изменяет самому себе, считая действующие там идеальные побудительные силы последними причинами событий, вместо того, чтобы исследовать, что за ними кроется, каковы побудительные силы этих побудительных сил. Непоследовательность заключается не в том, что признается существование *идеальных* побудительных сил, а в том, что останавливаются на них, не идут дальше к движущим причинам этих идеальных побудительных сил. В этом, собственно, заключается историческая ограниченность старого материализма, искренне стремившегося к истине и подготовившего ее открытие.

Главная причина того, что прошлые материалисты оказались идеалистами «вверху» состоит в том, что они не видели решающей роли общественной практики, материального производства в познании и преобразовании действительности. В результате этого они сознание выводили непосредственно из природы, как таковой, которая, разумеется, вопрос об источнике сознания оставляет открытым. Они не видели внутренней необходимой, закономерной связи как в развитии объективной действительности, так и в развитии познания, смешивали разные связи и отношения, не применяли к познанию логического закона восхождения от абстрактного к конкретному и т. д. Метафизичность была «ахиллесовой пятой» старого материализма, которая ослабляла его позиции в борьбе с идеализмом. Это верно. Но, с другой стороны, его сильной стороной было материалистическое понимание природы. В то же время, хотя положительной стороной идеализма, в особенности гегелевского, была диалектика, его слабой стороной была мистификация как действительности, так и самого познания.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на свою историческую ограниченность, старый материализм не рассматривал сознание как самостоятельную сущность, порождающую из себя материю, как это утверждал и утверждает идеализм, а считал его порождением материи (природы), т. е. считал *материальное (природу) содержанием, источником, основой идеального, духовного*.

Между тем идеализм стоял и стоит на антинаучных, ложных позициях, считая духовное содержанием материального. Он пере-

ворачивает действительные отношения и связи, ставит их с ног на голову, выводит все материальное из идеального, духовного. Такова, например, философская система Гегеля. Как мы показали, диалектика Гегеля была великим вкладом в историческое подготовление возникновения диалектического материализма. Заслуга Гегеля в исторической области состоит в том, что он пытается понять развитие общества как необходимый, закономерный процесс. Он подвергает критике тех, кто мнение, волю королей, законодателей и т. д. считает решающей силой развития человеческого общества, кто общество представляет как случайное, хаотическое скопление событий, фактов и т. д. Однако вместе с тем он мистифицирует реальные связи и отношения считает главной движущей силой развития общества «мировой разум», «абсолютный дух», который является, по его мнению, носителем исторической необходимости, единственной и действительной конкретностью. Все остальное абстрактно, метафизично.

Развитие «мирового разума» Гегель понимает как восхождение от абстрактного к конкретному. Впервые открыв этот логический закон развития знания, он применяет его к явлениям сознания, к «духу». Абсолютный дух восходит к самому себе через ряд ступеней, представляющих собой ряд его абстрактных проявлений — механизм, химизм и организм. Становясь конкретным, он проявляет себя и в обществе. Экономическая жизнь общества также есть абстрактное проявление духа. В этой сфере действуют обособленные индивиды, вступающие в определенные связи друг с другом ради сохранения своей индивидуальности. Но здесь господствует абстрактная форма сознания — рассудок, который не конкретен. Правда он содержит в себе противоположности, но последние остаются самими собою и не являются источником развития. Развитие обеспечивается правовой деятельностью. Но право есть проявление высшей сущности — целенаправленной воли. Именно воля является субстанцией права, политики, экономической жизни и т. д., она — форма существования разума. Все экономические категории есть абстрактные проявления разумной воли. Государство — это конкретная реальность, действительность всеобщей воли, образ и действительность разума. Вся материальная культура общества, по Гегелю, есть продукт развития духа, понятия или форма его проявления.

Таким образом, материальная жизнь общества у Гегеля есть форма проявления духа, разума, т. е. духовного.

Мистицизм Гегеля подверг всесторонней научной критике Маркс, раз и навсегда изгнавший идеализм из его последнего убежища — учения об общественной жизни. Обосновав диалектико-материалистический взгляд на общество, Маркс показал, что идеи, понятия, мысли не есть самостоятельные сущности, а обусловлены общественным бытием, являются его отражением, что общественное бытие есть источник, содержание всякого сознания, всякого духовного, что сознание — функция головного мозга и продукт общества, общественной практики и определяется общественным

бытием, что сущность сознания состоит в целенаправленном отражении внешнего, т. е. материального мира и т. д.

При этом следует особо подчеркнуть, что Маркс не ограничивается выяснением антинаучного характера мистицизма Гегеля. Он свои диалектико-материалистические воззрения последовательно проводит по всем линиям, по всем вопросам философии, политэкономии, социализма, заодно подвергая всесторонней критике тех, кто стремился применять гегелевскую мистику к объяснению общественных отношений.

Так, например, исходя из гегелевского мистицизма, мелкобуржуазный социолог и экономист Прудон утверждал, что экономические категории существуют сами по себе без материального содержания. Маркс в «Нищете философии» подверг уничтожающей критике попытку Прудона применить гегелевскую мертвую схему к политэкономии. В письме Анненкову (28 декабря 1846 г.) Маркс писал, что Прудон не понял, что люди, развивая свои производительные силы, развивают определенные отношения друг к другу и что характер этих отношений неизбежно меняется вместе с преобразованием и ростом производительных сил. Прудон не понял, что *экономические* категории суть лишь абстракции этих действительных отношений и являются истинными лишь постольку, поскольку существуют эти отношения.

Вместо того, чтобы рассматривать политико-экономические категории как абстракции действительных, преходящих, исторических общественных отношений, Прудон, мистифицируя вопрос, видит в действительных отношениях лишь воплощение этих абстракций. *«Абстракция, категория, взятая, как таковая, т. е. оторванная от людей и их материальной деятельности, является, конечно, бессмертной, неизменной, неподвижной. Она представляет собой лишь порождение чистого разума, что обозначает просто-напросто, что абстракция, как таковая, абстрактна. Восхитительная тавтология!»*¹.

Маркс показал, что у Гегеля категории логики, извечно существуя самостоятельно, предшествуют материальному миру и в своем самодвижении порождают его. У Прудона экономические категории предшествуют действительным экономическим материальным отношениям людей и порождают их. Гегель объективную действительность подменяет мертвой логической схемой, выдавая последнюю за подлинную объективную действительность. Прудон подлинные, объективно существующие экономические отношения людей подменяет абстракциями, выдавая абстрактные категории за подлинные, объективные, неизменные и действительные.

Вскрывая научную несостоятельность идеалистического понимания общества, Маркс показывает, что общество в сущности своей есть практически-производственная деятельность людей, специфической чертой которого является общественно полезный труд, существующий объективно, независимо от форм сознания и форм

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 29.

общества. Он есть *основное содержание* общества, без которого оно было бы невозможно. «...Труд, — писал Маркс, — как создатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависящее от всяких общественных форм условие существования людей, вечная, естественная необходимость; без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь»¹.

За каждой категорией, за каждым понятием у Маркса стоит реальная жизнь, реальные отношения людей. Категории — теоретическое выражение самой объективной жизни, являющейся содержанием, источником теории.

В своих «Замечаниях на книгу Адольфа Вагнера» Маркс критикует его за ту же мистификацию действительных отношений. Как известно, Вагнер сначала реальные объективные отношения превращал в идеальные понятия, а затем из понятий конструировал «теории». Этому мистицизму Вагнера Маркс противопоставляет свой материализм. «... Я исхожу, — писал Маркс, — не из «понятий», стало быть также не из «понятия стоимости», и потому не имею никакой нужды в «разделении» последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это — «товар»².

Буржуазная апологетика еще при Марксе пыталась игнорировать объективное содержание экономических категорий, выдавать их за «простые поэтические вольности». Так, например, Прудон писал: «Труду приписывается стоимость не потому, что он сам есть товар, а потому, что, по предположению, он потенциально заключает в себе стоимость. Стоимость труда есть фигуральное выражение и т. д.». По поводу этой фразы Прудона Маркс замечает: «В труде — товаре, который обладает убийственной реальностью, он видит только грамматический эллипс. Итак, отныне все современное общество, основанное на товарном характере труда, объявляется основанным на поэтической вольности, на фигуральном выражении. И, если это общество захочет «уничтожить все непорядки», которые его терзают, — что же? нет ничего легче! пусть оно уничтожит только неудачные термины, пусть оно изменит язык, а для этого стоит лишь обратиться к академии с просьбой выпустить новое издание ее словаря»³.

Это замечание Маркса не утратило своей актуальности и сегодня. Дело не только в том, что политики и философы современного монополистического капитализма требуют заменить «неудачный» термин «капитализм» более «удачным» термином «народный капитализм» и этим «уничтожить» все непорядки буржуазного общества. Современная буржуазная философия и социология не довольствуются таким явным отрицанием объективного материального содержания понятий, категорий. Она идет дальше, точнее, она делает то же самое, только в завуалированной форме.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 49.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 383.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 539.

Новая историческая эпоха принесла подлинный триумф революционному мировоззрению пролетариата. Марксизм-ленинизм стал властителем дум передового человечества. «Буржуазные учения и школы не выдержали исторической проверки. Они не смогли и не могут дать научного ответа на вопросы, выдвигаемые жизнью. Буржуазия уже не в состоянии выдвинуть идеи, которые могли бы увлечь за собою народные массы. Все больше людей в капиталистических странах порывают с буржуазным мировоззрением. **Буржуазная идеология переживает глубокий кризис**»¹. Ввиду этого буржуазная апологетика считает, что ей «удобнее» в какой-то степени заполнять «идейный вакуум» буржуазии и вести борьбу с истиной, с марксизмом в сфере социологии, чем в другой области знания. Поэтому центр тяжести своей борьбы она перенесла в социологию. Справедливости ради следует заметить, что ей нельзя отказать в изобретательности. Выдвигая на первый план «проблему человека», она сочиняет великое множество всяких квази-научных теорий, вроде теорий «социальной стратификации», «эмпирической социологии», «факторов» и «сфер» общественной жизни, «микросоциологии» и т. д., чтобы с их помощью завуалировать отрицание ею объективного содержания сознания, прикрыть перепев давно избитых старых идеалистических теорий. Но, разумеется, так как она ничего нового, кроме замены «неудачных» терминов «удачными» не дает, «идейный вакуум» не заполняется, а усиливается.

Пожалуй, нет необходимости в подробном разборе всех школ, течений, разновидностей современной буржуазной социологии. Это уже в значительной степени сделано в нашей литературе. К тому же мы уклонились бы несколько в сторону от нашей проблемы. Однако целесообразно остановиться на самом основном, а стало быть, самом реакционном направлении буржуазной социологии — психологическом направлении, одним из основоположников которого является немецкий философ и социолог Георг Зиммель (1858—1918). Это необходимо, во-первых, потому, что, в отличие от других, Зиммель «доказывает» психологическую концепцию путем мистификации *категорий содержания и формы*; при этом он приходит к идеализму в понимании общества, смешивая различные аспекты содержания и формы и отрицая объективное материальное содержание духовного; во-вторых, потому, что его взгляды не подвергались еще тщательному разбору в нашей литературе, а их рассмотрение имеет непосредственное отношение к нашей проблеме и может в известной степени восполнить указанный пробел.

В своих сочинениях «Социальная дифференциация», «Проблемы философии истории», «Философия денег», «Социология», «Интуиция жизни» и др. Зиммель исходит из целостного, единого духовного бытия. Подводя под объективные процессы общественной

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 357.

жизни психологическую базу и выдвигая социальную «дифференциацию» в качестве основного закона общественного развития, он благополучно приходит... к утверждению о том, что содержанием общества является духовное, психическое, а формой — материальное.

Трактуемая Зиммелем социальная «дифференциация» является лейтмотивом всех его абстрактно-догматических конструкций. Что собой представляет эта социальная «дифференциация»? По мнению Зиммеля, она есть априорный психологический закон. В результате его действия некогда однородное, единое, человеческое общество по мере разделения труда превращается в более дифференцированное, благодаря чему достигается «психическая экономия сил».

Но дело не только в этой абстракции, выдаваемой за основной закон развития общества. Само общество им трактуется чисто психологически. В своей книге «*Philosophie des Geldes*» он недвусмысленно утверждает, что какова бы ни была экономика общества, какую бы роль она ни играла в жизни общества, она объясняется в конечном итоге психикой. Под исторический материализм нужно подвести психологическую базу¹ — таково требование Зиммеля. В другой своей работе «*Soziologie*» Зиммель специальный раздел назвал «*Форма и содержание общественной жизни*», где он рассматривает общество как «взаимодействие определенных психических стремлений», которые, как самостоятельные сущности, не зависят от материального и являются «априорной предпосылкой истории», основой материальной жизни людей. Содержанием истории, по его мнению, является не что иное, как психическая деятельность социальных групп. «Я обозначаю, — пишет он, — все то, что в отдельных индивидах... наличествует в виде влечения, интереса, цели, склонности, психологического состояния и движения и причем в таком виде, что при этом возникает воздействие на других и обратное действие от них — все это я обозначаю *содержанием*, или как бы материей обобществления»². «Сами по себе эти *содержания*, — продолжает он, — еще не имеют социального характера... но они образуют это обобществление только в том случае, когда изолированное сосуществование индивидов превращается в определенные формы взаимности, подпадающие под общее понятие взаимодействия»³.

Зиммель, сначала отрывая общее от единичного, содержание от формы, реально существующие явления общества превращает во вневременные, мертвые абстракции, затем объявляет, что эти абстракции приобрели социальный характер или, как он выражается, обобществились на основе взаимодействия психических связей сосуществующих отдельных людей. «Обобществлением, таким образом, — пишет он, — является осуществляющаяся в бесчисленных различных видах *форма*, в которой индивиды на основе указанных

¹ G. Simmel. *Philosophie des Geldes*. Leipzig, 1907, vorrede, S. VIII.

² G. Simmel. *Soziologie*. Leipzig, 1908, S. 6.

³ Ibid.

(чувственных или идеальных) интересов остаются в единстве и в пределах которого эти интересы осуществляются»¹.

Стало быть, у Зиммеля явления человеческого общества есть результат психической деятельности людей; психическое выступает как содержание, основа материальных процессов общества.

Более того, психологический взгляд на общество у него дополняется метафизическим отрицанием закономерностей развития общества. Это и понятно. Нельзя видеть закономерности в развитии общества, если отрицать объективные экономические процессы и решающую роль способа производства в развитии общества.

Как мы видели, Зиммель так именно и поступает. Причем к отрицанию исторической закономерности он приходит как путем мистификации содержания и формы, так и в результате метафизического отрыва их друг от друга. По его мнению, в различных общественных группах можно встречать одинаковые формальные виды поведения отдельных индивидов по отношению к другим. «Господство и подчинение, — пишет он, — конкуренция, подражание, разделение труда, образование партий и тому подобное встречается в обществе. И как бы ни были многообразны интересы, лежащие в основе всех этих обобществлений, формы, в которых они проявляются, могут быть все одинаковые»². «И, наоборот, — продолжает он, — одинаковый по своему содержанию интерес может проявляться в весьма различных формах обобществления»³.

Что разные содержания могут проявлять себя в одной и той же форме, а одно и то же содержание — в разных формах, это верно, и жизнь дает сколько угодно фактов в подтверждение этому. Но Зиммеля в данном случае не интересуют ни сами факты, ни сложные взаимоотношения содержания и формы явлений. Его интересует другое. Эти рассуждения ему нужны были, чтобы оторвать содержание от формы, а затем объявить о существовании «чистых форм». «Хотя форма и содержание, — пишет он, — представляют неделимое единство общественной жизни, указанные выше факты легитимируют социологическую проблему, требующую установления, систематизации, психологического обоснования и исторического развития *чистых форм* (курсив наш. — А. М.) общественной жизни»⁴.

По мнению Зиммеля, предметом социологии является изучение этих «чистых форм», в то время как изучением содержания общественной жизни должны заниматься частные науки. «Разделение труда между этими науками, — пишет далее он, — полностью определялось различием *содержания*... Социология, которая хотела бы объединить целостность этих явлений с их единством формы и содержания, была бы ничем иным, как совокупностью отдельных наук»⁵.

¹ G. Simmel. Soziologie. S. 6.

² Ibid., S. 8.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., S. 9.

Разумеется, научная социология не может ни подменять собою отдельные общественные науки, ни быть их совокупностью. Но она должна быть наукой о наиболее общих законах развития общества, она должна изучать не ту или другую сторону общественной жизни, не тот или другой частный закон, а общие законы общественного развития. Она должна быть методологической, философско-теоретической основой отдельных общественных наук. Исторический материализм — социология марксизма является именно такой наукой. Зиммель же ратует за социологию без содержания. «Специальный характер социологии, — утверждает он, — состоит в том, что она всю область предметов рассматривает с особой точки зрения. Не ее предмет, но ее способ рассмотрения, ее особая абстракция отличает ее от других социально-исторических наук»¹.

Раз у Зиммеля в обществе нет объективных закономерностей, то предметом социологии является все что угодно, кроме законов общества. Она не имеет своего объективного содержания и осуждена на изучение мертвых, раз навсегда данных «чистых форм». Она всего навсего «особая точка зрения», «способ рассмотрения», или «особая абстракция».

Следует заметить, что основные работы Зиммеля вышли в свет в конце XIX и начале XX в., между тем как задолго до этого марксизм с научной неопровержимостью доказал первичность общественного бытия и вторичность сознания, решающую роль способа производства в развитии общества, естественноисторический закономерный характер развития общества и т. д. Поэтому выступление Зиммеля против этих научных истин, проповедь психологической мистики было таким же реакционным актом, как отказ от достижений современной химии и возврат к алхимии.

Антинаучную социологию Зиммеля в борьбе против марксизма широко использовали разные идеологи капитализма как на западе, так и у нас — неокантианцы, махисты, «легальные марксисты» и др. В этом отношении особенно отличался «легальный марксист» П. Струве. В «Критических заметках», «К вопросу об экономическом развитии России» и в других работах П. Струве борьбу против народничества и зная марксизма пытается использовать для борьбы против марксизма. При этом он ссылается на Зиммеля, аргументирует его же абстрактно-догматическими рассуждениями, в частности его пресловутым законом социальной «дифференциации».

П. Струве приводит тираду Зиммеля из его «Социальной дифференциации» о прямой зависимости между развитием индивидуальности и дифференциацией той группы, в которую входит эта личность. И эту тираду Струве противопоставляет тезису либерального народника Михайловского об обратной зависимости между развитием индивидуальности и дифференциацией общества².

В. И. Ленин в своей работе «Экономическое содержание народ-

¹ G. Simmel. Soziologie. S. 10.

² В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 392.

ничества и критика его в книге г. Струве» и в других трудах, отстаивая и развивая марксизм, разоблачает либерально-буржуазную природу «легальных марксистов», либеральных народников, неокантианцев, вскрывает научную несостоятельность теоретических рассуждений Зиммеля, Струве, Михайловского и других субъективистов. В частности, В. И. Ленин камня на камне не оставляет от социальной «дифференциации» Зиммеля — Струве. Указывая, что постановка вопроса у Струве грешит тем же недостатком, что и у Михайловского, В. И. Ленин пишет: «Абстрактное рассуждение о том, в какой зависимости стоит развитие (и благосостояние) индивидуальности от дифференциации общества, — совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношения, годного для всякой формы устройства общества. Само понятие «дифференциации», «разнородности» и т. п. получает совершенно разное значение, смотря по тому, к какой именно социальной обстановке применить его»¹.

Одной из характерных особенностей современной буржуазной социологии является то, что она уходит от конкретного в область абстрактного, видит свою задачу в переходе от одной абстракции к другой, не достигая конкретного, не рассматривая его. Эту особенность отметил В. И. Ленин еще в 90-х годах прошлого века в борьбе против народников, «легальных марксистов» и других субъективистов. «Основная ошибка г. Михайловского, — писал В. И. Ленин, — именно и состоит в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять «прогресс» вообще вместо изучения конкретного «прогресса» какой-нибудь конкретной общественной формации. Когда г. Струве выставляет против г. Михайловского свои общие положения... он повторяет его ошибку, уходя от изображения и выяснения конкретного прогресса в область туманных и голословных догм»².

В. И. Ленин, далее, показывает, что марксизм исходит из того, что нет абстрактных «групп», абстрактной «дифференциации» общества, а есть определенные общественные классы, связанные с определенным способом производства, борьба между которыми является движущей силой истории. В. И. Ленин абстрактно-догматическим манипуляциям о социальной «дифференциации» Зиммеля — Струве противопоставляет марксистскую теорию классовой борьбы, марксистскую социологию в целом.

Вместе с тем В. И. Ленин показывает, что марксистская социология не отрицает роли психических и тому подобных идеальных побудительных сил в развитии общества. Но, в отличие от субъективистов, она не считает их последними причинами событий, не останавливается на них, а идет дальше — к движущим причинам этих побудительных сил, т. е. к экономическим, производственным отношениям людей, к способу производства. Она исходит из того основного для всякого общества факта, что способ производства

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 392.

² Там же.

является главной, решающей силой, *содержанием* общественного развития, а сознание его отражением, его *формой*, что, следовательно, научное объяснение исторических событий и явлений возможно в связи с ним и в зависимости от него. Она рассматривает действительные, общественные отношения и их развитие как продукт деятельности, действий «живых личностей», людей, в то время как субъективисты, хотя и много говорят о «живой личности», индивидууме и т. д., но «живую личность» понимают как «куклу», голову которой начиняют своими собственными «помыслами и чувствами»¹. Она в противоположность абстрактно-догматическим рассуждениям субъективистов об «индивидууме» вообще, о «личности» вообще сводит индивидуума к определенным историческим общественным отношениям, определяя его сущность как совокупность этих отношений, основой которых являются производственные отношения. На место рассуждений субъективистов об «обществе» вообще, рассуждений бессодержательных и не шедших далее мещанских утопий,—марксистская социология ставит исследование определенных форм устройства общества, определенной общественно-экономической формации. На место субъективизма она последовательно проводит воззрение на социальный прогресс, как на естественноисторический закономерный процесс, воззрение, без которого, конечно, и не могло бы быть общественной науки².

Борьба В. И. Ленина против русских неокантианцев «легальных марксистов», махистов, а следовательно, и против их западных учителей не утратила своей актуальности и сегодня, так как современная буржуазная философия, социология «модернизируется», «совершенствуется», но не теряет ничего в своей реакционности и антинаучности.

Изобретая же различные теории, буржуазные социологи добиваются лишь одного — все более тонкой и «рафинированной» мистификации общественных отношений. Но мистифицируя общественные отношения, они тем самым закрывают себе дорогу к научному познанию содержания и формы явлений общественной жизни.

Итак, мы должны первым долгом подчеркнуть ту марксистскую истину, что материальные отношения людей, их материальная производственная деятельность являются *содержанием*, а идеологические, духовные отношения — *формой* общественной жизни.

Специфика общества состоит в том, что оно есть сложная совокупность взаимосвязанных общественных отношений и действий людей. В отличие от природы, где действуют слепые, бессознательные силы, в обществе действуют люди, наделенные волей, сознанием. Здесь ничего не делается без намерений, без цели. Каждый шаг практической жизни людей, как уже говорилось, прежде чем стать таковым, сначала существует в голове человека в виде намерения, плана, идеи или цели. Следовательно, общество предстает

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I. стр. 388.

² См.: там же, стр. 390—391.

перед нами как диалектическое единство материальных и идеальных отношений и сил.

Однако в этом единстве материальная жизнь и прежде всего способ производства материальных благ является объективным бытием общества, содержанием, источником, основой его идеальной жизни. Изменения материальной жизни общества или общественного бытия в *процессе развития* предшествуют изменениям общественного сознания и, в конечном итоге, определяют их. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. Это знаменитое положение Маркса, означающее коренной переворот во взглядах на общество, вовсе не умаляет роли и значения сознания, как думают критики марксизма, а указывает лишь на то, что общественное бытие первично, что оно — решающая, определяющая сторона общества, а сознание вторично, производное от него, его отражение.

Именно в этом смысле Маркс определяет общество как совокупность материальных, производственных отношений, не отрицая, возвышающихся над ними идеологических явлений, которые также, само собою разумеется, входят в понятие общества. Достаточно указать на то, что, исследуя законы развития общества, Маркс не ограничивался изучением только материальных отношений, а исследовал и роль общественного сознания — политических и правовых идей, нравственности, искусства, науки и т. д. в жизни общества, т. е. по образному выражению В. И. Ленина, «Облекал скелет плотью и кровью».

Вместе с тем, обосновав материалистическое понимание истории, решающую роль способа производства в жизни общества, марксизм открыл и законы его развития, неопровержимо доказав, что развитие общества есть естественно-исторический закономерный процесс. И какова бы ни была роль различных форм общественного сознания, каково бы ни было действие многочисленных отдельных идеальных побудительных сил и стремлений, даже таких, как страсть, честолюбие, ненависть, прихоть и т. д., как бы история нам ни казалась царством случайности, — все это не устраняет закономерного характера развития общества. Все его события и факты подчинены скрытым, внутренним законам его развития.

Марксизм также неопровержимо доказал, что общество не есть раз навсегда данное, неподвижное, к тому же хаотическое скопление вещей, идей и не есть сумма людей, как думают метафизики. Оно есть развивающийся диалектически, по своим объективным законам, единый организм, имеющий свою историю, свои качественно отличные друг от друга ступени развития.

Таков диалектико-материалистический взгляд на человеческое общество. И только такой взгляд дает ключ к научному познанию сложных явлений общественной жизни, в том числе — ее содержания и формы.

Итак, материальное есть содержание, а духовное есть форма — вот что является краеугольным камнем, незыблемой основой марксистской философии и социологии. Трудно переоценить значение

этого положения для развития всех областей знания, в особенности естествознания. Но именно это обстоятельство требует от нас четкости и определенности в понимании категорий содержания и формы.

В каких же аспектах этих категорий материальное есть содержание, а духовное—форма? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, какие аспекты до сих пор мы рассмотрели и совпадают ли категории материального и духовного с какими-либо из рассмотренных аспектов.

Начнем с категории содержания. Мы исследовали такие ее аспекты: содержание как совокупность элементов, процессов, составляющих предмет, явление; содержание как единство внутренних аспектов содержания и формы, выражаемое во внешности явления; содержание как материя, существующая в своих формах—пространстве, времени и движении; содержание как общее, выражаемое в отдельном; содержание как данное явление, выражаемое в другом явлении.

Ближайшее рассмотрение показывает, что материальное как содержание не совпадает ни с одним из указанных аспектов. Конечно, имеются и общие, совпадающие черты между всеми аспектами содержания. Но, кроме общих черт, все они отличаются друг от друга. Следовательно, мы здесь имеем дело с новым аспектом содержания, обладающим своей спецификой, своими качественно отличными особенностями. Специфика этого аспекта состоит *в свойстве быть, существовать независимо от сознания, быть источником сознания, отражаемым в сознании*. Отражение может иметь и имеет свои разновидности, например, мы выше говорили о физической форме отражения. Но когда речь идет о соотношении материального (материи) и духовного (сознания), то мы имеем в виду не всякое отражение и не отражение вообще, а отражение материального в общественном сознании.

Мы также исследовали такие аспекты категории формы: форма как внутренняя организация содержания; форма как внешность явления; формы бытия материи; форма как отдельное, единичное, выражающее общее; форма как способ выражения одного явления другим. Анализ духовного как формы убеждает нас в том, что этот аспект формы не совпадает с рассмотренными выше аспектами, что он, кроме общих с ними черт, отличается от них, имеет свою специфику, свои особенности. Следовательно, здесь мы имеем дело с новым аспектом формы. Специфика его состоит *в целенаправленном отражении* независимо от него существующего внешнего материального мира — природы и общественного бытия.

Эти новые аспекты должны в отличие от других аспектов иметь особые, специфические диалектические связи. В познании этих категорий, как уже говорилось, самым важным является установление специфики аспекта, стороны. Только диалектический подход, только учет специфики различных их аспектов дает возможность правильно решать вопрос об их взаимоотношении, взаимо-

действии. В этом нас убеждает взаимодействие рассматриваемых аспектов.

Нет ничего ошибочнее механического распространения диалектики одних аспектов на взаимодействие других. Мы уже показали, какие недоразумения порождает такой прием. Это можно видеть и на примере решения спорного вопроса: может ли форма в своем развитии опережать содержание или нет?

Вопрос этот является предметом широкой, непрекращающейся дискуссии, обсуждения. Но можно дискутировать до скончания века и не прийти к верному ответу на него, ибо невозможность ответа заключена в самой постановке вопроса.

Как же отвечают на этот вопрос? Одни говорят «да» другие — «нет». И обе стороны, конечно, приводят в подтверждение своей точки зрения немало доводов, аргументов и т. д. Но недостаток заключается не в отсутствии аргументов, а в постановке вопроса. Никакие аргументы не помогут делу, если налицо неверная постановка вопроса. В чем же этот недостаток? В том же! В *смещении, отождествлении* разных аспектов категорий содержания и формы. Ни на один вопрос о взаимоотношении, взаимодействии, взаимосвязи содержания и формы невозможно отвечать без учета специфики их аспектов, поскольку, как было показано выше, каждый аспект имеет свою особенность, специфику, следовательно, и специфические связи, и, напротив, легко установить это взаимодействие, если нам известны аспекты, их специфика.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, мы должны его уточнить, конкретизировать, мы должны спросить: о каком содержании, о какой форме, точнее, о каких их аспектах идет речь? Если речь идет о форме — внутренней организации содержания, то ответ может быть один: *нет*, форма по своей природе *не может* опережать содержание, поскольку она, как мы видели, более устойчива, менее подвижна, чем содержание. Но если речь идет о форме — сознании, то ответ будет положительный: форма может опережать содержание, поскольку сознание по своей природе должно освещать путь практике. В итоге практической деятельности людей получается результат, который в ее начале имелся идеально, в голове людей. Сущность сознания состоит в том, что, прежде чем *предпринимать практическое действие*, люди предварительно его имеют в своей голове в виде мысли, плана, цели и предвидят результаты своих действий. Следовательно, сознание выступает как необходимый *способ, важнейшее условие* практической деятельности людей. Практическая деятельность людей никогда, нигде не осуществлялась и не может осуществляться без сознания. Это, конечно, ни в коей степени не умаляет, не отрицает объективности материального, следовательно, материалистического решения основного гносеологического вопроса.

Разумеется, мысль сама по себе непосредственно не изменяет действительности. Она может непосредственно изменять что-либо только в абстракции. Материальный же мир изменяется и может изменяться практически, только материальными силами. Обще-

ственная практика человека, прежде всего его производственная деятельность, и есть материальная сила, направленная на активное изменение действительности. Однако любой шаг практической производственной деятельности человека сначала возникает в его голове в виде идеи, мысли, плана, а затем на практике «овеществляется», претворяется в жизнь. Для практической же деятельности человека очень важно, какой именно вид принимает каждый его шаг в его голове. Верно отражая существенные связи действительности, открывая законы развития и вооружая людей знаниями, теоретическое мышление организует, мобилизует их на борьбу за целенаправленное изменение действительности. В этом смысле теория становится материальной силой, как только она овладевает массами.

Мышление не есть пассивное отражение действительности, а активный процесс, включающий в себя предвидение, *преобразование* мира сначала идеально. Научное предвидение освещает путь практике, без этого практика блуждала бы в потемках. Об этом остроумно сказал Гегель: «Разум столь же *хитер*, сколь *могущественен*. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь *свою собственную цель*»¹. С другой стороны, мышление обогащается данными практики, развивается на ее основе, проверяет с ее помощью истинность своих выводов, верность своих принципов.

В этой связи заметим, что стихийность общественного процесса в досоциалистических обществах состоит не в том, что люди в этих обществах якобы лишены сознания или не ставят сознательной цели, плана и т. д. Люди всегда и везде — безразлично, первобытный ли это дикарь или современный строитель коммунизма — потому и люди, что свои действия и их результаты предварительно строят мысленно, в своей голове, а затем претворяют их в жизнь. Разумеется, это не исключает, а предполагает различный характер, степень, природу сознания в разных социальных условиях, — ведь сознание тоже есть исторический процесс. В прошлых обществах сознательно поставленные цели, планы, стремления индивидуумов, сталкиваясь и перекрещиваясь, приводили, как правило, к обратным результатам. Поскольку интересы людей противостояли друг другу, не совпадали в основном, главном — в отношении к средствам производства, то в результате их практических действий складывался общественный процесс, который не поддавался ни контролю, ни регулированию со стороны людей, а, напротив, сам этот процесс подобно чуждым, стихийным силам природы, господствовал над людьми, т. е. носил стихийный характер.

Все это показывает, что сознание, с одной стороны, есть способ, форма бытия общественной практики, материальной, произ-

¹ Гегель. Соч., т. I, стр. 318—319.

водственной деятельности людей, а с другой — зависит от общественного бытия, от социально-экономических условий. Характер, роль, степень активности влияния сознания на свой материальный источник — все это зависит от характера, природы самого этого источника, от материального общественного бытия. С изменением, например, материальных условий жизни людей при социализме изменяются роль, характер, функции и т. д. сознания. С ликвидацией частной собственности на средства производства интересы людей совпадают в главном, в основном — в отношении к средствам производства. Действия людей подпадают под власть и контроль людей, стихийный процесс сменяется плановой организацией в масштабе всего общества, следовательно, неизмеримо возрастает роль субъективного фактора, роль общественного сознания.

Из этого следует, что сознание не пассивная, не безразличная к своему материальному содержанию форма. Она активно влияет на развитие своего материального содержания. Об этом свидетельствует тот факт, что люди ни единого практического шага не могут сделать без сознания.

Нет надобности в данном случае говорить подробно о таких общеизвестных истинах, как организующая, мобилизующая, вдохновляющая роль идей, взглядов в развитии общества, или о роли науки, политики, права в развитии экономики и т. д. Нас интересует сейчас другое: можно ли безоговорочно принять положение Гегеля о том, что форма «как нерелефированная внутри себя, есть внешнее, безразличное для содержания существование». Мы уже имели возможность показать, что это положение верно по отношению к тому аспекту формы, в котором она выступает как внешность явления. Но оно неверно применительно к другим аспектам внешней формы.

Гегель исследовал категории содержания и формы в общем плане и, понятно, он не мог дать подробный анализ их различных аспектов. Правда, у него есть указание на существование двух аспектов формы — внутреннего и внешнего, но дальше этого он не идет. Поэтому у нас нет основания упрекать его в отождествлении разных аспектов этой категории.

Тут дело гораздо сложнее. У Гегеля во взаимоотношении материального и духовного содержанием является духовное, а формой — материальное. Так как материя, по его мнению, инертна, метафизична, лишена диалектических законов развития, то, следовательно, она и есть «внешнее, безразличное для содержания существование». Догматическая система Гегеля помешала ему правильно решить вопрос о внешней форме. Поэтому с положением Гегеля невозможно согласиться. Во-первых, во взаимоотношении материального и духовного содержанием является материальное, а формой — духовное; во-вторых, духовное есть *внешняя* форма материального (поскольку и материальное и духовное имеют свои внутренние, соответствующие содержание и форму). Внешняя форма не сводится только к внешности явления. Она, как мы видели, имеет свои другие аспекты; в-третьих, эта внешняя форма всегда

и всюду активно влияет на развитие материального, и не есть безразличное для содержания существование. Общественное сознание, определяясь в *конечном итоге* общественным бытием, в свою очередь воздействует на развитие общественного бытия, притом всегда *активно*.

Более того, определенная внешняя форма может приобретать первостепенное значение для развития содержания. Возьмем такую внешнюю форму материального, как *политика*. Она может играть решающую роль в развитии своего материального содержания. Достаточно напомнить ту марксистскую истину, что *диктатура пролетариата* является решающим условием перехода к социализму, развития материального содержания. Опыт пролетарских революций, строительства социализма в странах социалистического лагеря красноречиво подтверждает именно этот вывод.

Однако эту марксистскую истину нужно понимать правильно. Говоря о решающей роли диктатуры пролетариата, социалистического государства как политической организации общества в развитии материального производства, мы ее рассматриваем не в соотношении с внутренней диалектикой содержания и формы материального производства, а в соотношении с другими внешними факторами его развития, между тем как внутренняя диалектика способа производства (любого предмета) всегда является решающей силой, главным источником его саморазвития.

Поэтому, когда спрашивают, может ли форма играть ведущую роль в развитии содержания, то мы и здесь имеем дело с той же абстрактной постановкой вопроса, о которой только что шла речь. Верный ответ может быть дан только при правильной постановке вопроса. Если роль содержания или формы рассматривается в соотношении их внутренних аспектов, то, как было показано выше, форма не может играть ведущей роли по отношению к содержанию, поскольку она отстает от содержания, более устойчива, менее подвижна, определяется содержанием и т. д. Но если же форма берется в соотношении с другими — внешними факторами, то форма может играть решающую роль в развитии содержания. Например, производственные отношения играют решающую роль в развитии производительных сил по сравнению со всеми остальными факторами, так или иначе влияющими на их развитие. Но неверно утверждение, что производственные отношения могут играть решающую, ведущую роль в развитии способа производства по сравнению с производительными силами.

Из сказанного сделаем краткие выводы:

1. При применении категорий содержания и формы к познанию необходимо четко определить их аспекты.

2. Определив аспекты категорий, следует затем установить специфику их связей, их диалектического взаимодействия. Диалектика содержания и формы так или иначе действительна во всех их аспектах, но это не дает никакого основания для механического распространения диалектики одних аспектов на взаимоотношения других аспектов. Познание не может игнорировать их специ-

фические связи — непосредственные и опосредствованные, главные и неглавные и т. д. Нельзя, например, взаимоотношения внутренних аспектов содержания и формы отождествлять с их внешними связями, внешними аспектами. Смешивать непосредственные и опосредствованные, внутренние и внешние связи — значит исключить возможность научного познания.

3. Стремление все аспекты категорий содержания и формы свести к одному аспекту, а затем, исходя из него, объяснить все сложные связи и отношения — значит подходить к этим категориям метафизически, абстрактно, иметь о них однобокое, абстрактное представление, игнорировать, отрицать все богатство аспектов, сторон, оттенков, нюансов, связей и отношений этих категорий.

4. Анализ категорий содержания и формы показывает абстрактный характер приведенных нами вначале исследования дефиниций содержания и формы: краткие определения содержания как «совокупности элементов, процессов, образующих явление», а формы как «внутренней организации содержания» верны лишь в своих узких пределах, но не исчерпывают всех сторон этих категорий, не охватывают других их аспектов и связей, поэтому они недостаточны. Теперь, когда способом восхождения от абстрактного к конкретному мы исследовали различные стороны, аспекты, связи и отношения этих категорий, можно дать более полные их определения (дефиниции), охватывающие их существенные, общие признаки.

Под содержанием мы понимаем соотносительную с формой философскую категорию, отражающую: совокупность элементов, процессов, образующих явление; единство внутренних аспектов содержания и формы, выражаемое во внешности явления; материю, существующую в своих формах — в пространстве, времени и движении; общее, выражаемое в отдельном; данное явление, выражаемое в другом явлении; материальное как источник духовного.

Под формой мы понимаем соотносительную с содержанием философскую категорию, отражающую: внутреннюю организацию содержания; внешность явления; формы бытия материи; отдельное, выражающее общее; способ выражения одного явления другим; духовное, выражающее материальное.

Между всеми аспектами содержания имеются общие, тождественные черты: содержание во всех своих аспектах является в отношении со своей формой главной, ведущей решающей стороной, подчиняет себе различные формы и в то же время выражается в форме.

Между всеми аспектами формы также имеются общие тождественные черты: форма во всех своих аспектах имеет свойство подчиняться содержанию, влиять на него, выражать его и т. д.

Следовательно, при применении этих категорий к познанию нужно исходить из единства тождества и различия аспектов этих категорий. Недопустимо ни игнорирование их тождества, ни игнорирование их различия, — и то и другое являются главным препятствием в познании этих категорий.

В этой связи заметим, что, к сожалению, в литературе широко распространен прием, когда отождествляют разные аспекты этих категорий, точнее, приходят к этому путем отрицания их различных аспектов, берут один из них, а остальные считают «нефилософскими». «Философской же стороной» считают: содержание — совокупность элементов, процессов, а форма — внутренняя организация содержания. Что сверх этого, то от лукавого.

Вот как, например, пишут об этом в Ученых записках ЛГУ «Часто под содержанием понимаем то, что содержится в данном объеме, в данном понятии, явление в целом и т. д. Точно также понятие формы используется для обозначения внешних границ содержания, тела, для выражения видов, частей определенного содержания (например, мы говорим о формах движения материи, органических формах, о формах классовой борьбы, общественного сознания и т. д.). **Мы не будем касаться всех этих случаев пестрого понимания содержания и формы, а рассмотрим лишь философскую сторону вопроса**¹.

Конечно, нет ничего легче, как отмахнуться от сложных сторон, аспектов, связей и отношений этих категорий, считая их — эти богатства связей «нефилософскими». Но решение трудного вопроса нужно искать не на пути отрицания самого вопроса, а на пути его исследования. Задача познания этих категорий состоит не в том, чтобы обеднять их, превращать все их конкретное содержание в тощую абстракцию, а в том, чтобы воспроизводить конкретное как диалектически расчлененное целое.

Есть, разумеется, и «нефилософские» стороны этих категорий, точнее, эти слова выражающие философские категории, имеют и другое значение. Например, часто слово «содержание» имеет нефилософское значение, его употребляют в другом смысле, скажем, «содержание города в чистоте», «отпуск работника с сохранением содержания» и т. д. То же самое можно сказать и о форме. Но ведь задача познания состоит не только в том, чтобы учитывать различные значения слов содержания и формы и отделить философское значение этих слов от нефилософского, но и в том, чтобы не отрицать, не отвергать различных аспектов философских категорий, не обеднять и не смешивать их, а исследовать в их конкретности, все-сторонне воспроизводить их конкретное богатство и применять их к познанию согласно их природе.

Сторонники же критикуемой точки зрения идут по легкому пути: объявляют все сложные аспекты этих категорий «нефилософскими», чтобы избавить себя от заботы об их исследовании. Но такой путь, кроме путаницы и ущерба познанию, ничего не способен дать. Напомним следующее: Маркс сложную часть своего экономического исследования (в особенности 1-ю главу «Капитала») осуществил благодаря искусному применению и развитию различных аспектов категорий содержания и формы, в том числе и тех, которые считают «нефилософскими».

¹ Уч. зап. ЛГУ. Серия философских наук, вып. 7. Л., 1956, стр. 40 (подчеркнуто нами. — А. М.).

В этой связи будет полезно еще раз подчеркнуть: или мы должны систематически исследовать все аспекты, связи, отношения категорий содержания и формы и способом восхождения от абстрактного к конкретному прийти к воспроизведению их конкретности, их единства во многообразии (к чему мы стремились в данном исследовании), или если мы этого не сделаем, то никогда не избавимся от тех кривотолков, о которых мы говорили в разной связи до сих пор.

Это мы видим сейчас и на примере анализа таких сторон исследуемой проблемы, как взаимоотношение старой формы и нового содержания, новой формы и старого содержания.

Часть третья

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ, ВЗЯТОЕ В ЦЕЛОМ

Глава IX

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫМ СОДЕРЖАНИЕМ СТАРОЙ ФОРМЫ

Теперь, лишь после того как выяснены основные аспекты исследуемых категорий и их взаимоотношения, становится возможным рассмотрение проблемы в целом, а также таких ее сторон, как взаимоотношение старой формы и нового содержания, старого содержания и новой формы. Мы говорим «становится возможным», поскольку соответствующие категории и связи, отражающие проблему в целом, возможно генетически развить только лишь из всего предшествующего анализа. Без анализа различных аспектов содержания и формы невозможно и рассмотрение взаимоотношений нового содержания и старой формы, старого содержания и новой формы.

Сбрасывание старой формы новым содержанием, как мы видели, является решающим поворотом, скачком и закономерно вызывается потребностями развития содержания, необходимостью восстановления нарушенного соответствия формы содержанию.

Однако в действительном развитии отношения между содержанием и формой значительно разнообразнее, богаче, чем это представлено формулой: «Старая форма сбрасывается новым содержанием». Конечно, если ограничиться элементарно-логическим подходом, то можно даже прийти к догматическому выводу: раз старая форма сбрасывается новым содержанием, то последнее не может и не должно использовать старую форму.

Между тем при ближайшем рассмотрении выясняется, что на определенном этапе развития, в соответствующих условиях, старая форма в *различных аспектах* до поры до времени не сбрасывается новым содержанием в *различных аспектах*, а используется им для своего развития. Более того, в отдельных случаях использование старой формы новым содержанием становится обязательным, единственно возможным условием восстановления соответствия формы содержанию, сохранения, поддержания и развития но-

вого содержания. Причем новое содержание в зависимости от характера явления и условий его развития использует различные аспекты¹ формы не для примирения с ней, а для победы над ней. В этом нас убеждают данные науки и практики.

Раньше всего рассмотрим этот вопрос на основе данных биологической науки. Последняя показывает, что видообразование возможно только в результате использования старой формы новым содержанием. Переход от старого вида к новому есть сложный и длительный процесс. Он совершается не мгновенно, не внезапно, а постепенно, путем медленного накопления передающихся по наследству от поколения к поколению признаков нового и исчезновения старого вида. Этот переход обусловлен тем, что под воздействием непрерывно изменяющихся внешних условий изменяется прежде всего содержание: старый тип обмена веществ сменяется новым, изменяются физиологические закономерности, утрачиваются старые функции и возникают новые и т. д. При этом форма не изменяется одновременно с изменением содержания, а сохраняется долгое время после того, как возникло новое содержание. Это означает, что форма становится старой и «вынужденно» наполняется новым содержанием, используется им. Старые органы организмов начинают выполнять новые функции, приспосабливаясь к потребностям содержания. И этот противоречивый процесс продолжается до тех пор, пока непрерывно изменяющееся и разросшееся содержание, наконец, более не может развиваться в старой форме. Отжившая форма, исчерпав себя, сменяется новой, соответствующей, что означает завершение процесса возникновения нового вида.

Так происходил процесс перехода от одного вида к другому, а также — от обезьяны к человеку. Энгельс указывал, что в процессе превращения обезьяны в человека выполнение передними конечностями новой функции — функции руки отнюдь не означало немедленной коренной «перестройки» морфологии передних конечностей. Последние, сохраняя свое прежнее анатомическое строение, наполнялись новым содержанием, длительное время выполняли новую, необычную для них функцию до тех пор, пока, наконец, благодаря непрерывному приспособлению ко всем новым и новым операциям трудовой деятельности и передаче по наследству достигнутого особого развития мускулов, связок, костей и т. д. не происходила их морфологическая «перестройка».

В этой связи следует подчеркнуть, что не всякое использование старой формы вызывается потребностями развития нового содержания. Например, явления атавизма. Дарвин приводит, в особенности в труде «Изменение животных и растений в домашнем состоянии», множество примеров такого рода. Вот некоторые из них: у пород голубей различной окраски иногда появляются сизые экземпляры со всеми признаками, характерными для дикого *Columba Livia*; домашний осел нередко рождается с полосатыми ногами,

¹ Нет необходимости в данном случае указывать, о каком аспекте содержания или формы идет речь, это ясно из предыдущего анализа

что указывает на реверсию к его далекому предку; из семян, собранных с наилучших культурных разновидностей аютиных глазок, часто выходят растения, совершенно дикие как по листве, так и по цветкам; нередко ребенок походит на деда, бабу, или даже на отдаленного предка, более чем на своих родителей; наконец, развитие хвостовидного придатка, появление волосяного покрова у человека и т. д. Эти факты показывают, что старая форма может быть вызвана к жизни другими причинами, но не потребностями развития нового содержания. В этом случае старая форма не используется новым содержанием для его развития.

Совершенно иначе обстоит дело с биогенетическим законом. Повторение главных этапов развития ряда предковых форм в онтогенезе показывает, что в живой природе развитие происходит путем использования старых форм. На это указывает в частности тот факт, что зародыши различных животных сходны по форме и напоминают свои предковые формы. Например, зародыш млекопитающих на раннем этапе развития похож на первичные одноклеточные организмы, в дальнейшем развитии — на червеобразные существа, затем — на рыбообразные и т. д. Повторяемость наблюдается и у различных органов животных. У шестимесячного зародыша современной лошади имеются три пальца на ноге, а у пятимесячного можно наблюдать фаланги боковых пальцев, что указывает на происхождение и длительную эволюцию лошадиных. Повторение филогенетических черт в онтогенезе указывает на *преemptивность* в развитии видов, на использование новым видом старых форм.

Таким образом, в определенных биологических явлениях и процессах использование старой формы новым содержанием не противоречит их диалектике развития, а дополняет ее, является ее весьма важной и необходимой стороной.

Еще более разительны факты диалектического использования старой формы новым содержанием в общественной жизни.

Чтобы не уходить слишком в сторону, рассмотрим этот вопрос на опыте борьбы КПСС за власть и социалистическое строительство в нашей стране.

Великая Октябрьская революция была коренной, глубокой ломкой всей общественной жизни. Она ознаменовала собой решительную ликвидацию старых производственных отношений, старых порядков и утверждение новых. И, казалось, она должна была в своем горниле уничтожить полностью, без остатка все и всяческие старые формы, коль скоро она сама по своей природе является переходом от старого к новому.

На деле же социалистическая революция более сложный, противоречивый процесс, чем простое «уничтожение». Во-первых, она стала возможной у нас благодаря использованию всяких, в том числе и старых, форм борьбы; во-вторых, она победила потому, что, с одной стороны, решительно уничтожала все то, что мешало утверждению, развитию нового общественного строя, а с другой —

столь же решительно сохраняла, подчиняла, использовала все то, что способствовало возникновению, развитию нового.

На вопрос о том, как и каким путем КПСС организовала победу нашего народа в борьбе за власть, за социализм, можно дать следующий ответ: конечно, много факторов в единстве обусловили эту победу, но в их числе немаловажное значение имел и такой фактор, как диалектическое использование КПСС старых форм борьбы за власть и старых экономических форм в области хозяйственного строительства.

История КПСС является непревзойденным образцом отыскания и создания новых форм организации и борьбы, искусного сочетания новых и старых форм, гибкой смены одних форм другими для развития действительно могучего, победоносного революционного содержания рабочего движения нашей страны.

Большевизм, указывал В. И. Ленин, мог в 1917—1920 гг. победить потому, что он, с одной стороны, возник в 1903 г. на самой прочной базе—теории марксизма, а с другой стороны, проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за 15 лет не было пережито, даже приблизительно, так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового¹.

С самого начала своего возникновения КПСС является воплощением единства революционной работы, программы, тактики (содержания) и соответствующих организационных форм. В. И. Ленин, создавая нашу партию, учил, что без единой программы и тактики, без революционного содержания не может быть соответствующих форм партийной работы, не может быть самой революционной партии, способной повести за собой свой класс. «Пока у нас, — писал В. И. Ленин, — не было единства в основных вопросах программы и тактики, мы прямо и говорили, что живем в эпоху разброда и кружковщины, мы прямо заявляли, что, прежде чем объединяться, надо размежеваться, мы и не заговаривали о формах совместной организации».²

Но когда В. И. Ленин и ленинцы идейно разгромили «экономистов» и выработали программу и тактику партии нового типа, возникла необходимость организационного оформления партии. Меньшевики, как и «экономисты», вместо партии социальной революции, хотели иметь оппортунистическую партию. Поэтому они выступали против принципов демократического централизма, проповедовали кружковщину, организационную распушенность, подрывали партийную дисциплину. Причем этот свой оппортунизм меньшевики софистически прикрывали рассуждениями о том, что содержание важнее формы. Беспощадно разоблачая меньшевиков, В. И. Ленин подчеркивал, что содержание, конечно, «важнее»

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9—10.

² Там же, т. 7, стр. 357

формы, но в то же время без соответствующих организационных форм, без строгой централизации, без железной дисциплины, без выполнения принципов демократического централизма и т. д. не может быть и содержания, не может быть партии нового типа. «Нерушимый закон жизни КПСС — идейное и организационное единство, монолитность ее рядов, высокая сознательная дисциплина всех коммунистов»¹.

Вместе с тем, создавая партию нового типа, В. И. Ленин учил, что если, с одной стороны, немисливо революционное содержание партии без определенных ее организационных форм и методов борьбы, то, с другой стороны, эти определенные формы воплощают содержание революционной работы партии не исчерпывающе, не абсолютно, а относительно, ибо непрерывно изменяются обстановка, условия, в которых работает партия и, как следствие этого, изменяется содержание партийной работы. «Партия революционного марксизма, — говорится в решениях X съезда КПСС, — в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса, формы партийной организации, а равно и методов ее работы. Наоборот, форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают»².

Наша партия боролась не только против тех, кто отрицал революционное содержание партии и формы ее работы, но и против тех, кто цеплялся за старые формы, рассматривая их как раз навсегда данные, кто искал абсолютную форму партийной работы, пригодную для всех случаев, при всех условиях. Когда организационные формы переставали соответствовать потребностям развития содержания революционной работы, партия заменяла их такими, которые соответствовали содержанию революционной деятельности. В противном случае, отжившая форма тормозила бы развитие революционного содержания. После II съезда партии, когда меньшевики подрывали всякую партийность и партийную дисциплину, В. И. Ленин писал: «Неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдные застои, ведет к расхищению сил, к несоответствию между словом и делом»³.

Борясь за соответствие формы содержанию, партия в то же время учитывала, что само соответствие носит противоречивый характер, что «противоречия между потребностями нового складывающегося положения, с одной стороны, и установившейся формой организации и методами ее работы — с другой, намечаются в общем раньше, чем окончательно скажется необходимость изменения курса»⁴. Но партия не ограничивалась только признанием того,

¹ Устав Коммунистической партии Советского Союза. «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 430.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, Госполитиздат, 1953, стр. 516.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 7, стр. 360.

⁴ КПСС в резолюциях... ч. I, стр. 516.

что соответствие формы содержанию заключает в себе противоречие. Она рассматривала это противоречие как процесс, изучала его состояние, природу, степень зрелости. Осознание и изучение этого противоречия, как бы оно первоначально ни было не заметно, придавало тактике партии гибкость, готовность к своевременной замене старой, отжившей формы новой, соответствующей.

Вместе с тем КПСС исходила из того, что в зависимости от этапа и условий развития противоречия восстановление нарушенного соответствия формы содержанию *вполне возможно* не путем сбрасывания старой формы и замены ее новой, а путем подчинения, использования старых форм новым содержанием. При этом партия руководствовалась не предвзятой схемой, а потребностями развития революционного содержания. Ни возникновение новой формы, ни использование старой не является субъективным произволом. Более того, «новая», но преждевременная, искусственно навязанная содержанию форма, как мы уже подчеркивали, может нарушить соответствие так же, как и отжившая форма. Поэтому единственно научная постановка вопроса состоит в следующем: *соответствует или нет в данных условиях, в данном явлении, на данном этапе форма новому содержанию!* Только такая постановка вопроса позволяет определить целесообразность и возможность использования новых и старых форм.

Неразрывная связь с народом, глубокое знание жизни на основе всестороннего научного анализа объективных процессов общественной жизни давали возможность КПСС выдвигать на всех этапах своего развития те новые и старые формы, которые соответствовали потребностям развития революционного содержания.

Посмотрим, что дало нашему народу практическое использование коммунистической партией старых форм борьбы.

Одной из старых форм борьбы в рабочем движении считается определенный, практический *компромисс* с различными антипролетарскими партиями и течениями. С точки зрения «левых», никакие компромиссы принципиально недопустимы и вредны для партии революционного пролетариата. Так, например, бланкисты-коммунары в своем манифесте писали: «...«Мы—коммунисты»...» потому, что хотим достигнуть своей цели, не останавливаясь на промежуточных станциях, не идя на компромиссы...¹». Немецкие «левые» писали: «...со всей решительностью следует отвергнуть всякий компромисс с другими партиями, всякое возвращение к исторически и политически изжитым формам борьбы парламентаризма, всякую политику лавирования и соглашательства»². «Левые» в рабочем движении нашей страны вроде «отзовистов» также выступали принципиально против компромиссов с другими партиями, против использования парламентских форм борьбы и других легальных возможностей.

Но подобный нигилистический взгляд на компромиссы ничего

¹ Цит. по книге В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 48.

² Там же, стр. 23.

общего не имеет с потребностями развития революционного содержания. «... Отрицать, — писал В. И. Ленин, — компромиссы «принципиально», отрицать всякую допустимость компромиссов вообще. каких-бы то ни было, есть ребячество, которое трудно даже взять всерьез»¹.

В истории освободительного движения пролетариата нашей страны и во имя его победы революционные марксисты заключали массу практических компромиссов с различными своими противниками. В 90-х годах прошлого века В. И. Ленин заключил формальный политический союз с «легальными марксистами» против народников; в 1907 г. большевики вошли в формальный политический блок на выборах в Думу с эсерами; в 1903—1912 гг. большевики по несколько раз бывали с меньшевиками формально в одной партии; в 1912 г. большевики заключили блок с меньшевиками-партийцами против августовского блока Троцкого; в годы первой мировой войны большевики заключили некоторый компромисс с «каутскианцами», левыми меньшевиками и частью эсеров; в дни октябрьского переворота большевики пошли на компромисс с «левыми эсерами» и т. д. и т. п. Более того, опираясь на практику революционной борьбы, В. И. Ленин подчеркивал *обязательность* искусного использования определенных старых форм, ибо нежелание или неумение достаточно гибко и своевременно их использовать может привести революционную партию к тяжелому поражению.

Известно, что партия в борьбе против троцкистов и «левых» коммунистов добилась заключения Брестского мира. Правда, условия Брестского мира были тяжелые, но в той обстановке он был единственной возможностью сохранить и упрочить Советскую власть. «Это, — писал В. И. Ленин, — был действительно компромисс с империалистами, но как раз такой и в такой обстановке, который был *обязателен*»².

Ясно, что без этой массы практических компромиссов проиграло бы дело пролетарской революции и выиграли бы ее враги.

Следовательно, соответствие формы содержанию нарушается не только тогда, когда форма изжила себя, и не только тогда, когда содержанию навязывается преждевременная форма, но и тогда, когда новое содержание *не подчиняет* себе, *не использует* определенных старых форм для своего развития. Поэтому пигилистическое отрицание прогрессивной роли определенных старых форм в развитии нового содержания ничего общего не имеет с марксистской диалектикой. Новое содержание *может и должно* использовать определенную старую форму, проникая в нее, изменяя ее природу, побеждая ее, подчиняя ее потребностям своего развития.

Стало быть, старую форму нельзя рассматривать как раз навсегда отвергнутую, неспособную в соответствующих условиях воплощать в себе новое содержание. Наша партия в своей деятельности исходила из того, что «всякая организационная форма

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 20.

² Там же, стр. 19.

и соответствующие методы работы могут с изменением объективных условий развития революции превратиться из форм развития партийной организации в оковы этого развития: и обратно, делавшаяся негодной организационная форма может снова стать необходимой и единственно целесообразной при возрождении соответствующих объективных условий»¹.

В объективной действительности старая форма сбрасывается новым содержанием не как самоцель, не ради «сбрасывания», а ради развития содержания. В зависимости от природы явлений и исторических условий их развития старая форма может быть сброшена, но использована в других условиях, могут быть сброшены одни аспекты, стороны или моменты формы, но другие сохранены и т. д. Все дело зависит от того, соответствует ли та или иная форма содержанию или нет. При этом прогрессивной может быть не только новая, но и определенная старая форма, если есть для этого соответствующие условия.

При рассмотрении современных условий развития общества, когда социализм вышел за рамки одного государства и стал мировой системой, когда силы социализма и демократии неизмеримо возросли, становится возможным использование и такой старой, традиционной формы, как парламент.

В условиях развития революции нашей страны парламент не мог быть революционной формой диктатуры пролетариата. Наш народ отверг парламент как реакционную форму политической власти. Советская форма была единственно верной, революционной формой диктатуры пролетариата у нас. Но это не значит, что парламентская форма является реакционной всегда, во всех странах, при всех условиях.

В. И. Ленин учил, что бороться надо не против парламентских форм, а за революционное, коммунистическое использование парламентских форм. «Критику — и самую резкую, беспощадную, непримиримую критику — следует направлять, — писал он, — не против парламентаризма или парламентской деятельности, а против тех вождей, которые не умеют — и еще более тех, кои *не хотят* — использовать парламентских выборов и парламентской трибуны по-революционному, по-коммунистически»².

Развивая дальше гениальные ленинские положения о диалектическом использовании старых форм для победы нового содержания, XX, XXI и XXII сесды КПСС указали, что в новых условиях в ряде капиталистических стран возможно прийти к социализму не путем уничтожения парламента, а путем коренного изменения его реакционного содержания. «Опираясь на большинство народа и давая решительный отпор оппортунистическим элементам, не способным отказаться от политики соглашательства с капиталистами и помещиками, рабочий класс имеет возможность нанести поражение реакционным, антинародным силам, завоевать прочное

¹ КПСС в резолюциях... ч. I, стр. 516, 1953.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 47.

большинство в парламенте, превратить его из орудия, служащего классовым интересам буржуазии, в орудие, служащее трудовому народу, развернуть внепарламентскую широкую массовую борьбу, сломить сопротивление реакционных сил и создать необходимые условия для мирного осуществления социалистической революции»¹.

Исключительно большой интерес представляет собой богатейший опыт КПСС по использованию старых экономических форм для победы социалистического и коммунистического строительства в нашей стране.

Завоевав политическую власть благодаря диалектическому использованию новых и старых форм борьбы, партия приступила к налаживанию хозяйственной жизни страны, к организации социалистического строительства.

Мы еще раз подчеркиваем, что строительство новой жизни, создание новых социалистических производственных отношений стало практически возможным лишь благодаря ликвидации старых производственных отношений. Собственно говоря, ни ликвидация старых производственных отношений без возникновения новых, ни возникновение новых без ликвидации старых невозможны. И то и другое есть одновременный процесс. Но мы обязаны также подчеркнуть, что сам этот процесс обусловлен кроме всего прочего и использованием таких старых экономических форм новым, социалистическим содержанием, как товарно-денежные отношения.

Наша партия вела беспощадную борьбу не только против защитников буржуазного строя — правых оппортунистов, но и против анархизирующих левацких элементов, которые отрицание капитализма социализмом понимали как полное уничтожение всего того, что создано эпохой капитализма. Партия разъясняла им, что в ходе революции нужно установить диктатуру пролетариата и, опираясь на нее, ликвидировать капиталистические производственные отношения, но сохранить средства производства, сохранить и приумножить производительные силы, сохранить все, что нужно диктатуре пролетариата. «Организационную форму работы, — писал В. И. Ленин, — мы не выдумываем, а берем готовой у капитализма, банки, синдикаты, лучшие фабрики, опытные станции, академии и прочее»². Без этого социализм невозможен.

В. И. Ленин учил, что для победы социализма нужно использовать и буржуазную интеллигенцию, служащих, офицерские кадры и т. д. «Недостаточно» убрать вон «капиталистов, надо (убрав вон негодных, безнадежных «сопротивленцев») поставить их *на новую государственную службу*. Это относится и к капиталистам и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.»³.

Вместе с тем жизнь полностью подтвердила марксистское поло-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 348—349.

² В. И. Ленин, т. 26, стр. 86.

³ Там же, стр. 85.

жение о том, что без длительного после взятия власти использования таких старых экономических категорий, как товар, деньги и т. д., невозможна победа социализма. В вопросе о товарно-денежных отношениях партия исходила из того, что ни в переходный период от капитализма к социализму, ни в период постепенного перехода от социализма к коммунизму нет ни объективных, ни субъективных условий для их ликвидации. Марксизм считает, что товар, деньги и т. д. исторически преходящи и при коммунизме отомрут. Однако для их отмирания и до их отмирания нужно длительное их диалектическое использование. В. И. Ленин говорил, что «еще до социалистической революции социалисты писали, что деньги отменить сразу нельзя, и мы своим опытом можем это подтвердить. Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги...»¹.

Существование товарно-денежных отношений при социализме вызвано объективными условиями, объективным состоянием общества и прежде всего состоянием производительных сил. Этим обусловлено и наличие двух форм собственности: государственной и колхозно-кооперативной. Пока существуют эти две формы собственности, определяемые уровнем производительных сил, экономическая связь между государственными предприятиями (промышленностью) и колхозами (сельским хозяйством), может быть осуществлена в форме обмена через куплю-продажу. «... Обмен продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты, такова экономическая *суть* социализма, его база»², — указывал В. И. Ленин.

Однако, говоря об исторической необходимости товарно-денежных отношений при социализме, партия в то же время подчеркивала их принципиальное отличие от товарно-денежных отношений в досоциалистических обществах. При социализме ликвидированы частная собственность на средства производства, система наемного труда, эксплуатация и т. д. А все это делает товар, деньги, банки и т. д. в социалистическом обществе качественно иными. В условиях социализма товарные отношения лишились всех тех черт, которые непосредственно обусловлены частной собственностью на средства производства. Так, ликвидированы анархия производства, рыночная стихия, отношения эксплуатации, конкурентная борьба, кризисы перепроизводства. Вместе с тем рабочая сила, земля, фабрики, заводы и т. д. перестали быть товарами. Таким образом, изменились социальное содержание, сфера действия, служебная роль, социально-экономические последствия товарных отношений.

Что касается денег при социализме, то их природа, содержание, функции также коренным образом изменились. В то время как в условиях капитализма деньги являются орудием стихийного

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 329.

² Там же, т. 32, стр. 300.

товарообмена, средством эксплуатации, присвоения чужого труда, превращаются в капитал, в социалистическом обществе они являются орудием социалистического строительства, используются для планового руководства народным хозяйством, для учета и контроля за производством и распределением. Всеми своими функциями (мера стоимости, средство обращения, средство платежа, средство социалистического накопления и сбережений и средство международных расчетов) деньги при социализме подчинены потребностям развития социалистического содержания, являются мощным экономическим рычагом нашего поступательного движения.

В условиях социализма сохраняются и продолжают развиваться на новой основе такие, например, черты товарно-денежных отношений, как обмен товарными эквивалентами. Он представляет собой объективную форму хозяйственных связей и происходит в форме движения товаров и денег между самими государственными предприятиями, между ними и колхозами, между ними и населением, между ними и государством, между населением и государством. Товар, стоимость, деньги, цена, хозрасчет и т. д. определяются новыми социалистическими производственными отношениями, являются необходимыми формами развития социалистической экономики.

Совершенно иное содержание при социализме имеют и банки. При капитализме они из «скромных посредников превращаются в монополистов денежного рынка». При социализме же они национализированы, являются государственными учреждениями. Основная их роль состоит в том, что они осуществляют мобилизацию временно свободных средств и их использование для кредитования, финансирования текущей деятельности социалистических предприятий и капиталовложений, т. е. для развития социалистического народного хозяйства.

КПСС в своей практической и теоретической деятельности использовала и использует старые формы для победы нового содержания и в других сферах общественной жизни (в литературе, искусстве, во внешних отношениях и т. д.). Однако вряд ли целесообразно подробно останавливаться на этом.

Из анализа опыта использования нашей партией старых форм непреложно вытекает, что использование старой формы новым содержанием нельзя понимать как примирение с ней.

Партия, используя старые формы борьбы, всегда сохраняла свою беззаветную преданность делу коммунизма, не прекращала самой беспощадной борьбы против своих противников. Надо соединить, писал В. И. Ленин, строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления и тому подобное, чтобы решительным наступлением разбить всех врагов и завоевать политическую власть, завоевать победу¹.

Следует подчеркнуть, что марксистское понимание вопроса об

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 75.

использовании старой формы новым содержанием глубоко принципиально отличается от его «левацкого» и правооппортунистического, ревизионистского понимания. В самом деле, возьмем к примеру компромиссы с различными врагами для укрепления и развития дела коммунизма, то правые оппортунисты шли и идут на компромиссы с капитализмом для сохранения капитализма, а «левые» отвергают компромиссы в принципе. КПСС сумела с успехом обеспечить победу социализма над капитализмом благодаря принципиальной, непримиримой борьбе против различных фальсификаторов марксизма. Большевизм, писал В. И. Ленин, вырос, окреп, закалился в борьбе против правого оппортунизма, с одной стороны, против смахивающей на анархизм мелкобуржуазной революционности — с другой.

Проводя политику соглашательства с буржуазией и подчинения рабочего движения интересам капитализма, правые оппортунисты признают только одни старые формы борьбы и в то же время отвергают новые. «Левые» в рабочем движении, напротив, метафизически отрицая использование определенных старых форм (использование компромиссов, парламентских форм и т. д.) новым содержанием, авантюристически выдвигают несоответствующие, преждевременные формы, тем самым мешая победе нового содержания. «Правое доктринерство, — писал В. И. Ленин, — уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене...»¹.

Это ленинское указание не утратило своей актуальности и сегодня. И современные правые оппортунисты, ревизионисты рассматривают старые формы (парламент, буржуазное избирательное право и т. д.) как единственно возможные, возводят их в абсолют, мирятся с ними, а не используют их в определенных благоприятных условиях для осуществления социалистических преобразований.

Таким образом, мы установили, что соответствие формы содержанию нарушается в двух случаях: когда, вместо того чтобы сбросить старую, уже изжившую себя форму, заменить ее новой, отстаивают, защищают ее, мирятся с ней (как это делают правые оппортунисты) и когда отвергают использование определенных старых форм для развития нового содержания (как это делают «левые»).

Но соответствие формы содержанию нарушается и тогда, когда необходимая старая форма, правда, не отвергается, используется

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 83.

новым содержанием, но используется непоследовательно, нерешительно, не в полную меру, определяемую потребностями развития нового содержания. В этом случае нет голого отрицания определенной старой формы и нет примирения с ней, а есть нечто «промежуточное», где имеют место элементы того и другого.

История рабочего движения дает немало фактов подобного рода. Достаточно указать на то, что бывшие руководители Венгерской Народной Республики, хотя в принципе не отвергали использования определенных старых форм для укрепления диктатуры рабочего класса, но использовали эти формы не в полную меру, нерешительно. А это привело к нарушению соответствия формы содержанию, что объективно лило воду на мельницу контрреволюции, поднявшей путч в 1956 г.

Этот вывод подтверждается и практикой использования товарно-денежных отношений в нашей стране. Повторяем: у нашей партии никогда не было никакой неясности в необходимости решительного и последовательного использования товарно-денежных отношений для победы коммунизма. Однако при практическом использовании этих отношений допускалась некоторая непоследовательность.

В чем это выражалось?

В нашей стране со времени утверждения колхозного строя и до последних лет существовала система обязательных поставок государству сельхозпродуктов. При этой системе колхозы и колхозники в обязательном порядке поставляли государству продукты по очень низким ценам. Эти цены не покрывали ни себестоимости, ни полной стоимости сельхозпродукции. Правда, после выполнения планов по обязательным поставкам колхозники продавали излишки по рыночным ценам, но это не меняло существа дела. Экономические отношения между городом и деревней носили непоследовательно товарный характер, особенно если учесть систему натуроплаты за работы МТС. *Товарный* характер переплетался с *натуральным*.

Все это означало *нарушение* принципа материальной заинтересованности колхозников, что и явилось одной из главных причин отставания сельского хозяйства.

Начиная с 1953 г., партия вскрывала, всесторонне изучала причины отставания сельского хозяйства и принимала необходимые практические меры для ликвидации этого отставания. Ныне пересмотрены цены на сельхозпродукцию, изменена система заготовок — вместо обязательных поставок введены плановые заготовки по новым, повышенным, единым и твердым ценам; реорганизованы МТС и т. д. В результате восстановлен принцип материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства колхозов. Все эти и другие меры партии ознаменовали собой новый этап в развитии сельскохозяйственного производства.

О чем же свидетельствует этот факт? О том же: непоследовательность в использовании необходимых старых форм нарушает соответствие формы содержанию, следовательно, тормозит развитие

нового содержания и, наоборот, последовательное, и решительное использование необходимых старых форм восстанавливает соответствие формы содержанию, следовательно, ускоряет развитие нового содержания. Крутой подъем сельского хозяйства у нас достигнут именно таким путем — путем более последовательного, более полного и правильного использования товарно-денежных отношений.

Таковы некоторые стороны вопроса об использовании старой формы новым содержанием.

Теперь остается выяснить еще одну, пожалуй недостаточно исследованную, сторону этого вопроса, а именно: чем обуславливается, чем вызывается использование старой формы новым содержанием?

Мы не претендуем на исчерпывающий ответ на этот вопрос, но хотим высказать ряд соображений, которые могли бы послужить основой для ответа на этот вопрос.

Использование старой формы новым содержанием обусловлено прежде всего *ведущей, решающей ролью самого содержания и потребностями его развития*. Основой возникновения новых и использования старых форм являются потребности развития самого содержания. Объективно новая форма возникает не из старой, а из диалектики содержания и формы, в которой содержание играет ведущую роль. Новая форма не возникает, а старая не сбрасывается, пока содержание не подготовило соответствующих объективных условий для этого. «Ни одна общественная формация, — писал Маркс, — не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества»¹. Следовательно, если новое содержание еще не породило новой, высшей формы, то оно в силу объективной необходимости воплощается в старой форме, подчиняет ее себе, использует ее для своего развития.

Вместе с тем мы уже знаем, что новая форма, хотя и соответствует состоянию нового содержания, но не абсолютно, а относительно. Следовательно, новое содержание в известной степени воплощается и в определенной старой форме, используя и подчиняя своим потребностям как новую, так и старую формы в их взаимодействии. Новое содержание может выражаться не в одной единственной форме, а в ряде форм, в зависимости от характера и условий развития самого содержания. Причем в определенных условиях та или иная форма нового содержания может быть господствующей. Господство той или иной формы не исключает, а предполагает использование остальных форм.

По мере развития товарного производства, например, возникли различные формы стоимости. На том или ином этапе развития товарного производства господствовала та или иная форма. Но

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 8.

разве господство той или иной формы абсолютно исключает старые формы? Нет, конечно! Последние могут иметь место там, где есть для них условия.

Известно, что первые шаги рабочего движения характеризовались экономической борьбой. Пока пролетариат был «классом в себе», не имел своей революционной теории, своей политической партии, экономическая борьба была господствующей формой классовой борьбы пролетариата. Но с дальнейшим развитием рабочего движения возникают новые формы классовой борьбы пролетариата: теоретическая и политическая. Решающая задача классовой борьбы пролетариата — завоевание власти может быть осуществлена путем политической борьбы. Марксизм признает классовую борьбу вполне зрелой, когда она охватывает политику, но и в политике он берет самое существенное: устройство государственной власти. Но разве политическая борьба абсолютно исключает, скажем, экономическую борьбу? Отнюдь нет! Нельзя думать, что только одним революционным путем можно решать все задачи, стоящие перед пролетариатом. Настоящие революционеры погибли, писал В. И. Ленин, если потеряют трезвость и вздумают, будто победоносная революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному¹.

Далее, одной из причин, объясняющих, почему новое содержание может и должно использовать определенные старые формы, является то, что одна и та же форма может воплощать в себе как одновременно, так и в разное время качественно различные явления. Это объясняется как потребностями развития содержания, его изменчивостью, подвижностью, так и относительной устойчивостью и самостоятельностью формы. При этом разные явления, выражающиеся в одной и той же внешней форме, отличаются друг от друга не этой формой, а своим содержанием. В подтверждение этого можно указать на следующий факт. С 1903 по 1912 г. большевики и меньшевики по несколько раз формально находились в одной партии. Их объединяла одна внешняя форма, точнее, момент внешности, в то время как содержание их работы было противоположно.

Видимость внешнего единства не должна заслонять качественного отличия по содержанию. В противном случае познание становится неистинным.

Таким образом, не только одно и то же содержание может выражаться в нескольких формах, но и одна и та же форма может воплощать качественно различные содержания.

Использование старой формы новым содержанием объясняется, далее, *действием закона отрицания отрицания*. Как мы уже показали, процесс развития происходит не прямолинейно, а по спирали, где высшая третья ступень возвращается якобы к исходной, первой ступени. Отрицание отрицания есть переход в новое третье явление.

¹ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 87.

ние, напоминающее *по форме* исходное первое явление, но качественно отличное от него по содержанию. Этот закон объединяет два отрицания в один определенный, законченный цикл развития, выражает прохождение движения через ряд последовательно вытекающих одна из другой стадий — от низшего к высшему. Первая и третья стадии совпадают *по форме*, что означает: новое содержание использует старую внешнюю форму. Так, К. Маркс показал, что превращение индивидуальной, карликовой собственности в общественно-концентрированную собственность немногих, экспроприация у широких народных масс средств производства является прологом истории капитала. Капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическая собственность в свою очередь подвергается второму отрицанию. Экспроприированные капиталом широкие массы экспроприируют капиталистов, снова приобретают собственность, но на более высокой базе. Эта собственность широких масс есть новая, общественная, социалистическая собственность, которая обогащена результатами всего хода развития¹. А вот еще пример: общественная форма собственности при первобытном строе, ее отрицание частной собственностью и снова общественная форма собственности, но при социализме, т. е. возврат к исходному на высшем уровне. Следовательно, новое высшее содержание воспроизводит старую форму, воплощается в нее, использует ее.

Развитие духовной жизни общества, научного познания в особенности, также происходит через отрицание отрицания. Научный метод познания, как было показано, по своей природе диалектичен: сначала мы имеем в представлении общую картину исследуемого предмета, но без знания его частных, без знания его многочисленных внутренних сторон, свойств и т. д. Затем мы с помощью анализа изучаем эти частности, после чего путем синтеза получаем тот же предмет, но отраженный в нашем сознании всесторонне, со всем богатством своих многочисленных определений. Таким образом, здесь также первая и третья стадии цикла познания совпадают по своей внешней форме. Высшая стадия подчиняет себе, использует исходную в снятом виде.

Действие закона отрицания отрицания включает в себя использование старой формы новым содержанием в двояком смысле: во-первых, в том смысле, что в развитии соблюдается преемственность, следовательно, положительные черты, в том числе и соответствующие формы старого, сохраняются в новом, используются им для своего развития; во-вторых, в том смысле, что третья стадия, возвращаясь якобы к старой, первой стадии процесса, по форме совпадает с ней или включает ее форму в себя, следовательно, использует ее.

Разумеется, рассмотренные выше причины — ведущая, решающая роль и потребности развития нового содержания, относитель-

¹ См.: К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 764—767.

ная самостоятельность и устойчивость формы, действие закона отрицания отрицания — обуславливающие использование старой формы новым содержанием являются таковыми лишь в определенных внутренних и внешних условиях развития нового содержания. Последнее воплощается во многообразии форм и использует определенные старые формы, как мы уже подчеркивали, потому, что этого требуют условия его развития.

Так, например, условия развития освободительного движения рабочего класса в различных странах неодинаковы. Различные условия требуют не навязывания единой формы всем странам, а многообразия форм борьбы. Все страны неизбежно придут к социализму, но придут разными путями, соответствующими условиям развития освободительного движения в разных странах. «При общности главных закономерностей социалистической революции, присущих всем странам, разнообразие исторически сложившихся национальных особенностей и традиций порождает специфические условия революционного процесса, разнообразие форм и темпов прихода пролетариата к власти»¹.

Внутренними условиями, определяющими собой разнообразие форм этого перехода, являются: уровень развития экономической и политической жизни, острота классовых противоречий, соотношение классовых сил, степень политической зрелости пролетариата, его сплоченность, вооруженность революционной теорией, наличие революционной партии и ее руководителей, наличие союзников пролетариата, степень организованности его противника, национальные традиции, учреждения, обычаи, нравы данного народа и т. д. и т. п. Эти внутренние условия различны в разных странах. Все страны отличаются друг от друга своими внутренними условиями развития. Вместе с тем внутренние условия перехода к социализму нельзя отрывать от внешних условий. Внешними условиями являются: соотношение классовых сил на международной арене, интернациональные связи пролетариата данной страны и т. д. Эти внешние условия в единстве с внутренними не могут не оказывать влияния как на формы, средства, пути перехода различных стран к социализму, так и на темпы, масштабы, глубину и продолжительность самого процесса.

Под многообразием форм перехода различных стран к социализму марксизм прежде всего подразумевает многообразие политических форм диктатуры пролетариата, которая является решающим и обязательным условием перехода всех стран к социализму. *Диктатура пролетариата* исторически неизбежна, необходима для ликвидации частной собственности, для подавления сопротивления свергнутых эксплуататоров и организации социалистического строительства, для переустройства всей общественной жизни на социалистических началах. Развитие вперед — к коммунизму, учил В. И. Ленин, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 349.

может, ибо выполнить эти задачи больше некому и иным путем нельзя¹. Но так как диктатура пролетариата не может быть экспортирована из одной страны в другую, а является продуктом закономерного хода развития каждой конкретной страны, то в зависимости от совокупности исторических условий развития различных стран разновидности и формы ее бывают различны. Переход от капитализма к социализму является сложным, богатым по своему содержанию и формам естественноисторическим революционным процессом, соответствующим *условиям* развития каждой отдельной страны. Этими условиями, в частности, объясняется тот факт, что наряду с советской формой государственной власти возникла форма народной демократии в Китае, Польше, Чехословакии, Болгарии и других странах.

Содержание как советской формы, так и народно-демократической одно и то же — диктатура пролетариата. «Как бы ни были разнообразны в период строительства социализма формы новой, народной, государственной власти, сущность их одна — **диктатура пролетариата**, представляющая собой подлинную демократию, демократию для трудящихся»². Народно-демократическая форма отличается от советской множеством черт, главные из которых следующие. Во-первых, народно-демократическая форма утвердилась в результате использования старых парламентских форм в тех странах, где существовал парламент. Во-вторых, эксплуататоры, за исключением военных преступников, избирательного права не лишались. С самого начала были введены прямые и равные выборы при тайном голосовании. В-третьих, существует многопартийность и коалиционный характер правительства. В-четвертых, существуют массовые политические организации народного фронта.

Чем обусловлено это отличие народно-демократической формы от советской? Разумеется, *условиями развития революции*. Решающая роль Советского Союза в разгроме агрессоров во второй мировой войне и освобождение европейских стран народной демократии от фашистского ига, освободительная борьба народов этих стран против национального и социального гнета, победа социализма в СССР и возможность использования опыта Советской страны, бескорыстная помощь СССР этим странам, защита Советским Союзом независимости этих стран, коренные изменения на международной арене в пользу социализма, последовательная борьба СССР и всех миролюбивых сил за мир и безопасность народов и т. д. — вот главные условия, определившие рождение и отличие новой формы и использование старых форм в народно-демократических странах. Эти условия с учетом национальных, специфических особенностей разных стран по-разному влияли на рождение народно-демократической формы, поэтому сама эта форма имеет свои оттенки в разных странах.

¹ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 433.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 350.

Таким образом, при рассмотрении вопроса об использовании старой формы новым содержанием нужно исходить из совокупности внутренних и внешних условий развития содержания.

Новое содержание использует определенные старые формы не для их увековечения, а для того, чтобы, используя все и всякие формы, проложить себе путь к окончательной победе над старым. «У нас, — писал В. И. Ленин, — есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за Советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и *должно* проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, — не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма»¹.

Диалектика использования старой формы новым содержанием придает тактике коммунистических и рабочих партий гибкость, действенность, творческий характер, облегчает их борьбу против правооппортунистических и левосектантских доктринеров за слияние всех социалистических и общедемократических сил в один мощный поток против империализма, помогают им использовать все и всяческие формы, средства, возможности для достижения полной и окончательной победы коммунизма.

Глава X

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТАРЫМ СОДЕРЖАНИЕМ НОВОЙ ФОРМЫ

Сложность диалектических взаимоотношений содержания и формы состоит еще в том, что не только старая форма в разных ее аспектах может быть использована новым содержанием, но и новая форма также в разных ее аспектах — старым содержанием. Это, конечно, лишнее подтверждение ведущей, решающей роли содержания — нового и старого — по отношению к форме.

Однако, как мы видели, новая, высшая, прогрессивная форма вызывается закономерно потребностями развития нового содержания. Она возникает как результат и вместе с тем как необходимое условие поступательного процесса. Стало быть, она возникает не для сохранения старого содержания, а для его переделки. Точнее, ее возникновение есть смена старого содержания новым.

Тем не менее в определенных явлениях и в соответствующих условиях старое, реакционное содержание в одном случае может

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 83.

само породить «по своему образу и подобию» новую¹ по времени, но реакционную по существу форму, отвечающую его задачам, а в другом — может проникнуть в новую, прогрессивную форму, переродить ее, изменить ее природу, подчинить себя, использовать ее в тех же реакционных целях. Причем в обоих случаях речь идет о *регрессе*, о методах, средствах, приемах и т. д. борьбы старого, реакционного против нового, прогрессивного.

Как в природе, так и в обществе развитие происходит не без регресса, не без «скачков назад», временных отливов, отступлений и т. д. Конечно, поступательное развитие, вопреки этим временным отливом, рано или поздно непременно пробивает себе дорогу во всех сферах действительности. Тем не менее оно включает в себя регресс.

Однако, говоря об этом, мы в то же время обязаны подчеркнуть своеобразие характера регресса в различных сферах. При конкретном анализе каждого случая регресса мы приходим к выводу, что в природе, например, вовсе необязательно, чтобы регресс осуществлялся путем использования новой формы старым содержанием. Поэтому здесь мы и не наблюдаем строго определенных фактов такого рода. Совершенно иначе обстоит дело в общественной жизни, в особенности в области классовой борьбы. Реакционные эксплуататорские классы создают, изобретают «новые» формы, способы и приемы борьбы, используют все что угодно для того, чтобы сохранить свое существование в борьбе с новыми прогрессивными общественными силами.

Мы являемся свидетелями множества самых разнообразных фактов, когда в политической сфере старое, реакционное содержание порождает «новую» реакционную форму и использует новую, высшую, прогрессивную форму для борьбы с новым, прогрессивным содержанием. И это объясняется законами классовой борьбы.

В первом случае борьба носит открытый характер. Так, например, отжившая свой век монополистическая буржуазия для борьбы с новыми, прогрессивными силами общества, представляющими коммунистическое начало во всем мире, создает многочисленные формы и средства — начиная с такой открыто террористической формы диктатуры буржуазии, как фашизм, и, кончая такими агрессивными блоками, как НАТО. «Главное идейно-политическое оружие империализма — **антикоммунизм**, основным содержанием которого является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма. Под фальшивыми лозунгами антикоммунизма империалистическая реакция преследует и травит все передовое и рево-

¹ Термин «новое», на наш взгляд, не тождествен с термином «прогрессивное». Не всякое «новое», т. е. вновь возникшее, есть прогрессивное, передовое. «Новым» может быть и вновь возникшее, но реакционное явление. Например, империализм, фашизм и т. д. Многочисленные течения называют себя «новыми», начинаются с «нео-», но носят реакционный характер: неогегельянство, неодавинизм, неокантианство, неомальтузианство и т. д. и т. п. Поэтому всегда нужно иметь в виду, какое содержание вкладывается в термин «новое».

люционное, старается расколоть ряды трудящихся, парализовать волю пролетариев к борьбе. Под этим черным знаменем объединились ныне все враги социального прогресса»...¹

В этом первом случае, как видим, враждебные классовые силы ведут борьбу против коммунизма, против прогресса открыто и прямо.

Гораздо сложнее обстоит дело во втором случае, когда то же реакционное содержание борется против коммунизма, прогресса не открыто, а завуалированно, проникая в прогрессивную форму и используя ее в своих целях.

Слов нет, в условиях существования антагонистических классов и их ожесточенной борьбы неизбежны обоюдные переходы (открыто или скрыто) представителей этих классов из одного лагеря в другой. Но здесь речь идет не об отдельных случаях и не о временных попутчиках, примазывающихся к большому общественному движению, а о проникновении идеологии буржуазии в рабочее движение, о социал-демократизме. Речь идет об использовании капитализмом рабочего движения, организаций и идей рабочего класса в своих интересах. На фактах такого рода необходимо остановиться несколько подробнее.

В истории освободительного движения нашей страны впервые попытались использовать идеологию рабочего класса для защиты основ капитализма «легальные марксисты». Рядившись в марксистские одежды, они вели борьбу против народничества с позиций либеральной буржуазии, пытались использовать эту борьбу и знамя марксизма для того, чтобы подчинить рабочее движение интересам либеральной буржуазии.

Лидеры «легальных марксистов» П. Струве, М. Туган-Барановский, Н. Бердяев, С. Булгаков и другие заявляли, что они признают учение Маркса, но хотят его дальше развивать, хотят, по выражению Булгакова, «внести в марксизм прививку кантовского критицизма, подвести под него гносеологический фундамент, придав критическую формулировку основным его социологическим и экономическим учениям». Иными словами, — внести идеалистическую струю в марксизм.

Отвергая все основные положения диалектического и исторического материализма, они проповедывали неокантианскую философию, восхваляли либеральную буржуазию, твердили о «вечности» и «незыблемости» капитализма, отрицали идею пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин в своих произведениях, в особенности в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» разоблачил антимарксистскую, либерально-буржуазную природу «легального марксизма», показал, что он является отражением марксизма в буржуазной литературе, а его представители — буржуазными демократами, «для которых разрыв с на-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 358.

родничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму... а к буржуазному либерализму»¹.

Жизнь полностью подтвердила верность ленинской оценки. Уже в революцию 1905 г. «легальные марксисты», сбросив с себя маску, выступали против марксизма, открыто защищали интересы контрреволюции, а позже — в период гражданской войны многие из них стали активными врагами Советской власти.

Такого же рода попыткой были организации «полицейского социализма» («зубатовщина», «гапоновщина» и т. д.). Цель этих полицейских организаций состояла в том, чтобы под маской сторонников социализма, «друзей» рабочего класса отвлечь рабочих от революции, поставить рабочее движение под контроль царской охранке.

Эти примеры показывают, как старое реакционное содержание пыталось проникнуть в идеологию и организацию рабочего класса, изменить их революционное содержание и использовать в своих интересах.

Однако если эти факты были лишь попыткой подчинения рабочего движения буржуазии, то этого нельзя сказать о социал-демократизме в рабочем движении и ревизионизме в коммунистическом движении. Правые социалисты являются важнейшей идейной и политической опорой буржуазии внутри рабочего движения. Они эклектически соединяют старые оппортунистические идеи с «новейшими» буржуазными теориями. Они окончательно порвали с марксизмом, противопоставляют научному социализму «демократический социализм», отрицают самый факт существования антагонистических классов и классовой борьбы, выступают против пролетарской революции и диктатуры пролетариата, защищают государственно-монополитический капитализм.

Оппортунизм всегда представлял собой главную опасность для рабочего движения потому, что выступает против идеологии рабочего класса — марксизма не с открытым забралом, а под флагом социализма, рядится в тогу революционеров, социалистов и подмывает единство рабочего класса, его революционную инициативу изнутри. Это в еще большей степени относится к современному социал-демократизму.

Мы уже показали, что правые социалисты упираются в одни старые формы борьбы и отвергают новые. Однако в целях защиты основ монополистического капитализма они не прочь использовать и новую форму. Так, например, захватив в 1917 г. большинство в Советах, эсеры и меньшевики добровольно отдали власть контрреволюционной буржуазии и обуржуазившимся помещикам. Сформировав же свое «социалистическое» правительство, они продолжали политику царя, политику грабежа, эксплуатации и империалистической войны, а после июльских событий окончательно превратили Советы в придаток реакции. Но Советы были рождены

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 81.

не для выполнения контрреволюционных функций. Они возникли еще в 1905 г., а затем в 1917-м, из потребностей борьбы и победы народа, как органы его революционной борьбы, как массовые, наиболее демократические, близкие, непосредственные революционные организации трудящихся. И вот в эту революционную форму эсеры и меньшевики влили (хотя и на короткое время) контрреволюционное содержание. Но эсеры и меньшевики не переставали себя считать марксистами и тогда, когда с оружием в руках воевали против Советской власти в период гражданской войны, и тогда, когда вместе с агентами американско-английского империализма — белогвардейцами и кадетами спровоцировали кронштадтский мятеж под лозунгом «Советы без коммунистов».

Что же касается ревизионизма, то он в современных условиях представляет главную опасность в коммунистическом движении. «Прикрывая свое отступничество от марксизма рассуждениями о необходимости учитывать новейшие условия развития общества и классовой борьбы, ревизионисты выполняют на деле роль разносчиков буржуазно-реформистской идеологии в коммунистическом движении. Они стремятся вытравить из марксизма-ленинизма его революционную душу, подорвать веру рабочего класса, трудового народа в социализм, разоружить и демобилизовать рабочих, трудящихся в их борьбе против империализма»¹.

Одним из проявлений сущности ревизионизма был так называемый «национал-коммунизм». Контрреволюция в Венгрии ясно показала, кому служил «национал-коммунизм». Имре Надь и другие предатели, стоявшие на позициях «национального коммунизма», пустив в ход антисоветский шовинизм, развязали руки реакции, а когда советские войска пришли на помощь венгерскому народу, Имре Надь потребовал их вывода, объявил об отказе от Варшавского договора и призвал империалистов США, Англии и Франции оказать военную помощь контрреволюции.

«Национальный коммунизм» был рассчитан на то, чтобы обмануть бдительность народных масс, разобщить социалистические страны, восстановить их друг против друга, разжечь межнациональную рознь, восстановить страны народной демократии против СССР, подорвать пролетарский интернационализм, подменив его буржуазным национализмом, расколоть международное коммунистическое движение, изолировав его отряды друг от друга и т. д. Но «национал-коммунизм» не оправдал надежд его изобретателей. Он оказался мертворожденным.

«Ревизионисты отрицают историческую необходимость социалистической революции и диктатуры пролетариата, руководящую роль марксистско-ленинской партии, подрывают основы пролетарского интернационализма, скатываются к национализму»².

Ревизионисты, впрочем, как и все оппортунисты, в конечном итоге отвергают диктатуру пролетариата, выдавая те или иные

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 350—351.

² Там же, стр. 351.

моменты, элементы, «кусочки» социализма, возникающие в недрах капитализма, за действительный социализм и делая отсюда вывод, что нет исторической необходимости в диктатуре пролетариата. Однако известно, что осуществленные правосоциалистическими правительствами в Англии, Франции и других странах «социалистические» меры в виде национализации тех или иных предприятий не привели к социализму и не могут привести, пока у власти находится буржуазия. «Диалектический процесс развития, — писал В. И. Ленин, — действительно всовывает еще в пределах капитализма элементы нового общества, и материальные и духовные элементы его. Но социалисты должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом *целое*, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительного перелома тем частичным штопанием»¹, которые ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала.

Порою даже благонамеренно поставленная высокая цель превращается в свою противоположность и дискредитируется, как только допускаются существенные ошибки или неправильные действия при ее выполнении. И в данном случае для дела совершенно безразлично «злонамеренно» или «благонамеренно» допущены эти ошибки. Бывает, конечно, что тот или иной руководитель, принимая определенное действие, искренне считает, что оно направлено на благо своего революционного класса. А на деле оно направляется против его интересов. И от такой «искренности» последствия этого действия ни в какой степени не изменяются. В революционную форму вливается реакционное содержание не только тогда, когда реакционная буржуазия, действуя через свою агентуру — оппортунизм, использует его в своих целях, но и тогда, когда пролетарские революционеры, а тем более тот или иной руководитель марксистско-ленинских партий, допускают существенные ошибки.

Политика есть отношения между классами. От ошибок одного класса выигрывает другой. Что «теряет» один класс, «приобретает» другой. Это — азбучная истина. Например, ошибки руководителей Венгерской Народной Республики помогли силам контрреволюции. Нет никакого сомнения, что венгерские руководители искренне преследовали цели, противоположные тем, которых достигли. Но от этого последствия их ошибок не изменились.

Мы вовсе не хотим сказать, что эти ошибки сделали содержание революционной деятельности венгерских коммунистов в целом реакционным. Но в то же время эти ошибки сами по себе означают, что объективно реакционный момент прорывается в революционное содержание, пусть даже не прямо, а косвенно, и в той степени, в какой тормозит развитие нового, мешает делу коммунизма, хотя при этом форма по-прежнему остается революционной.

Конечно, «история вообще, история революций в частности,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 342.

всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов»¹. Поэтому, для того чтобы не допускать существенных ошибок, революционный класс, его вожди должны овладеть *всеми формами* общественной деятельности и быть готовыми к самой быстрой и неожиданной замене одной формы другой.

Но дело не в том, чтобы вообще не допускать ошибок, а в том, чтобы *не допускать существенных* ошибок. В. И. Ленин всегда подчеркивал различие между существенными и несущественными ошибками. Смешивать ошибки нельзя. «Умен не тот, — писал В. И. Ленин, — кто не делает ошибок. Таких людей пет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные, и кто умеет легко и быстро исправлять их»². Вместе с тем В. И. Ленин учил, что «истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности»³.

Существенная ошибка руководителя трудящихся может причинить серьезный вред революционному содержанию, а порою в том или ином явлении при его революционной форме может сделать его содержание неревolutionным. Несущественная же ошибка не изменит революционного характера содержания и серьезно не помешает победе нового.

Таким образом, анализ убедительно показывает, что не только новое содержание может использовать старую форму, но и старое, реакционное, непрогрессивное содержание — новую, революционную форму. Однако эти взаимоотношения содержания и формы принципиально отличаются друг от друга. Если новое содержание использует старую форму для победы над старым и в конце концов добивается этой победы, то этого нельзя сказать об использовании старым содержанием новой формы. В единоборстве с новым содержанием старое, реакционное содержание рано или поздно терпит поражение, и новая, революционная форма наполняется новым революционным содержанием. Поэтому важной особенностью использования новой, высшей формы реакционным содержанием является то, что само это использование носит *кратковременный, преходящий* характер, поскольку новое прогрессивное содержание неодолимо одерживает верх над реакционным. Так, например, хотя эсеры и меньшевики в 1917 г. превратили Советы в придаток реакционного Временного правительства, влив в эту революционную форму контрреволюционное содержание, большевики вскоре изгнав их из Советов, в корне изменили содержание. Советы стали революционной формой революционного содержания диктатуры пролетариата. Это — красноречивое подтверждение жизненности, неодолимости нового революционного содержания, прокладываю-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 75.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, т. 7, стр. 380.

щего себе путь через все и всякие преграды, зигзаги, отступления и отклонения.

Из анализа взаимоотношений нового содержания и старой формы, старого содержания и новой формы непреложно напрашиваются следующие выводы:

1. Во взаимодействии внутренних аспектов содержания и формы содержание подчиняет себе старую, отжившую форму, использует ее с момента нарушения соответствия до тех пор, пока отжившая форма не заменена новой, пока не восстановлено соответствие. Особенность этого использования состоит, во-первых, в его относительной кратковременности, поскольку долго такое положение не продолжается, объективная диалектика особенно не «мешкает» со сбрасыванием старой формы и восстановлением соответствия и, во-вторых, такое использование является лишь моментом, в то время как использование старой формы новым содержанием имеет место главным образом во взаимодействии единства внутренних аспектов с внешними.

2. Использование старой формы новым содержанием во взаимодействии единства внутренних аспектов с внешними имеет следующие особенности:

а) при использовании новым содержанием старой формы — внешности содержание представляет собой единство внутренних аспектов содержания и формы. Последние существенны и составляют единое содержание внешности. Внешность необходима как способ его существования и проявления. Внешность может быть использована содержанием долго, и так долго, пока она не станет существенно мешать внутренней диалектике (например, определенные понятия);

б) при использовании новым содержанием старой формы — отдельного, единичного (формы стоимости, формы классовой борьбы и т. д.) каждая такая форма (единичное) представляет собой единство внутренних аспектов содержания и формы, выражающее общее (содержание);

в) при использовании новым содержанием старой формы — явления, выражающей другое явление, новое содержание представляет единство своих внутренних аспектов содержания и формы, а старая форма — также единство своих внутренних аспектов содержания и формы (например, использование пролетариатом временного компромисса со своим классовым врагом). Но оно может и в единстве старого явления победить его старое содержание, а его старую форму подчинить себе, использовать ее, превратив в момент своей формы (например, парламент как форма диктатуры пролетариата).

3. Во всех внутренних и внешних взаимодействиях содержания и формы новое содержание подчиняет старые формы, превращает их в орудия своей победы. Диалектика использования старой формы новым содержанием имеет огромное значение для познания и практики.

4. Использование новым содержанием старой формы (в раз-

личных ее аспектах, в зависимости от условий) так или иначе неизбежно для развития содержания, является *законом* развития, имеет всеобщий характер. Но этого нельзя сказать об использовании новой формы старым содержанием. Оно имеет следующие особенности:

а) оно не является всеобщим законом развития и не вызывается потребностями развития нового содержания. Собственно, поэтому оно не имеет всеобщего характера, а отмечается главным образом в сфере политических отношений;

б) при использовании новой формы старым содержанием содержание представляет собой единство внутренних аспектов содержания и формы и использует не новую форму — внутреннюю организацию другого явления, а новую форму — внешность, ее внешний момент («легальный марксизм», «национал-коммунизм» и т. д.). Как «легальный марксизм» имеет свои антимарксистские внутреннее содержание и внутреннюю форму, так и марксизм имеет свои революционные внутреннее содержание и внутреннюю форму. Поэтому ложно утверждение будто форма — внутренняя организация реакционного содержания может быть революционной. В эсеро-меньшевистских Советах реакционным было как содержание, так и форма — внутренняя организация и лишь внешность, внешний момент был революционным, который был призван прикрывать как контрреволюционное содержание, так и контрреволюционную внутреннюю форму. Нельзя забывать, что единство внутренних аспектов содержания и формы является сущностью явления, характеризующей его, и невозможно представить реакционное содержание деятельности эсеров и меньшевиков без соответствующей реакционной внутренней организации этой деятельности.

5. Необходимо всегда видеть, вскрывать за внешней формой внутреннее содержание; судить о руководителях не по их словам, а по их делам; повышать бдительность прогрессивных сил общества в отношении происков буржуазии и ее агентов; вовремя, принципиально и последовательно разоблачать влияние буржуазной идеологии, в какой бы форме она ни выступала, в какую бы маску ни рядилась; помнить всегда, что существенные ошибки руководителей марксистских партий есть помощь империалистическому врагу, есть его «верный» союзник, — вот основные требования, вытекающие из диалектического анализа этой стороны проблемы.

Таковы внутренние и внешние аспекты категорий содержания и формы, их диалектические связи и отношения в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Способ восхождения от абстрактного к конкретному применяется с целью воспроизведения предмета как сочетания многочисленных определений, как единства многообразного. И если до сих пор к исследованию категорий содержания и формы не применяли это-

го способа, то не потому, что он неприменим, а скорее потому, что мало обращали внимания на него, в результате чего диалектика этих категорий, как правило, сводилась «к сумме примеров».

В предпринятом нами исследовании способом восхождения мы опирались на логику «Капитала» Маркса, где он применяет этот способ в его всесторонне развернутой классической форме. Начав свой анализ из исходной абстракции — товара (стоимости), он генетически развивает все категории предмета, восходит ко все более и более конкретным категориям до тех пор, пока не достигает воспроизведения в мышлении конкретной картины капиталистического производства и обращения в целом.

Восхождение к конкретному в «Капитале» Маркса осуществляется как действие, проявление законов диалектики. Оно осуществляется путем разрешения противоречий, перехода количества в качество, отрицания отрицания.

В первой книге «Капитала» анализируется внутренний механизм капиталистического способа производства, как особый момент, во второй книге — процесс обращения капитала, также как особый момент. В третьей книге синтезируются эти два момента в высшем единстве — процесс движения капитала рассматривается как целое. Движение вперед включает в себе возвратное движение и завершается в третьей книге, где исследование синтезирует начало и конец в высшем единстве, возвращается к исходной точке на новой, высшей основе.

Применив способ восхождения от абстрактного к конкретному, к исследованию категорий содержания и формы, мы преследовали цель воспроизводить предмет исследования как единство многообразного, как диалектически расчлененное целое. В первой части работы анализируются явления непосредственно внутреннего взаимодействия, внутреннего механизма категорий содержания и формы. Это внутреннее их взаимодействие рассматривается в чистом виде, без анализа внешних связей и отношений. Восхождение осуществляется как генетическое развитие категорий, отражающих: ведущую роль содержания в развитии явлений природы, материальной и духовной жизни общества, диалектической логики; роль формы в развитии содержания; противоречивость внутреннего единства содержания и формы; их взаимопереход.

Однако восхождение не завершается воспроизведением непосредственного внутреннего механизма, взаимодействия этих категорий. Это взаимодействие имеет свои внешние стороны, связи, которые составляют предмет исследования второй части работы. Взаимодействие внутреннего единства содержания и формы с их внешними аспектами является продолжением восхождения, его новой высшей ступенью. Категории этого «отрезка пути» восхождения развиваются также генетически и отражают переход единства внутренних аспектов содержания и формы в категории внешности пространства, времени, движения и материи, общего и отдельного, материального и духовного и т. д.

Но и на этом восхождение к конкретному не завершается, поскольку как внутреннее взаимодействие этих категорий, так и их переход во внешние связи и отношения рассматриваются в чистом виде, как особые моменты. Оно находит свое завершение лишь в третьей части работы, которая как бы синтезирует первые две и в которой взаимоотношения содержания и формы рассматриваются в целом, как единство многообразного. Именно здесь конкретное выступает как диалектически расчлененное единое целое, раскрывшее свои многочисленные стороны и связи.

При этом мы пытались восхождение к конкретному осуществить на основе действия законов диалектики, путем разрешения противоречий, перехода количества в качество, отрицания отрицания. Поэтому исследование в третьей части синтезирует начало и конец в высшем единстве, возвращается к исходной точке на высшей основе.

Говоря о способе восхождения к конкретному в «Капитале» Маркса, В. И. Ленин писал: «Таков же должен быть метод изложения (resp. изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)»¹. В «Капитале» Маркса к одной науке применены логика, диалектика и теория познания. Логика познания, движения мысли получила свою всестороннюю разработку и глубочайшее выражение. Это бессмертное творение гения является образцом научного исследования. Поэтому если мы в своем исследовании пытались применить метод Маркса, то это было вызвано интересами научного исследования.

С другой стороны, исследование категорий содержания и формы способом восхождения вскрывает очень важную и существенную сторону диалектики: подвижность, взаимосвязь и взаимопереход всех категорий диалектики.

Исследование содержания и формы или любой другой пары категорий логики *в чистом виде* отнюдь не означает, что категории существуют изолированно друг от друга. Каждая категория есть ступенька, узловой пункт в познании лишь *в связи* с другими категориями и, напротив, вне этой связи она не является таковой. Категории, не находящиеся во взаимоотношениях друг с другом, не представляющие внутренне необходимой, взаимосвязанной диалектической системы, могут быть только мертвыми, раз навсегда данными, неподвижными абстракциями, ничего общего не имеющими с диалектическим процессом отражения.

Вообще никакая наука невозможна без системы понятий, категорий, без их взаимоотношения, взаимосвязи, взаимопереходов. «Каждое понятие, — писал В. И. Ленин, — находится в известном *отношении*, в известной связи со *всеми* остальными»². Более того, «не только (1) *связь*, и связь неразрывная, всех понятий и суждений, но (2) *переходы* одного в другое, и не только переходы, но и

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 359.

² Там же, стр. 188.

(3) *тождество противоположностей*»¹. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал всестороннюю, универсальную гибкость понятий, категорий, гибкость, доходящую до тождества противоположностей.

Категории логики отражают живую жизнь только благодаря тому, что они гибки, вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одна в другую, составляя внутренне-необходимую систему, где, как мы показали на анализе взаимосвязей содержания и формы с другими категориями, все они одновременно *тождественны и различны*. Такова их диалектическая природа.

Однако движение, развитие, взаимопереход категорий не есть чисто логическое самодвижение или самопознание понятия, как это утверждает Гегель, а есть отражение движения, развития объективного мира. Субъективная диалектика есть отражение объективной диалектики. Наше мышление и объективный мир, указывал Энгельс, подчинены одним и тем же законам и не могут противоречить друг другу в результатах, а должны согласоваться между собой. Отражение диалектики мира в категориях означает, что последние сами подчинены законам диалектики. При этом, разумеется, марксизм не отрицает относительной самостоятельности понятий, категорий. Положение Маркса о том, что идеальное есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней, включает в себя, предполагает относительную самостоятельность понятий, поскольку под «преобразованием» понимается *обобщенное* выражение действительности в понятиях и категориях, а не непосредственное выражение в чувственных образах.

Как известно, вопрос о субординации категорий логики впервые в развитой форме поставил Гегель. Ценность гегелевской постановки состоит в том, что он пытается этот вопрос решить в свете двух логических законов, сформулированных им же: восхождения от абстрактного к конкретному и единства исторического и логического — истории познания и логического развития понятий. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Видимо, Гегель берет свое саморазвитие понятий, категорий в связи со всей историей философии. Это дает еще *новую* сторону всей логики»².

Однако поскольку Гегель идеалист, вопрос о субординации категорий он решает идеалистически. Мистификация состоит в том, что у Гегеля логическое развитие категорий есть процесс создания самой объективной действительности, или восхождение от абстрактного к конкретному есть возникновение самого конкретного в жизни, а не логический закон познания. К тому же история познания, история философии в частности, выступает у него как проявление абсолютной идеи. Последняя существует вечно, до истории познания, заключает в себе готовую, но неразвернутую истину, истину «в себе» и «для себя», затем эта заранее данная, существующая до истории познания истина разворачивается, обнаруживает себя в истории философии. Более того, так как катего-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 168.

² Там же, стр. 103.

рии у него не являются отражением связей и отношений объективного мира, то и субординация категорий лишается объективного критерия. А это, как пишет Энгельс в письме к К. Шмидту, приводит к тому, что у Гегеля переходы от одной категории к другой или от одной противоположности к следующей почти всегда произвольны. Часто это происходит при помощи остроты, как например, положительное и отрицательное... — оба гибнут, чтобы Гегель мог перейти к категории основания»¹. Поэтому, несмотря на ряд положительных, ценных мыслей, гегелевская субординация категорий все же недостаточна, неудовлетворительна. Ее нельзя механически перенимать, нельзя ее брать как данное, она в таком виде не пригодна для применения к познанию. Но, с другой стороны, ее нельзя полностью отвергать. Ее положительные моменты следует удерживать, сохранить и развить, без чего нельзя создать научную субординацию категорий логики. Об этом тем более необходимо напомнить, так как есть еще авторы, которые полностью отвергают гегелевскую субординацию².

Поскольку гегелевская субординация не может быть принята марксистской философией без чистки мистики идей, то за последние годы вопрос о создании научной субординации категорий логики все чаще и чаще занимает внимание наших философов; его обсуждают на страницах философских журналов, в монографических исследованиях, в устной пропаганде и т. д. Некоторыми авторами уже сделаны попытки в той или иной форме его разрешить. Такой интерес к этому вопросу, разумеется, не случаен, он вызван его актуальностью.

В самом деле, из-за отсутствия научно разработанной системы категорий нет и строго обоснованного порядка изложения категорий и законов диалектики. Например, три закона диалектики до сих пор излагали в следующем порядке: единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, отрицание отрицания. Теперь программа курса диалектического материализма и соответствующие учебные пособия излагают эти законы в ином порядке: переход количества в качество, единство и борьба противоположностей, отрицание отрицания. Чем вызвано это изменение порядка? Вся аргументация сводится примерно к такому рассуждению: закон единства и борьбы противоположностей есть «ядро» диалектики, и, чтобы «добраться» до этого «ядра», нужно сначала изучать «внешнюю оболочку» — закон перехода количества в качество. Но, спрашивается, что можно понять в этом законе без понимания «ядра»? Как можно понять, например, скачок как разрешение противоречия между количеством и качеством, если мы не знаем, что такое противоречие? Ведь не случайно В. И. Ленин переход количества в качество рассматривает как «пример» этого «ядра».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 442.

² См., например: Р. Гропп «К вопросу о марксистской диалектической логике как системе категорий». «Вопросы философии», 1959, № 1.

Или возьмем порядок изложения некоторых парных категорий. В каком только порядке их не излагают! Впрочем, все это известно. Но ясно «камнем преткновения» и здесь является отсутствие научно обоснованной субординации категорий, а следовательно, и порядка их изложения.

С проблемой создания системы категорий связаны и такие вопросы, как вопрос о «парных» категориях, вопрос о соотношении законов и категорий диалектики и др. В литературе под «парными» категориями, например, нередко понимают лишь несколько пар категорий: такие, как «сущность и явление», «содержание и форма» и т. д. Не этим ли объясняется тот факт, что в монографиях под названием «Категории материалистической диалектики» излагается обычно несколько пар категорий. А разве не все философские категории являются парными? Поскольку как объективная действительность, так и ее познание есть диалектический, противоречивый процесс, т. е. процесс развивающийся в противоположностях, то это не может не отражаться в противоположных или «соотносительных» категориях. Следовательно, все категории диалектики являются парными, иначе они не могут отражать противоречивость процессов. Но в таком случае неправомерно под парными категориями понимать некоторые из них, и если пишется книга о *некоторых* парных категориях, то так и следует ее называть.

Итак, вопрос об установлении научно разработанной системы философских категорий, как видим, имеет важное значение, является жизненно необходимым.

А теперь посмотрим, как обстоит дело с этим вопросом в нашей науке, каковы те первые шаги, которые наметились в этом направлении, каковы те принципы, которые должны лечь в основу создания научной субординации категорий логики?

По мнению проф. М. М. Розенталя, для построения системы понятий, категорий, законов как конкретных наук, так и самой логики важное значение имеет закон отрицания отрицания. При этом М. М. Розенталь выдвигает следующие два принципа, которые должны лечь в основу построения системы категорий: во-первых, движение понятий от простого к сложному. Так как начало познания есть всегда нечто простое и непосредственное и лишь в последующем движении мысли протекает процесс опосредствования, обнаружения сущности, то правильной, очевидно, может быть система, построенная по принципу развития, перехода понятий от простых к сложным, от низших к высшим; во-вторых, движение понятий должно представлять собой единство противоположных направлений, движение от исходного пункта вперед и возвратного, «спиралевидного» приближения к началу¹.

Проф. Ф. И. Георгиев выдвигает следующие принципы, которые должны лечь в основу построения системы категорий: отрица-

¹ См.: М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики, стр. 162—166.

ние, развитие, единство исторического и логического, конкретного и абстрактного, связь теории и практики¹.

Проф. П. В. Копнин считает, что исходными пунктами построения субординации категорий логики должна служить взаимосвязь явлений объективной действительности; восхождение от простого к сложному, от массовидного, простого к более глубокому, сложному, от абстрактного к конкретному, единство исторического и логического. Сообразно с этими принципами он предлагает следующую систему категорий логики, состоящую из трех разделов.

В первый раздел входят категории, возникающие в связи с решением основного вопроса философии: материя, взаимосвязь, взаимодействие, движение, развитие, пространство и время, отражение, сознание, мышление.

Во второй раздел входят категории, отражающие наиболее общие законы объективного мира: целое и часть; единичное, особенное и общее; тождество и различие; причина и следствие; цель и средство; сущность и явление; форма и содержание; закон, необходимость и случайность; возможность и действительность; количество и качество; единство, противоречие и отрицание отрицания.

Третий раздел включает категории диалектики отражения, непосредственного процесса познания. Этот раздел — логическое продолжение первых двух, синтезирующих их. Он продолжает первый раздел, который заканчивается категорией мышления. В этот раздел входят категории: истина и практика; свобода и необходимость; эмпирическое и рациональное; анализ и синтез; логическое и историческое; абстрактное и конкретное; относительное и абсолютное; формы мышления (суждение, умозаключение, понятие, гипотеза, идея, теория, наука)².

Поскольку обсуждение вопроса продолжается, будут высказаны еще другие мнения³. Мы придерживаемся той точки зрения, что в основе построения субординации категорий логики должны лечь следующие два основных принципа: восхождение от абстрактного к конкретному и совпадение исторического и логического. Что же касается материалистического решения основного гносеологического вопроса, как принципа построения субординации, то для марк-

¹ См.: Ф. И. Георгиев. Категории материалистической диалектики, стр. 30.

² См.: П. В. Копнин. Категории как выражение элементов диалектики. «Вопросы диалектического материализма». М., Изд-во АН СССР, 1960; Е го же, О структуре курса диалектического материализма. «Философские науки», 1961, № 2.

³ Субординация категорий, данная В. П. Тугариновым в книге «Соотношение категорий диалектического материализма» (Л., 1956), не может быть признана, как справедливо отмечалось уже в литературе, удовлетворительной, поскольку она строится на чисто рассудочном делении объектов на предметы, свойства и отношения. При этом предмет отрывается от своих свойств и отношений; категории рассматриваются в чисто онтологическом плане, их методологический, гносеологический и логический аспекты не рассматриваются и, наконец, игнорируется восхождение от абстрактного к конкретному, единство исторического и логического (переход от одной группы категорий к другой не является диалектическим развитием).

систских философов оно является само собою разумеющимся и если о нем не упоминается или на него не указывается как на принцип построения системы категорий, то оно предполагается.

Однако, придерживаясь мнения о создании научной субординации категории логики на основе двух упомянутых принципов, нам хотелось бы высказать следующие соображения: во-первых, при этом нужно последовательно руководствоваться этими двумя принципами и не допускать отступлений от них; во-вторых, создание внутренне-взаимосвязанной системы категорий логики, по нашему глубокому убеждению, является лишь моментом их субординации, поскольку речь идет о системе категорий вне их приращения к исследованию.

Рассмотрим эти соображения.

Для создания системы категорий логики способом восхождения от абстрактного к конкретному необходимо прежде всего установить, определить исходный пункт восхождения, исходную абстракцию. Как мы уже говорили, исходная абстракция (категория) должна быть наиболее абстрактной, самой непосредственной, массовидной, клеточкой и т. д. Такой исходной абстракцией в политэкономии является простое, непосредственное бытие — товар. В диалектической логике, как указывает В. И. Ленин, исходной абстракцией также должно быть бытие. Однако не определенное бытие, а «чистое» бытие — бытие «без всякого дальнейшего определения».

Установив исходную абстракцию¹, мы должны исследовать ее черты, особенности, ее сущность и, что самое главное, противоречия, присущие ей. Мы особо подчеркиваем исследование противоречий потому, что без противоречия никакое восхождение к конкретному невозможно. В диалектической логике источником перехода от одной категории к другой может быть только *противоречие*, а сам переход — разрешение противоречия.

Между тем в приведенной нами схеме т. Копнина категория «противоречие» появляется лишь в конце второй группы категорий. При этом вопрос о том, каким образом и во имя чего совершается переход от одной категории к другой внутри первого раздела категорий и от первого раздела ко второму, остается открытым. Это и означает, что принцип восхождения от абстрактного к конкретному проводится непоследовательно, допускается отступление от него.

Чтобы избежать этого нужно исследовать противоречия исходной абстракции (в схеме т. Копнина «Материи»), а затем проследить, как развитие этого противоречия обеспечивает переход к

¹ В этой связи может возникнуть такой вопрос: и у идеалиста Гегеля в его «Логике» и у материалиста Маркса в его «Капитале» исходной абстракцией является непосредственное бытие. Это верно, но суть дела в том, как понимать «бытие». Идеализм Гегеля состоит не в том, что исходной абстракцией он считает бытие, а в том, что он мистифицирует объективную реальность самого бытия.

другим категориям. Так именно поступает Маркс в «Капитале» (а также Гегель в «Логике»). Анализ исходной абстракции — товара вскрывает все противоречия (зародыши всех противоречий) буржуазного общества, являющиеся вместе с тем источником восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому у Маркса переход от одной категории к другой есть разрешение противоречия, выражающее собою генетическое развитие новой категории, переход к новой категории, содержащей в себе предыдущую в снятом виде. Следовательно, если порядок изложения категорий, предложенный т. Копниным, принять за основу, то, на наш взгляд, нужно устранить этот недостаток.

Далее историческое и логическое совпадают в итоге, в общем и целом, а не в деталях. Это выражается в том, что исторически предшествующее в процессе развития в логике может превращаться в последующее. Иными словами, исторически предшествующее может существовать до логически предшествующего, поскольку логическое воспроизводит конкретный, а не абстрактный историзм, т. е. историю данного конкретного целого. Логика «Капитала» поучительна и в этом отношении. Как известно, земельная рента исторически появилась раньше капитала, но Маркс в своем исследовании ее рассматривает после капитала, поскольку она может быть понята из капитала, выведена из него, а не наоборот. Из этого следует, что невозможно субординацию категорий логики построить по принципу того, какая категория возникла исторически «раньше», а какая «позже» и ранее возникшие подчинить возникшим позже или вывести вообще из первых. К тому же суть дела в том, что само содержание категорий, независимо от того, когда они возникли, непрерывно изменяется на основе достижений познания и практики. В этом случае мы опять нарушили бы принципы единства исторического и логического и способа восхождения от абстрактного к конкретному, поскольку суть этих принципов как раз состоит в том, чтобы более конкретную, богатую содержанием категорию генетически развить из менее конкретной (абстрактной) категории с тем, чтобы воспроизвести нашу философскую науку как диалектически расчлененное единое целое, конкретное.

Эти замечания относятся к вопросу о создании системы категорий логики и порядка их изложения, изучения. В необходимости и актуальности создания такой системы и такого порядка у нас нет никакого сомнения. Невозможно переоценить значение этого для нашей философской науки, для ее последовательного и глубокого изучения.

Однако созданием такой системы, как бы последняя ни была необходима и к тому же совершенна, не исчерпывается вопрос о субординации категорий логики. Точнее, это лишь сторона, момент этого вопроса. В этом мы убеждаемся тотчас же, как только применяем категории к исследованию. Строго говоря, *субординация категорий возможна в движении, в действии, в их применении*

к познанию и невозможна вне этого. Пока мы будем иметь дело с изучением (познанием) философской науки, созданная система категорий будет иметь значение субординации. Но как только мы применим категории к исследованию, то установленная их субординация, система тотчас же нарушится, категории, вступая в различные связи и отношения, поменяются своими местами и ролями. Категория, подчинявшая себе другие категории, в иной связи сама подчинится другой категории или другим категориям. Образно говоря, «господство» и «подчинение» категорий логики непрерывно будут меняться местами, ролями. Категории логики, как уже говорилось, входят во взаимосвязи, взаимодействия и взаимных отношениях. В определенной связи та или иная категория выдвигается на первый план и для своего определения, выражения и выполнения своей функции как бы подчиняет себе другие. Например, когда мы говорим, что материя есть объективная реальность, существующая вне нашего сознания и данная нам в ощущениях, категория «материя» для своего определения, выражения подчиняет себе категории «сознание», «ощущение» и т. д. Но когда мы говорим, что истина есть верное, проверенное практикой отражение объективной реальности в нашем сознании, категория «истина» для своего выражения и определения подчиняет себе «отражение», «практику», «объективную реальность», «сознание» и т. д. И какой бы порядок изложения категорий мы ни приняли, он при этом *должен подвергаться неизбежной ломке*. Это еще в большей степени относится к исследованию тех или иных категорий, при котором исследуемым категориям для их исследования подчиняются многие другие категории.

Так, например, для того, чтобы исследовать категории содержания и формы, нам пришлось подчинить им, привести в действие все остальные категории логики, и сверх того множество категорий из различных естественных и общественных наук. Мы, разумеется, этим вовсе не хотим сказать, что безразлично, какое место содержание и форма занимают в системе или порядке расположения категорий логики. (Необходимость этого нами отмечена выше). Но мы хотим подчеркнуть и другое: каков бы ни был этот порядок, он должен быть подчинен предмету и задачам исследования. И попытка создать такую систему категорий, которая при всех условиях сохраняла бы свою «неприкосновенность», свою «незыблемость», не подчиняясь предмету и задачам исследования, означает попытку создать мертвую, никому не нужную схему. Никогда нельзя забывать о диалектической природе категорий, об их функциях и назначении как орудий познаний, исследования и практического преобразования действительности.

Восхождение от абстрактного к конкретному в любом исследовании, следовательно, и в логике есть процесс. Но поскольку это — временной процесс, то сразу, одновременно генетически выводить все категории восхождения в логике невозможно. Это можно делать только постепенно, последовательно, руководствуясь диалек-

тической природой познания — движением мысли от простого к сложному, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д.

С другой стороны, процесс восхождения не следует понимать, как некую заранее данную мертвую схему, по которой мысль должна осуществлять свое движение. Например, последовательность генетического выведения категорий нельзя понимать в том смысле, что сначала излагается одна категория изолированно от других, уже известных, а затем — другая, тоже изолированно и т. д. Рассмотрение категорий в чистом виде не есть абсолютная их изоляция друг от друга. Напротив, исследование одной категории в чистом виде возможно только с помощью других категорий. Иначе, ее исследование станет просто невозможным. Нельзя исследовать неизвестное с помощью неизвестного.

Вместе с тем важно учесть и следующее обстоятельство: практически исследователь приступает к изложению результатов своего исследования после того, как он закончил, завершил его. А что это значит? Это значит, что он, приступая к изложению исследования методом восхождения, уже имеет в своем распоряжении богатство логических средств, с помощью которых он излагает результаты, достигая своей цели. А цель — воспроизведение исследуемого предмета, как сложной диалектически расчлененной системы взаимосвязанных, вытекающих одна из другой категорий, связей и отношений. Этой цели должны быть подчинены и средства восхождения.

Самым сложным вопросом теории восхождения является вопрос об этапах восхождения. Но его не решить без подчинения одних категорий другим. Тот или иной этап восхождения, состоящий в исследовании, генетическом выведении взаимосвязанной системы категорий, подчиняет себе другие категории. При этом подчинение одних категорий другим, рассмотрение их в разных связях и отношениях является логическим законом восхождения.

Роль, место, назначение категорий меняются по мере перехода от одного этапа восхождения к другому, по мере движения мысли от абстрактного к конкретному. В одном случае данные категории выступают как **средство** исследования других категорий, в другом случае — как **предмет и цель** исследования. И то и другое вытекает из необходимости восхождения и служит его задачам. Мы это показали в предыдущих главах. Задачам исследования ведущей роли содержания подчинены — приведены в связь, в движение — другие категории, в том числе и такие, как «форма», «противоречие» и т. д. Но «форма», «противоречие», как и другие категории, приводятся в качестве орудий, средств познания категории «содержание», а не как предмет или цель исследования. Во второй главе «форма» уже из средства познания становится предметом, целью исследования. Задачам ее исследования подчиняются и «содержание», и «противоречие», и множество других категорий.

Анализ противоречия между содержанием и формой подчиняет

себе такие категории, как «содержание», «форма», «количество», «качество», «тождество», «различие» и множество других. И если до этого мы говорили об этом противоречии как о средстве исследования содержания и формы и их взаимодействия, то в третьей главе мы его рассматриваем как предмет и непосредственную цель исследования. Это относится и ко всем другим категориям, выражающим единство всех сторон проблемы.

Сложность процесса восхождения состоит в том, чтобы верно установить логическую последовательность категорий этапов, ибо никакое генетическое выведение, развитие категорий невозможно, если нарушается принцип последовательности. А для этого категории с неизбежностью должны меняться ролями и местами: то, что в данной связи, на данном этапе восхождения выступает как средство, орудие познания, — в другой связи, на другом этапе восхождения выступает как предмет и цель познания. Таким образом, весь путь восхождения состоит из взаимосвязи, взаимодействия и взаимопереходов категорий, которые в единстве воспроизводят предмет как сложную диалектически расчлененную систему.

Далее, поскольку категории логики — предельно общие категории и применяются к любой области знания, то в каждой конкретной области исследования, точнее, в каждом конкретном исследовании они должны подчиняться предмету исследования, ибо этот предмет имеет свою отличную, специфическую исходную абстракцию, свою специфику восхождения от абстрактного к конкретному и т. д. Иными словами, предмет исследования и специфика восхождения должны *подчинить* себе соответствующие категории для воспроизведения исследуемого предмета как диалектически расчлененного единого целого.

Обратимся еще раз к логике «Капитала». Маркс показал, что экономические категории у Рикардо находятся не в соподчинении, не в диалектических переходах, не в развитии, а в *координации*, существуют рядом, друг возле друга, поскольку Рикардо подводит все конкретные категории под всеобщий закон стоимости. У него из стоимости не развивается прибавочная стоимость, из последней — прибыль и т. д., а эти категории берутся в координации. Иными словами, поскольку Рикардо не развивает категории друг из друга, у него не может быть и речи о субординации. Метафизике, вообще говоря, чужда субординация категорий, ей присуща координация категорий.

На первый взгляд покажется, что поскольку у Рикардо под стоимость подводится все остальное, то стоимость подчиняет все остальные категории, следовательно, имеет место субординация. Однако это на первый взгляд. На деле это есть координация категорий, поскольку нет генетического развития категорий друг из друга, а категории без внутренней, необходимой связи ставятся друг возле друга, что и делает их неспособными адекватно, верно отражать действительные глубокие отношения и связи.

У Маркса же, наоборот, категории находятся в отношении су-

бординации, поскольку высшие категории генетически развиваются из низших. Высшая категория отрицает низшую диалектически, т. е. так, что «низшая» не отбрасывается полностью, а сберегается, сохраняется в высшем своим положительным содержанием. Например, прибавочная стоимость отрицает стоимость, но в то же время содержит ее в себе, поэтому прибавочная стоимость конкретна, а стоимость абстрактна; первая богаче, сложнее второй. Но прибавочная стоимость, в свою очередь, отрицается прибылью и в то же время сохраняется, сберегается в ней. Поэтому прибыль конкретна, прибавочная стоимость абстрактна и т. д. Восхождение от абстрактного к конкретному у Маркса, таким образом, есть диалектическое развитие категорий от низшего к высшему, от простого к сложному, есть развитие высших форм из низших, высших категорий из низших.

Следовательно, сам способ восхождения от абстрактного к конкретному *включает* в себя субординацию категорий, ибо высшие из них *подчиняют* себе низшие. Но характерно то, что Маркс для достижения цели исследования предмета приводит в движение, действие и подчиняет ему множество категорий логики, такие, как качество и количество, тождество и различие, противоречие и противоположность, сущность и явление, содержание и форма, внутреннее и внешнее, возможность и действительность и т. д.

Он предмету, задачам, цели своего исследования подчиняет категории диалектики и в той связи, в какой обеспечивается восхождение от абстрактного к конкретному в исследовании буржуазного общества как единого организма. «Применение материалистической диалектики,— писал В. И. Ленин,— к переработке всей политической экономии, с основания ее,— к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,— вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»¹.

Применение материалистической диалектики к логике — законам и формам мышления дает ключ к верному пониманию их природы, к уяснению их роли, места, значения в процессе познания, является методологическим началом, «ариадной нитью» постановки и решения еще нерешенных вопросов, связанных с исследованием философских категорий, вопроса об их субординации в частности.

Таким образом, из сказанного следует, что вопрос о субординации категорий логики имеет две стороны: первая сторона состоит в создании научно обоснованной системы категорий и законов для изложения и изучения диалектического материализма (при этом порядок расположения законов и категории диалектики должен находиться в полном соответствии с двумя принципами: восхождением от абстрактного к конкретному и совпадением исторического

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 503.

и логического); вторая сторона вопроса состоит в создании субординации категорий в процессе исследования как самых законов и категорий диалектики, так и специальных областей, исследуемых частными науками. Эти два аспекта вопроса, как видим, нельзя смешивать. И когда М. М. Розенталь пишет, что «главная трудность любой науки заключается не в том, чтобы осознать роль понятий в познании объективного мира, а в создании и разработке системы понятий, категорий, законов»¹, то мы под этим подразумеваем, главным образом, вторую сторону вопроса, а не первую, т. е. «главная трудность» состоит как раз в исследовании предмета с помощью или посредством категорий, находящихся в отношении субординации.

Таковы некоторые соображения по вопросу о субординации категорий.

Итак, категории содержания и формы вместе с другими категориями материалистической диалектики в их субординации, единой системе имеют: во-первых, онтологическое значение, поскольку являются отражением связей и отношений объективной действительности; во-вторых, методологическое значение, поскольку являются способом движения мысли от незнания к знанию, от менее глубокого знания к более глубокому; в-третьих, гносеологическое значение, поскольку являются ступеньками познания; в-четвертых, логическое значение, поскольку являются формами мышления. Установление единства диалектики, логики и теории познания в диалектическом материализме положило конец старому механическому делению философии на три изолированные друг от друга части: онтологию, гносеологию и логику, а также разрыву между теорией и методом, одно время имевшему у нас место.

¹ М. М. Розенталь. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. Госполитиздат, 1955, стр. 381.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
1. Совпадение истории возникновения и развития категорий содержания и формы с законами мышления	4
2. Восхождение от абстрактного к конкретному и исходный пункт в исследовании проблемы	22
Часть первая	
Взаимодействие внутренних аспектов содержания и формы	
Глава I. Содержание. Его ведущая роль во взаимодействии с формой	37
1. Ведущая роль содержания в развитии явлений природы	37
2. Ведущая роль содержания в развитии матери- альной жизни общества	71
3. Ведущая роль содержания в развитии духовной жизни общества	81
4. Ведущая роль содержания в диалектической логике	111
Глава II. Форма. Ее роль в развитии содержания	132
1. Двоякая роль формы в развитии содержания	134
2. Против двух крайностей в понимании роли фор- мы и попытки их примирения	155
Глава III. Противоречивость внутреннего единства содер- жания и формы	168
1. О генезисе противоречия между содержанием и формой	168
2. Противоречие между содержанием и формой, а не их единство — источник развития	178
3. Противоречие между содержанием и формой — основное противоречие явления	190
Глава IV. Взаимопереход внутренних аспектов содержания и формы	199

Часть вторая

Взаимодействие внутреннего единства содержания и формы с их внешними аспектами

Глава V. Переход единства внутренних аспектов содержания и формы во внешность явления	214
Глава VI. Пространство, время, движение — формы бытия материи	233
Глава VII. Отдельное как форма, выражающая отличное от себя содержание	240
1. Отдельное как способ проявления общего. Случайное как форма проявления необходимости	240
2. Форма как способ выражения одного явления другим	244
Глава VIII. Материальное — содержание духовного . .	251

Часть третья

Взаимодействие содержания и формы, взятое в целом

Глава IX. Использование новым содержанием старой формы	271
Глава X. Использование старым содержанием новой формы	289
Заключение	297

МИНАСЯН Артавазд Михайлович

КАТЕГОРИИ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

Ответственный редактор доц. М. М. Карпов

Редактор А. Б. Паламарчук

Технический редактор М. И. Павличенко

Корректоры П. С. Богуславская и С. И. Асланьян

Изд. № 25/199. Сдано в набор 5-VI 1962 г. Подписано к печати 6-VII 1962 г. Формат 60 x 92/16. Объем 19,5 п. л., 22,13 уч.-изд. л. ПК 24175. Тираж 3000.

Издательство Ростовского университета, Энгельса, 105

Типография им. Калинина Облполиграфиздата Управления культуры в г. Ростове-на-Дону.

Заказ № 138. Цена 1 руб. 15 коп.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

в книге «Категории содержания и формы»

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
60	21 св.	последний продол- жали	последний продолжал
90	7 сн.	заблудшиеся	заблудившиеся
91	19 св.	не понимая того	не понимавших того
272	14 сн.	ко всем новым и новым	ко все новым и новым